

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

3

2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 12 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.03.2024
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, А.А. Осеев,
В.Н. Петров, Н.Л. Полякова,
А.Б. Рахманов, А.Б. Синельников,
Н.Г. Скворцов, Ж.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г.</i> «Воры в законе»: вопросы социологии и права. Часть 1.....	5
--	---

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Кравченко А.И.</i> Социально-экономическая организация хозяйства В.А. Косинского.....	16
--	----

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Журавлева И.А.</i> «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях.....	35
<i>Маслодудова Н.В.</i> Понимание молодежью «дружбы» в социальных сетях.....	44
<i>Трескин П.А.</i> Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей.....	52
<i>Хохлова О.М., Дмитриева Л.Ю.</i> Ценностные основы консолидации современного российского общества.....	60

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Банникова Д.Л.</i> Самозанятые работники, как особая социальная группа в современном российском обществе.....	69
<i>Перепёлкин Л.А.</i> Сфера цифрового производства, как пространство самозащиты современного капитализма.....	77
<i>Сушко В.А.</i> Механизмы государственного регулирования социального неравенства и бедности.....	85

<i>Тринадцатко А.А.</i> Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции.....	101
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Белозеров А.В., Спасский Е.Н.</i> Влияние социальной рекламы на ценности российского общества.....	112
<i>Потемкин В.К., Вельмисова Д.В., Потемкин М.С.</i> Формирование человеческого потенциала в контексте социальных бифуркаций.....	120
<i>Кифичак Т.Ю.</i> Современное состояние социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих: основные направления и пути оптимизации.....	128
<i>Костерин А.А., Барановский М.В.</i> Социальное прогнозирование как элемент военно-институционального управления.....	136
<i>Самольянов О.А.</i> Разработка модели уровней зрелости руководителей в контексте смыслоцентричного подхода к управлению.....	141
<i>Сарбаа Л.Н.</i> Аспекты репутационного капитала образовательной организации среднего профессионального образования.....	148

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Вашкевич Н.Н.</i> Проблемные аспекты взаимодействия и взаимобмена между участниками педагогического процесса.....	155
<i>Мяо Цзин.</i> Конструирование современного социокультурного пространства Китая.....	161
<i>Тихонова С.В.</i> Особенности формирования мировоззрения российской молодежи XXI века.....	170

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Габдуллин И.Р., Щеглова М.И.
 Переосмысление понятий
 «предрассудок» и «суеверие»
 в средневековом историко-
 философском контексте 176

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Рахимова М.В. Страх как
 экзистенциальный стимул развития
 повседневной театральности:
 философско-антропологический
 анализ 184

Шарова М.А. Судьбы русской
 философии середины XIX века:
 прерванный полет 193

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Скобелева Г.А. Полифонический
 метод Г. Генделя в художественно-
 эстетическом и религиозном
 контекстах начала XVIII в. 201

Бусов С.В. Подходы к философской
 формулировке общезначимого
 социального идеала свободы
 и ответственности 211

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Захаров А.Д. Социально-философское
 исследование проявления идеологии
 антигуманизма с позиции теории
 психоанализа 219

Кидямкин А.А. Концептуальное
 структурирование идей социально-
 философского знания о феномене
 традиции строительства храмов
 на территории Руси-России 226

Ковалев В.А. Формирование
 модели вхождения иностранных
 курсантов в среду военных вузов
 России на основании теорий
 транскulturализма и сегментной
 ассимиляции 233

Орлова О.Н. Социально-философские
 основания трансформации
 пространства города 242

Самохина Н.Н. Концептуальная модель
 безопасной среды в информационном
 пространстве: социально-философский
 анализ 251

Сироткин А.В. Социально-
 философский анализ феномена
 фриланса: правовые аспекты ведения
 деятельности 260

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Троицкая Т.С., Несынова Ю.В.,
 Солодовник Е.В., Неймышев А.В.,
 Пухир В.М.* Девиантное поведение
 молодежи, как показатель актуальных
 проблем современного общества
 (на примере выпускников школ) 266

Валитова Н.Э. Цифровые технологии
 как важнейший агент в процессе
 социализации молодёжи 274

«Воры в законе»: вопросы социологии и права. Часть 1

Китаев Николай Николаевич,

к.ю.н., доцент, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

Статья раскрывает особенности криминального общественного развития, опирается на термин «воры в законе» как определение фиксирующее социально-сертификационное явление в закрытом сообществе и воздействующее не только на преступную среду, но и на повседневное пространство обычных граждан.

Ключевые слова: воры в законе, социология права, преступление.

Преступный мир, как устойчивая общность людей, всегда несёт в себе элементы прошлого, имеет свою историю и обладает внутренней логикой развития. Исследователи издавна отмечают, что преступники в различных государствах, находясь на свободе или в пенитенциарных учреждениях, оберегают в своей среде базовую систему искажённых ценностных ориентиров, созданную многолетним опытом противоправной деятельности [5, 12, 39]. Поэтому успех борьбы с профессиональной преступностью во многом зависит от знания её среды и традиций [37]. Эта проблема в полной мере стояла перед российскими правоохранительными органами ещё столетие назад [39].

Отношение к преступности, праву и тем, кто стоит на страже закона соответствует социально-историческим реалиям общественного развития и может быть характеристикой социальных трансформаций и общественных перипетий [30, 31, 35]. Оно позволяет расставить акценты на работе легитимных структур правопорядка и теневых, а также выявить социальные перекосы и стагнирующие моменты общественной системы.

Как справедливо указывает А.Н. Варыгин, анализ уголовно-правовых характеристик личности преступников в России за двадцатилетний период (2002–2022) демонстрирует существенное увеличение среди преступников рецидивистов (лиц, ранее совершавших преступления) – с 24,4 до 59,1%. При этом выявлена тенденция, заключающаяся в уменьшении среди рецидивистов лиц, ранее судимых (с 85,3 до 52,1%), что показывает: почти половина преступников (47,9%) избежали наказания (уголовные дела в отношении них были прекращены по нереабилитирующим основаниям или же вообще было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении них) [10].

При таком положении вещей организованные и профессиональные пре-

ступники, использующие изощренные способы совершения и сокрытия преступлений, зачастую уходят от ответственности [15]. Криминальные лидеры создают свои сообщества, разделяют сферы преступного влияния и доходов, осуществляют общее руководство совершением преступлений [32, 43].

В России многие десятилетия существует такая категория преступных лидеров, как «воры в законе» («воры», «законники») – преступники, пользующиеся особым авторитетом и особыми правами в криминальной среде [22, 23, 34].

«Воры в законе» являются, как правило, рецидивистами, принятыми «сходкой» авторитетов в свой круг, а сам «закон» трактуется специалистами, как совокупность обычаев, нравов, традиций уголовно-преступной среды, соблюдение которых является обязательным для всех членов группировки [9].

«Воры в законе» подготавливают преступления и руководят их совершением, активно пополняют свои ряды и формируют новые преступные кадры, решают спорные вопросы, выступая в роли третейских судей, организуют финансирование преступной среды, отвечают за порядок в тюрьмах и колониях, регулируют отношения с другими преступными группами, защищая интересы тех, кто находится под их влиянием [3]. Авторитет «вора в законе» основан на реальной поддержке со стороны участников преступного сообщества, как высших статусных, так и рядовых, а сам статусный криминальный иерарх существует и укрепляет свои позиции вследствие значительной прибыльности деятельности, осуществляемой преступным сообществом [1].

Ещё в 1956 году МВД СССР создало экспериментальную колонию (ИТК-6) в г. Соликамске, получившую прозвище «Белый лебедь», в которой содержались только «воры в законе». Незадолго до распада Советского Союза приказом министра МВД СССР А.В. Власова аналогичные колонии были созданы еще в 7 управлениях ГУЛПУ.

В «эпоху Перестройки», объявленной Президентом СССР М.С. Горба-

чёвым, был издан приказ МВД СССР № 70 «О состоянии и мерах усиления борьбы с рецидивной преступностью», в котором указывалось, что в 1985 году на 95% по сравнению с 1977 годом выросло количество преступлений, совершенных особо опасными рецидивистами¹. В том же 1985 году издан Приказ Министра МВД СССР «О состоянии и мерах по усилению борьбы с опасными проявлениями групповой преступности»². В этом закрытом документе отмечался резкий рост числа групповых преступлений, характеризующихся глубокой конспирацией, внутригрупповой дисциплиной соучастников, изощренностью в совершении и сокрытии деяний. В Приказе МВД СССР указывается на случаи сращивания преступных групп с крупными расхитителями социалистической собственности, активизация «воров в законе» и других преступных авторитетов. Данный документ прямо подтверждал факты существования общих воровских касс «общаков», мест нелегальных сборов криминалитета («сходок»), а также участвовавшие случаи установления преступных контактов между работниками МВД и «ворами», в результате чего происходили проникновения в агентурный аппарат и получение документов прикryтия – справки об инвалидности и психических заболеваниях.

Небезынтересно, что в 1966 году малоизвестный Вячеслав Иванов, 1940 года рождения, задержанный за попытку совершения карманной кражи и сопротивление работникам милиции, находился на стационарной судебно-психиатрической экспертизе (с 5 апреля по 18 июля), получив заключение комиссии психиатров: «Страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении, невменяем в отношении инкриминируемого ему деяния, нуждается в направлении на принудительное

¹ Приказ МВД СССР № 70 от 21 февраля 1985 г.

² Приказ Министра МВД СССР № 0033 20 ноября 1985 г. «Об объявлении решения Коллегии МВД СССР от 30 сентября 1985 г. – Ссылка дана по монографии Глonti Г. и Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004. С. 38–39. – прим. авт.

лечение». В 1974 году Иванов получил 2-ю группу инвалидности по психическому заболеванию (бессрочно). Однако в том же 1974 году он был арестован за драку в ресторане, у него изъяли поддельные паспорт и водительское удостоверение. С 05 июня по 13 августа 1974 г. Иванов находился на стационарной судебно-психиатрической экспертизе в Институте им. В.П. Сербского, где комиссия заключила, что Иванов является симулянтом и психическим заболеванием не страдает. Он был осужден за использование поддельных документов. В период следствия находился в Бутырской тюрьме, где получил титул «вора в законе» и стал впоследствии известен под кличкой «Япончик» [33]. В период с 15 июля 1977 г. по 03 октября 1978 г. Иванов-Япончик находился в специальной психиатрической больнице УВД Смоленского облисполкома. Выписан после повторной экспертизы, признавшей его полностью здоровым.

Г. Глonti и Г. Лобжанидзе в своей монографии сообщают, что с целью общения информации о криминальных авторитетах, МВД СССР распространило среди сотрудников милиции секретную справку от 12 октября 1985 г. № 324 «Об особенностях преступной деятельности лиц из числа «воров в законе» и рекомендации по усилению борьбы с этой категорией уголовного элемента для практического использования». В данной справке «впервые на уровне центральной власти СССР была предпринята попытка дать исторический и криминологический анализ института «воров в законе» и наметить пути по борьбе с этим явлением» [13].

В 2009 г. в ст. 210 УК РФ ввели часть, предусматривающую уголовную ответственность лиц, занимающих «высшее положение в преступной иерархии». С введением в действие Федерального закона от 01 апреля 2019 г. № 46 ФЗ в УК РФ появилась ст. 210–1, которая позволяет привлекать к уголовной ответственности лицо лишь по факту занятия высшего положения в преступной иерархии (а не вследствие организуемых и совершаемых им иных преступных дея-

ний), только по факту обладания лицом криминальным высокопоставленным статусом. Это – единственная статья, в которой не были прописаны в соответствии с традиционным римским правом конкретные составы преступлений, нарушенные подозреваемым (обвиняемым). Состав преступления здесь считается формальным: преступление окончено с момента совершения вышеуказанных действий (без наступления каких-либо преступных последствий).

В качестве объекта доказывания криминальной сущности содержания статуса «вора в законе» достаточно отразить в процессуальных документах одну из таких его управленческих функций: «законодательную» (участие в «воровских сходках»); «распорядительную» (подбор управленческих кадров из числа уголовных авторитетов в зоне своей ответственности для наделения их титулом «положенцев» и назначения на криминальные должности); «судебную» (организация и проведение «воровских судов»); «финансовую» (сбор и оборот денежных средств криминальных касс, так называемых – «общаков»); «пропагандистскую» (пропаганда преступного образа жизни) [42].

Вторым по значимости лицом в преступной иерархии является «положенец», который может принимать участие в «сходках», организуемых «ворами в законе», но не имеет на них права голоса в принятии решений. Остальные управленческие функции «положенца» подобны функциям «вора в законе», находящегося на криминальных должностях: «смотрящего» по субъекту РФ, «смотрящего» за всеми местами лишения свободы в субъекте РФ, «смотрящего» за определённым городом (административным или финансово-экономическим центром) или за местом лишения свободы [42].

Объективная сторона преступлений, вменяемых «положенцу» и «вору в законе» носит формальный характер, исходя из анализа содержания их управленческих функций. Она определяется действиями, направленными на поддержание статуса «вора в законе» или

на приобретение такого статуса, если речь идёт о «положенце» [36].

Показательно изучение «послужного списка» криминальных лидеров старой формации.

Так, Джем (Е. Васин) свою первую судимость получил в 14 лет за злостное хулиганство, а всего был судим шесть раз (1966–1983), преступления совершал в группе лиц, в нетрезвом состоянии³. Он проживал в г. Комсомольск-на-Амуре и контролировал регион, сравнимый по площади с федеральным округом. Финал деятельности этого «вора в законе» наступил, когда в вечернее время было демонстративно подожжено кафе «Чародейка», где находились девочки-старшеклассницы, отчего 8 подростков погибли и ещё 20 человек получили ожоги. Задержанные исполнители преступления дали показания о руководящей роли Джема-Васина в данном деянии. После заключения под стражу Джем скончался в следственном изоляторе, не дожив до суда [24].

«Вор в законе» В. Иванов (Япончик), о котором имеется немало противоречащих публикаций, был осужден за групповые разбойные нападения и иные преступления, совершенные в Московской области (1980–1981). Большую часть из назначенного судом наказания (14 лет лишения свободы) Иванов провёл в тюрьме г. Тулуна Иркутской области, где продолжал совершать преступления.

Так, Тулунским городским судом Иванов-Япончик был осужден 05 ноября 1986 г. за причинение лёгких телесных повреждений должностному лицу – работнику режимной части лейтенанту К⁴. Тем же судом Япончик осужден 11 апреля 1988 г. по ст. 110 УК РСФСР за нанесение тяжкого телесного повреждения осужденному Г. (удар острием ножиц в спину потерпевшего)⁵.

³ Архив Ленинского районного суда г. Комсомольск-на-Амуре. 1983. Уголовное дело № 1–138/83.

⁴ Архив Тулунского городского суда Иркутской области, 1986. Уголовное дело № 1–540.

⁵ Характерно, что приговор Тулунского суда о причинении Ивановым телесного повреждения

И. Барановский отметил, что за первые 10 лет отбывания наказания Япончик-Иванков совершил более 60 (шестидесяти) грубых нарушений, что зафиксировано в двухтомном личном деле названного осужденного. Однако, как сообщает журналист И. Барановский, «...народные депутаты, артисты, правозащитники неустанно извещали российское правосудие...о глубоком раскаянии, посетившем в Тулуне закоренелого рецидивиста...Заместитель председателя Верховного Суда Меркушев не долго сопротивлялся напору извне, в 1991 г. он принял решение освободить Вячеслава Кирилловича Иванкова из мест заключения» [4].

В 1992 г. Иванов-Япончик уехал в США, где за организацию фиктивного брака и вымогательство 3,5 млн долларов у двух российских эмигрантов-бизнесменов был осужден к 9 годам 7 месяцам лишения свободы. Разработку приездного рецидивиста вело ФБР, результаты прослушивания телефонных разговоров Иванкова с потерпевшими и иными контактёрами суд счёл убедительными уликами его вины [14, 45].

Журналист А.Г. Тарабрин утверждает: «Как о главе русской мафии об Иванкове писали многие издания. Но, пожалуй, наиболее полную картину представляла в «Известиях» статья журналиста Вадима Белых «Империя Япончика». Этой газетной публикацией, можно сказать, специально легализовался оперативный материал МВД для коллег из ФБР» [38].

Анализ статьи В. Белых показывает, что автор просто сделал «сенсационный» материал, соединив в нем взаимоисключающие слухи, и не потрудившись тщательно выправить текст (даже город «Тулун», где Япончик отбывал наказание, у В. Белых называется «Тулун») [7]. Несостоятельно утверждение ряда авторов и о том, что Иванов-Япончик был активным членом банды Монгола

осужденному Гребенцу относится к периоду, когда Иванов содержался в ИТК иного региона России (Магаданской области), и это дело было рассмотрено без участия потерпевшего и свидетелей. – Прим. авт.

(Г. Карьков), похищавшей под видом сотрудников милиции богатых граждан и пытками добывавшихся от потерпевших выдачи накопленных богатств [33]. На самом деле Иванов-Япончик вообще не проходил в качестве обвиняемого по преступной группе Карькова-Монгола, отчего в период осуждения данных налётчиков нигде не упоминался в СМИ [17].

Известный журналист Ю. Щекочихин заявлял, что «вором в законе» Япончика окрестил Монгол – «вор еще с дореволюционным стажем» [44]. Однако криминальный авторитет «Монгол» (Карьков Геннадий Александрович) родился после революции в 1930 году, никогда не был осужден за бандитизм (ст. 77 УК РСФСР). Журналист И. Панков утверждал, что уехавший в США Иванов-Япончик «установил связи с колумбийскими наркосиндикатами. Итальянская каморра признала его как крупнейшего теневого лидера русской эмигрантской общины и... даже уступила 0,2 процента доходов от игорного бизнеса в Лас-Вегасе (десятки миллионов долларов в год)» [27]. Эти фантастические утверждения не получили подтверждения при расследовании факта вымогательства, совершенного Ивановым в США. Изучение текстов судебных приговоров в отношении Иванькова-Япончика показывает нам, что преступления, совершенные этим лидером «славянских воров», – примитивные и простые, а их «изошренность» и загадочность просто придумана разными авторами [21].

Показателен тот факт, что Япончик по запросу Генеральной прокуратуры РФ был экстрадирован из США в Россию, где ему предъявили обвинение в убийстве двух граждан Турции (1992) в одном из столичных ресторанов. Но в судебном процессе главный свидетель-очевидец заявил, что не узнает в Иванькове-Япончике человека, стрелявшего в турок [18, 19].

20 июля 2005 г. Московский городской суд оправдал Иванькова, освободив его из-под стражи в зале суда [11]. Верховный Суд России оставил приговор в силе, а Президиум Верховного Суда

РФ оставил без удовлетворения надзорное представление Генеральной прокуратуры РФ, просившей отменить оправдательный приговор и направить дело на новое рассмотрение [41].

Владимир Тюрин, 1958 г. рождения (клички – Тюрник, Тюря, Киномеханик) был осужден впервые в несовершеннолетнем возрасте 01 ноября 1974 г. за соучастие в групповом изнасиловании⁶. Позднее ещё дважды осуждался к лишению свободы (соучастие в квартирной краже, злостное хулиганство, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность)⁷. Позднее возглавлял крупную криминальную группировку, был «коронован» и с 90-х годов минувшего века стабильно именуется в средствах массовой информации «вором в законе» [19]. Он имеет обширные связи среди влиятельных бизнесменов, высокопоставленных политиков и чиновников, а также в мире искусства и шоу-бизнеса.

Показателен такой факт: в одном из номеров газеты «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск) в 2002 г. было опубликовано интервью начальника Иркутского Управления по борьбе с организованной преступностью И. Кочнева под заголовком «Война с мафией не проиграна».

В. Тюрин направил в Куйбышевский районный суд г. Иркутска иск с требованием защитить его деловую репутацию: признать не соответствующими действительности сведения вышеназванного интервью о том, что он является «коронованным боссом преступного мира Тюриком» и «лидером братского преступного сообщества, занимающего ключевые позиции в криминальной среде региона». Когда требуемое им опровержение было опубликовано в «Восточно-Сибирской правде», В. Тюрин «великодушно отказался от возмещения, нанесённого ему газетой морального ущерба, который оценил в один миллион рублей»

⁶ Архив Иркутского областного суда, 1974 г. Уголовное дело № 2–195.

⁷ Архив Братского городского суда. 1980 г. Уголовное дело № 1–317–80; Архив Братского городского суда, 1985 г. Уголовное дело № 1–796–85.

[6]. Представители газеты, в частности, не смогли предоставить суду достоверные документы о «коронации» В. Тюрина. Нельзя считать такими «документами», например, утверждения книги журналиста А. Тарабрина и работника милиции в запасе В. Разинкина «Цветная масть. Элита преступного мира»: «В сентябре 1995 г. в Москве убит «вор в законе» по кличке Солома. По имеющейся информации, последний находился в напряжённых отношениях с «вором в законе» по кличке Тюрик, так как распространял среди «братвы» факты, компрометирующие Тюрика, в частности, его судимость за изнасилование и распространение порнографических фильмов» [33].

Названная книга В. Разинкина и А. Тарабрина содержит фрагменты десятков отрывков разных документов уголовных и оперативных дел, без указания их реквизитов и должностей составителей, а на её седьмой странице авторы предусмотрительно указывают, что «отдельные клички и фамилии изменены», поэтому нельзя считать достоверными сведения этого «литературно-художественного издания» (с. 480). Однако подобные издания успешно используются при составлении текстов научных работ. В кандидатской диссертации М.М. Шакирьянова на стр. 115 читаем: «Современный «вор в законе» не татуированный тип с почерневшими от чефира зубами; он чисто выбрит, одет по последней моде, имеет несколько квартир, дач, престижных автомашин, на него работают опытные юристы, есть у него свои люди в органах власти, в правоохранительных органах. Он окружён телохранителями, которые одновременно являются оруженосцами, то есть «вор» сам не хранит, не носит оружие. Но оно всегда есть у его телохранителей и может быть использовано незамедлительно». Автор ссылается на текст книги В.С. Разинкина «Воры в законе» и преступные кланы» (М., 1995, с. 24). Однако этот же текст можно найти на стр. 153 книги В. Разинкина и А. Тарабрина «Цветная масть. Элита преступного мира». М., 1997, обозначенной, как «литературно-художественное издание» (с. 478).

Ссылки авторов монографий и открытых (несекретных) диссертаций на подобные издания, рассчитанные на широкую неприязательную читательскую аудиторию, могут быть объяснимы тем обстоятельством, что серьезные исследовательские работы, посвященные «ворам в законе», имеют, как правило, ограничительные грифы («секретно», «для служебного пользования»), поскольку в них раскрываются приемы оперативно-розыскной деятельности, включая агентурную работу. Недаром из ВНИИ МВД РФ одним из авторов было получено письмо: «...В научной библиотеке ФГКУ «ВНИИ МВД России» открытых изданий, посвящённых проблемам «воров в законе», нет»⁸. Неслучайно в открытых диссертациях, защищенных в XXI веке, можно встретить ссылки на старую, но актуальную работу В.И. Монахова («Для служебного пользования»), в которой доказательно и точно показаны основные положения темы «воров в законе» [26].

В контексте сказанного в настоящее время в России представляет большую сложность документальное доказывание статуса «вора в законе» у фигурантов статьи 210.1 УК РФ, если они сами не подтвердят правоохранительным и судебным органам факт наличия у них такого статуса криминального иерарха. Вряд ли суд сможет принять в качестве полноценных доказательств оперативные документы, содержащие секретную агентурную информацию. Несостоятельной также представляется мысль, что хотя бы один участник такой процедуры «коронации» на звание «вора в законе» согласится дать о ней объективные свидетельские показания.

В некоторых научных публикациях изложены тактические и методические приёмы расследования преступлений данного вида [25]. В то же время «изученная следственная и судебная практика демонстрирует факты избегания уголовной ответственности за занятие

⁸ Письмо зав. научной библиотеки ВНИИ МВД РФ О.В. Хитровой от 20 февраля 2019 г. № 43/324. Личный архив Р.Г. Ардашева.

высшего положения в преступной иерархии» [20].

Полагаем, что оперативным работникам и следователям, ведущим работу по уголовным делам о лидерах преступных формирований, надлежит углублённо изучать позитивные примеры по России (и опыт зарубежных правоохранительных и судебных органов), когда криминальные иерархии, долгое время остававшиеся в тени, были доказательно изобличены и понесли заслуженное наказание.

Разумеется, большое значение имеет техническая фиксация криминальных контактов таких преступных лидеров с различными фигурантами, надлежащее процессуальное оформление таких результатов оперативно-розыскной деятельности, позволяющее отнестись их к полноценным судебным доказательствам [2, 8].

Некоторые авторы (А.Н. Поздняков, Т.В. Стукалова, А.Н. Сухаренко и др.) пишут о необходимости подготовки нормативного правового акта, согласно которому уголовные дела, возбужденные по ст. 210.1 УК РФ, должны рассматриваться без участия судебных заседателей (присяжных).

Мы разделяем позицию проф. А.Н. Позднякова, предлагающего:

- необходимо распространение практики документирования в дополнение признаков ст. 210.1 УК РФ признаками иных составов преступлений, свидетельствующих об активной преступной деятельности криминального авторитета;
- обязательно усиление контроля со стороны оперативных подразделений – инициаторов возбуждённого уголовного дела за обеспечением оперативного сопровождения данной категории уголовных дел до вынесения обвинительного приговора;
- предусмотреть возможность принятия решений по внесудебной блокировке сделок с последующей конфискацией цифровых финансовых активов и цифровой валютой, используемых привлечённых к уголовной ответ-

ственности лицами из числа криминальных авторитетов;

- принимать в установленном законодательством Российской Федерации порядке решения о приостановлении операций с денежными средствами или иным имуществом при установлении их использования в преступных целях с последующей их конфискацией по суду;
- принимать в установленном законодательством порядке конфискацию по суду недвижимого и движимого имущества, приобретённого криминальным авторитетом в результате преступной деятельности [29].

Таким образом, «вор в законе» – это неоднозначное социально-правовое явление, которое фиксирует дисбаланс развития социально-сертификационной системы в целом. Оно выступает предметом особого исследования для социологии права и требует более длительных исследований по изучению его как феномена.

Литература

1. Агапов П.В., Сальников Н.В., Кондратюк С.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49–55.
2. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблемные вопросы доказывания статуса «вора в законе» у обвиняемого при расследовании преступлений // Закон и право. 2019. № 6. С. 142.
3. Барабанов Н.П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 17–25.
4. Барановский И. Ассирийский зять по кличке Японец // Московские новости. 1995. 3 декабря.
5. Батищева Л.В., Звирбуль В.И., Коных Е.И., Радутная Е.С. Библиографический указатель литерату-

- ры по советской криминалистике за 1966–1986 г. М., 1990. С. 25–26.
6. Бегагоина Л. Широкий жест Владимира Тюриня // Восточно-Сибирская правда. 2010. 18 ноября.
 7. Белых В. Империя Япончика // Известия. 1995. 29 сентября.
 8. Божченко А.П., Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 64–76.
 9. Вакутин Ю.А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. Омск, 1979. С. 80–81.
 10. Варыгин А.Н. Личность современного преступника: изменения, подходы к изучению и воздействию на неё // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): Сб. материалов III Всерос. Науч.-практ. Конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.). М., 2023. С. 223.
 11. Ворсобин В. Япончик на свободе // Комсомольская правда. 2005. 20 июля.
 12. Гернет М.Н. Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск. 1936. С. 36–41.
 13. Глonti Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004. С. 39.
 14. Дорофеева А. Жертва Фемиды. М. 1997.
 15. Ермаков В.Д. Масштабы латентной преступности в Российской Федерации и её криминальная сущность // Криминология: общетеоретические и прикладные проблемы. Саратов. СЮИ МВД РФ, 2008. С. 77.
 16. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 99.
 17. Жадан О, Иллеш А. По следу стаи // Комсомольская правда. 1972. 10 ноября.
 18. Козлова Н. Верховный Суд признал Япончика невиновным и свободным // Российская газета. 2005. 15 декабря.
 19. Козлова Н. Вор на выданье // Российская газета. 2010. 24 ноября.
 20. Кондратюк С.В. Признаки занятия высшего положения в преступной иерархии // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всерос. Науч.-практ. Конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.). М., 2023. С. 321.
 21. Крутер М. Вячеслав Иванович, он же Слава Япончик, он же Дед, он же Дедушка // Советская молодёжь. Иркутск, 1997. 8 апреля.
 22. Кутякин С.А. Некоторые исторические аспекты возникновения феномена «воры» в местах лишения свободы России второй половины XIX века // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 27–31.
 23. Кутякин С.А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2008.
 24. Миронова Г. В СИЗО г. Хабаровска умер «смотрящий» за Дальним Востоком // Комсомольская правда. 2001. 25 октября.
 25. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Основы криминалистической методики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии // Правда и закон. 2022. № 3 (21). С. 69–81.
 26. Монахов В.И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М., 1957. 79 с.
 27. Панков И. Зачем вам, Япончик, чужая земля? // Комсомольская правда. 1994. 5 октября.
 28. Поздняков А.Н. «Вор в законе» – портрет в оперативно-розыском интервью // Закон и право. 2016. № 5. С. 152–157.
 29. Поздняков А.Н. Характеристика личности современного криминального авторитета и её прикладное значение // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всерос. Науч.-практ. конф (Москва, 23–24 марта 2023 г.). М., 2023. С. 386–387.
 30. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Го-

- сударство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 84–89.
31. Полюшкевич О.А. Право и лидерство в меняющемся мире (развивая теорию М. Вебера) // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 31–33.
 32. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67–70.
 33. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть. Элита преступного мира. М., 1997. С. 62–70.
 34. Реент Ю. А. Социально-психологические особенности криминальной стратификации осужденных в России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 6–14.
 35. Скуденков В.А. Деонтология в работе современных российских полицейских // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 49–52.
 36. Стукалова Т.В., Сухаренко А.Н. Уголовное преследование лидеров преступной среды в России: состояние и проблемы: науч.-практ. Пособие. М. Проспект. 2022. С. 49.
 37. Сухаренко А. О «ворах в законе» узнали в Европе // Неволя. 2014. № 40. С. 74–78.
 38. Тарабрин А.Г. Воры в законе и авторитеты. 2001. С. 41.
 39. Утевский Б. Сколько у нас преступников-профессионалов и что с ними делать // Административный вестник. 1929. № 4. С. 12–30.
 40. Утевский Ю.Б. Библиографический указатель советской юридической литературы по вопросам борьбы с преступностью. Часть 1. 1917–1942 гг. М., 1968. С. 82–91.
 41. Федосенко В. Иванов больше не Япончик // Российская газета. 2006. 11 апреля.
 42. Шакирьянов М.М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 113–132.
 43. Шурухнов Н.Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 73–83.
 44. Щекочихин Ю. Русский Япончик арестован в заморских США // Литературная газета. 1995. 15 июня.
 45. Чепоров Э. Нары для Япончика // Российская газета. 1997. 1 февраля.

“THIEVES IN THE LAW”: ISSUES OF SOCIOLOGY AND LAW. PART 1

Kitaev N.N., Ardashev R.G.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Irkutsk National Research Technical University, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article reveals the features of criminal social development, relies on the term “thieves in the law” as a definition fixing the socio-certification phenomenon in the closed community and affecting not only the criminal environment, but also the everyday space of ordinary citizens.

Keywords: thieves in the law, sociology of law, crime.

References

1. Agapov P.V., Salnikov N.V., Kondratyuk S.V. Topical issues of implementing criminal liability for occupying a higher position in the criminal hierarchy // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 3 (30). pp. 49–55.
2. Ardashev R.G., Turkova V.N. Problematic issues of proving the status of a “thief in law” of an accused during the investigation of crimes // Law and Law. 2019. No. 6. P. 142.
3. Barabanov N.P. Criminal subculture of convicts in correctional institutions: “thieves in law”, “thieves’ groups”, leaders of the criminal environment, criminal “authorities” // Criminal executive law. 2015. No. 1. P. 17–25.
4. Baranovsky I. Assyrian son-in-law nicknamed Japanese // Moscow News. 1995. December 3.

5. Batishcheva L.V., Zvirbul V.I., Konakh E.I., Radutnaya E.S. Bibliographic index of literature on Soviet criminology for 1966–1986. M., 1990. pp. 25–26.
6. Begagoina L. Wide gesture of Vladimir Tyurin // East Siberian Truth. 2010. November 18.
7. Belykh V. Empire of Jap // Izvestia. 1995. September 29.
8. Bozhchenko A.P., Ardashev R.G., Kitaev N.N. Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality // Forensic examination. 2023. No. 4 (76). pp. 64–76.
9. Vakutin Yu.A. Dictionary of slang words and expressions. Tattoos. Omsk, 1979. pp. 80–81.
10. Varygin A.N. The personality of a modern criminal: changes, approaches to studying and influencing it // The personality of a criminal in a changing world (Dolgov readings): Collection. materials III All-Russian. Scientific-practical Conf. (Moscow, March 23–24, 2023). M., 2023. P. 223.
11. Vorsobin V. Jap on the loose // Komsomolskaya Pravda. 2005. July 20.
12. Gernet M.N. Systematic bibliographic index of literature on criminology. Minsk. 1936. pp. 36–41.
13. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional crime in Georgia (thieves in law). Tbilisi, 2004. P. 39.
14. Dorofeeva A. Victim of Themis. M. 1997.
15. Ermakov V.D. The scale of latent crime in the Russian Federation and its criminal essence // Criminology: general theoretical and applied problems. Saratov. SUI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2008. P. 77.
16. Efimkin M.S. The role of thieves in law in organizing criminal activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4. P. 99.
17. Zhadan O, Illesh A. On the trail of the pack // Komsomolskaya Pravda. 1972. November 10.
18. Kozlova N. The Supreme Court found Yaponchik innocent and free // Rossiyskaya Gazeta. 2005. December 15.
19. Kozlova N. Thief of marriageable age // Russian newspaper. 2010. November 24.
20. Kondratyuk S.V. Signs of occupying a higher position in the criminal hierarchy // Personality of a criminal in a changing world (Dolgov readings): collection. materials III All-Russian. Scientific-practical Conf. (Moscow, March 23–24, 2023). M., 2023. P. 321.
21. Kruter M. Vyacheslav Ivankov, aka Slava Yaponchik, aka Grandfather, aka Grandfather // Soviet youth. Irkutsk, 1997. April 8.
22. Kutyakin S.A. Some historical aspects of the emergence of the “thieves” phenomenon in places of deprivation of liberty in Russia in the second half of the 19th century // Criminal executive law. 2007. No. 1. P. 27–31.
23. Kutyakin S.A. Organization of the criminal opposition in the Russian penal system. Ryazan, 2008.
24. Mironova G. The “supervisor” of the Far East died in a pre-trial detention center in Khabarovsk // Komsomolskaya Pravda. 2001. October 25.
25. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Fundamentals of forensic methods for investigating the occupation of a higher position in the criminal hierarchy // Truth and Law. 2022. No. 3 (21). pp. 69–81.
26. Monakhov V.I. Groups of recidivist thieves and some issues of combating them. M., 1957. 79 p.
27. Pankov I. Why do you need foreign land, Jap? // TVNZ. 1994. October 5.
28. Pozdnyakov A.N. “Thief in law” – a portrait in an operational-search interior // Law and Law. 2016. No. 5. pp. 152–157.
29. Pozdnyakov A.N. Characteristics of the personality of a modern criminal authority and its applied significance // Personality of a criminal in a changing world (Dolgov readings): collection. materials III All-Russian. Scientific-practical conf (Moscow, March 23–24, 2023). M., 2023. pp. 386–387.
30. Polyushkevich O.A. Rules of law in public assessments // State, civil society and law: theoretical and applied issues of correlation and development. materials of the International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 84–89.
31. Polyushkevich O.A. Law and leadership in a changing world (developing the theory of M. Weber) // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FSBEI HE “ISU”; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. pp. 31–33.
32. Ragulin A., Fefelov V. On the concept of a person occupying a higher position in the criminal hierarchy // Criminal law. 2010. No. 5. P. 67–70.

33. Razinkin V., Tarabrin A. Colored suit. The elite of the criminal world. M., 1997. pp. 62–70.
34. Reent Yu.A. Social and psychological features of criminal stratification of convicts in Russia // *Applied legal psychology*. 2009. No. 3. P. 6–14.
35. Skudencov V.A. Deontology in the work of modern Russian police // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference*. 2019. pp. 49–52.
36. Stukalova T.V., Sukharenko A.N. Criminal prosecution of leaders of the criminal environment in Russia: status and problems: scientific and practical. Benefit. M. Prospekt. 2022. P. 49.
37. Sukharenko A. They learned about “thieves in law” in Europe // *Captivity*. 2014. No. 40. P. 74–78.
38. Tarabrin A.G. Thieves in law and authorities. 2001. P. 41.
39. Utevsky B. How many professional criminals do we have and what to do with them // *Administrative Bulletin*. 1929. No. 4. P. 12–30.
40. Utevsky Yu.B. Bibliographic index of Soviet legal literature on issues of combating crime. Part 1. 1917–1942 M., 1968. pp. 82–91.
41. Fedosenko V. Ivankov is no longer a Jap // *Rossiyskaya Gazeta*. 2006. April 11.
42. Shakiryanov M.M. Criminal traditions among convicts in correctional institutions and the fight against them: Dissertation... Cand. legal Sci. St. Petersburg, 2004, pp. 113–132.
43. Shurukhnov N.G. Informal differentiation in correctional labor institutions // *Sociological studies*. 1992. No. 7. pp. 73–83.
44. Shchekochikhin Yu. Russian Japanese arrested in the overseas USA // *Literary newspaper*. 1995. June 15.
45. Cheporov E. Bunks for Yaponchik // *Russian newspaper*. 1997. February 1.

Социально-экономическая организация хозяйства В.А. Косинского

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора
журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В ряду дореволюционных классиков социально-экономической мысли в России самостоятельное место занимал В.А. Косинский (1866–1938), творчество которого до сих пор не получило достаточное освещение в отечественной литературе. Будучи крупным экономистом, статистиком и политэкономом, он провел глубокий теоретико-методологический анализ статистики и динамики отечественной экономики рубежа двух веков, выявил внутренние механизмы функционирования частнокапиталистического производства в сравнении с крестьянским хозяйством, описал модели экономического поведения индивидуальных и коллективных агентов, включая классовые противоречия и групповую мотивацию. Характеризуя капиталистическое хозяйство, В.А. Косинский выявил два фундаментальных отличия от некапиталистического (крестьянского) хозяйства, на которые до него мало кто обращал внимание: а) оно легко перетекает из одной отрасли в другую, с одного участка земли на другой; б) капиталист сильнее истощает землю и хищнически относится к природным ресурсам.

Ключевые слова: межотраслевая мобильность, крестьянское хозяйство, капиталистическое предприятие, аграрные отношения, земельная рента, предельный участок, мобилизация земли, прибыль, рынок, землевладелец, капиталист, крестьянин, предельные условия труда, арендатор, классовая социальная организация, закон уменьшающейся доходности, классификация крестьянских хозяйств.

Экономическое поведение на земле

Капиталистическое хозяйство В.А. Косинского обладает по крайней мере двумя фундаментальными отличиями от некапиталистического с точки зрения экономического поведения на земле: а) оно гораздо более мобильно и легко переключается из одной отрасли на другую, с производства одной продукции на производство другой, с одного участка земли на другой; б) оно сильнее истощает землю и хищнически подходит к почве именно в силу того, что легко переходит с одного участка на другой. Крестьянин привязан к своей земле, вынужден мириться с ее неплодородием и бьется за урожай до последнего. Не так ведут себя капиталисты: они инвестируют деньги только в ту продукцию и в те участки, которые сулят ему «по крайней мере обычную для данной местности и данного времени прибыль на капитал, – до тех пор наши капиталистические предприниматели будут находить выгоду в таком приложении. Но как только они встретят участок, который при той же затрате капитала даст чистый доход, меньший обычной прибыли, наши капиталисты сочтут обработку такого участка для себя невыгодной: давая своему капиталу другое назначение – направляя его, напр., в промышленность либо торговлю – они получат доход, не меньший обычной прибыли на капитал» [1, с. 99].

Существует экономический порог, измеряемый размером получаемой прибыли, ниже которого капиталист никогда не опустится: обычную прибыль на капитал. Если земля плодородная и даст прибыль больше обычно, капиталист возьмется за ее обработку. А если меньше, он ее покинет. Такие участки земли, не приносящие прибыли выше средней, Косинский, исходя из теоретических традиций того времени, предлагает именовать *предельными участками*. Это те, перед которыми останавливается в своей погоне за прибылью капита-

лист и не берется их возделывать. Кому же они достаются? Разумеется, крестьянину. Капиталист на селе, подобно хищнику, не питающемуся падалью, все лучшее забирает себе. Он скупает лучшие земли, а на худших, на предельных участках, предлагает мучиться крестьянину.

Плохая земля требует дополнительной обработки удобрениями и щелочами, если «местность с очень кислыми почвами». Но дополнительная обработка – это всегда дополнительные капиталовложения. Они имеются у капиталиста, но их нет у крестьянина. Иными словами, они есть у того, кому они не нужны, и нет у того, кому они необходимы.

Капиталист имеет деньги для улучшения своих и без того хороших участков, а крестьянин не имеет их даже для простой обработки своих худших участков. Первому «лучшие участки принесут не только тот же самый процент прибыли, но еще некоторый устойчивый излишек. Излишек этот по мере перехода к все лучшим и лучшим участкам, будет расти и расти» [1, с. 103]. В результате богатый становится все богаче, а бедный – беднее. Во многом, если не во всем, это связано с земельной рентой.

Земельной рентой у Косинского называется разница между чистым доходом, приносимым данным участком, и «предельного» участка. Она определяет цену земли, высоту арендной платы и т.д. Для установления разницы необходимо прежде разобраться с тем, что такое «предельный» участок. Капиталист, переходя от одного участка к другому, доходит до такого, который способен принести ему только обычный процент прибыли. Таков предел капиталистического земледелия. Участки, менее доходные, чем предельные, останутся необработанными. Таким образом, предельный участок приносит всегда только обычный процент прибыли на вложенный капитал, поэтому земельная рента с него равняется прибавочной стоимости минус обычная прибыль на капитал.

На прибыль с участка влияет его географическое положение, прежде все-

го отдаленность от моря, реки, города, рынков сбыта. Их действие, по мнению Косинского, того же рода, что и воздействие климата или свойств подпочвы. В частности, чем больше расстояние до рынка, т.е. места потребления продукта, тем выше затраты на транспортные операции. «Удаление от рынка, таким образом, равносильно увеличению издержек производства, что уменьшает прибавочную стоимость, а именно ту часть, которая приходится на земельную ренту. Прибыль же на капитал, в силу закона стремления прибылей в различных предприятиях к одному уровню, должна остаться неизменной» [1, с. 106]. Чем больше расстояние от рынка, тем меньше земельная рента. «Когда расстояние от рынка достигнет такого пункта, что вся земельная рента будет поглощена издержками доставки продукта на рынок, то предприниматель земельной ренты получать не будет, в его пользу будет поступать только обыкновенная для данного места и времени прибыль на капитал. Очевидно, что такой участок будет предельным участком, участки, лежащие дальше от рынка, не будут обрабатываться капиталистическим способом, – капиталист оставит их пустовать» [1, с. 106].

Если землевладелец (капиталист или крестьянин) сам не хочет хозяйничать, то может сдать землю в аренду, т.е. нанять человека, который бы организовал все дело и получал с этого какие-то деньги. На малое он не согласится. Арендатор поведет себя так же, как и капиталист. Если он берет в аренду землю, то у него есть свободные деньги. Если ему будет невыгодно арендовать аграрное хозяйство, он может перенаправить свой капитал в промышленность или торговлю. Вознаграждением за свои усилия арендатор признает не такую прибыль, которая не способна покрыть первоначальные затраты, а прибыль выше средней, приносящую после всех вычетов немалый барыш. Но подобные условия невыгодны тому, кто сдает землю в аренду. Между двумя сторонами, уточняет В.А. Косинский, произойдет борьба. В конечном счете, арендатор согласит-

ся получать хотя бы обычную прибыль на капитал.

Но как станет вести дело арендатор на чужой земле? Так же заботливо и рачительно, как и на своей? Но земля-то не его? При каких условиях ему выгодно вести мелиорацию, обильно удобрять и тщательно обрабатывать землю? Лишь при одном условии: если приносимый доход покрывает затраты и приносит сверх того известную прибыль. Но землю изнашивается, ее доходность падает, а каждое следующее вложение капитала приносит все меньшую отдачу. Стало быть, долгосрочная аренда ему невыгодна. А краткосрочная, скажем, на год? И краткосрочная аренда невыгодна, так как он только разойдется, только вложит капиталы и удобрит землю в надежде на будущее – через год-три – урожаи, как землю надо возвращать владельцу. «При коротком сроке арендатор будет затрачивать как можно меньше и во всяком случае не больше того капитала, который ежегодно восстанавливается в ценности продукта. Ему будет даже выгодно затратить несколько меньше того, сколько поглощает ежегодно урожай. Тогда тот продукт, который даст ему урожай, возьмет часть из прежнего запаса, сделанного до него. Словом: при краткосрочной аренде арендатору будет выгодно затрачивать как можно меньше и даже истощать почву, так как это для него равносильно черпанью из того капитала, который внесен туда другими лицами: он будет жать там, где не сеял» [1, с. 144].

И долгосрочная аренда приводит в конце к истощению почвы. Только поначалу арендатор старается изо всех сил. Но приближается срок окончания пользования земли, и арендатор понимает, что каждым следующим вложением он станет пользоваться все меньше и они будут откладываться как бы про запас, следовательно, вся выгода от вложения труда и капитала достанет владельцу земли. «Перед концом аренды он постарается понизить интенсивность своего хозяйства до такой степени, чтобы неизнашивающаяся доля его капитала исчезла и была поглощена уро-

жаем. Этим путем он вынет свой капитал из почвы» [1, с. 144]. Он перестанет вносить удобрения и делать усовершенствования. В итоге «степень этого истощения может быть до такой степени велика, что землевладелец получит свою землю обратно в виде несравненно худшем, чем тот, в котором арендатор получил ее» [1, с. 144].

Арендатору будет выгодно увеличивать интенсивность хозяйства и у него исчезнет интерес истощать почву перед концом аренды только в том случае, если между владельцем и арендатором заключен особый договор. Такой договор называется в Ирландии фермерским правом. Оно гарантирует право собственности не на землю, а на вносимые в нее улучшения и получаемую с этих улучшений прибыль.

Социально-экономическая организация хозяйства

Во втором томе книги «К аграрному вопросу» В.А. Косинский, исследовав аграрные отношения в России, Германии, Австрии, Франции, Великобритании, Швейцарии и США, пришел к выводу о 1) сходстве тех законов, которые управляют аграрной эволюцией, и 2) решающей роли в развитии аграрных отношений не техники, а различий в *социальной структуре* капиталистических и трудовых предприятий, определяющих собой экономические процессы. Капиталистическое предприятие – *двухклассовое*: предприниматели и наемные работники. Трудовое, или крестьянское предприятие – *одноклассовое*: в нем трудятся только члены одной семьи: «в трудовых предприятиях существует *только один класс*, – класс *трудовых предпринимателей*, лично при посредстве собственного труда прилагающих собственные материальные средства производства в своих хозяйствах» [2, с. 2].

Капиталистическое предприятие относится к типу частно-хозяйственных, а государство, земство, городское самоуправление, где также применяется наемный труд, относятся к публично-правовым, или общественным капиталистическим хозяйствам. Разница их

в том, кто стоит во главе: единоличный собственник или коллективных орган управления, – а также в целях, ими преследуемых: удовлетворение личных или общественных интересов. Некоторые общественные предприятия, например Английский монетный двор, могут совсем не получать дохода или работать в убыток, они содержатся на налоги и весь смысл их деятельности состоит в осуществлении действий, необходимых для населения.

В двухклассовой социальной организации происходит постоянная борьба между капиталистом и наемными работниками за дележ созданной в производстве ценности. В результате капиталист получает нетрудовой доход (прибыль на капитал и земельную ренту), наемные работники получают трудовой доход. Но оба черпают свои деньги из одного источника – вновь созданной в производстве ценности. Правда, части этой ценности, поделенные между двумя классами, называются по-разному: прибавочную ценность у капиталиста и необходимую ценность у рабочих. В одноклассовой социальной организации борьбы классов нет. Здесь в одном лице соединены антагонистические классы, так как крестьянин одновременно и предприниматель, и наемный работник. Соответственно изменяются название и подразделения вновь созданной в производстве ценности: теперь это только трудовой доход, который не делится на части.

Капиталистическим и некапиталистическим предприятиями руководят разные экономические законы. Так, закон равенства прибылей, играющий важную роль в первом, не имеет силы во втором. Трудовое хозяйство не является для его предпринимателя приложением капитала, как это имеет место в капиталистическом предприятии, а формой приложения своего собственного труда. Какими бы существующими ни были различия двух типов хозяйства с точки зрения экономических законов, они, по мысли Косинского, определяют социальными различиями.

Разделение вновь созданной ценности в капиталистическом предприятии, покоящееся на определенных социальных отношениях между предпринимателем и наемными работниками, формирует две категории доходов капиталистического хозяйства – заработную плату и прибавочную ценность, или «нетрудовой доход», созданный чужим трудом. Таковы экономические последствия общественного разделения труда при капитализме, которые всецело вытекают, считает Косинский, «из различия в социально-экономической структуре капиталистических и трудовых предприятий. Нельзя смешивать расходы на жизнь трудового предпринимателя и его семейных с заработной платой, как это иногда делается: трудовой предприниматель живет на средства, черпаемые им из чистого дохода от его предприятия, который составляет его *потребительный запас*, а не капитал. Совершенно также поступает и капиталистический предприниматель, живущий на средства из своего чистого (нетрудового) дохода, составляющего его *потребительный запас*, а не капитал, даже в том случае, если он сам руководит своим делом. Ни один капиталистический предприниматель, при определении процента доходности своей фабрики, не подумает отнести к издержкам производства стоимость своей собственной жизни во время производства и не станет требовать на эту сумму обычного процента прибыли, – он отнес своевременно всю сумму, которую израсходовал во время производства последнего периода, к доходу и она фигурировала у него в той *прибыли*, которую он получил от своего дела. Заработная плата выдается рабочим обязательно *представителем другого класса* (капиталистическим предпринимателем) из его *капитала* и является *затратой капитала*, направленной на привлечение *наемного, чужого* труда представителей другого социального класса (наемных работников) в его – капиталиста – предприятие. Заработная плата может быть только там, где отдельно существуют *два класса лиц* – предприниматели-наемники и наемные работники. Никто

не может быть ни своим собственным работодателем, ни своим собственным наемным работником. Такие выражения являются бессодержательными, с точки зрения экономической науки, фразами... Заработная плата и нетрудовые доходы (прибыль на капитал и земельная рента) имеют совершенно определенный социально-экономический смысл и значение» [2, с. 3–4].

Динамику социально-экономической организации хозяйства В.А. Косинский раскрывает через механизм образования *цены на землю*. Феномен роста цены на землю удивителен. Изучив его, Косинский вдруг обнаружил, что цена растет, как это ни парадоксально, на два типа участков: 1) те, где применялись удобрения, а сами участки содержались в образцовом порядке, и 2) на участки почти заброшенные, истощенные, не удобряемые, которые, казалось бы, на рынке должны уходить за бесценок.

Загадочное явление «объясняется, на мой взгляд, главным образом распространением и ростом крестьянского трудового хозяйства. Крестьянское трудовое хозяйство, как мы знаем, оценивает землю по иному методу, приводящему его к *более высоким* ценам на землю сравнительно с капиталистической оценкой. Сельскохозяйственный промысел раскапитализируется, – земля течет из области капиталистического владения в область хозяйства трудового. Это последнее становится и многочисленнее и площадь его землевладения больше. В тех местах, в которых еще много земли капиталистического владения, а трудовое хозяйство представлено слабо, – в этих местностях обычная цена земли близка к капиталистической оценке и будет сравнительно *низка*. Но чем больше растет и распространяется трудовое сельское хозяйство, тем больше сказывается влияние трудовой оценки и земля растет в цене. Наибольшей высоты достигает цена на землю в местах, где господствует исключительно трудовое хозяйство, – где и продавец, и покупатель трудовые крестьяне» [2, с. 11–12].

На самом деле загадка еще не разгадана. В.А. Косинский, хотя и оговари-

вается о вмешательстве в процесс ряда других факторов, повышающих цену на землю, в частности «некоторый рост интенсивности сельского хозяйства», но главным и решающим считает количество трудовых хозяйств. Должна быть накоплена некая критическая масса, чтобы процесс ядерной реакции заработал, и земля, став товаром, пошла «по рукам». Но тогда получается странная вещь: в капиталистические игры с перепродажей земли играют в основном вовсе не капиталисты-эксплуататоры, а честные труженики-крестьяне. Но, во-первых, откуда они возьмут столько денег, во-вторых, где они возьмут соответствующую мотивацию? Ведь в самом начале своего анализа Косинский заявил о принципиальной разнице между мотивацией и стилем экономического поведения капиталиста и крестьянина. Крестьянин в принципе не может наживаться на земле, она для него источник трудового, а не нетрудового, как для капиталиста, дохода. Косинский пытается выйти из ситуации, указав на незначительность дохода «с игры» от перепродажи земли. «Я имею тут в виду обычную трудовую оценку земли, не выходящую за пределы хозяйственно рациональной максимальной оценки... Вот этот рост цен на землю и дает возможность осуществлять вышеуказанные перепродажи земель капиталистического владения, превращающие землю в *капитал*» [2, с. 12].

Состав двух социально-экономических категорий, вступивших в борьбу за землю, разный: продаются только земли капиталистов, а покупают их частично капиталисты и частично крестьяне. С купленным товаром последние две группы обращаются также по-разному. «Земли, приобретенные капиталистами, вскоре опять появляются на рынке... Земли же, приобретенные трудовыми предпринимателями, *остаются прочно в трудовом хозяйстве* в сфере *производства*, в стороне от товарно-земельного обращения. Тех причин, которые выталкивают землю из рук капиталистических сельских хозяев, в трудовом хозяйстве нет. Тут нет нетрудовых доходов:

нет прибыли на капитал, нет земельной ренты» [2, с. 12].

Вот где на самом деле кроется разгадка. Крестьяне вовлечены в кругооборот капитала тоже не так, как капиталисты. Для вторых игра в цены и прибыли – естественная стихия, единственное средство существования. Продают землю только они, а покупают ее разные категории. Крестьяне приобретают землю для расширения производства и выращивания на ней больше хлеба. Капиталисты же – только для новой перепродажи. Крестьяне вовлечены в кругооборот как жертвы, как пассивный элемент, с которого капиталист стрижет купоны. И чем больше таких жертв, тем выше цена. Иначе говоря, цену на землю взвинчивает спрос, а не предложение, т.е. крестьяне, но не капиталисты. Хотя всю выгоду пожинают вторые. Получается, что крестьяне действуют вопреки своему экономическому интересу. Это так, но надо учесть, что речь не об индивидуальных, а потому сознательных и управляемых действиях, а о массовых, потому стихийных и неуправляемых процессах, в которые крестьяне втянуты помимо своей воли и желания.

Классификация крестьянских хозяйств

Во втором томе «К аграрному вопросу» В.А. Косинский предлагает свою классификацию крестьянских хозяйств и различает три типа трудовых хозяйств. «*Первый* тип – карликовые хозяйства, играющие исключительно подсобную роль: владельцы этих трудовых хозяйств прилагают в них свой труд и труд своих семейных в очень малой мере. Главное свое занятие и главный доход владелец карликового хозяйства находит на стороне – на фабрике, на заводе... в качестве наемного работника. Карликовое хозяйство это только небольшой огород, небольшой сад у дома профессионального наемного рабочего, в которых заняты его семейные и он сам только в часы досуга и доход от которого служит только подсобным источником для поддержания, для улучшения питания семьи рабочего... *Второй* тип трудовых

хозяйств – это полурабочие трудовые хозяйства (их иногда называют еще производственными). Эти хозяйства имеют уже некоторое самостоятельное хозяйственное значение: площадь земли настолько значительна, что *часть* семейных хозяина находит себе в них более или менее полное занятие; но другая часть должна уйти в капиталистические предприятия и искать там приложение своему труду в качестве наемных работников. Доход от полурабочего предприятия дает возможность удовлетворить только часть потребностей семьи хозяина (оставляя в значительной доле предметы непосредственного потребления), но... *денежные потребности* удовлетворяются преимущественно заработками семьи на стороне... *третий* тип трудовых хозяйств – это полное рабочее хозяйство. Это хозяйство настолько велико, что труд хозяина и его семейных *полностью* находит себе занятие в нем. На сторону... никто из семьи не уходит. Доход настолько значителен, что все потребности семьи удовлетворяются из него, причем часть произведенных продуктов отчуждается на сторону за деньги, которые и обращаются на покупку предметов, которые в хозяйстве не производятся» [2, с. 13–14].

Международная статистика, собранная в Чехии, Германии, Пруссии, Швеции и США, выявляет четкую тенденцию: 1) число карликовых хозяйств растет в числе, но они становятся мельче; они концентрируются в промышленных зонах, где легко найти заработок на стороне; 2) численность полурабочих хозяйств сокращается в числе, но площадь каждого увеличивается; они становятся крупнее («они прикупают землю, увеличивают площадь своего землевладения и переходят в разряд более крупных трудовых хозяйств – в разряд полных рабочих хозяйств»); 3) полные рабочие хозяйства увеличиваются и численно, и относительно площади своего землевладения; они пополняют свои ряды за счет второй категории хозяйств [2, с. 14].

Поскольку данная тенденция отмечена во всех уголках земли, то ей, по мнению Косинского, следует придать статус «несомненно закономерного явления».

Далее автор избегает говорить о статистической стороне дела и возвращается на почву политэкономии, объясняя причины выявленных тенденций. Сокращение карликовых хозяйств естественно с точки зрения логики экономического поведения крестьянина. Она такая же, как и у капиталиста: идти туда, где выгоднее. «Если ему выгоднее прилагать свой труд у себя дома, чем у капиталиста – если он за день труда у себя получит больший доход, чем обычная заработная плата, – тогда он основывает свое самостоятельное трудовое предприятие и занимается свой труд у себя дома. Если же заработная плата будет выше его трудового дохода (в расчете на день труда), то он предпочтет работу на стороне и самостоятельного хозяйства основывать не будет. Но этот последний случай может иметь место только тогда, когда земля, которую он обладает, будет очень низкого качества. Если же в его владении будет находится земля такого качества, что допускает и капиталистическую обработку, то очевидно, что за день труда на таком собственном участке он получит в свою пользу *весь* продукт своего дневного труда тогда как, если бы он работал на таком же (по качеству) участке у капиталистического землевладельца, то получил бы только *часть* ценности продукта своего дневного труда – заработную плату, – другую же часть он должен был бы отдать землевладельцу, как прибавочную ценность – прибыль на капитал и земельную ренту. Очевидно, что прилагать свой труд на собственном участке такого качества ему будет *выгоднее*, чем идти в наемные работники: условия приложения его труда у себя дома будут лучше...» [2, с. 15].

Развивая свою концепцию из книги в книгу, Косинский, сам того не подозревая, ставит перед читателем вопросы, ответ на которые не всегда можно найти в этих книгах. Ну, например, если у крестьянина такая же логика экономического поведения, как и у капиталиста, а именно искать сферу приложения своих усилий там, где это сейчас максимально выгодно, то откуда берутся столь значительные различия в социаль-

ной организации их хозяйств, структуре вновь полученной в производстве прибыли, природе дохода (трудовой и нетрудовой), наконец, мотивации и отношении к труду? Понятно, откуда берутся противоречия в его теории: они возникают как издержки научного роста, как следствие сделать еще один шаг вглубь познания мира, как результат детализации и расширения тематик. Таков неизбежный путь развития научной теории. Но противоречия все-таки есть и их как-то надо решать.

Косинский в меру своих сил и возможностей пытается их решить. Так, ему вполне удается связать свою мотивационную теорию поведения экономических агентов с мобилизационной теорией движения земли. Вторая категория в его классификации – полурабочие хозяйства – оказываются движущей пружиной кругооборота земли как капитала. Она состоит из типичных середняков, предприимчивых, работающих, хитрых. Поскольку площади в хозяйстве маловато и всех домочадцев на ней не занять, середняк горит страстным желанием прикупить землицы и идет на рынок. Вот он-то и взвинчивает цены: деньги у него уже есть, а товара еще нет. Для капиталиста это самый подходящий покупатель, с которого можно содрать все, что хочешь. Мужик зажиточный бросаться на землю не станет, у него ее достаточно для прокорма семьи. Если он и прикупает, то лишь для того, чтобы перейти в иную социально-экономическую категорию – сельских буржуа. Скорее всего, при торгах о цене земли он поведет себя осмотрительно.

Для зажиточного социальное возвышение качественного изменения не приносит, он передвигается почти что в своей нише (если не прибегает к массовому найму рабочей силы). Но для середняка расширение земельной запашки имеет принципиальное значение: он покидает слой наемных работников и становится полным домохозяином. Увеличение земли позволяет вернуть семейных в свое хозяйство, середняку «выгоднее вернуть их в свое хозяйство, в котором они получают *весь* продукт сво-

его труда, а не *часть* – заработную плату. Ему будет выгодно увеличить площадь своего землевладения до пределов полного рабочего хозяйства, в котором он уже *весь* труд свой и своих семейных может использовать при таких *выгодных* условиях» [2, с. 15–16].

Основательно осветив теоретическую сторону мобилизации земли, В.А. Косинский не достаточно останавливается на практической. А она состоит в том, что в России землю продавали не только богатые и зажиточные, но в не меньшем числе и бедные, те, кто потерял всякую надежду выкарабкаться из нищеты при помощи земледелия. Практика дробления надела при его наследовании плодила все новых и новых пауперов. Косинский косвенно указывает на ее значение: «Дробление земли по наследству только усилит эту тенденцию, действуя в том же направлении... Но, может быть, можно будет поставить искусственную преграду для мобилизации этих, вновь наделенных, участков?.. Но этим мы станем на пути естественному и мощному стремлению трудовых хозяев улучшить условия приложения собственного труда и труда своих семейных. Ведь мы наделим наших безземельных и малоземельных трудовых предпринимателей в таком размере, что они далеко не в полной мере смогут занять свой труд и будут вынуждены посылать своих семейных в капиталистические хозяйства в качестве наемных работников. Это будут хозяйства, которые не будут иметь возможности из доходов, ими приносимых, дать достаточные средства для полного удовлетворения всех потребностей своих хозяев, если не будет по соседству капиталистических хозяйств, то такие хозяйства будут влачить довольно бедственное существование и ни о каких хозяйственных улучшениях, ни о каком культурном и хозяйственном прогрессе не может быть и речи» [2, с. 16–17].

Это весьма примечательный для понимания теоретической и идейной позиции Косинского фрагмент. Суть его вот в чем. Если уж и проводить в стране реформу, то наделять бедных землей

бесполезно. Много земли им не дашь, ее в стране попросту нет. А мало земли качественно ситуацию не изменит, но лишь продлит агонию. Из карликовых они, и то маловероятно, смогут перебраться только в полу-рабочую категорию хозяйств. Для прокормления им, как воздух, нужны соседи-капиталисты, к которым можно ходить на заработки. А где им взяться, если земельная реформа отрежет у них площади и раздаст их нуждающимся. Получается парадокс: чтобы крестьяне начали прогрессировать, вначале надо помочь прогрессировать капиталистам. Это антагонисты, но и близнецы-братья одновременно. Акула и ее жертвы не способны существовать друг без друга.

Во всем мире, утверждает Косинский, земельная реформа развивала одновременно и капиталистов, и крестьян, создавала необходимые социально-экономические условия и капиталистическим и трудовым хозяйствам. Причем в перспективе полезнее иметь своей базой все-таки вторые: «Мы знаем, что при вполне благоприятных культурно-правовых условиях, трудовое хозяйство имеет склонность вести земледелие более интенсивно, чем капиталистическое...» [2, с. 17].

Предлагая те или иные реформы, Косинский остается верен своему методологическому принципу: все искусственные преобразования должны проводиться с учетом и опорой на естественные законы, присущие социально-экономической сфере общества. У мобилизации как социально-экономического процесса купли-продажи и перераспределения земли между различными категориями занятого населения, происходящих стихийно через товарный рынок, существуют свои законы: «Эти *законы* мобилизации земли капиталистического и трудового сельского хозяйства... необходимо должны быть учтены при создании аграрной реформы» [2, с. 18].

Под законами надо подразумевать статистические наблюдаемые тенденции стихийного поведения больших масс людей на рынке труда и товаров. Иными словами, необходимо знать, какие имен-

но категории населения преимущественно продают или покупают землю и что они потом с ней делают. Об этом Косинский сообщает: «В последнее время (за 1902–1909 гг.) 30–35% всей выбрасываемой на земельный рынок земли было приобретено трудовыми хозяевами... В настоящее время трудовые хозяева являются *главными* покупателями на земельном рынке: они покупают *больше всех других* групп землевладельцев. Причем земля прочно остается в пределах трудового хозяйства, не возвращаясь обратно в капиталистическое хозяйство. В пределах же трудового хозяйства передвижение земли между карликовыми, полу-рабочими и полными рабочими хозяйствами обнаруживает ту мощную тенденцию, о которой только что было сказано...» [2, с. 18]. Иными словами, движение земли внутри класса крестьян происходит так, что мелкие множатся в числе, но сокращаются в площади, средние сокращаются в числе, но увеличиваются в площади, крупные хозяйства растут в том и другом направлении.

Закон уменьшающейся доходности

Для В.А. Косинского, как и для некоторых других русских экономистов рубежа XX века, закон уменьшающейся доходности, выдвинутый и обоснованный австрийской школой, имел огромное, но не абсолютное значение. С его помощью он пытался объяснить многие, но все экономические и социальные процессы, происходившие в аграрном секторе страны. Так, он утверждал, что капитал и труд, инвестированные в сельское хозяйство, в частности в земледелие, подчиняются закону уменьшающейся доходности только в сфере производства, выращивания зерновых. Но тот же самый закон теряет свою силу, когда речь идет об уборке урожая, помоле и транспортировке зерна [1, с. 36–37].

Согласно логике его теоретических рассуждений, экономический закон убывающей доходности вторичен и вытекает из первичного природного закона убывающей питательной силы растений. На механизм кругообращения капитала и на производительность труда воз-

действуют не культурные, социальные или нравственные, а естественные законы, «так называемые, *первоначальные* и *неистощимые* силы природы. То обстоятельство, что растение усваивает питательные вещества, доставляемые ему атмосферой и почвой... не есть результат действий человека, не создано трудом этого последнего и потому должно быть отнесено к силам *первоначальным*» [1, с. 37]. Естественные процессы, отнесенные Косинским к первоначальным, фундаментальным, не подвержены разрушающему действию закона убывающей доходности. Действительно, свойство растения потреблять нужные для роста вещества из почвы и атмосферы не исчезает и не уменьшается с течением времени. Но свойство капитала (здания, орудия) и труда (рабочая сила) приносить выгоду сокращается в процессе производства, ибо то и другое изнашивается. Растения – пример неистощимых сил природы, труд и капитал – пример истощимых сил общества. Когда вторые применяются для обработки первых, тогда и вступает в действие закон уменьшающейся доходности каждой новой затраты труда и капитала.

Подробные разъяснения естественных и искусственных процессов понадобились Косинскому для критики исходных положений той научной школы, на теорию которой он опирался вначале. Он указывает на то, что было бы теперь «неправильно называть закон уменьшающейся доходности новых затрат капитала и труда законом убывающего плодородия почвы. Закон этот обнаруживается при *росте*, а не *уменьшении* плодородия почвы: каждая новая затрата труда и капитала увеличивает плодородие, т.е. количество питательных веществ, находящихся в почве в виде годном для усвоения их растением, но вместе с тем доходность этой новой затраты, сравнительно с прежними такими же затратами, падает» [1, с. 38].

В результате Косинский приходит к важному для себя открытию: природа и общество, если речь идет о земледельческом производстве, развиваются по противоположным законам. Когда че-

людей обрабатывает почву и вносит удобрения, зерновые прибавляют в росте, а когда человек затрачивает свой труд и капиталы для обработки той же почвы, то они, с каждым следующим вложением, уменьшаются в росте, т.е. приносят меньше прибыли. На сокращение отдачи инвестируемых капитала и труда оказывают влияние также внешние факторы: климат, характер подпочвы, наклон пашни на юг или на север, географическое положение и т.д. «Один и тот же капитал и труд, затраченные на обработку равных, по величине участков с одинаковой почвой, но с разными подпочвами – один с песчаной, а другой с глинистой – принесут различные результаты. «Но само собою разумеется, что силы, лежащие вне растения, сами по себе оказывают только то влияние на капитал и труд, что разные участки обладают при одинаковых затратах капитала и труда различной урожайностью. Влияние внешних сил не выражается в виде закона уменьшающейся доходности новых затрат... Этот последний покоится целиком на законах питания растения, т.е. на тех силах (первоначальных и неистощимых), которые лежат в самом растении» [1, с. 39].

Следствием теоретических рассуждений В.А. Косинского стало создание классификации природных факторов. Они разбиты на две группы: 1) *первичные факторы природы*, или первоначальные и неистощимые силы, составляющие ближайшее окружение растения и часть его самого (они названы одним словом *земля*); 2) *вторичные факторы природы*, составляющие дальнейшее окружение растения, как-то климат. Первичные факторы определяют качество земельного участка крестьянина, объем прилагаемых затрат, тип растений, которые способны здесь произрастать, наконец, рыночную цену участка.

Покупатель, приобретая землю, приобретает право на пользование участком с определенным качеством почвы, т.е. его производительными возможностями. Его интересует одно: сколько урожая здесь можно собрать, и какие деньги за него выручить. Правда, покупатель

оценивает не только первоначальное состояние почвы, ее природный потенциал, но и то, что стало с ним в результате эксплуатации земли прежним хозяином. Покупатель поинтересуется, вносил ли тот навоз, держал ли землю под паром, какие растения высевал, как пахал и т.п. Таким образом, первоначальные силы природы либо увеличились в своей производительной мощи, либо уменьшились после того, как на земле потрудился человек. Стало быть, следуя естественной логике вещей, труд и капитал, превращенные в удобрение и обработку, необходимо включить в понятие почвы и не включать в понятие земли, либо поступать наоборот, но обязательно как-то разграничивать оба понятия. Понятие почвы можно трактовать как более широкое, чем понятие земли. Тогда земля будет сведена только к первоначальным и неистощимым силам природы, а почва – к ним плюс вложенным трудом и капиталу. Земля не изнашивается, а почва от длительного использования истощается.

Но можно следовать противоположной логике и полагать понятие земли как более широкое, чем понятие почвы. Косинский так и не сказал, какой вариант он выбрал, тем не менее заявил: «после всего вышесказанного ясно, что мы разумеем под понятиями: почва, земля и капитал» [1, с. 41]. В нашем случае важен не столько окончательный вывод ученого, сколько логика его теоретических построений: с экономической точки зрения существует серьезная разница между первозданным и обработанным сельскохозяйственным участком. А как его называть, дело второе.

Ради получения большей прибыли капиталист должен не только сокращать расстояние до рынка сбыта, но и повышать интенсивность, т.е. отдачу участка земли. Увеличение интенсивности для него всегда выражается только в новых затратах капитала, а в них входят и затраты на выплату заработной платы наемным работникам. Для крестьянина увеличение интенсивности прежде всего связано с повышением затрат собственного и членом семьи трудозатрат.

На зарплате, поскольку такой категории здесь нет, это никоим образом не скажется.

Затраты капиталиста будут связаны не только с ростом издержек на зарплату, но и вложением капитала в приобретение нового удобрения и обработку земли. Он может быть и рад до бесконечности наращивать интенсивность хозяйства, собирая все большую прибыль. Но против него действует неумолимый закон уменьшающейся доходности новых затрат капитала. Он предупреждает капиталиста: каждое следующее инвестирование принесет меньшую, чем прежде, прибыль. Инвестирование первой сотни капитала даст 40% чистого дохода, второй – 35%, четвертой – 20%, пятой – 10%, а внесение шестой доли капитала не даст уже ровно никакого увеличения урожая, т.е. за вычетом расходов даст даже убыток в 5% [1, с. 110–111].

В отличие от капиталиста, у которого каждая следующая сотня капиталовложений приносит все меньшую прибыль и который, поэтому, останавливается на четвертой сотне рублей, для трудового предпринимателя вложить четвертую сотню в удобрение «будет выгодно, так как это даст ему возможность прилагать свой труд при условиях, более выгодных, чем наемный работник (получать больший доход, чем обычная заработная плата)... Затрачивать пятую сотню удобрения нашему трудовому предпринимателю будет также еще выгодно... Свободного дохода при этом он не получит, но все же он, очевидно, предпочтет затрачивать свой труд у себя дома и получать при этом доход, равный заработной плате, чем, получая такой же доход, затрачивать свой труд в чужом предприятии в качестве зависимого наемного рабочего, подвергаясь к тому же риску остаться безработным в течение некоторого времени... Затрачивать шестую сотню удобрения нашему трудовому предпринимателю будет уже невыгодно... Таким образом, пятая сотня рублей капитала удобрения будет предельной долей затраты капитала и труда в трудовом предприятии» [2, с. 185–186].

Затрата четвертой сотни способна принести капиталисту чистого дохода 19,5 руб., т.е. столько, сколько составит 20% (обычный уровень) прибыли на арендаторский капитал, а это размер земельной ренты. Потому он и не находит для себя выгодным произвести затрату четвертой сотни рублей и производить необходимые в земледелии обработку почвы, уборку урожая и переработку собранного продукта. Короче говоря, крестьянин идет дальше того места, на котором остановился капиталист. Последний переметнется в торговлю либо промышленность: для капиталиста экономически рациональной является затрата только трех сотен рублей.

Крестьянин как бы обречен трудиться при худшей, чем у капиталиста, экономической отдаче земли. Его задача состоит в том, чтобы а) прокормить семью и б) занять ее трудоспособных членов. Последнее обстоятельство тем более важно, что так крестьянин гарантирует себя от случайностей безработицы. «Выгоды и удобства занятия своего труда и труда своих семейных у себя дома до такой степени велики, что наш трудовой предприниматель, несомненно, найдет для себя хозяйственно-рациональным затратить пятую сотню капитала удобрения и для этого принести некоторую жертву трудом» [2, с. 194]. Затрата пятой сотни капитала в удобрение и обработку земли крестьянину экономически невыгодна (капиталисту невыгодна уже четвертая сотня), хотя он продолжает вкладывать деньги. Почему? Пятая сотня приносит крестьянину не экономические, а социальные дивиденды, так как решает проблему трудоустройства членов семьи: «Затрачивая эту последнюю сотню рублей капитала, наш трудовой предприниматель имел в виду только создание возможности приложить собственный труд и труд своих семейных у себя дома, а не направлять его на фабрику, завод или к иному капиталисту в качестве наемного труда» [2, с. 308]. Предельной долей затраты капитала и труда трудового предпринимателя будет та, при которой «чистый трудовой доход будет равен обычной

заработной плате. Такою предельною долею будет в нашем примере 5-я сотня капитала удобрения. Все же четыре предшествующие сотни капитала удобрения дадут нашему трудовику не только обычную заработную плату, но и еще некоторые излишки» [2, с. 303].

Закон убывающей доходности определяет логику экономического поведения и сельского капиталиста, и крестьянина. Он дойдет до четвертой доли и остановится, ибо дальнейшее занятие земледелием становится для него невыгодным. Он перебросит свои капиталы в промышленность или торговлю. Но у крестьянина нет свободных капиталов и он ничего перебрасывать не может. Он будет продолжать обработку постоянно истощающейся земли дальше – до того предела, когда для получения необходимого для прокормления семьи продукта не хватит всех сил семьи. Иначе говоря, он должен трудиться на данном участке до истощения рабочей силы семьи, а не до истощения капитала или прекращения поступления прибыли. Используя весь ресурс земли, крестьянину выгодно продать свой участок.

Сельский капиталист, если понимать его как социальный тип, а не удачливого одиночку-предпринимателя, просто вынужден перепродавать землю и пускать ее «по рукам»: он съедаем объективным противоречием (Косинский правильно определяет его природу: это социальное противоречие), заключающимся в том, что, с одной стороны, сельский капиталист может смотреть на землю только как на капитал (а на что он смотрит как не на капитал?), а с другой – тем обстоятельством, что земля по своей природе не есть капитал (ибо у капитала при инвестировании наблюдается свойство истощаться, а у земли, при ее рациональной обработке и подпитке удобрениями, истощения нет, а наоборот, она увеличивает плодородность). Сельский капиталист разрешает данное, социальное по своей сути, противоречие тем, что умудряется из истощимого капитала сделать неистощимый источник прибыли: он превращает землю в торговый капитал [2, с. 364–365].

Однако разрешая одно противоречие, сельский капиталист тут же порождает другое (а он иначе и не может функционировать): перепродажа земли с процентом и, следовательно, обогащение возможны только как результат обнищания крестьян. Ведь известно, что последний ценит землю выше первого, стало быть процветание капиталиста возможно лишь в тесном окружении крестьянских тружеников, которые, в свою очередь, способны успешно разрешать свои проблемы (прежде всего самую главную – с трудоустройством своих домочадцев на стороне) только в тесном окружении капиталистов, выступающих по отношению к ним неистощимым рынком труда. Такова уж социальная диалектика: преступник не может жить без своей жертвы, а жертва постоянно нуждается в палаче.

Перепродажа земли выгодна и жертве, и палачу: крестьяне благодаря приобретению земли продвигаются из разряда мелких в разряд средних и крупных, а капиталист, перепродавая землю и накручивая проценты, сохраняется как капиталист и его не вытесняет трудовой крестьянин. Косинский так и говорит: «не будь такого способа примирения социального противоречия, капиталистическое сельское хозяйство быстро очистило бы место трудовому» [2, с. 366]. Не будь накрутки процента с торговли землей, капиталист быстренько бы утратил всякий интерес к сельскому хозяйству и откочевал бы куда-нибудь еще. Но тогда в аграрном секторе не наступила бы светлая эра капитализма.

Переброска капитала не обязательно должна протекать в форме географического перемещения денег. У крупного сельского буржуа буквально под боком дополнительные статьи дохода: маслобойня, мельница, винокурный заводик, разведение товарного скота и т.п. Он переводит капитал с земли на подобные промышленные и торговые занятия. Капиталист станет заниматься земледелием лишь до тех пор, пока подобное занятие приносит ему большую прибыль, чем он мог бы получить, вкладывая в это время деньги в промыш-

ленность или торговлю. Как только он выкачал все возможное из первого, он моментально переходит к эксплуатации вторых. Но не ранее того.

Предельные условия труда

Предельным участком называется тот, который приносит крестьянину трудовой доход, равный только обычной заработной плате наемного работника, каковой он получил бы, работая на стороне в соседних капиталистических предприятиях или у помещика. Предельные условия приложения труда для крестьянина и капитала для предпринимателя являются параллельными и сходными. Такое же сходство наблюдается и в формуле хозяйственного интереса представителей двух классов: каждый стремится получить как можно больше денег, затрачивая как можно меньше усилий. «Нахождение трудового хозяйства рядом с хозяйством капиталистическим определяет и предельные условия приложения труда трудового предпринимателя в собственном его предприятии... Предельными, т.е. наихудшими из приемлемых, условиями приложения своего труда в своем собственном предприятии... будут такие, при которых он получит чистый трудовой доход, равный только заработной плате: условия, при которых он получит от приложения своего труда меньше, будут для него неприемлемы; условия же, при которых его чистый трудовой доход будет больше, либо, в крайнем случае, равен заработной плате, будут для него приемлемыми... Тут может быть проведена полная параллель с предельными условиями капиталистического производства: совершенно так же, как для капиталиста *возможность* выбора помещения *капитала* в земледелии либо в других отраслях хозяйственной деятельности (в промышленности, торговле, транспортном деле и т.д.), где он может получить обычный процент прибыли на капитал, ставит предельным условием приложения капитала в сельском хозяйстве получение обычного процента прибыли на капитал...» [2, с. 368–369].

Предельные условия приложения труда и капитала определяют предель-

ные участки трудового и капиталистического сельского хозяйства. «Предельным участком (т.е. наихудшим из обрабатываемых) для капиталистического сельского хозяйства будет тот, который, по своим неистощимым силам и свойствам, дает возможность получить только обычную (обычный %) прибыль на капитал, предельным же участком для трудового сельского хозяйства будет тот, который, по своим неистощимым силам и свойствам, дает трудовику возможность получить чистый трудовой доход, равный обычной заработной плате... Этими же условиями... определяются и предельные интенсивности капиталистического и трудового сельских хозяйств» [2, с. 369].

Предельные условия приложения труда и капитала, участков земли и, наконец, интенсивности хозяйства действуют наподобие *объективных законов*, не зависящих от желания и воли отдельных людей. К таким же объективным, но уже естественным, а не только общественным, законам следует отнести закон питания растений (плодоносность растения со временем не убывает), закон уменьшающейся доходности новых затрат капитала и труда, закон круговорота капитала удобрения, закон влияния мелиорации земли. В.А. Косинский называет их «законами природы», которым в равной мере подчиняется функционирование и капиталистического, и крестьянского хозяйства. Хотя указанные «естественные законы» универсальны для двух типов хозяйства, но по-разному влияют на интересы и способ поведения самих хозяев – капиталиста и крестьянина.

Крестьянин возьмется за обработку даже такого отвратительного по качеству почвы участка, от которого давно уже отказался бы капиталист. Хотя он ценит землю выше, чем капиталист, но то рыночная цена. А кроме нее для крестьянина, о чем, кстати сказать, забывает упомянуть Косинский, есть еще и социальная цена земли. Она заключается в возможности трудоустройства членов семьи. Крестьянин не откажется обрабатывать *предельный* участок, до-

ход с которого равен получаемой на стороне зарплате, потому, что он, этот участок, дает ему два преимущества: 1) хозяйственную самостоятельность и 2) гарантию от безработицы. Стало быть, даже при равенстве экономических факторов – дохода с земли и зарплаты в качестве наемного работника – крестьянин останется на земле в силу действия социальных факторов. Последние не так уж малы. Они имеют косвенное экономическое выражение, так как «гарантия от безработицы в «некотором отношении равносильна увеличению дохода, так как выпадают безработные дни, не приносящие дохода» [2, с. 381].

Но подобное происходит только с *предельными* участками. При переходе от предельного участка к еще более худшим по качеству почвы участкам на первый план уже выдвигаются экономические, а не социальные критерии. «Участки худшие, чем предельный трудовой участок, не имеют для него никакого хозяйственного значения, никакой хозяйственной полезности, никакой цены для хозяйства. Предельный участок является рубежом между этими, не имеющими хозяйственного значения участками, и участками, обладающими хозяйственной полезностью...» [2, с. 381].

Чем выше по иерархии качества почвы мы поднимаемся, тем большую отдачу земли наблюдаем. Чем лучше участок, тем большую хозяйственную пользу крестьянину он приносит. Владелец удачного участка посматривает на наемного работника свысока: у того все та же зарплата, которая при капитализме, так думает Косинский, обычно равна прожиточному минимуму, а этого плюс к минимальному доходу еще существенный «навар». Крестьянин вознагражден за риск и трудолюбие. Он не сожалеет, а радуется тому, что в свое время не соблазнился заработком на стороне, а остался на земле, улучшил ее или купил более подходящий участок и теперь получает заслуженную прибыль. Только теперь крестьянин осознает значимость фактора земли; она «измеряется тем излишком, тем прибавком к трудовому доходу, который обладание землей при-

носит труду сравнительно с доходами труда, не обладающего „землею», т.е. сравнительно с заработной платой» [2, с. 382].

Лучшие земли принесут «прибавок» (процент прибыли на капитал выше обычной) и капиталисту. Но планка того, что называть «хорошим» участком, здесь выше. Крестьянин берется за более некачественную землю, чем капиталист, и уже на ней начинает получать выгоду. Капиталист же идет дальше, отыскивает еще более подходящий участок и только его признает выгодным для размещения капитала. Разница в том, что капиталисту приходится нанимать людей для обработки, а крестьянин трудится сам. Чем хуже земля, тем больше усилий от людей она требует и тем большую зарплату приходится им выплачивать. Кроме того, и больше затрат на удобрение приходится нести. А крестьянин с минимизированными потребностями достаточно легко преодолевает начальные трудности.

Если капиталисту повезло, и он купил наилучший участок, то прибыль с него будет лучше, чем прибыль в торговле или промышленности при тех же затратах. Земля дала незаработанный «прибавок» в виде земельной ренты. Понятно, что капиталисты будут изо всех сил конкурировать (с крестьянами и между собой) за лучшие участки.

Таким образом, земля сторицей вознаграждает всех, кто на ней трудится или кто в нее инвестирует: они даром дают такую прибавку, какую не получишь в промышленности или торговле. Ее секрет – в неистощимых силах природы, в способности земли давать возрастающий урожай при возрастающих инвестициях.

Крестьянину, по мнению В.А. Косинского, выгоднее, чем капиталисту, вести интенсивное хозяйство. Последний раньше «сходит с дистанции»: «хозяйственный интерес трудового предпринимателя, считающегося с законом уменьшающейся доходности новых затрат капитала и труда, побуждает его вести хозяйство интенсивнее, чем хозяйничает капиталист. Предельная доля

затраты капитала у капиталиста будет та, которая приносит ему только обычную прибыль на капитал, тогда как трудовой предприниматель не остановится на этой ступени интенсивности, а будет затрачивать свой капитал и труд до тех пор, пока на последнюю затраченную долю труда и капитала не получит только обычную заработную плату: это и будет предельной долей затраты капитала и труда для трудового предпринимателя» [2, с. 390].

Цена земли как фактор экономического поведения

Капиталист оценивает землю ниже, чем крестьянин, ибо для первого она – всего лишь источник дохода, который можно заложить в банк и пассивно ждать процентов, а для второго она – источник средств существования, который активно используется в хозяйстве и который позволяет занять всех членов семьи. «Чем больше в данной местности капиталистического землевладения, тем заметнее сказывается капиталистическая оценка и тем цена земли будет ниже – тем ближе будет она к нижнему пределу. Чем больше в местности трудового землевладения, тем заметнее сказывается трудовая оценка и тем выше будет цена земли, тем она будет ближе к верхнему пределу. Наивысшая цена земли будет там, где господствует трудовое хозяйство, где и покупатель и продавец – оба трудовые предприниматели: здесь и продавец, и покупатель ценят землю по трудовому принципу» [2, с. 397].

«Приобретение земли для него равносильно переходу от необходимости прилагать свой труд в чужом (капиталистическом) предприятии в качестве наемного работника, где он получает только обычную заработную плату, к приложению труда в своем собственном предприятии, основанном на приобретенной земле» [2, с. 400]. Более высокая цена земли для крестьянина определяется не только нуждой (единственный источник существования, единственный способ трудоустроить домочадцев), но и выгодой: полученный с земли продукт он целиком получает в свою собственность.

Кроме того, улучшая землю, крестьянин дополнительно к зарплате, которую он мог бы получать, устроившись наемным работником, получает чистый доход. У капиталиста конечный продукт должен делиться на две части: одну он отдает на зарплату наемным рабочим, другую берет себе в качестве прибыли (разумеется, за вычетом всех необходимых издержек). Поэтому когда идет торг за землю, крестьян будет биться до последнего, а капиталист «сойдет с дистанции», как только почувствует, что больше обычного процента прибыли на вложенный капитал данный участок не дает. А раз спрос упорно держится, то предложение, т.е. цена земли, будет возрастать.

Поскольку ценность земли для крестьянина выше, чем для агрокапиталиста, то и сражаться за нее он будет ожесточеннее. Это не индивидуальное, а классовое экономическое поведение, выражающееся в том, что внутри класса аграриев конкуренция за покупку земли будет выше, чем среди класса капиталистов. Если учесть российскую специфику, то уровень конкуренции за землю у крестьян должен быть даже выше, чем в других странах. Российская специфика выражена тремя обстоятельствами: 1) слабое развитие промышленности, которая могла бы оттянуть на себя из деревни лишнюю рабочую силу; 2) малоземелье, ставшее массовым явлением для дореволюционной России; 3) недостаточность капиталов у сельской буржуазии, которые позволили бы шире применять в поместье наемный крестьянский труд (дополнительный к промышленному рынок труда). В.А. Косинский отмечает: «вследствие весьма слабого развития у нас обрабатывающей промышленности и нежелания со стороны крупных землевладельцев (а также и невозможности вследствие отсутствия у них капитала), вести хозяйство наемным трудом, лишен возможности найти себе средства к жизни иным путем, как ведением сельскохозяйственного предприятия на арендованной земле: в качестве наемного работника он не найдет приложения своему труду. При таких условиях,

характеризующих крестьянское мало-земелье, конкуренция в среде трудовых арендаторов (т.е. арендаторов, ведущих на арендованной земле трудовое хозяйство) должна быть громадна» [2, с. 414].

Но если растет конкуренция, то пропорционально возрастает и степень напряженности труда. Побуждаемый «безмерной конкуренцией», крестьянин «должен будет напрячь свои силы до крайних пределов: он, действительно, будет обрабатывать 10 десятин, – 5 своих и 5 приарендованных. Но при безмерной конкуренции он будет поднимать арендную плату все выше и выше, дабы удержать за собою отдаваемую в аренду землю, а не уступить ее такими же беднякам, нуждающимся в арендовании земли» [2, с. 414–415].

Таким образом, слабое развитие русского капитализма больно ударяет по развитию русского крестьянства, вынуждая его поднимать цену земли, обострять конкуренцию внутри себя и тем самым обострять внутриклассовые противоречия, которые добавляются к и без того острому межклассовым противоречиям.

В силу острой конкуренции крестьянин вынужден покупать землю (аренда обходится ему дороже и экономически менее выгодно) даже на тех условиях, при которых он не получит с нее (за вычетом всех платежей) даже нормальной, среднеобычной для данного района зарплаты, будь он наемным работником.

Высокая цена земли, неважно, она покупается или только арендуется, служит барьером, преодолеть который могут далеко не все категории крестьян. В «осадах» выпадают беднейшие. «На рынке устанавливается определенная арендная цена: все, которые не имеют возможности платить такую плату – все наиболее малоземельные, – очевидно, вынуждены оставить свои хозяйства и заняться другими делами. При таких условиях для малоземельного трудовика может быть выгоднее заплатить по 300 рублей за десятину и купить ее в собственность, чем платить арендную плату в 20 рублей с десятины» [2, с. 418–419]. Цену земли в 300 рублей

устанавливают банки. Иными словами, правила игры на земельном рынке диктуют не только крестьяне-покупатели, но и посредники-капиталисты, выдающие кредиты и ссуды на обзаведение хозяйством и землей. Цена аренды в 20 рублей – это та нормальная величина, при которой, купи крестьянин землю, не разорился бы и не напрягал всех сил, т.е. не трудился себе в ущерб. Многократное превышение покупной цены ухудшает общие классовые условия или, выражаясь словами М. Вебера, классовую ситуацию. Однако вместе с тем косвенно оно улучшает социальную ситуацию, т.е. как бы оздоравливает крестьянскую массу, оставляя в ней самые жизнеспособные, конкурентоспособные и трудолюбивые элементы. Малоспособные подаются на заработки в город.

Если бы не чрезмерно завышенная оценка земли на рынке, полагает, и не без оснований, Косинский, то тяжесть земельной задолженности, т.е. обращение в земельный банк, русский крестьянин вполне мог выдержать. Парадоксально, но факт: банковская задолженность для крестьянина даже менее обременительна, чем для капиталиста, который повязан механизмом кредитного круговращения ссудного капитала. Вот что значит сидеть «на печке» и ждать пока тебе накапают проценты за отданную в аренду землю, а не трудится на ней в поте лица). Получается так, что одна часть сельских капиталистов навязывает низкую цену земли на рынке, а другая часть, капиталисты-банкиры, вздувает ее.

Мобилизация земли

Второй том книги В.А. Косинского посвящен изучению именно раскапитализации сельского хозяйства и перемещения земель в пределах трудового хозяйства. Феномен раскапитализации аграрного сектора тесно связан с мобилизацией земли, ростом числа мелких и сокращением числа крупных хозяйств, проблемой кредитной задолженности и процессом земельно-кредитного оборота. «Постановка вопроса на почву социально-экономической природы капи-

талистического и трудового хозяйств придает особенный интерес факту перехода земли из рук капиталистических владельцев – в руки мелких трудовых предпринимателей. Этот переход приобретает особенный социально-экономический смысл: это не только рост числа мелких хозяйств на счет крупных, – это *распространение одной формы хозяйства (трудовой), резко и существенно отличной от капиталистической, на счет другой формы хозяйства (капиталистической); это раскапитализирование сельского хозяйства»* [2, с. 5].

Мобилизация земли происходит потому, что капиталисты, в поисках лучших и самых доходных участков, в массовом порядке выбрасывают на рынок и покупают земли. Причина кроется в социально-экономической природе капиталистического предприятия. «В предприятиях этого рода имеется *капитал* (могущий принадлежать и арендатору), который приносит владельцу *обычный процент прибыли*. Но в том же предприятии имеется *земля*, приносящая (если она занята в земледельческом промысле) *земельную ренту*, составляющую (по отношению к цене земли) только *обычный процент роста*: то, сколько банк платит по долгосрочным вкладам (например, по закладным листам). Процент роста, как известно, значительно ниже обычного процента прибыли: он составляет только *часть* этой последней. Посему ясно, что сельскохозяйственное капиталистическое предприятие, в котором имеется очень большой фонд (в виде земли), приносящий столь низкий процент дохода, должно, очевидно, приносить, по отношению ко *всей стоимости предприятия* (земля+капитал) процент дохода, *значительно меньший* обычной прибыли на капитал, которую можно получить в промышленности, торговле и т.д., где круговращается только *капитал* и где *земля*, как фактор производства, не участвует. Это – повторяем – непосредственно вытекает из экономических свойств земли, как материального фактора *производства*: в этом качестве она дает только *земельную ренту*, со-

ставляющую по отношению к цене земли лишь обычный % роста» [2, с. 6].

Прокомментировать поведение капиталиста можно следующим образом. Будучи человеком очень состоятельным и одновременно очень ленивым, капиталист старается при минимуме вложений получить максимум отдачи, причем чужими руками (своими он не имеет права ничего делать, ибо он – капиталист). Чуть только земля перестала приносить сверхприбыль, он ее тут же продает и ищет новую. Если не удалось, перемещает капиталы туда, где это выгоднее всего – в промышленность или торговлю. Лишняя земля, как и лишний персонал, для капиталистического предприятия обременительны. Они сбрасываются, как только перестали служить источником прибыли. Если предприятие приносит «процент дохода меньший, чем обычная прибыль, то такое предприятие ликвидируется и вырученная ценность переносится в более доходное дело». Такова суть дела, если освободить ее от сложной политэкономической терминологии.

Если крестьянин еще как-то поэтизирует землю, относится к ней к матери-кормилице, окружая ее своим теплом и любовью, то капиталист начисто лишен одухотворенного восприятия источника обогащения. Он стремится к одному: сделать землю максимально ликвидной ценностью. Но она сопротивляется, поскольку по своей природе является истощимым источником богатства. Пока почва полностью не истощилась, капиталист со всех ног бежит на рынок превратить землю в товар и таким образом сделать из нее капитал. Теперь земля так же мобильна, как и любой другой капитал, ибо выражена в деньгах.

И вот тут-то случается странное. Если все капиталисты стремятся от земли избавиться, то цена на землю должна падать. Но она растет. На нее слетаются даже из промышленности и торговли: «купец, приобретая предприятие за 30.000 руб., знает, что цена на землю со временем поднимется... через пять лет земля будет стоить не 20.000 руб. (как это имело место при покупке),

а 25.000 руб., т.е. вырастет на 5.000 руб. Цена всего предприятия при этом поднимется до 35.000 руб. Наш капиталист-покупатель отнесет эту выросшую цену земли (5.000 руб.) тоже к чистому доходу и может реализовать ее, продавши все предприятие. Тогда в течение этих пяти лет произойдет следующее. 1. Наш предприниматель получит чистого дохода от *производства* по 2.000 руб. в год, а за пять лет $2.000 \times 5 = 10.000$ руб. 2. Наросшая цена земли принесет ему еще 5.000 руб. чистого дохода. Всего за 5 лет наш хозяин получит 10.000 руб. + 5.000 руб. = 15.000 руб., т.е. в среднем по 3.000 руб. в год, что составит на затраченные им 30.000 руб. 10%, т.е. обычную норму прибыли» [2, с. 9]. Владелец выносит участок на рынок, т.е. превращает землю в товар. На этот товар обязательно найдется новый купец, поскольку он уже знает о прибыльности земли. Процесс повторяется снова и снова.

Земля, ставшая капиталом, включается в огромный кругооборот, называемый круговращением капитала. Если земля была куплена на деньги, взятые займы, рядом с первым образуется еще один поток: кредитное круговращение капитала.

Кругооборот капитала затягивает человека как игра в рулетку. Особенно человека с деньгами, да еще деньгами, добытыми чужим трудом. Его постоянно сопровождает ощущение своего превосходства: «вот, мол, какой я умный, добыл деньги почти из воздуха, своим интеллектом». Только сегодня с этими легко добытыми деньгами он идет не в казино, где бы также надеялся выиграть благодаря своему интеллекту, а на рынок, совершать хитроумные сделки (опять сверкать своим интеллектом).

Но если земля выгодна, то почему все «денежные мешки» от нее стремятся избавиться. Причин тому много, и не все они политэкономического толка (потому, видимо, и не были исследованы Косинским). Во-первых, удачливого капиталиста всегда гложет подозрение, а вдруг завтра цена на землю упадет. Ведь так много в этом мире зависит от случая и везения, особенно в бизнесе.

Во-вторых, его манит новизна. С деньгами в кармане, а не с землей в деревне всегда можно быть мобильным и в случае чего быстренько перегруппироваться. В-третьих, действует кумулятивное правило нарастающего успеха: если повезло в первом деле, надо быстро переходить на второе, стремясь к еще большему успеху и стараясь сделать это как можно быстрее, до того, как от тебя отвернулась фортуна.

В итоге весь класс деловых людей включен в гигантский марафон, где все бесконечно движутся одновременно в разных направлениях, все кому-то что-то продают и что-то у кого-то покупают. Их подгоняет прирастание цены того, чем они владеют. А еще больше – прирастание цены того, чем владеет другой. «Именно необходимостью реализации выросшей ценности товара-земли и объясняются те массовые перепродажи земель капиталистического владения, которые дает нам статистика. Так земли, заложенные в дворянском земельном банке, в среднем все меняют своих владельцев каждые 16,7 лет. Земли купеческого владения оборачиваются еще быстрее. Энергично оборачиваются также и земли капиталистического крестьянского владения. Эти явления всеословны» [2, с. 10].

Складывается впечатление, что земля не успевает отдохнуть, быть рационально использованной: ее все постоянно продают и покупают. Ее хватают на лету, она то и дело продается и перепродается. Земля не успевает побыть землей, она находится только в состоянии товарного капитала. На ней всякий стремится нажиться. Такова механика круговращения всех капиталов.

Круговращение позволяет каждому участнику получить торговую прибыль, которая, присоединяясь к прибыли на основной капитал и земельной ренте, повышает общую доходность хозяйства. От этого польза двоякая: во-первых, вообще привлекательным для инвесторов становится сельское хозяйство, во-вторых, у людей появляются дополнительные деньги, которые можно вложить в приобретение техники, удо-

брений, наемных работников и тем самым расширить сельхозпроизводство. Именно перепродажа земли, по мнению В.А. Косинского, «делает хозяйственно-возможным, рациональным ведение капиталистического сельского хозяйства вообще: без этих перепродаж земли на товарном земельном рынке ведение капиталистического сельского хозяйства оказалось бы невозможным, нерациональным, ибо доход от предприятия был бы ниже обычной прибыли на капитал, что противоречило бы закону равенства прибылей» [2, с. 11].

Литература

1. Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Крестьянское и помещичье хозяйство. Одесса, 1906.
2. Косинский В.А. К аграрному вопросу. Вып. 2. Часть 1. Основные тенденции в мобилизации собственности и их социально-экономические факторы. Часть 1-я. Земельная задолженность. Киев, 1917.

SOCIO-ECONOMIC ORGANIZATION OF THE ECONOMY V.A. KOSINSKY

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

Among the pre-revolutionary classics of socio-economic thought in Russia, V.A. Kosinsky

(1866–1938), whose work has not yet received sufficient coverage in Russian literature. As a prominent economist, statistician and political economist, he conducted a deep theoretical and methodological analysis of the statics and dynamics of the domestic economy at the turn of the century, revealed the internal mechanisms of the functioning of private-capitalist production in comparison with the peasant economy, described models of economic behavior of individual and collective agents, including class contradictions and group motivation. Describing the capitalist economy, V.A. Kosinsky identified two fundamental differences from the non-capitalist (peasant) economy, which few people had paid attention to before him: a) it easily flows from one industry to another, from one piece of land to another; b) the capitalist depletes the land more and is predatory towards natural resources.

Keywords: cross-sectoral mobility, peasant economy, capitalist enterprise, agrarian relations, land rent, limiting plot, mobilization of land, profit, market, landowner, capitalist, peasant, marginal working conditions, tenant, class social organization, law of diminishing profitability, classification of peasant farms.

References

1. Kosinsky V.A. On the agrarian question. Vol. 1. Peasant and landowner farming. Odessa, 1906.
2. Kosinsky V.A. On the agrarian question. Vol. 2. Part 1. Main trends in the mobilization of property and their socio-economic factors. Part 1. Land debt. Kyiv, 1917.

«Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях

Журавлева Ирина Александровна,

к.ф.н., доцент, директор Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассориваются основные задачи реализации «разговоров о важном» в образовательных учреждениях. Приводятся результаты эмпирического исследования, где показывается проблемы реализации поставленных задач и возможные варианты решения обозначенных противоречий.

Ключевые слова: разговоры о важном, патриотизм, образовательные учреждения, идеология, принципы патриотизма.

С сентября 2022 года в школах России проводятся уроки «Разговоры о важном». Учащиеся старших классов неоднозначно оценили данное нововведение, равно как и их родители. «Разговоры о важном» являются обязательным мероприятием внеучебной деятельности школьников и основной целью их проведения является воспитание традиционных ценностей в среде подрастающего поколения. В связи с этим имеют место конфликты между учащимися, их родителями и учителями, руководством школ.

Разговоры о важном позволяют решать ряд универсальных задач.

1. Формирование патриотизма у детей и юношества не только как декларативного начала, но и как практическую форму поведения, к которой школьник приходит самостоятельно, под руководством и направлением педагога.
2. Усилить национальное и гражданское самосознание школьников, через формирования идентичности и социальной солидарности, патриотичности личности в современных социальных рамках.
3. Определить условия конструирования патриотического мировоззрения школьников, нацеленного на воспитание гражданина-патриота.
4. Сформировать условия, определить механизмы и апробировать инструменты для проявления патриотических установок, знаний, способностей в просоциальном поведении.

Тематика «разговоров о важном» касается основных идеологических задач, стоящих перед Российской Федерацией, и касается поддержания и развития исторической памяти и преемственности поколений; патриотизме и готовности совершать добрые дела и быть добрыми в целом; ценить семью и семейные ценности, ценности российской культуры и государственности. Тема «разговоров о важном» как актуальная проблемати-

ка, требующая пристального и много-стороннего внимания, поднимается в публикациях ряда авторов: А.С. Булгакова [11]; Н.Ю. Волошина, Н.В. Рыбальченко, А.Ф. Моисеева, Т.С. Расторгуева [12]; М.П. Нечаев [27]; Р.А. Салимова [35]; В.М. Толмачева, Н.В. Амелина [36] и других. И это все указывает на актуальность рассмотрения данной проблемы с разных сторон.

1. Воспитания и развития военно-патриотических чувств, мыслей и действий школьников, их готовности служить Родине, быть полезным гражданином своей страны. Быть патриотом в самом широком смысле слова. Данные задачи, а также инструменты их решения представлены в работах Р.В. Иванова [19–25].
2. Усиления значимости и роли Малой Родины и краеведческого направления потенциала школьников как практического опыта реализации важности патриотических чувств, направленных на конкретные значимые социокультурные и исторические объекты в каждом уголке нашей Родины. Возможность быть полезным не где-то далеко, а там, где ты живешь, готовность сейчас помогать так как можешь, сохраняя историческую, поколенческую, культурную, религиозную преемственность отражается в исследованиях П.А. Баева [6], Р.Г. Ардашева, Н.Н. Китаева, Т.Т. Шимурзаева [28].
3. Фиксации духовно-нравственных ориентиров, формирующихся вокруг патриотизма и моральных авторитетов школьников, формирующих ценностную палитру молодых людей, влияющую на жизненные стили и сценарии. Духовные ориентиры определяющие жизненные пути и стратегии молодых людей в работах П.А. Баева [7, 8], И.А. Журавлевой, Р.В. Иванова, В.В. Тетерина [15–17], О.А. Полюшкевич [29–32].
4. Развития социальной активности и гражданственности, социальной ответственности за себя, за свое окружение, за территорию, на которой проживает школьник, это выражает-

ся в реальных действиях в качестве волонтера или добровольца или социального активиста по любому вопросу или направлению требующему привлечения дополнительных сил. Результатом этого становится патриотический настрой ко всему, что молодой человек считает «своим». Эмпирические исследования в этом направлении представлены в работах О.А. Полюшкевич [33, 34], П.А. Трескина [37, 38].

5. В здоровом теле – здоровый дух. Спорт как символ патриотизма и оздоровления населения формируется с детства, поэтому, «разговоры о важном» раскрывают данную проблематику как точку отсчета формирования полноценной личности, способной к саморазвитию и образованию, реализации в профессии и становлении многогранной личности. Это также нашло отражение в исследованиях Р.В. Иванова и О.А. Полюшкевич [26].
6. Героико-историческое направление определяет смыслы того, кого мы можем считать героем нашего времени, какие качества, черты, чувства и мысли, а также реальные поступки присущи современным героям. Важно, чтобы это были не западные образцы героического поведения, а реальный опыт российских героев, ставших известными и популярными благодаря изучению на данных занятиях в школе. Данная тематика раскрывается в работах П.А. Баева [9, 10], Р.В. Иванова [20], И.А. Журавлевой [13, 14, 18].

Особенности исследования

Эта разнообразная информация стала основой для проведения нашего исследования. Предметом исследования выступил феномен уроков «Разговоры о важном», проводимых у учащихся старших классов средних школ Иркутской области. Мы изучали отношение первокурсников ВУЗов Иркутской области к проводимым у них в 11 классе «Разговорам о важном».

В исследовании приняло участие 3500 первокурсников различных вузов Иркутской области, 55% девушек и 45% юношей.

Результаты исследования

«Разговоры о важном» являются одним из инструментов, с помощью которого школе возвращается воспитательная функция, которая заключается в формировании мировоззрения детей, их ценностных установок, отношении к региону и к России в целом. По словам Владимира Путина «Разговоры о важном» – очень важное направление, которое власти будут развивать, в том числе с привлечением детей¹.

Поскольку данные занятия появились с 01 сентября 2022 года, часть детей воспринимает их как следствие Специальной военной операции. Считаем, что Специальная военная операция является не причиной, а событием, которое актуализировало проблемы воспитания морально-нравственных ценностей. Сам вопрос возвращения школе воспитательной функции назрел достаточно давно.

Мнение респондентов о необходимости проведения «Разговоров о важном» разделилось практически поровну. 54% респондентов за проведение, 46% против. При этом на фокус группах интервьюируемыми были высказаны тезисы о том, что задумка проведения данных занятий хорошая, но есть проблемы с качеством реализации. Определённый запрос на проведение «Разговоров о важном» со стороны обучающихся есть, но нужно работать над улучшением качества данных занятий.

Самый важный вопрос для понимания того, как ученики воспринимают «Разговоры о важном»: «Как ты оцениваешь разговоры о важном, которые проходили у тебя в школе?» 69,5% респондентов негативно оценили данные занятия. Несмотря на это, 35% из них считает, что проводить такие занятия

все же нужно. На фокус группах высказывали мнение, что разговоры о важном воспринимаются учениками и учителями как должное, соответственно отсутствует вовлеченность в процесс разговора. Данные результаты подтверждают тезис о том, что запрос на проведение «Разговоров о важном» есть, но сами занятия нуждаются в доработке поскольку воспринимаются школьниками негативно.

Темы для разговоров о важном устанавливаются Министерством просвещения, публикуются на специальном сайте и являются обязательными для всех учебных заведений². При этом на вопрос «Если проводить разговоры о важном, какие темы должны обсуждаться на данных уроках?» подавляющее большинство респондентов выбрало тему саморазвития (82,5%), что свидетельствует о важности для школьников навыков и знаний, которые они смогут с выгодой для себя применить на практике. Также присутствует значительный запрос на региональные темы 49,5%. Патриотизм (30%), политику (31,5%) и традиционные ценности (39%) школьники в большинстве своём не считают актуальными темами для разговоров о важном. Воспитание патриотизма и других традиционных ценностей является главной задачей «Разговоров о важном», но сами дети в большинстве своём не считают данные ценности достаточно важными для обсуждения на «Разговорах о важном». На фокус-группе прозвучало мнение о том, что «на нашем поколении уже поздно воспитывать патриотизм» соответственно в старших классах присутствует фактор относительно сформированного мировоззрения, в котором традиционные ценности, в том числе патриотизм не занимают важного места.

Многие темы, которые поднимаются на разговорах о важном полностью раскрыть способны только специализированные эксперты. Практика приглашения сторонних экспертов на разговоры о важном существует, но не носит массовый характер. На вопрос «Как ты считаешь»

¹ Путин заявил, что власти будут развивать проект «Разговоры о важном» // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15964545> (дата обращения: 27.02.2024).

² Цикл внеурочных занятий Разговоры о важном // Разговоры о важном. – URL: <https://razgovor.edsoo.ru/> (дата обращения: 27.02.2024).

таешь, кого в качестве экспертов нужно приглашать на Разговоры о важном?» больше всех голосов получили студенты, общественные активисты (61,5%). Стоит отметить, что студенты в силу своего возраста являются своего рода референтами для школьников, способны найти общий язык с ними и оказать влияние, возможно, большее чем педагоги. Высокий запрос (55%) на преподавателей ВУЗов, поскольку школьники воспринимают преподавателей как более компетентных учителей. Представителей государственной власти и членов политических партий отметили 41,5 и 25,5%, что свидетельствует о низком уровне политической культуры школьников. В открытом варианте преимущественно ответа указывали две категории экспертов: психологов и профессионалов различных отраслей

Что касается аспектов, которые не нравились школьникам в разговорах о важном, то здесь больше всего студентов отметили формат проведения (51%), скуку (55%) и пропаганду (45,5%). Навязывание мнения учителями выбрали 28% респондентов и 12% выбрали отсутствие возможности высказать свое мнение. По мнению интервьюированных форматам проведения «Разговоров о важном» не хватало интерактивной составляющей. В рамках фокус-групп также была выявлена проблема нехватки времени для проведения разговоров о важном, а также неудобстве расписания, поскольку разговоры о важном обычно проходят первым уроком в понедельник. Оптимальным вариантом интервьюируемые посчитали проведение разговоров о важном в середине учебного дня, продолжительностью в один час. Но такое предложение на данный момент не исполнимо, поскольку противоречит нормам СанПиН³. Отсюда следует, что необходимо проработать вопрос формата проведения «Разговоров о важном», по-

скольку дети считают нынешний формат скучным и неудобным.

На вопрос «Что тебе нравилось в разговорах о важном?» 63,5% респондентов выбрали интересные факты, которые они узнавали в рамках занятий. Нравилось смотреть видеоролики 30,5% опрошенным. Можно было обсудить интересные темы отметили 39,5% и чувство гордости за Россию всего 24,5% процентов. Из данных показателей можно сделать вывод о том, что детям интересны не абстрактные темы, а темы содержащие конкретные факты. В рамках фокус-группы интервьюированным был приведен пример того факта, что Аляска когда-то входила в состав России.

На вопрос «Как ты считаешь, должна ли школа воспитывать патриотизм в детях?» 32,5% респондентов ответили однозначно да, 58,5% должна, но не так навязчиво, как сейчас и 9% однозначно не должна. Данные показатели свидетельствуют о том, что на данный момент тема патриотизма в школах транслируется детям слишком навязчиво, что вызывает негативный эффект. В рамках проведения фокус-групп, интервьюируемые высказали мнение о том, что активные призывы и агитация оказывают негативный эффект на школьников, вызывая отрицание транслируемой информации. Считаю, что необходимо вызывать внутренний интерес у школьников, для того чтобы они сами пришли к осознанию необходимых ценностей, в том числе патриотизма, который относится к традиционным ценностям в соответствии с приказом президента № 809⁴.

Обобщённые минусы «Разговоров о важном» по мнению интервьюируемых: много «пропаганды»; нехватка времени; недостаточно интерактивов; не все поднимаемые темы интересны учащимся; плюс один урок и неудобное время его проведения.

Обобщённые плюсы «Разговоров о важном» по мнению интервьюируе-

³ «Школьные» СанПиН – 2023: актуальные требования к помещениям, организации образовательного процесса и учебникам // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/article/1479461/> (дата обращения: 27.02.2024).

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ президента от 09.11.2022 № 809 // Консультант-Плюс: справочная правовая система.

мым: сама идея проведения разговоров о важном нужна и интересная; иногда поднимаются интересные темы, которые хочется обсудить; некоторые учителя готовят интересный материал; ученики узнают интересные факты.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод о значимости воспитательной функции школы, поскольку от её эффективности зависит то, какие ценности приобретут дети и приобретут ли вообще. «Разговоры о важном» занимают особую роль в процессе воспитания морально-нравственных ценностей. Также стоит отметить, что данные занятия проходят абсолютно по-разному в различных школах, формат зависит преимущественно от учителя. Соответственно требуется существенная доработка данных занятий, поскольку в нынешнем виде они оцениваются большинством школьников старших классов негативно. Улучшить «Разговоры о важном» можно с помощью: увеличения количества интерактивных элементов; приглашения сторонних экспертов; рассмотрения вопросов регионального значения; изменения времени проведения данных занятий; изменения формата проведения; ведения более «мягкой» пропаганды.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания // Социология. 2021. № 4. С. 20–26.
2. Ардашев Р.Г. Институционально-правовые формы религиозности: от объективных реалий к субъективным оценкам // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, 2021. С. 160–174.
3. Ардашев Р.Г. Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании // Социология. 2020. № 6. С. 5–15.
4. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
5. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
6. Баев П.А. Религиозное сознание в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 3. С. 47–54.
7. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
8. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 39–43.
9. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
10. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 48–52.
11. Булгакова А.С. Разговоры о важном как форма патриотического просвещения в общеобразовательной школе // Устойчивое развитие нау-

- ки и образования. 2022. № 10 (73). С. 14–19.
12. Волошина Н.Ю., Рыбальченко Н.В., Моисеева А.Ф., Расторгуева Т.С. Инновационный патриотический проект «разговоры о важном» // Вестник научных конференций. 2023. № 6–2 (94). С. 39–41.
 13. Журавлева И.А. Изменение условий и форм образования // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 78–82.
 14. Журавлева И.А. Особенности экспертного сообщества в высшем образовании // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2022. С. 47–50.
 15. Журавлева И.А., Иванов Р.В. Социально-политическая система России. учебное пособие. Иркутск, 2022. – 148 с.
 16. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
 17. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
 18. Журавлева И.А. Роль университета в формировании образов героев в менталитете россиян // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этно-региональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 446–459.
 19. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект. Иркутск, ИГУ, 2024. – 96 с.
 20. Иванов Р.В. Герои нашего времени: по материалам современных фильмов // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 613–616.
 21. Иванов Р.В. Особенности современной социальной мифологии // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 73–76.
 22. Иванов Р.В. Направления реализации государственных проектов по развитию патриотического воспитания в региональных образовательных учреждениях // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 209–213.
 23. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27.
 24. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
 25. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–102.
 26. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.
 27. Нечаев М.П. Реализация федерального проекта «разговоры о важном» в социокультурной среде // Вестник РМАТ. 2022. № 4. С. 39–43.
 28. Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Магия: история, мифы, реальность // Социология. 2024. № 1. С. 113–128.
 29. Полюшкевич О.А. Духовно-идеологические основы формиро-

- вания мировоззрения через патриотический кинематограф // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2022. С. 278–282.
30. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
31. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
32. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 1037–1044.
33. Полюшкевич О.А. Коллективные эмоции просоциальных практик: виртуальные и реальные последствия // Человек в информационном обществе. Сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. Самара, 2023. С. 161–164.
34. Полюшкевич О.А. Развитие человеческого капитала высшей школы: региональное измерение просоциальной патриотической активности // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 135–138.
35. Салимова Р.А. Разговоры о важном // Инновационная наука. 2022. № 11–2. С. 115–117.
36. Толмачева В.М., Амелина Н.В. Проект «разговоры о важном»: к вопросу об актуальности реализации // Педагогический поиск. 2023. № 7. С. 42–46.
37. Трескин П.А. Развитие человеческих ресурсов студенческих общественных организаций // Наука и высшее

- образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 362–365.
38. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.

“TALKING ABOUT IMPORTANT THINGS” AS A TOOL FOR DEVELOPING PATRIOTISM IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Zhuravleva I.A.

Irkutsk State University

The article discusses the main tasks of implementing “conversations about what is important” in educational institutions. The results of an empirical study are presented, which show the problems of implementing the assigned tasks and possible solutions to the identified contradictions.

Keywords: conversations about what is important, patriotism, educational institutions, ideology, principles of patriotism.

References

1. Ardashev R.G. Religiosity of virtual space in a pandemic society: features of consciousness // *Sociology*. 2021. No. 4. pp. 20–26.
2. Ardashev R.G. Institutional and legal forms of religiosity: from objective realities to subjective assessments // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, 2021. pp. 160–174.
3. Ardashev R.G. Subjective perception of free will and religious self-determination in public consciousness // *Sociology*. 2020. No. 6. P. 5–15.
4. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // *Global and regional influences in the system of modern societies*. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. pp. 130–134.
5. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality //

- In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 152–156.
6. Baev P.A. Religious consciousness in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 3. pp. 47–54.
 7. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. pp. 69–76.
 8. Baev P.A. National foundations of Russian statehood in a multipolar world // *Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches)*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarova. Irkutsk, 2023. pp. 39–43.
 9. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 512–515.
 10. Baev P.A. National heroes of Russia in the virtual world // *Social reality of virtual space*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 48–52.
 11. Bulgakova A.S. Conversations about what is important as a form of patriotic education in secondary schools // *Sustainable development of science and education*. 2022. No. 10 (73). pp. 14–19.
 12. Voloshina N.Yu., Rybalchenko N.V., Moiseeva A.F., Rastorgueva T.S. Innovative patriotic project “talks about the important” // *Bulletin of scientific conferences*. 2023. No. 6–2 (94). pp. 39–41.
 13. Zhuravleva I.A. Changing conditions and forms of education // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 78–82.
 14. Zhuravleva I.A. Features of the expert community in higher education // *Expert institutions in the 21st century: principles, technologies, culture*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2022. pp. 47–50.
 15. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V. Social and political system of Russia. tutorial. Irkutsk, 2022. – 148 p.
 16. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the life priorities of regional youth: qualitative analysis // *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*. 2020. No. 4. pp. 52–59.
 17. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life guidelines and strategies of provincial youth // *Sociology*. 2020. No. 2. pp. 117–127.
 18. Zhuravleva I.A. The role of the university in the formation of images of heroes in the mentality of Russians // *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of the small homeland*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019. pp. 446–459.
 19. Ivanov R.V. Implementation of patriotic education of youth in modern Russia: regional aspect. Irkutsk, ISU, 2024. – 96 p.
 20. Ivanov R.V. Heroes of our time: based on materials from modern films // *Problems of modeling social processes: Russia and Asia-Pacific countries*. Materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2016. pp. 613–616.
 21. Ivanov R.V. Features of modern social mythology // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects*. materials of the II All-Russian scientific and practical conference. 2016. pp. 73–76.
 22. Ivanov R.V. Directions for the implementation of state projects for the development of patriotic education in regional educational institutions // *In search of social truth*. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. pp. 209–213.
 23. Ivanov R.V. Fundamentals and foundations of the transformation of modern patriotism // *Sociology*. 2023. No. 3. pp. 17–27.
 24. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // *Sociology*. 2023. No. 1. pp. 21–28.
 25. Ivanov R.V. Regional youth policy: expert analysis // *Sociology*. 2021. No. 1. pp. 93–102.
 26. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V. Prosocial practices in sports activities // *Theory and practice of physical culture*. 2023. No. 2. P. 50.

27. Nechaev M.P. Implementation of the federal project "talks about what is important" in the sociocultural environment // *RMAT Bulletin*. 2022. No. 4. pp. 39–43.
28. Kitaev N.N., Ardashev R.G., Sharmurzaev T.T. Magic: history, myths, reality // *Sociology*. 2024. No. 1. pp. 113–128.
29. Polyushkevich O.A. Spiritual and ideological foundations of the formation of a worldview through patriotic cinema // *Humanitarian knowledge and spiritual security*. Collection of materials from the IX International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, 2022. pp. 278–282.
30. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2020. No. 11. pp. 127–131.
31. Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // *Humanitarian vector*. 2022. T. 17. No. 2. pp. 192–202.
32. Polyushkevich O.A. Patriotism as a form of prosocial behavior // *Telecommunication technologies: Updating and solving problems of training highly qualified personnel in modern conditions*. Khabarovsk, 2020. pp. 1037–1044.
33. Polyushkevich O.A. Collective emotions of prosocial practices: virtual and real consequences // *Man in the information society*. Collection of materials from the second international scientific and practical conference dedicated to the decade of science and technology in the Russian Federation. Samara, 2023. pp. 161–164.
34. Polyushkevich O.A. Development of human capital in higher education: regional dimension of pro-social patriotic activity // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 135–138.
35. Salimova R.A. Conversations about the important // *Innovative science*. 2022. No. 11–2. pp. 115–117.
36. Tolmacheva V.M., Amelina N.V. Project "talks about the important": on the issue of the relevance of implementation // *Pedagogical search*. 2023. No. 7. pp. 42–46.
37. Treskin P.A. Development of human resources of student public organizations // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 362–365.
38. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social elevator // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.

Понимание молодежью «дружбы» в социальных сетях

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье рассматриваются категории реальной и виртуальной дружбы, показывается роль и значимость дружбы как социального явления и выделяются отличия понимания реальной и виртуальной дружбы. Рассматриваются результаты исследования понимания молодежью дружбы в социальных сетях.

Ключевые слова: дружба, социальные сети, социальное взаимодействие, онлайн знакомства, молодежь.

Дружба важный феномен развития, так как позволяет человеку выстроить индивидуальное личное развитие. Дружеские отношения исключительно важны для полноценного личностного развития. Наличие и глубина дружбы позволяет говорить о психологическом здоровье молодых людей.

Социальные сети появились не так давно, но уже являются составляющей нашей цивилизации и жизни каждого. С их помощью мы узнаем актуальные новости в мире, общаемся, знакомимся, заводим новые отношения и так далее. В связи с этим, предметом внимания становится понимание «дружбы» в контексте общения в социальных сетях.

Стоит уточнить, что понимание реальной дружбы и виртуальной дружбы не одно и то же. Реальное дружеское взаимодействие более формализовано и лишено интимности общения. Онлайн дружба более откровенна, не формальна, обусловлена интересами в здесь и сейчас. На данный момент осмысление термина «виртуальная дружба» является одной из важных проблем как для исследователей виртуального мира, так и для психологов, социальных работников, родственников тех, кто «дружит» в социальной сети.

Пользуясь мессенджерами, люди продолжают коммуникацию с окружающими их людьми и устанавливают дружеские и романтические отношения. Отсюда и возникают вопросы, связанные с онлайн-общением, например, меняется ли определение «дружбы» за счет переписки или в чем разница между обычными взаимоотношениями и через экран.

Большое количество людей считает, что общение в социальных сетях имеет особые ограничения. Одним из них является физическая близость. Этот фактор напрямую воздействует на отношения между людьми. Другим показателем особых ограничений выступает то, что люди носят «маски», иными словами, человек по ту сторону экрана может пока-

зывать себя совсем другим, нежели тем, кем является в жизни, чтобы быть более привлекательным для личной выгоды. Эта ситуация порождает недоверие собеседника и возникновение неловкости в переписке.

В целом, дружеское взаимодействие в социальных сетях можно отнести к слабым связям. Большинство из них направлены на иллюзию общения. Так как по данным самих социальных сетей, только 15–20% людей из списка контактов взаимодействует со среднестатистическим человеком раз в неделю, остальные и того реже.

Возможности взаимодействия в социальных сетях формируют новые смысложизненные ориентации и новые формы сознания (Р.Г. Ардашев [1–4], П.П. Люберцев, Л.А. Гуринович [6, 7]), новые смыслы ценностей и мировоззрения (П.А. Баев [5], О.А. Полюшкевич [10–13], В.А. Скуденков [14–18]) и другие. Особенности взаимодействия в информационном пространстве и специфике коммуникаций в виртуальной среде посвящены исследования Н.В. Маслодудовой и О.И. Титовой [8, 9]. Это позволяет говорить о сложности исследования данного явления.

Особенности исследования

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей смысла «дружбы» в контексте общения в социальных сетях. Уделено внимание на причины возникновения, изменение и сохранение тех или иных отношений, а также на выявление преимуществ и недостатков этой сферы вопросов, с использованием социологических методов.

Мы опирались на методологию сетевого подхода в разнообразных его формах:

- формалистского взаимодействия (от формы коммуникации в виртуальном пространстве);
- реляционалистского (отношенческого) – реляционная социология (возникновение эмоционально-когнитивных связей внутри виртуального взаимодействия, формирующих и укрепляющих дружеские связи);

- акторно-сетевая теория, позволяющая выделить дружеские связи как объект виртуальной коммуникации и определить его особенности и формы изменения и структурирования.

Всего в опросе приняли участие 800 молодых людей, выборка осуществлялась через общение минимум с 2 людьми в течение одного дня на странице в одной из социальных сетей (vkontakte, tenchat, одноклассники), а также размещают публикации значимых событий в своей жизни на своей странице в социальной сети не менее четырех за месяц.

Среди опрошенных 55% девушек и 45% молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Среди опрошенных 5% имеют ученую степень, 25% степень магистра или обучаются в магистратуре, 45% степень бакалавра или обучаются на бакалавриате, 15% среднеспециальное образование или обучаются в среднеспециальном заведении, 10% имеют среднее образование. Также 30% уже работают, 38% совмещают учебу и работу, 32% только учатся.

Анализ результатов исследования

В ходе исследования установлено, что понимание «дружбы» в контексте общения в социальных сетях отличается от реального. Благодаря онлайн-платформам, люди коммуницируют из удаленных частей света, продвигают личные установки и мысли, обмениваются контентом и делятся опытом, получая мнение в ответ. То есть количество друзей в виртуальном мире может быть гораздо больше, чем в реальном. Но каково качество этой дружбы? Фолловеры могут оказаться поверхностными, иначе говоря, они не поддержат и не помогут в трудную минуту, ведь им это не надо. Пользователи тех или иных социальных сетей оформляют подписку в основном не для дружбы, а для того, чтобы развлекать себя вечером после работы или учебы. Основные элементы такого метода развлечения рассмотрены дальше. Осознание, что окружение – это не близкие друзья, а просто незнакомые люди, может привести к потере смысла дружбы.

Мы использовали метод незаконченных предложений, для понимания того, что такое реальная и виртуальная дружба (Дружба в реальной жизни – это ... Дружба в социальных сетях – это ...). После проведенного контент-анализа ответов, смогли выделить ряд категорий, который позволил сравнить разные оттенки реальной и виртуальной дружбы. Наиболее важные из них:

- непосредственный зрительный (глаза в глаза) контакт (реальная дружба – 33%, виртуальная – 20%, т.к. не у всех есть возможность общаться через видеосвязь);
- эмоциональный обмен (21% реальная и 28% виртуальная дружба) – развитость социальных сетей позволяет передать эмоциональный отклик порой более быстро и точно, нежели чем это можно осуществить при непосредственном взаимодействии;
- помощь и взаимопонимание (по 13%) – совпадают при реальном и виртуальном взаимодействии;
- регулярность коммуникации (реальное взаимодействие 18%, виртуальное – 23%) – цифровые коммуникации стирают временные и территориальные ограничения, тогда как при реальном взаимодействии их присутствие может ограничить возможность коммуникации;
- информационный обмен (реальное взаимодействие 15%, виртуальное – 16%) – практически совпадают, что говорит о развитости информационной наполненности виртуальных интеракций.

Практически все респонденты, 95% пользуются социальными сетями ежедневно. Они заходят в Интернет от скуки, которая, в свою очередь, является следствием свободного времени. Свободное время – это важный ресурс, которым обладает не каждый в силу своей занятости, хотя делать перерывы необходимо, чтобы снять стресс и отдохнуть. В основном, люди, которые имеют огромное количество свободного времени, ничем особым не занимаются. Часто такими людьми становятся депрессивные и одинокие индивидуумы, а также игроманы.

Таким образом, «залезть» в социальные сети – это отдельный вид релакса и отвлечения от реального мира.

По мнению 52% опрошенных, дружба в онлайн возможна лишь с тем, с кем общаются и в реальной жизни. Для 25% дружба в соц. сетях не имеет значения. Отсюда следует, что молодые люди осторожно заводят дружеские отношения через Интернет. Это связано с недоверием к собеседнику и его информации, потому что на различных платформах орудуют мошенники, они втираются в доверие и вытягивают деньги и другие материальные ресурсы из доверчивых людей.

Неудивительно, что самым главным фактором добавления в друзья стало «знакомы лично» (82%) и лишь на втором месте «общие интересы» (18%).

Мы попросили уточнить – количество друзей в вашем профиле. У 25% более двух тысяч друзей, у 31% более тысячи друзей, у 24% около 500 друзей, у 15% до 200 друзей, у 5% менее 50 друзей. Реально общаются со своими онлайн друзьями те, у кого меньше друзей в списке контактов, если перевалил за 500 – то количество контактов в неделю от 5 до 12%.

Интересно, что поводами для взаимодействия, особенно если много друзей в списке контактов, выступают следующие категории:

- сетевые игры (где необходимо большое количество участников) – 31%;
- необходимость продвижения страницы как сообщества (бизнес-проект) – 39%;
- формирование бренда личности и другие люди фиксируют его значимость уже тем, что подписаны на него – 30%.

Количество друзей у женщин в три раза больше, чем у мужчин. Это связано с гендерными установками на большее количества общения и социальных контактов. Социальные коммуникации в женских сетевых сообществах также можно рассматривать как способ онлайн дружбы. Так как общение в таких закрытых сообществах дает поддержку, опору

и реальные знания и советы для решения актуальных вопросов и проблем.

На следующий вопрос «цель общения в социальных сетях» большое количество людей выбрало поддержание связи с близкими (48%). Но большее внимание привлек ответ «знакомство и расширение круга общения» (40%), его отметила половина респондентов. Возникает вопрос – почему люди предпочитают знакомиться в онлайн, а не вживую? А затем встретится лично и продолжить личное и виртуальное общение.

У нас есть несколько причин этого явления. Одним из них является страх (47%). Страх есть абсолютно у каждого и это нормально. Страх начинать знакомство вживую присутствует у людей, которые менее социализированы и стеснительны. Люди боятся быть непонятыми и отвергнутыми обществом, ввиду своей низкой самооценки и неуверенности. Следующей причиной можно выделить одиночество (40%). В силу того, что в социальных сетях огромное количество пользователей, можно высказывать свое мнение и найти единомышленников. Как уже говорилось выше, общение может быть поверхностным. Человека могут окружать миллионы, но найти родную душу очень сложно, например, из-за страха или нежелания. Другой причиной этого состояния может выступать то, что человек полностью погрузился в работу, карьеру, забыв об отношениях с окружающими людьми.

45% проходящих опрос отметили, что виртуальная дружба имеет место быть, но с определенными ограничениями. Здесь имеется ввиду то, что присутствуют некоторые барьеры, в отличие от оффлайн-общения, например, разные часовые пояса или отсутствие глазного контакта и других невербальных коммуникаций. Желание прикоснуться, обнять и просто понаблюдать за человеком являются неотъемлемыми компонентами общения. Невидимые сигналы создают более глубокую эмоциональную связь между людьми.

Основными способами общения в мессенджерах стали личная переписка (35%) и аудиосообщения (34%). Люди

предпочитают общаться в переписке, потому что можно самому выбрать, когда ответить, то есть отвечать не по первому требованию товарища, а по своему желанию. Это, в свою очередь, повышает мотивацию продолжать общение, обдумывая обратную связь, и не создает атмосферу давления со стороны партнера. Отвечая человеку в неформальной переписке, всегда приятно слышать его голос, интонацию, потому что можно понять его настроение и получить некое удовольствие. К тому же, это быстрый вариант отозваться, нежели печатать текст.

Затрагивая вопрос полезности социальных сетей, как способе установления новых дружеских связей: 77% ответили, что они полезны. Размещая свое творчество и мысли, мы можем найти слушателей, которые готовы к разговорам на смежные темы. Тем более, стать товарищем по переписке легко, достаточно добавить в друзья и начать разговор с интересной темы, чтобы замотивировать в диалоге. И только 23% указали на возможные риски онлайн взаимодействия, делая акцент на неизвестности того, кто находится по другую сторону компьютера или телефона, кто на линии социальных сетей может стать не только другом, но и опасным «врагом».

Респонденты отметили следующие преимущества и недостатки: основным преимуществом дружбы через экран стало то, что можно получить поддержку от людей с самых разных уголков мира, а недостаток – нельзя установить тесную духовную связь, человек воспринимается как просто получатель информации, а не как кто-то значимый, потому что нет физического контакта, как при живом общении.

Интересным наблюдением молодых людей является то, что не стоит абсолютно доверять всему что говорится в социальных сетях. Нужно быть более избирательным в этом плане, так как для человека нету никаких причин раскрывать о себе какие-то неприятные детали, ничто не запрещает ему приукрашивать существующее. Это результат того, что в обществе есть определенные критерии

для принятия человека, и каждый индивидуум имеет желание казаться более привлекательным, чем является на самом деле.

На основе полученных данных мы можем выделить несколько типов людей, которые стремятся поддерживать онлайн-дружбу:

- скрытый тип – отсутствуют какие-либо личные фотографии и видео; поддерживает взаимодействие с очень ограниченным кругом людей, на странице выставляет мало личной информации – только непосредственно во взаимодействии через сообщения можно что-либо узнать (22%);
- узкопрофильный – присутствует личное фото как правило тематическое, напрямую связанное с содержанием социальной страницы; контент на странице тематический (хобби, работа), взаимодействие в основном по теме интересов; оно формируется вокруг тех, кто имеет схожие интересы или попадает в целевую аудиторию (44%);
- полипрофильный – на странице присутствует личная фотография, и в профиле выкладываются другие фотографии регулярно; размещен разнообразный контент, позволяет судить о том, что волнует человека и легко с ним взаимодействовать; как правило много контактов, позволяющих выстроить разнообразное взаимодействие (34%).

С каждым днем мы становимся все более зависимы от социальных сетей, они же, в конечном счете, дают нам возможность, хоть и с ограничениями, которые мы выявили, взаимодействия, передачи информации, тем самым внося новые смыслы в понимание термина «дружба». Таким образом, нужно правильно создавать благоприятное сочетание онлайн и офлайн-дружбы.

Выводы

Социальные сети меняют наше пространство коммуникации, наполняя его новым смыслом, формой, содержанием. Это не может не повлиять на личность молодых людей, вовлеченных в формат

виртуальной дружбы. А в больших сообществах – это меняет образ жизни, привычки и повседневный уклад целых поколений.

Игнорировать данные изменения нельзя, так как они приведут к новым форматам развития и внутренней коммуникации во всех социальных институтах. Изменение смыслов в личном взаимодействии приведет к новым контекстам развития человека в целом и трансформации формальной и неформальной коммуникации социальных институтов. Более того, информационное пространство виртуальной коммуникации и виртуальной дружбы качественно поменяется. Результатом этого станет новый контекст социального моделирования всех безусловно процессов общественного воспроизводства. И, казалось бы, появление виртуальной дружбы как социального явления станет поводом для трансформации всего общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей

- региональной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 125–128.
5. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 512–515.
 6. Гуринович Л.А. Измерение социальной значимости виртуальной реальности в жизненном пространстве молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 23–26.
 7. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 360–363.
 8. Маслодудова Н.В. Информационное пространство современного мира // Социология. 2023. № 6. С. 27–34.
 9. Маслодудова Н.В., Титова О.И. Гендерные особенности коммуникаций в виртуальной среде // Социология. 2023. № 1. С. 71–78.
 10. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 10–25.
 11. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 12. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 13. Полюшкевич О.А. Репрезентация молодежи: приватное и публичное в социальных сетях // Диалоги о культуре и искусстве. материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пермь, 2020. – С. 122–126.
 14. Скуденков В.А. Влияние виртуальности на экономические притязания граждан России // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 181–183.
 15. Скуденков В.А. Психология виртуального имиджа // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 75–77.
 16. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. – Иркутск: ИГУ, 2022. – С. 168–173.
 17. Скуденков В.А. Экономические притязания и социальные статусы в выборе виртуальных профессий в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 302–306.
 18. Скуденков В.А. Экономические статусы в виртуальном мире: взгляд студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 243–245.

YOUNG PEOPLE'S UNDERSTANDING OF "FRIENDSHIP" IN SOCIAL NETWORKS

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the categories of real and virtual friendship, shows the role and significance of friendship as a social phenomenon and highlights the differences in understanding of real and virtual friendship. The results of the study of young people's understanding of friendship in social networks are considered.

Keywords: friendship, social networks, social interaction, online dating, young people.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vol NC RAS, 2021. – pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 152–156.
4. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 125–128.
5. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 512–515.
6. Gurinovich L.A. Measuring the social significance of virtual reality in the living space

- of young people // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – pp. 23–26.
7. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for education and social education of working youth in the conditions of virtual space // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 360–363.
8. Maslodudova N.V. Information space of the modern world // Sociology. 2023. No. 6. pp. 27–34.
9. Maslodudova N.V., Titova O.I. Gender characteristics of communications in a virtual environment // Sociology. 2023. No. 1. pp. 71–78.
10. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2020. – pp. 10–25.
11. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. pp. 163–176.
12. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. pp. 127–131.
13. Polyushkevich O.A. Representation of youth: private and public in social networks // Dialogues about culture and art. materials of the X All-Russian scientific and practical conference (with international participation). – Perm, 2020. – pp. 122–126.
14. Skudencov V.A. The influence of virtuality on the economic claims of Russian citizens // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 181–183.
15. Skudencov V.A. Psychology of virtual image // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2020. – pp. 75–77.
16. Skudencov V.A. Economic and social claims in the context of virtualization of the lifestyle of young people // Social reality of virtual space. materials of the IV Interna-

- tional Scientific Conference. – Irkutsk: ISU, 2022. – P. 168–173.
17. Skudenkov V.A. Economic claims and social statuses in the choice of virtual professions in the digital world // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 302–306.
18. Skudenkov V.A. Economic statuses in the virtual world: the view of students // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 243–245.

Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданской ответственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей

Трескин Петр Андреевич,

старший преподаватель Нижегородского государственного университета
Им. Н.И. Лобачевского, директор МАУ
«ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ –
«Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета)
E-mail: treskin-pe@ya.ru

В статье анализируются процессы становления и развития гражданского общества. Показывается роль молодежных общественных организаций в укреплении институтов гражданского общества, а также в формировании гражданской ответственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей молодежи в современном меняющемся мире. Подчеркивается важность молодежной просоциальной активности в общественном воспроизводстве. Приводятся результаты опроса участников общественных организаций, направленных на их идейную, патриотическую и морально-нравственную идентичность молодого поколения.

Ключевые слова: общественные организации, молодежные организации, гражданственность, патриотизм, морально-нравственные ценности, гражданское общество, некоммерческий сектор.

Процессы формирования гражданской идентичности, патриотических убеждений и моральных ценностей у молодежи сегодня являются по моему мнению определяющими для будущего нашей страны. Напомню, что Россия, в рамках исследуемой темы, потеряла целые поколения в 90-е годы, когда шел процесс формирования нового российского государства, и в 2000-е годы, когда только началось возрождение молодежных организаций, деятельность которых направлена была на формирование российской идентичности, патриотизма, любви к Родине, её истории, и в целом гражданской ответственности. Это важная проблема, так как молодежные общественные организации могут оказывать существенное влияние на формирование мировоззрения и ценностных установок у молодого поколения.

Конечно, нельзя не отметить, что в течение последних 20 лет была проведена объемная работа. В школах появились классные часы «Разговоры о важном», во всех образовательных учреждениях постепенно вводится практика поднятия государственного флага под гимн РФ каждую неделю, молодежные организации оказывают все большее влияние на молодежь, количество которых насчитывает уже более 30 тыс. Соответственно, постепенно встает вопрос о необходимости объединения вышеречисленных идей в одну идеологию, которая будет отражать интересы всего российского общества, её национальную идентичность и обеспечивать будущее нашей страны в лице новых поколений.

Постоянно меняющиеся условия жизни, под воздействием экономических санкций, виртуализации, военной операции и прочих важных внешних факторов, помогает определить свою нишу воздействия на общество в целом и отдельные институты гражданского общества в частности для любой обществен-

ной организации и регулировать социальную активность через вовлечение в свою работу активной молодежи.

Социально полезная/значимая деятельность как совокупность действий, направленных на реализацию социальных преобразований и проблем социума, способствующих позитивным изменениям в самом человеке и во внешней социальной среде. Когда она организована в рамках развития добровольческого движения, то способствует развитию патриотизма (морального и социально-политического принципа, сутью которого является любовь к Отчизне и решимость в необходимый момент принести в жертву свои интересы ради неё). Это влияет на идентичность россиян и формирует просоциальные интересы и практики активного социального взаимодействия.

Активное участие молодежи сегодня в жизни страны, региона, горда посредством общественной деятельности в таких сферах, как патриотизм, социальная деятельность и т.д., в первую очередь развивает молодёжные общественные организации как главный элемент российского гражданского общества [25]. Общественные организации могут выступать социальными лифтами для построения карьеры и развития самореализации. Более того, активное развитие последних помогает выстраиванию социального пространства общественного диалога между институтами гражданского общества. Это реализуется через:

- открытое пространство взаимодействия, что обеспечивает прозрачность работы всех участников гражданского общества (П.А. Трескин [24–27], А.Н. Пружинин [20], А.Ю. Поджидаева [14, 15]);
- активизирует социальную ответственность и включенность в просоциальное взаимодействие (О.А. Полушкевич [16–19]);
- формирование профессиональной основы для подготовки кадров в разных сферах общественной жизни, но обладающих общим уровнем знаний и умений, помогающих ориентироваться в постоянно меняющихся со-

циальных условиях (И.А. Журавлева [12, 13], Л.А. Гуринович [8–11]);

- моделирует новые жизненные и профессиональные (трудовые) сценарии молодых людей, формирующие новые условия для жизни целых поколений (Р.Г. Ардашев [1–4], П.А. Баев [5] и Д.С. Хаустов [6, 7], В.А. Скуденков [21–23]).

Особенности исследования

Целями исследования стало изучение влияния молодежных общественных организаций посредством сбора статистических данных на процессы формирования гражданской идентичности, укрепления патриотических убеждений и развития моральных ценностей у молодежи. Исследовать молодёжные общественные организации как воспитательный фактор формирования гражданского общества.

Лейтмотивом исследования является работа по распространению социально значимых идей и добровольному вовлечению молодежи к общественной социально полезной деятельности в рамках молодёжных общественных организаций. А также возможность формирования гражданского общества, российской идентичности, патриотизма через деятельность молодёжных общественных организаций.

В исследовании приняло участие 1500 человек в возрасте от 18 до 35 лет, участвующих в волонтерском движении или добровольческих отрядах, а также общественных организациях от года и более. 55% девушек и 45% молодых людей, проживающих на территории России. Опрос проводился в виде онлайн-анкетирования.

Анализ результатов исследования

В молодёжных общественных организациях существует тенденция серьёзного уменьшения людей старше 23–29 лет (33%), и более плавное сокращение людей 30–35 лет (40%). Это говорит нам о том, что с 23 лет молодые люди менее активно занимаются общественной деятельностью, так как находят работу в разных сферах жизни и не всегда могут найти время для социальной активности.

Опрошенные нами молодые люди имеют различный срок вовлеченности в социально-активную деятельность (менее года – 31%, более года – 34%, два года и более – 18%, более пяти лет – 17%).

Уровень интенсивности вовлеченности в социально активную деятельность не одинаков. Активно участвует – 40%, иногда участвует – 36%, редко что-либо делают – 18%, просто наблюдают со стороны – 6%. Иными словами, более 2/3 опрошенных участвуют в деятельности, что можно переделить как положительный факт того, что все они являются активными участниками процесса построения гражданского общества в России.

Моя общественная деятельность является полезной для общества – полагают 45% опрошенных, скорее да, чем нет – 36%, скорее нет, чем да – 19%. Почти половина опрошенных однозначно уверены в итогах своей деятельности. Это значит не только то, что респонденты считают свою деятельность социально позитивной и важной, но и то, что они хотят помогать обществу и не желают делать что-то без пользы для него. Но треть респондентов не уверены в итогах своей деятельности, что может нести за собой риск дальнейшего ухудшения данной тенденции. Нет реального наполнения смыслом или же срабатывает эффект неоправданных ожиданий.

Также мы попросили оценить свое внутреннее состояние при работе в общественной организации и получили интересные данные. С удовольствием работают на общественных началах – 40%, я не совсем понимаю наши идеи и ценности и поэтому иногда нахожусь в неясных ощущениях – 25%, иногда приходится отказываться от своего мнения ввиду давления со стороны руководства и это негативно сказывается на оценке общественной деятельности – 20% и у 15% создается впечатление, что они лишние люди в общественной организации. Несмотря на то, что для большинства понятно значение своей деятельности в организации, но есть проблемы в общественных организациях в плане правильности донесения необходимой информации до ее членов и некой демо-

кратичности в выражении своих мыслей, что не может в долгосрочной перспективе не подрывать целостность и командность среди членов.

Цели вступления в общественные организации также существенно отличаются. Осознанно выбрали организацию только 52% молодых людей, вступили за компанию – 20%, вступили по требованию – 10%, вступил из-за интереса – 18%. Большинство людей из первой группы «Осознанных», ведут активную социальную деятельность. А людей из группы, вступивших по требованию, кто редко что-либо делают в организациях, меньше всего, что создает более стабильную и прогнозируемую обстановку в команде.

Уровень удовлетворенности работой в общественной организации также неодинаков. Получают то, что интересуют только 44% молодых людей; получают опыт, но не тот, на который рассчитывали – 26%; нет удовлетворенности ни от деятельности, ни от поощрения, ни от каких-то выгод – 20%. Большая часть отметили, что получают выгоды, вступили осознанно и проявляют себя активно в деятельности организации.

В результате исследования установили, что имеют активную гражданскую позицию 56% молодых людей; гражданская позиция проявляется время от времени у 34% опрошенных; не имеют гражданской позиции 10% участников общественных организаций (вероятно, это те, кто по принуждению вступил в общественную деятельность).

Опрошенные участники общественных организаций занимаются разнообразной деятельностью. Наиболее распространенная среди них следующая: социальная защита – 35%, научная и просветительская деятельность – 25%, патриотическая направленность – 17%, спортивная активность – 13%, объединение по локальным интересам – 10%. То есть, содержание и смысл волонтерской деятельности разнообразный, но определяется личными интересами и социальными задачами той или иной общественной организации.

При этом российская идентичность для участников общественных организаций проявляется через:

Любовь к Родине, её истории – 33%;

Сохранение морально-нравственных ценностей – 25%;

Поддержка власти и её решений – 20%;

Осознанное отношение к культуре и искусству – 12%;

Умеренный консерватизм – 10%.

Поэтому, мы можем утверждать, что участие молодых людей в деятельности общественных организаций помогает сформировать чувство патриотизма и гражданской идентичности, социальной активности и просоциальной вовлеченности в социальное воспроизводство. Это является основой для развития небезразличной личности, способной нести ответственность за себя и тех, кто рядом. Это не просто личная воля, это ответственность за себя, за других, за страну, которая реализуется в конкретных практических формах действий. И в конечном счете, именно это позволяет укрепить работу всех институтов гражданского общества.

Выводы

Чем больше молодежь участвует в социально активной деятельности, тем эффективнее функционируют институты гражданского общества. Более того, это вовлекает молодых людей быть более активными и инициативными и опираться на свои патриотические представления и чувства, знать и развивать свои морально-этические и морально-нравственные состояния, помогающие укрепить гражданственность как основополагающую категорию для социальной солидарности. Социальная активность способствует не только развитию патриотизма, но и самосохранительного поведения, укрепляющего мировоззренческие и ценностные ориентиры, осознание своей роли (роли личности) в истории и общественном воспроизводстве.

Участие в работе общественных организаций развивает коммуникативные и лидерские навыки молодых людей, укрепляет их чувство ответственности

за себя и все общество. Также это помогает увидеть значимую роль молодежи как социальной общности в общественном развитии.

Обеспечение государством поддержки активной молодежи и помощь в развитии общественных и личных интересов, должно в равной степени обеспечить развитие гражданского общества и в перспективе обеспечить продуктивное функционирование других сфер общества. Также государство должно минимизировать негативное влияние и давать общественно полезное направление и перспективы развития молодежи в организациях. А это возможно лишь при условии социального моделирования деятельности молодежных общественных организаций, их вовлеченности в различные экспертные и социальные сообщества, способные регулировать общественные институты и процессы.

Формируется тем самым система взаимосвязанных и взаимообусловленных причинно-следственных связей между молодежными общественными организациями и развитие социальной солидарности и идентичности граждан, а также отлаженной системы работы институтов гражданского общества. Данные условия позволяют фиксировать состояние развития общества в настоящем и через прогнозируемые модели предугадать (рассчитать) его развитие в будущем.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской

- академии наук. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 152–156.
 4. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 125–128.
 5. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 48–52.
 6. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
 7. Баев П.А., Хаустов Д.С. Материальные притязания и финансовые идолы современных студентов // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 352–355.
 8. Бардамова Я.Ю., Гуринович Л.А. Сетевое взаимодействие с молодежью как фактор консолидации общественных возможностей и влияния на формирование и трансформацию ценностных ориентаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. материалы VII Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 68–73.
 9. Гуринович Л.А. Взаимодействие общественных организаций со студентами // STUDIUM I. Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов и соискателей. – Иркутск: ИГУ, 2000. – С. 121–124.
 10. Гуринович Л.А. Общественные организации высшего учебного заведения: стратегия развития самоуправления в трансформирующемся обществе // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы всероссийской Конференции. – Иркутск: ИГУ, 2010. – С. 136–139.
 11. Гуринович Л.А. Формирование дополнительных навыков в общественных организациях как аспект профориентационной работы со студенческой молодежью // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России. Сборник научных трудов подготовлен в рамках мероприятий, посвященных 100-летию ВЛКСМ. – Иркутск: ИГУ, 2018. – С. 200–201.
 12. Журавлева И.А. Изменение условий и форм образования // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 78–82.
 13. Журавлева И.А. Образовательные и трудовые стратегии молодежи в 2018 и 2023 гг. // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 185–190.
 14. Поджидаева А.Ю. Гражданско-цифровое просвещение как одно из ведущих направлений реализации социальных и гражданских инициатив НКО в развитии гражданского общества // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. – Иркутск: ИГУ, 2022. – С. 115–119.
 15. Поджидаева А.Ю. Место и роль НКО в структуре гражданского общества и специфика их деятельности в Рос-

- сии: категориальный анализ понятий // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. – Иркутск: ИГУ, 2022. – С. 110–116.
16. Полюшкевич О.А. Последствия пандемии: просоциальные практики и солидарность сообществ // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 2. С. 124–132.
 17. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2022. – С. 675–678.
 18. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. – Улан-Удэ, 2023. – С. 159–163.
 19. Полюшкевич О.А. Социальные коммуникации и просоциальные практики в цифровом мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 41–44.
 20. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
 21. Скуденков В.А. Социально-экономические притязания в кризисном обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. – Иркутск: ИГУ, 2018. – С. 84–90.
 22. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
 23. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
 24. Трескин П.А. Развитие человеческих ресурсов студенческих общественных организаций // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 362–365.
 25. Трескин П.А. Ресурсы некоммерческого сектора байкальского региона в многополярном мире // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 229–233.
 26. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
 27. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Ex-Legis: правовые исследования. 2019. № 4. С. 37–39.

THE ROLE OF YOUTH PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF CITIZENSHIP, PATRIOTISM AND MORAL VALUES

Treskin P.A.

Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky

The article analyzes the processes of formation and development of civil society. The role

of youth public organizations in strengthening the institutions of civil society, as well as in the formation of citizenship, patriotism and moral values of young people in the modern changing world is shown. The importance of youth pro-social activity in social reproduction is emphasized. The results of the survey of participants of public organizations aimed at their ideological, patriotic and moral and moral identity of the young generation are given.

Keywords: public organizations, youth organizations, citizenship, patriotism, moral values, civil society, non-profit sector.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vol NC RAS, 2021. – pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 152–156.
4. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third Regional Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 125–128.
5. Baev P.A. National heroes of Russia in the virtual world // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 48–52.
6. Baev P.A., Khaustov D.S. Living in debt: moral attitudes of Russians // Sociology. 2023. No. 6. pp. 94–100.
7. Baev P.A., Khaustov D.S. Material claims and financial idols of modern students // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 352–355.
8. Bardamova Y.Yu., Gurinovich L.A. Network interaction with youth as a factor in the consolidation of social opportunities and influence on the formation and transformation of value orientations // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. materials of the VII International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 68–73.
9. Gurinovich L.A. Interaction of public organizations with students // STUDIUM I. Materials of the annual scientific and practical conference of students and applicants. – Irkutsk: ISU, 2000. – P. 121–124.
10. Gurinovich L.A. Public organizations of a higher educational institution: strategy for the development of self-government in a transforming society // Culture and explosion: social meanings in a transforming society. All-Russian materials. Conferences. – Irkutsk: ISU, 2010. – P. 136–139.
11. Gurinovich L.A. Formation of additional skills in public organizations as an aspect of career guidance work with students // Social experience of the Komsomol and its significance for the modernization of Russia. The collection of scientific works was prepared as part of events dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol. – Irkutsk: ISU, 2018. – P. 200–201.
12. Zhuravleva I.A. Changing conditions and forms of education // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 78–82.
13. Zhuravleva I.A. Educational and labor strategies for youth in 2018 and 2023. // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 185–190.
14. Podzhidaeva A. Yu. Civic-digital education as one of the leading directions in the implementation of social and civil initiatives of NPOs in the development of civil society // Social reality of virtual space. materials of the IV International Scientific Conference. – Irkutsk: ISU, 2022. – P. 115–119.
15. Podzhidaeva A. Yu. The place and role of NPOs in the structure of civil society and the specifics of their activities in Russia: cate-

- gorical analysis of concepts // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation. Under the general editorship of M.G. Tirskikh, G.V. Druzhinina. – Irkutsk: ISU, 2022. – pp. 110–116.
16. Polyushkevich O.A. Consequences of the pandemic: prosocial practices and community solidarity // Humanitarian Vector. 2023. T. 18. No. 2. pp. 124–132.
 17. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the VII international scientific and practical Internet conference. – Vologda: Vol NTs RAS, 2022. – P. 675–678.
 18. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of prosocial practices // Social security and social protection of the population in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Bado-nov. – Ulan-Ude, 2023. – pp. 159–163.
 19. Polyushkevich O.A. Social communications and prosocial practices in the digital world // Social reality of virtual space. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU, 2023. – pp. 41–44.
 20. Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu. Models of legitimation of the development of human resources of non-profit organizations // Sociology. 2022. No. 1. pp. 144–153.
 21. Skudenkov V.A. Socio-economic claims in a crisis society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the III International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. – Irkutsk: ISU, 2018. – pp. 84–90.
 22. Skudenkov V.A. Social symbols of cash in everyday life // Sociology. 2019. No. 2. pp. 280–283.
 23. Skudenkov V.A. Economic claims in conditions of mobilization // Sociology. 2022. No. 5. pp. 80–87.
 24. Treskin P.A. Development of human resources of student public organizations // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 362–365.
 25. Treskin P.A. Resources of the non-profit sector of the Baikal region in a multipolar world // Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after. D. Banzarova. – Irkutsk: ISU, 2023. – P. 229–233.
 26. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social elevator // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.
 27. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // ExLegis: legal studies. 2019. No. 4. pp. 37–39.

Ценностные основы консолидации современного российского общества

Хохлова Ольга Михайловна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olgamikhaylovnak@bk.ru

Дмитриева Лариса Юрьевна,

к.т.н., доцент отделения прикладной математики и информатики, Иркутский национальный исследовательский технический университет
E-mail: dlj-2011@mail.ru

Авторами приводятся результаты социологического исследования, проведенного на территории Иркутской области и соседствующих с ней регионов: Красноярского края и республики Бурятия в период с октября 2023 г. по март 2024 г., в котором исследовались ценностные основания и факторы консолидации современного российского общества. Проведенное авторами исследование позволило сделать выводы о том, что нашей стране жизненно необходимо воссоздание и упрочение гражданской идентичности, требующие напрямую разграниченной ответственности между государством и гражданским обществом, что будет являться одним из векторов эффективного развития общества с прямым участием в этом процессе граждан. Идентичность современного российского общества, напрямую проявляется в осуществляемой им социальной и политической среде, с ее противоречиями и конфликтами, связанными усилиями и инициативами, исходящими, как от власти, так и от граждан. Потенциал, заложенный в гражданской идентичности, является эффективным фактором развития современного общества, используя который, развивается и человеческий потенциал современного общества, это развитие происходит в соответствии с поставленными задачами развития России.

Ключевые слова: консолидация, современное общество, гражданская идентичность, гражданское мировоззрение, конфессиональные отличия, этнокультурное разнообразие.

История пути развития России, начиная с 90-х гг. до настоящего времени оценивается как чрезвычайно сложный, трансформируемый, что объясняется разрушением советской идеологии, полным крахом радикальных социально-экономических и политико-правовых реформ [2].

Множество российских регионов подверглось сепаратизму, трансформации экономической деятельности и дискриминации по религиозным убеждениям и предпочтениям. Все эти явления происходили на фоне резкого роста коррупции, увеличивающегося материального расслоения общества, и стали основополагающим фактором дестабилизации в стране [3].

Консолидация жизненно необходима современному российскому обществу, она характеризует взаимодействие между социальными субъектами, определяет путь достижения ими социального согласия. Период распада СССР ярко продемонстрировал, что, консолидация является феноменом, который необходимо тщательно изучать, включая ее теоретический анализ.

Происходящие постсоветские преобразования во многом способствовали изучению этого феномена, демонстрируя значительное снижение уровня жизни населения, его благополучие, обострение проблем несправедливости, неравенства, высокого роста уровня преступности и другие неблагоприятные факторы. Исследователи и ученые искали факторы сплоченности, единства для молодого формирующегося российского общества, но эти старания так и не привели к положительному результату. А поставленные задачи до сих пор остались до конца не решенными.

Социологический словарь дает следующее определение понятию «консолидация», характеризуя его как «укрепление и сплочение различных социальных групп для преодоления кризисной

ситуации и достижения определенных целей» [1], это означает, что процессы, объединяющие граждан способны происходить на основе различных факторов и условий, они могут объединяться вместе, достигая общих, поставленных целей, вместе защищать свои приоритеты, интересы и цели.

Отметим факторы сплоченности граждан, к которым традиционно относятся:

- степень идентичности;
- характер политической активности;
- доверие к властным структурам и органам;
- базовые ценности граждан, и ряд других факторов.

Сознание человека, также, как и его поведение подвержено влиянию целого ряда социальных, политических, духовно-нравственных условий общества. Базовые же ценности являются своеобразным эталоном, как правило, исторически выработанным обществом. Система ценностей с эпохами меняется, способствуют этому вышеуказанные факторы, включая этнический фактор.

Совокупность ряда ценностей образует систему ценностей, где главным является какие приоритеты и ценности способны занять центральное и явно преобладающее место в этой системе.

Основополагающей в этом процессе является ценностная проблематика, она занимает в консолидации общества и граждан центральное место, потому, что, именно социальные трансформации способны привести к существенным изменениям ценностей и приоритетов граждан, способны отразиться на поведении граждан, следовательно, при более тщательном анализе этим явлениям требуется постоянный мониторинг.

Ядро ценностей представляют порядок, семья, общительность, они являются одними из самых важных факторов консолидации, следовательно, базовые общенациональные ценности, приоритеты и задачи, стоящие перед обществом, способны привести к консолидации общества.

Социологическое исследование, проведенное в Иркутской области,

Красноярском крае и республике Бурятия, в период с октября 2023 г. по март 2024 г., в котором нами были исследованы ценностные основания и факторы консолидации современного российского общества продемонстрировали, что, ощущение дистанции между богатыми и бедными почувствовали четыре человека из пяти опрошенных респондентов – 81%. Отмеченные изменения в современном обществе наталкивают исследователей на анализ политической, экономической, идеологической, духовно-нравственной и культурной деятельности в решении проблем утверждения гражданской идентичности и консолидации.

Необходимо при этом отметить, что ряд исследователей и ученых такие идеологические феномены, как гражданская идентичность, значительные конфессиональные различия, яркое этнокультурное разнообразие рассматривают как вызовы и угрозы национальной безопасности России, несмотря на то, что они представляют собой фактические источники развития и укрепления российской государственности [10, с. 62–63].

В глазах политиков гражданское самосознание порой определяется в качестве обязательного условия нарастания гражданского протеста, формирования и развития оппозиции, а огромное многообразие в этнокультурном и национальном колорите современной России представляет для нашего общества значительную угрозу национального единства и сплоченности общества [8, с. 64–65].

Отмеченные изменения в современном обществе наталкивают исследователей на анализ политической, экономической, идеологической, духовно-нравственной и культурной деятельности в решении проблем утверждения гражданской идентичности и консолидации.

Говоря о развитии и укреплении российской государственности, необходимо отметить, что ряд идеологических феноменов, таких как: гражданская идентичность, имеющиеся конфессиональные

отличия, богатое этнокультурное разнообразие и другие необходимо в современных условиях развития нашего общества рассматривать как проявление вызов и угроз национальной безопасности, несмотря на то, что помимо них имеется еще целая плеяда других угроз обществу.

Гражданское самосознание порой принимают за обязательное условие, способное существенно усилить гражданские протесты, вызвать рост оппозиции, а многообразие различных этнических групп представляет для российского общества угрозу национального единства и сплоченности общества [7, с. 163–164, с. 165].

В рассматриваемых нами регионах, этнокультурная и конфессиональная составляющая проявляется особенно ярко, в этих регионах России отмечен рост религиозного экстремизма и национализма, что отражает статистика совершения тяжких и особо тяжких преступлений, что не может не формировать отрицательные этнические стереотипы [6].

В современных реалиях актуальной является оценка уровня гражданского сознания жителей рассматриваемых нами регионов Сибири, необходимо также рассматривать и изучать потенциал гражданской и национальной идентичностей в современном российском обществе. Нам представляется, что мощный эмпирический ресурс демонстрируют оценки и результаты проводимых социологических исследований, которые позволяют адекватно оценивать поведение и настроение граждан, их реакции на обещанные социальные ожидания и действительно существующий уровень благосостояния граждан, благоприятные изменения в их жизни, имеющиеся проблемы, конфликты и противоречия этнических и национальных взглядов, интересов и предпочтений. В таких условиях возникает острая необходимость использования различных видов коммуникаций, которые являются эффективным инструментом для оптимизации коммуникативных факторов консолидации нашего общества [4, с. 177–178, с. 181].

В проведенном нами исследовании участвовало 2157 респондентов, из них: Иркутскую область представляли 792 респондента, Красноярский край – 890 респондентов, республику Бурятию – 475 респондентов. Возраст опрашиваемых – от 18 до 71 года, по гендерному признаку: 48% – мужчины, а 52% – женщины, по уровню образования: высшее образование имеют – 39% респондентов, неоконченное высшее – 11%, средне-специальное – 23%, среднее – 20% и неоконченное среднее – 7% исследуемых.

Целью проводимого исследования была необходимость выявить уровень единства наших соотечественников (гражданского единства) с возможностью при этом сохранения этнокультурного и конфессионального многообразия народов Сибири.

Исследуемая гипотеза изучает многообразие различных этносов как фактор консолидации, способный обеспечить реализацию идей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [9].

С особым вниманием необходимо рассматривать ценностные ориентации, предпочтения, взгляды и цели современной российской молодежи, это связано с ее ролью в обществе, ее особым статусом в осуществлении демографической политики страны. Современная молодежь переживает высокий рост социального неравенства гражданского общества, существенные различия в уровне доходов отдельных категорий граждан, глубокую трансформацию современной системы российского образования и ряд других глобальных проблем человечества, волнующие современную молодежь.

Проведенное исследование показывает, что ценности современной российской молодежи практически ничем не отличаются от ценностей населения всего российского общества. Самой важной ценностью в жизни современная молодежь выбирает «жизнь человека» – 67%, на второе место поставили «семью» – 54%, на третье «возможность общаться» – 49%. Молодежь же-

лает и любит общаться, а в век развития информационно-коммуникационных технологий самую высокую оценку получил информационный тип общения. Молодежи принадлежит большая доля социальных сетей, что делает общение доступным и приоритетным. Молодежь желает «посмотреть мир, объехать много стран, путешествовать» – 56% молодежи выделили и эту ценность в своей жизни. Необходимо отметить, что с момента пандемии ценностные приоритеты и предпочтения современной российской молодежи претерпели изменения, на смену популярной еще до 2019 г. «карьере» – 62%, и «материальному благополучию» – 51%, пришли основные жизненные ценности – «жизнь» 59% и «здоровье» – 42%.

Гражданская идентичность представляется нам сложным, многоаспектным феноменом, но, жизненно необходимым, хотя и достаточно проблематичным. Гражданская идентичность, как ценность зрелая, сформированная и стабильная, может быть представлена как идеал в развитии общества, как активная жизненная позиция граждан, которые могут интересы и ценности общества поставить выше личных приоритетов, целей и задач.

России сегодня крайне необходимо упрочение гражданской идентичности, проявление активности граждан. Если гражданская идентичность формируется под воздействием определенных факторов, стихийно, то власти необходимо контролировать этот процесс. Если же гражданская идентичность не сформирована или сформирована слабо, государство попытается ее сформировать, чтобы направить в свое идеологическое русло [5, с. 247–248, с. 249].

Проведенное нами исследование показало, что респонденты исследуемых регионов внимательно следят за новостями, связанными с национальными проявлениями, учитывают этноконфессиональное разнообразие в местах жизнедеятельности, чувствуют в связи с этим угрозу безопасности себя и своей семьи, несмотря на то, что, к изданию проживающим на их территории ло-

гально относятся к разным конфессиям, это продемонстрировало исследование на территории республики Бурятия. На вопрос «Благоприятен ли фактор полиэтничности, способствует ли он развитию Вашего региона?». 76% респондентов негативно высказались по этому вопросу, не согласны они и с установкой, что «полиэтничность благоприятный и эффективный фактор в развитии региона и РФ», только 16% респондентов положительно высказались в пользу полиэтничности. 85% респондентов исследуемых регионов высказали мнение, что в полиэтничности общества усматривается острый конфликтотенный потенциал, влияющий на рост ряда негативных факторов, среди которых: рост уровня преступности, распространение наркотиков, правонарушения и преступления в учебных заведениях разных уровней и другие. На вопрос «Как Вы оцениваете взаимодействие жителей региона в РФ и в России в целом?» 83% респондентов ответили, что, политико-управленческие усилия по воспитанию и развитию толерантности в нашем обществе, создание условий по снижению конфликтов межэтнического взаимодействия, респонденты исследуемых нами регионов считают полиэтничность явной угрозой для своей жизнедеятельности и развития общества. Экспертный опрос, проведенный нами в ходе исследования, вскрыл актуальную гражданскую позицию по вопросам идентичности в российских полиэтничных регионах.

В проведенном исследовании нами рассматривались разные по этническому составу интересы жителей регионов, но пребывание в общем российском образовательном, социально-экономическом, политико-правовом, духовно-нравственном и культурном пространстве позволяет нам сопоставить и проанализировать взгляды и мнения жителей исследуемых регионов и сделать следующие выводы: российские регионы проживают сложный, противоречивый период своего развития, многие сибирские регионы имеют слабый инновационный потенциал, регулярно ощущают противоречия традиционной

местной культуры с динамикой общественных отношений и модернизацией общественной жизни.

Местное население воспринимает эту ситуацию как дискомфорт, дифференциацию социально-экономических, политико-правовых и ценностно-мировоззренческих установок. Здесь нам представляется необходимым решение целого ряда задач взаимодействия жителей указанных регионов на практике, при этом, обязательно учитывая идентичность, ценности и предпочтения граждан.

Сибирские регионы с их традиционной культурой и национальным колоритом, со своими социальными устоями способствуют созданию условий, мешающим процессам консолидации, изрядно затрудняют ее становление и развитие.

Проанализируем оценку респондентов, отмеченных регионов, в имеющихся конфликтных взаимодействиях межэтнических отношений. 86% опрошенных в Иркутской области, 76% в Красноярском крае и 65% респондентов в республике Бурятия высказались, что межэтнические конфликты существуют, регулярно проявляясь, они локальны, возникают в быту, а 52% респондентов в Иркутской области, 63% опрошенных в Красноярском крае и 53% респондентов в республике Бурятия отметили, что столкновения имеют место быть, связано это с агрессией, проявляемой мигрантами, включая столкновения в школах и других учебных заведениях, отметили также, что в основе ряда межэтнических конфликтов имеются противоречия в собственности и других имущественных отношениях 69% в Иркутской области, 72% в Красноярском крае и 49% в Бурятии.

При самом положительном подходе гражданская идентичность способна объединить самые разные межэтнические конфессии для сотрудничества, но только в том случае, если все проявляют взаимное уважение к традициям и обычаям друг друга. В своем разнообразии гражданская идентичность может проявляться как общественная

активность, быть конфликтогенным фактором, может бороться с несправедливостью власти, а может и противостоять экстремизму. Основные ценности и приоритеты гражданской идентичности – это законоуважение и поддержание правопорядка в обществе, уважение личных прав и свобод человека, негативное отношение к любым видам насилия, и достижение поставленных целей.

Как фактор консолидации общества гражданская идентичность может быть объединяющим фактором, способным консолидировать общество, устранить имеющиеся этнические и конфессиональные различия, сделать их силой современного российского общества. Вариант, далекий от практики, но такой желаемый, способен появиться только при высоком уровне доверия к власти, институтам гражданского общества и государственного управления, эффективной политики внутри страны, и грамотного управления, включая этнические и конфессиональные интересы граждан [12, с. 78–79, с. 82–83].

Проведенное нами исследование привело к определенной системе доминирующих в обществе взглядов, приоритетов, идеологических и политических установок, и позволило сформировать определенный комплекс мер, в котором интересы большинства граждан учитываются в политической стратегии государства, имеющей целый ряд социально-экономических проявлений, многообразии которых впечатляет и их можно представить в качестве нижеперечисленных трендов:

- авторитетная и эффективная государственная власть;
- социально-экономическая и политическая стабильность общества, с выраженным эффективным, инновационным путем экономического и технологического развития;
- достойный уровень жизни всех социальных слоев общества.

В современных реалиях развития общества уязвимыми считаются полиэтничные регионы, где конфликтогенные факторы проявляются с мощным накалом протестной активности, исторически

уже проявлялись в истории, такие этнические группы, оказывают активное влияние на взаимное восприятие, и на экономические и социально-политические процессы в нашем обществе [11, с. 10–11, с. 12–13].

Сущность гражданского общества заложена исторически в идеях свободы, законности и ответственности, при этом, свобода подразумевает выбор и самоопределение. В современном российском обществе отсутствует институциональная граница взаимодействия государства и гражданского общества, государства и общественных объединений (организаций), поэтому создаются предпосылки для взаимодействия государства и вторжения его в сферу коммуникации граждан. Здесь и берет свое начало конфликт устремлений гражданских активистов участвовать в делах общества, осуществлять контроль за государственными органами и бюрократическими структурами.

В современных условиях до сих пор не создана эффективная система коммуникаций, позволяющая сформировать модель бесконфликтного сосуществования между разными этническими группами и самим гражданским обществом [4, с. 180–181].

Завершая свой анализ, отметим, что результаты проведенного нами исследования говорят о том, что, возраст практически не влияет на базовые ценности наших соотечественников, все исследуемые возрастные категории респондентов поддерживают примерно схожие приоритетные ценности, а современная молодежь берет пример от старшего поколения, являясь носителем базовых ценностей, норм и приоритетов.

Общие базовые ценности и приоритеты определяют и единение этноса, объединяет и сплачивает вокруг общих целей, идей и установок, здесь и происходит интеграция и консолидация гражданского общества. Важная роль принадлежит ценностным ориентациям в формировании и самовыражении особенностей культуры.

Представляя из себя сложную и многогранную структуру, система современ-

ных ценностей и ориентаций охватывает все виды общественных отношений.

Постепенно происходит трансформация ценностей, этот процесс во все времена представлял проблему, занимающую важную роль в формировании современных социально-экономических реалий России, которая до сих пор находится на этапе длительных затянувшихся изменений почти всех сфер общества. В таких условиях, как правило, развиваются социально-экономические кризисы, а в жизнь наших соотечественников входят новые ценности, приоритеты, установки и цели, являются инновационные практики и входят в жизнь новые модели поведения.

Органов государственного управления и власти пытаются решить задачу развития гражданской идентичности – сложную и труднодостижимую, поскольку принципы гражданского общества часто кардинально противоречат принципу полного подчинения граждан.

Институциональные рамки должны быть настолько гибкими, чтобы государственная политика была главным институциональным механизмом, повышающим уровень активности и благосостояния граждан, укрепляла гражданскую идентичность, способствовала включению граждан в политическую жизнь своей страны на всех уровнях государственной власти.

Для того, чтобы сформировать и существенно усилить гражданскую идентичность, важно определиться в институциональном направлении ответственности, складывающейся между государством и гражданским обществом, в этом случае исчезнут спорные вопросы в правовом поле.

Необходимо также отметить, что трансформация касается не только старых устоявшихся ценностей, когда гражданин уже определился с выбором, что, вполне может привести к кризису идентичности общества, это касается не только правосознания отдельного гражданина, но и всего социального пространства, что может заморозить процесс консолидации в России, а значит, нужно определить направления кон-

солидации в современном российском обществе, определиться в центральными, наиболее популярными ценностями, включающими, как правило: семью с ее семейными ценностями, порядок, который в идеальной модели хотели бы видеть люди, общительность, которую выбирает в качестве приоритетной коммуникации современная российская молодежь, и, разумеется безопасность, которая представляет основополагающий фактор консолидации граждан. Все эти аргументы нам позволили сформулировать выводы и анализ проведенного социологического исследования в трех сибирских регионах.

Исследование также продемонстрировало, обнаружив следующую закономерность, что проявляясь в региональной социально-политической среде, гражданская идентичность, выглядит как целый комплекс различных противоречий, вреди которых: действия власти, граждан и общественных организаций, что позволило сделать заключительный вывод: потенциал гражданской идентичности представляет глобальный и мощный политико-управленческий проект, реализуя который в современных реалиях нашего общества можно обеспечить продуктивную реализацию потенциала гражданского общества, необходимо лишь привести его в полное соответствие с выдвинутыми задачами инновационного развития страны, тем самым обеспечив и национальную безопасность в мировом пространстве.

Литература

1. Большой словарь по социологии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/konsolidacija>. (дата обращения: 10.03.2024).
2. Главные события в экономике России в 2023 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20231228/ekonomika-1918637515.html>/ (дата обращения: 08.02.2024).
3. Коммерсант. Россия опустилась на 137-е место в рейтинге восприятия коррупции «Transparency International». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806/> (дата обращения: 08.02.2024).
4. Некрасова Н. А., Хохлова О.М. Коммуникативная природа дихотомии общественного «согласия-несогласия». Позиция. Философские проблемы науки и техники / Сб. статей под общ. Ред. С.И. Некрасова, Н.А. Некрасовой. Вып. 7. Москва-Орел, Изд-во «Модуль К»; ОГУ. – 2013. 230 с. – С. 175–182.
5. Некрасова Н. А., Хохлова О.М. Русская идея в системе трансформируемого российского общества // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4 (54). – С. 245–249.
6. Преступность среди мигрантов в Сибири выросла на 10,5%. Байкал 24. 17.01.2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://baikal24.ru/text/17-01-2023/101/> (дата обращения: 11.03.2024).
7. Рожкова А. К. К вопросу выделения новых видов национальной безопасности: идеологическая безопасность (потенциал Церкви) // Теория государства и права. – 2020. – № 3 (19). – С. 157–169.
8. Рожкова А.К. Сущность правосознания в контексте обеспечения общественной безопасности // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – Иркутск. – БГУ. – С. 144–148.
9. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36. [Электронный ресурс]. – URL: <https://baikal24.ru/text/17-01-2023/101/> (дата обращения: 11.03.2024).
10. Хохлова О.М. Гражданское общество в современной России // Миссия Кон-

фессий. Том 11. Часть 4. (№ 61). – 2022. – С. 60–67.

11. Хохлова О.М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Московский государственный технический кий университет им. Н.Э. Баумана. – М. – 2013. – 22 с.
12. Хохлова О. М., Рожкова А.К., Хохлова А.В. Информационная безопасность в системе национальной безопасности современного российского общества (монография) / Инновационное развитие науки: фундаментальные и прикладные проблемы: монография. – Петрозаводск. Новая наука. – 2021. – С. 73–90.

SOCIAL CONSENT AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Hohlova O.M., Dmitrieva L.Y.

Irkutsk State University, Irkutsk National Research Technical University

The authors present the results of a sociological study conducted in the Irkutsk region and its neighboring regions: the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Buryatia in the period from October 2023 to March 2024, which examined the value foundations and factors of consolidation of modern Russian society. The study conducted by the authors allowed us to conclude that our country vitally needs the restoration and strengthening of civic identity, requiring directly differentiated responsibilities between the state and civil society, which will be one of the vectors for the effective development of society with the direct participation of citizens in this process. The identity of modern Russian society is directly manifested in its social and political environment, with its contradictions and conflicts associated with efforts and initiatives coming from both the authorities and citizens. The potential inherent in civic identity is an effective factor in the development of modern society, using which the human potential of modern society develops, this development occurs in accordance with the set goals for the development of Russia.

Keywords: consolidation, modern society, civic identity, civic worldview, confessional differences, ethnocultural diversity.

References

1. Large dictionary of sociology. [Electronic resource]. – URL: <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/konsolidacija>. (access date: 03/10/2024).
2. Main events in the Russian economy in 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20231228/ekonomika-1918637515.html/> (access date: 02/08/2024).
3. Businessman. Russia has dropped to 137th place in Transparency International's Corruption Perceptions Index. [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806/> (date of access: 02/08/2024).
4. Nekrasova N. A., Khokhlova O.M. The communicative nature of the dichotomy of public "agreement-disagreement." Position. Philosophical problems of science and technology / Sat. articles under general Ed. S.I. Nekrasova, N.A. Nekrasova. Vol. 7. Moscow-Orel, Publishing house "Module K"; OSU. – 2013. 230 p. – pp. 175–182.
5. Nekrasova N. A., Khokhlova O.M. Russian idea in the system of transformed Russian society // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences. – 2013. – No. 4 (54). – pp. 245–249.
6. Crime among migrants in Siberia increased by 10.5%. Baikal 24. 01/17/2023 [Electronic resource]. – URL: <https://baikal24.ru/text/17-01-2023/101/> (access date: 03/11/2024).
7. Rozhkova A.K. On the issue of identifying new types of national security: ideological security (the potential of the Church) // Theory of State and Law. – 2020. – No. 3 (19). – pp. 157–169.
8. Rozhkova A.K. The essence of legal consciousness in the context of ensuring public security // Problems of ensuring national security in the context of changes in the geopolitical situation: materials of the international scientific and practical conference. – 2017. – Irkutsk. – BSU. – pp. 144–148.
9. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025" dated December 6, 2018 No. 703, dated January 15, 2024 No. 36. [Electronic resource]. – URL: <https://baikal24.ru/text/17-01-2023/101/> (access date: 03/11/2024).
10. Khokhlova O.M. Civil society in modern Russia // Mission of Confessions. Volume 11. Part 4. (No. 61). – 2022. – P. 60–67.

11. Khokhlova O.M. Dichotomy “agreement-disagreement” in the social sphere (philosophical and methodological analysis). Author’s abstract. ...cand. Philosopher Sciences: 09.00.11: Moscow State Technical University named after. N.E. Bauman. – M. – 2013. – 22 p.
12. Khokhlova O. M., Rozhkova A.K., Khokhlova A.V. Information security in the national security system of modern Russian society (monograph) / Innovative development of science: fundamental and applied problems: monograph. – Petrozavodsk. New science. – 2021. – P. 73–90.

Самозанятые работники, как особая социальная группа в современном российском обществе

Банникова Дарья Леонидовна,

аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: dasvoya@gmail.com

В статье проводится анализ самозанятых граждан как особой социальной группы со специфической структурой, социальными ролями и статусами, схожим образом жизни и мировоззрением. Авторы выделили характерные черты и сущность самозанятых как отдельной социальной группы. Авторами проведено конкретно социологическое исследование с целью выявления специфики самозанятых работников в российских регионах на примере Республики Башкортостан. Особое внимание уделяется составлению социально-демографического портрета самозанятых граждан российских регионов. Выделяются половозрастная характеристика самозанятых, проводится анализ уровня их образования, семейного положения и профессиональной принадлежности.

Выводы, сделанные в ходе исследования, можно использовать для разработки на государственном уровне системы социальной адаптации самозанятых граждан и внедрения современных мотивирующих технологий для развития самозанятых работников.

Ключевые слова: самозанятые граждане, самозанятые работники, социальная структура российского общества, рост самозанятых, социальная адаптация самозанятых работников.

Введение

В начале двадцатого века под влиянием тенденций цифровизации и глобализации в России существенно трансформировалась структура экономики. После периода эпидемии отношение граждан к самозанятости меняется от недоверия и отрицания к принятию и стремлению к вовлеченности. С распространением различных социальных сетей, абсолютное большинство населения начинает активно пользоваться услугами самозанятых и участвует в продвижении их бизнеса через распространение отзывов и рекомендаций. Таким образом самостоятельная экономическая занятость граждан формирует их в особую социальную группу со специфической структурой, социальными ролями и статусами, схожим образом жизни и мировоззрением.

В проводимом нами исследовании в качестве цели мы рассматриваем анализ самозанятых работников как особой социальной группы современного российского общества, выявление специфики самозанятых в российском обществе.

Обсуждение

На государственном уровне начиная с 2018 года идет работа по определению статуса самозанятых граждан. Рассмотрим основные подходы к рассмотрению самозанятых как особой социальной группы в современном российском обществе.

При определении понятия самозанятых граждан мы руководствовались методологическими материалами Росстата, Налогового кодекса РФ, а также Закона о занятости в РФ [1], [2], [3]. В соответствии с указанными документами под самозанятыми мы понимаем граждан старше пятнадцати лет, выполняющих основную или дополнительную трудовую деятельность в обмен за вознаграждение в денежной или натуральной форме.

При этом доходы самозанятых граждан могут быть как регламентированными, так и теневыми (неучтенными налоговыми структурами).

Самозанятость характеризуется тем, что индивид самостоятельно без работодателя организует собственную трудовую деятельность с целью получения дохода. Однако, самозанятый гражданин может заключать договора или соглашения с действующими предприятиями по выполнению каких-либо услуг.

Основным отличием самозанятости от наемного труда является отсутствие в процессе его трудовой деятельности наемных работников, так как самозанятый получает доход для себя и своей семьи самостоятельно. Выполнение общественно полезного труда за плату также является допустимой сферой для самозанятых.

Главная отличительная черта самозанятого труда – наличие торговых соглашений или сделки, так как самозанятость – это форма рыночных отношений.

По мнению экспертов, особенно сильно самозанятого труда является то, что его выполнение, с одной стороны, близко характеру наемного труда, с другой стороны – его выполнение напоминает работу индивидуальных предпринимателей. Самозанятые выполняют работу или оказывают услуги, регулируя сами свои трудовые отношения с заказчиками, партнерами, проверяющими органами. Доходы самозанятого индивида напрямую зависят от профессионализма, качества выполнения, умения конкурировать и продавать свой труд [4].

В научной литературе можно выделить несколько подходов к определению понятия самозанятого гражданина.

Сторонники широкого подхода (Е. Абрамова, Н. Воловская, А. Иноземцева, Л. Плюснина, А. Русина, и др.) придерживаются теории, что всех граждан, которые работают не по найму, в том числе индивидуальных предпринимателей и владельцев малого бизнеса, можно называть самозанятыми [5], [6].

Сторонники узко-специализированного подхода (Е. Крюкова, В. Рузанова, В. Ильин, С. Землянухина, Л. Максимович, О. Грабова, А. Суглобов и др.), напротив, разграничивают понятия самозанятых и индивидуальных предпринимателей, считая их совершенно разными социальными группами [7], [8], [9], [10], [11]. Основным аргументом исследователи считают невозможность получения самозанятыми прибыли, так как у них отсутствуют наемные работники. Самозанятые, по мнению ученых, могут иметь только доход. В качестве основных показателей самозанятости сторонники узкого подхода выделяют: самостоятельную организацию своей трудовой деятельности, коммерческий характер деятельности самозанятых, отсутствие наемного труда, «личное трудовое участие» самозанятого работника.

Профессор Т.И. Заславская подчеркивает значение личной квалификации и личного участия самозанятых при отборе индивидов в данную категорию из числа представителей малого бизнеса и индивидуального предпринимательства [12].

Исследователи ИОН РАНХиГС под руководством А.Н. Покида подчеркивают, что самозанятость может быть как самостоятельным единственным видом получения дохода, так и способом подработки в свободное время от основной работы [13].

Отдельно стоит выделить позицию Росстата по определению категории самозанятых лиц. Основным отличием «самозанятого» от «работодателя» является невозможность иметь наемных работников. При этом самозанятое лицо может выполнять работу с несколькими партнерами, которые, в свою очередь, также являются самозанятыми лицами.

Результаты

Проанализируем официальные статистические данные, приведенные в документах, размещенных на сайтах Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы России [14], [15].

Рис. 1. Динамика увеличения количества самозанятых граждан РФ с 2019 по 2023 г.

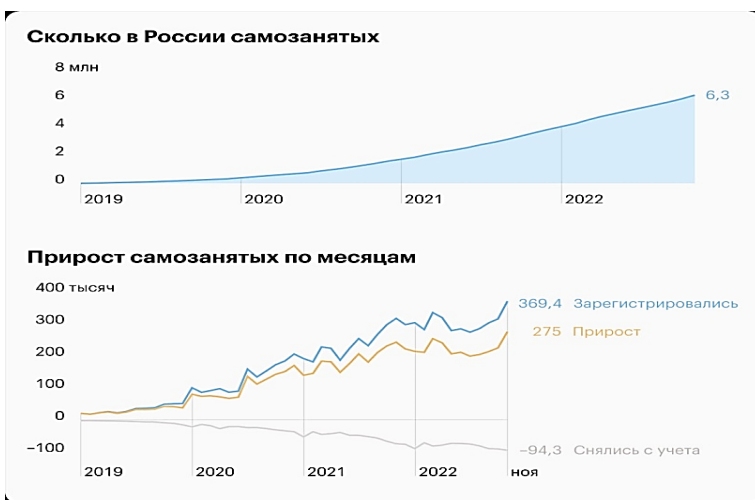

Рис. 2. Анализ официальной статистики регистрации самозанятых лиц в России по месяцам с 2019 по 2023 г.

Рис. 3. Анализ совокупного дохода и налогообложения самозанятых граждан РФ за 2019–2023 г.

Как видно на рис. 1–3 за последние пять лет количество самозанятых в России значительно увеличилось: от 330 тысяч человек в 2019 году до 7856 тысяч в 2023 году. Проведенный нами анализ количества самозанятых по субъектам РФ показал, что наибольшее количество самозанятых зарегистрировано в Мо-

скве (793 тыс. человек). Далее топ пяти регионов России по количеству зарегистрированных самозанятых составляют: Московская область – 292 тыс. человек, г. Санкт-Петербург – 241 тыс. человек, Республика Татарстан – 156 тыс. человек и Краснодарский край – 131 тыс. человек [16].

Число самозанятых на 100 тысяч жителей

По состоянию на 1 октября 2021 года

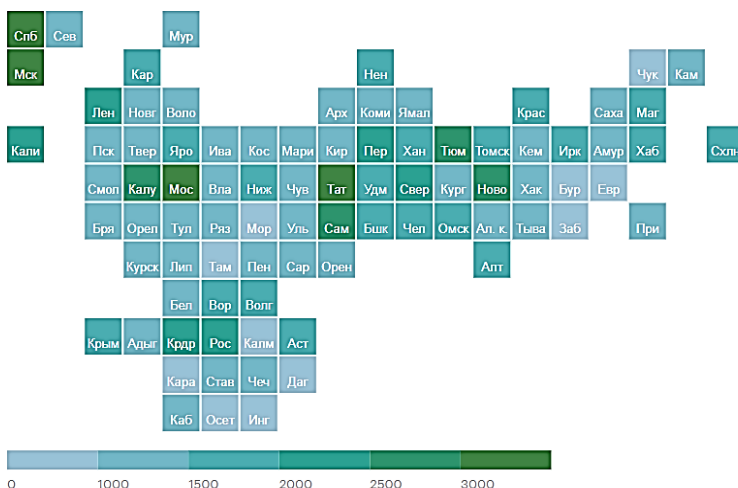

Рис. 4. Схема распределения регионов РФ по количеству самозанятых граждан на 100 тыс. жителей

Как видно из рис. 4, Республика Башкортостан имеет средние показатели (1665 человек) по количеству зарегистрированных самозанятых граждан на 100 тыс. населения. Для сравнения, в Татарстане зарегистрировано 3996 человек, в Свердловской области – 2320 человек, в Челябинской области – 1878 человек, в Удмуртии – 1572 человека, в Чувашии – 1427 человек (табл. 1).

Рассмотрим, какие сферы деятельности привлекают самозанятых граждан России в 2023 году (рис. 5).

Как видно из рис. 5, большинство самозанятых граждан проявляют активность в сфере ремонта, автоперевозок, информационных технологий и индустрии красоты. Также много самозанятых работает в сферах информационных услуг, работ по дому, обучению, финансам, торговли-аренды, фото-видео-печати и рукоделию.

Таблица 1. Число самозанятых на 100 тысяч жителей в регионах РФ на 2021 год (источник ФНС России)

Регион РФ	Количество самозанятых граждан на 100 тыс. жителей
Республика Татарстан	3996
Самарская область	2606
Тюменская область	2536
Свердловская область	2320
Пермский край	2109
Челябинская область	1878
Республика Башкортостан	1665
Удмуртская Республика	1572
Чувашская Республика	1427
Республика Мордовия	963

Рис. 5. Распределение по сферам деятельности самозанятых граждан РФ в 2023 г.

Авторами с февраля 2023 по январь 2024 года было проведено конкретно-социологическое исследование среди самозанятых граждан Республики Башкортостан. Анкетирование проводилось методом индивидуального анкетирования среди индивидуальных предпринимателей, безработных, зарегистрировавшихся в центрах занятости, надомных работников, сотрудников небольших автосервисов и различных мастерских, ателье, салонов красоты, продавцов ярмарок и выставок. Онлайн-анкетирование проводилось среди подписчиков тематических каналов в социальных сетях. Выборка проводилась методом стихийной выборки и методом «снежного кома» и в общей совокупности составила 1300 человек.

По результатам проведенного опроса, большинство респондентов (64%) характеризуют свою самозанятость как «способ дополнительного заработка», а 36% опрошенных – как «основную работу».

Самозанятость опрошенных нами респондентов разнообразна и охватывает различные сферы (табл. 2).

Таблица 2. Основные виды экономической деятельности самозанятых граждан РБ, в % от общего количества респондентов

Вид экономической деятельности самозанятых	%
Строительство, ремонтные работы, автосервисы	20
Частный извоз	17
IT-сфера	13
Операции с недвижимостью	11
Образование	10
Индустрия красоты	10
Медицинские услуги	7
Торговля продуктами собственного производства	7
Фермерство	5

Как видно из табл. 2, в Республике Башкортостан самозанятость распространена в тех же сферах, что и в целом по России. Так, 20% респондентов указали сферу строительства и ремонтных работ, 17% – частный извоз, 13% – IT-сферу, 11% – операции с недвижимостью (риелтор, аренда и др.), 10% – образование, услуги няни, репетиторство, 7% – медицинские услуги, 10% – индустрия

стрию красоты, 7% – торговлю продуктами и изделиями собственного производства, 5% – фермерство и сельское хозяйство.

Рассмотрим распределение опрошенных самозанятых по половозрастной принадлежности. Большинство опрошенных нами самозанятых – женщины (53,1%), мужчин соответственно – 46,9%. Распределение опрошенных нами самозанятых индивидов по возрасту отражено в табл. 3.

Таблица 3. Распределение самозанятых граждан по возрасту, в % от числа опрошенных

Возраст респондентов	%
15–24 года	8,0
25–29 лет	12,6
30–39 лет	27,6
40–49 лет	26,7
50–59 лет	18,9
60 лет и старше	6,2

Как видно из табл. 3, среди самозанятых индивидов преобладают лица трудоспособного возраста: категория 30–39 лет – 27,6%, категория 40–49 лет – 26,7%. Кроме того, значительную долю занимают граждане предпенсионного возраста (50–59 лет) – 18,9%, а также молодежь в возрасте 25–29 лет – 12,6%.

Эмпирическим путем установлено, что среди самозанятой молодежи наиболее часто встречаются IT-специалисты (26,4%), репетиторы (21,1%), работники индустрии красоты (20,0%), риелторы (15,3%). Молодые самозанятые граждане чаще, чем другие возрастные категории самозанятых, совмещают подработку и основную деятельность, как правило учебу.

Значение самозанятости для категории граждан предпенсионного и пенсионного возраста очень велико. Это не только возможность улучшить своё материальное положение, но и возможность продлить активность своей жизни, повысить своё социальное самочувствие. В таблице 4 проранжированы

виды деятельности, в которых пожилые люди могут реализовать себя.

Таблица 4. Распределение самозанятых граждан предпенсионного и пенсионного возраста (от 50 лет и старше) по сферам деятельности, в %

Вид экономической деятельности самозанятых	%
Строительство, ремонтные работы, автосервисы	27,3
Фермерство, сельское хозяйство	23,4
Торговля продуктами собственного производства	17,0
Образование	10,3
Медицинские услуги	7,0
Операции с недвижимостью	5,0
Частный извоз	5,0
Индустрия красоты	5,0

Как видно из табл. 4, самозанятым возрастной категории «старше 50 лет» ближе такие виды экономической деятельности как строительство и ремонтные работы (27,3%), фермерство и сельское хозяйство (23,4%), торговля продуктами собственного производства (17,0%), образование (10,3%) и др.

Заключение

В современной России можно констатировать увеличение количества самозанятых граждан, которые создают самостоятельную социальную группу в структуре российского общества. Республика Башкортостан входит в группу регионов, в котором активно наращивается количество самозанятых. Основное сосредоточение самозанятых наблюдается в сфере ремонта, автоперевозок, в строительстве, в сфере информационных технологий, в образовании и сельском хозяйстве.

Эмпирические данные позволяют сделать вывод о том, что основным мотивом самозанятости граждан в российских регионах является материальная мотивация, необходимость искать основной или дополнительный заработок. При этом доверие к институтам государственного управления, занимающихся социальной адаптацией, крайне низкое. Что приводит к росту предпринимательской активности в «теневой» экономике.

На сегодняшний день назрела необходимость изучения данной социальной группы для разработки на государственном уровне стратегии и механизмов социальной адаптации самозанятых, а также современных мотивирующих технологий для развития самозанятых работников.

Литература

1. Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы. Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/pr445-17.pdf (дата обращения: 22.02.2024).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 146-ФЗ. (ред. от 27.12.2018). – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/1:0> (дата обращения: 30.01.2024).
3. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 05.02.2024).
4. Гареев Э.С., Костылева Е.Г. Средний класс как элемент устойчивости социальной иерархии российского общества // Экономика и управление: научно – практический журнал. 2016. № 3 (131). С. 73–77.
5. Абрамова Е.А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2012. № 4 (32). С. 6–15.
6. Волковская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В. Безработица и самозанятость: ожидания и реалии (по материалам социологических исследований) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 11(129). С. 22–31.
7. Ильин В.И., Ильина М.А. Самозанятость как социальный феномен российского общества // Рубеж (альманах социальных исследований). 1999. № 13–14. С. 156–178.
8. Землянухина С.Г., Максимович Л.В. Самозанятость населения в российской экономике: формирование и регулирование. – Саратов, 2007. – 145 с.
9. Грабова О.Н., Суглобов А.Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 108–116.
10. Иванова А.А., Шильдт Л.А. Общественный культурный кластер как система активного взаимодействия социальных слоев города Уфы // Вестник молодого ученого УГНТУ. 2015. № 2 (2). С. 99–101.
11. Грогуленко Н.В., Левашов Д.А. Значение «цифровых компетенций» специалистов для развития информационных технологий на нефтегазовых предприятиях// Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 436–437.
12. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17–32.
13. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3. С. 18–29.
14. Госкомпании в России в 2022 году закупили у самозанятых продукцию почти на 3,4 млрд рублей. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38333 (дата обращения: 01.03.2024).
15. В России зарегистрировались два миллиона самозанятых. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10747467/ (дата обращения: 01.03.2024).
16. Антонов С. Где в России больше всего самозанятых. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-sz/> (дата обращения: 01.03.2024).

SELF-EMPLOYED WORKERS AS A SPECIAL SOCIAL GROUP IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Bannikova D.L.

Ufa State Petroleum Technological University

The article analyzes self-employed citizens as a special social group with a specific structure, social roles and statuses, a similar lifestyle and worldview. The authors identified the characteristic features and essence of the self-employed as a separate social group. The authors conducted a specifically sociological study to identify the specifics of self-employed workers in Russian regions using the example of the Republic of Bashkortostan. Particular attention is paid to compiling a socio-demographic portrait of self-employed citizens of Russian regions. The gender and age characteristics of the self-employed are highlighted, and their level of education, marital status and professional affiliation is analyzed.

The conclusions drawn from the study can be used to develop at the state level a system of social adaptation of self-employed citizens and the introduction of modern motivating technologies for the development of self-employed workers.

Keywords: self-employed citizens, self-employed workers, social structure of Russian society, growth of the self-employed, social adaptation of self-employed workers.

References

1. On approval of the Basic methodological and organizational provisions for conducting a sample survey of the labor force. Rosstat. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/pr445-17.pdf (access date: 22.02.2024).
2. Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 № 146-FZ. (ed. dated December 27, 2018). – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/1:0> (access date: 31.01.2024).
3. Law of the Russian Federation of April 19, 1991 № 1032-1 (as amended on December 11, 2018) “On employment in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2019). Consultant Plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (date of access: 05.02.2024).
4. Gareev E.S., Kostyleva E.G. Middle class as an element of sustainability of the social hierarchy of Russian society // *Economics and management: scientific and practical journal*. 2016. No. 3 (131). pp. 73–77.
5. Abramova E.A. Crisis self-employment in Russia: classification, structure and levels of development // *Modern science-intensive technologies. Regional application*. 2012. No. 4 (32). P. 6–15.
6. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V. Unemployment and self-employment: expectations and realities (based on sociological research) // *Theory and practice of social development*. 2018. No. 11(129). P. 22–31.
7. Ilyin V.I., Ilyina M.A. Self-employment as a social phenomenon of Russian society // *Rubezh (almanac of social research)*. 1999. No. 13–14. P. 156–178.
8. Zemlyanukhina S.G., Maksimovich L.V. Self-employment of the population in the Russian economy: formation and regulation. – Saratov, 2007. – 145 p.
9. Grabova O.N., Suglobov A.E. Problems of self-employed people coming out of the shadows in Russia: risks and ways to overcome them // *Economics. Taxes. Right*. 2017. T. 10. No. 6. P. 108–116.
10. Ivanova A.A., Schildt L.A. Public cultural cluster as a system of active interaction between social strata of the city of Ufa // *Bulletin of a young scientist of USPTU*. 2015. No. 2 (2). pp. 99–101.
11. Grogulenko N.V., Levashov D.A. The importance of “digital competencies” of specialists for the development of information technologies at oil and gas enterprises // *Eurasian Legal Journal*. 2022. No. 5 (168). pp. 436–437.
12. Zaslavskaya T.I. Business layer of Russian society: essence, structure, status // *Social sciences and modernity*. 1995. No. 1. P. 17–32.
13. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Self-employment in the modern labor market // *Social and labor studies*. 2019. No. 3. pp. 18–29.
14. State-owned companies in Russia purchased almost 3.4 billion rubles worth of products from self-employed people in 2022. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38333 (date accessed: 01.03.2024).
15. Two million self-employed people have registered in Russia. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10747467/ (accessed: 01.03.2024).
16. Antonov S. Where are the most self-employed people in Russia. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-sz/> (date accessed: 01.03.2024).

Сфера цифрового производства, как пространство самозащиты современного капитализма

Перепёлкин Лев Александрович,

аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: hng7505@gmail.com

Сфера цифрового производства является одним из значительных элементов современной экономики. Она создает ряд важных механизмов, обеспечивающих дальнейшее развитие современного капитализма. Наиболее важным представляется то, что сфера цифрового производства вовлекает в свои практики максимальное количество членов общества, предлагая каждому человеку выбор собственного стимула цифрового присутствия, будь то построение карьеры, повышение личной узнаваемости, выражение лояльности к определенному товару, услуге, бренду. В статье рассматривается значение сферы цифрового производства в развитии системы современного капитализма. Демонстрируются механизмы и метаморфозы развития данной сферы в направлении совершенствования системы современного капиталистического производства, обнаруживаются противоречия динамики данной сферы как одной из наиболее значимых составляющих современной капиталистической экономики. Автор приходит к выводу о том, что развитие сферы цифрового производства в текущих трендах способствует развитию капитализма, нивелируя значение отдельных элементов, могущих способствовать развитию некапиталистических форм производства внутри данной сферы.

Ключевые слова: капитализм, цифровое производство, потребление, общество, развитие, самозащита.

Введение

Сфера цифрового производства является одним из значительных элементов современной экономики. Данная сфера производства и потребления основана на развитии интернета и цифровых технологий в целом. Будучи широко диверсифицированной сферой экономики, эта сфера представляет собой не что иное как сектор рынка, включающий в себя множество жизненно необходимых для современного общества сегментов: ed-tech, fintech, entertainment technology, social network и прочие сегменты, суть которых состоит во внедрении нового инструментария производства и реализации товаров и услуг. Однако эти технологии отражают лишь количественное развитие капитализма, реализуемое в экономической сфере.

В свою очередь, качественное развитие современного капитализма предполагает не только и не столько экономические меры, сколько реализацию внеэкономических мероприятий с тем, чтобы повысить общественную легитимность капитализма как залога его дальнейшего развития, поскольку простое количественное увеличение основных экономических индикаторов не гарантирует и не повышает устойчивость современного общества.

Мы видим, что сфера цифрового производства, особенно в сегменте деятельности социальных сетей и цифровых платформ, обеспечивающих производство значительной части цифровых продуктов и значительную долю цифрового потребления, продуцирует также механизмы, способствующие укреплению основных элементов капиталистической системы. Ряд исследователей проблемы цифрового производства как части современного капитализма, такие как А.В. Бузгалин [Бузгалин, 2017, 43–53], Кристофер Уайли [Wylie, 2019, 288], Джарон Ланье [Lanier, 2019, 156], Шошана Зубофф [Зубофф, 2021, 1080],

М.Л. Бурик [Бурик, 2022, 364] и другие, указывает на то, что интернет, платформенные технологии и сфера цифрового производства в целом являются тем основанием, на котором формируются отрицающие капитализм принципы взаимодействия людей: свободный доступ к информации, ее обобществление, некоммерческий характер взаимодействия пользователей, широкая доступность цифрового производства и потребления, формирование прослойки креативного класса [Флорида, 2016, 209–212], действующего на базе возможностей, которые предоставляет современная цифровая инфраструктура.

Структура и значение сферы цифрового производства как части современного капитализма

В отличие от занятых классической трудовой деятельностью производители цифрового контента не просто не имеют гарантированной оплаты своего труда и времени, необходимого для производства цифрового продукта: они могут иметь иные, чем исключительно экономические мотивы своей деятельности в цифровой сфере – обретение узнаваемости, общественной поддержки, самореализации. Удовлетворённость производителя реализуется не только в том случае, когда он получает рекламный контракт или выгодную коммерческую интеграцию, но и в том случае, когда он зарабатывает «современную цифровую валюту» – лайки, подписки и другие индикаторы общественного одобрения произведённого продукта. В данном случае капиталистическая система выигрывает в ряде аспектов: во-первых, увеличивается творческий компонент человеческой деятельности, повышающий степень самореализации человека несмотря на то, что он остается наемным работником, степень отчуждённости которого от средств производства и от продукта производства определяется реалиями капиталистической эксплуатации.

Во-вторых, сфера цифрового производства, в основном, концентрирует молодую аудиторию, особенно в части создания контента. Данная сфера может

быть источником занятости для молодого поколения, что особенно важно в ситуации, когда безработица среди молодежи во многих странах мира является значительной проблемой. Эта проблема проявляется не только в экономической, но и в социально-политической плоскости. Если она не решается, появляются ее негативные последствия: экстремизм, развитие криминальной экономики, финансовое мошенничество, политический радикализм, расширение социальных девиаций. Производство цифровых продуктов занимает значительную часть времени человека, способствует развитию определенных компетенций в той или иной сфере.

Цифровое производство можно сегментировать на следующие сферы.

1. Формирование личности человека как рекламного бренда фирмы и ее общественной репутации, что в некоторой степени повышает спрос со стороны рекламодателей-производителей некоторых товаров.

2. Формирование определённого общественного мнения относительно реальных товаров или услуг, а также определённого отношения к производителю этих товаров и услуг.

Цифровое присутствие может быть полезно для крупных корпоративных структур, задача которых состоит в повышении узнаваемости бренда и осведомлённости потребителей о деятельности данных корпораций. Также возможен некий гибридный вариант, при котором автор, изначально не ставя задачу производства каких-либо товаров, повышает свою узнаваемость и медийность, вследствие чего отказывается от модели транслятора некоей рекламы и сам становится производителем определённых товаров или услуг, в том числе в кооперации с другими фирмами из сферы производства товаров или услуг.

Кажущаяся открытость, свобода, всеобщая доступность цифровых площадок (социальных сетей, видеохостингов, стриминговых платформ) выгодна и государственным структурам, поскольку налаженная система производства контента, его комментирования, модериро-

вания, финансирования в виде пожертвований или заказа рекламы позволяет властным структурам не только контролировать активность пользователей таких цифровых площадок, но и формировать и распространять собственные смыслы и идеи через авторов, транслирующих позицию государства по тем или иным вопросам. Также государство имеет возможность контролировать денежные потоки, направляемые на производство цифровых материалов и всех сопряжённых с ними процедур [Зубофф, 2021, 650–661].

Для работы индустрии цифрового производства выгодна её дифференциация на два основных сегмента: 1) низкопробные, социально-деструктивные материалы, преимущественно развлекательного характера и 2) конструктивные материалы, транслирующие определённый социально-одобряемый набор идей: забота о здоровье, долголетие, обучение, социальное сотрудничество, мирное сосуществование, культурный плюрализм.

Значение производства в двух этих сегментах может быть понято только с учётом их взаимосвязи и различной, но при этом взаимодополняемой функциональной нагрузки. Трансляция конструктивных идей, среди которых особенное значение имеет здоровье и обучение, позволяет формировать и обосновывать потребности людей в приобретении тех или иных товаров или услуг, способствуя росту потребительского спроса. Производство конструктивных идей и материалов позволяет собирать информацию об имеющихся потребностях общества для их дальнейшего удовлетворения. На наш взгляд, кроме экономического значения производство конструктивного контента позволяет формировать у потребителя чувство удовлетворения от возможностей саморазвития и получения новой информации [Эяля, 2017, 200].

Сфера цифрового производства позволяет современному социуму сохранять стабильность социальной структуры, поскольку производитель цифрового продукта, получая свой доход, заин-

тересован в том, чтобы большая часть населения работала по найму, сохраняя свой социально-классовый статус, позволяющий некоторой части цифровых производителей не только зарабатывать деньги в отличной от классического найма форме, но и привлекать к сотрудничеству промышленные компании, функционирование которых зависит от наёмных работников различных профессий. Получение доходов производителей цифрового контента, помимо рекламы продуктов материального производства, также предполагает и получение доходов от платных подписок на дополнительные материалы, доступ к которым потребитель получает именно благодаря своей деятельности в качестве наёмного работника, получающего заработную плату. Даже несмотря на то, что производителем цифрового контента является множество людей, такая форма занятости способна обеспечивать регулярным доходом и возможностью отказа от статуса классического наёмного работника лишь небольшую прослойку общества. Большая же часть производителей цифрового контента совмещает свой статус наёмного работника со статусом производителя цифровых материалов с целью повышения своей рыночной стоимости как трудового ресурса, либо с целью получения социального удовлетворения, исключая извлечение дохода непосредственно из этой деятельности.

Формирующаяся на базе цифрового производства прослойка людей, осуществляющих свою деятельность в этой сфере на профессиональной основе, не заинтересована в каких бы то ни было серьёзных социальных изменениях, ибо её материальное и социальное положение достаточно стабильно и удовлетворительно. Профессиональные действия этой группы людей объективно направлены на стимулирование потребления экономических благ (в первую очередь, цифровых) другими людьми, а также на трансляцию мысли о возможности попадания этих людей в ту же самую группу профессионалов цифрового производства [Афанасов, 2022, 74–83]. На наш взгляд, посредством организа-

ции цифровой инфраструктуры в виде социальных сетей современный капитализм эксплуатирует такой стимул человеческой деятельности, как социальное признание, используя его как инструмент сохранения социальной структуры существующего общества, с одной стороны, и создания общественной прослойки, которая демонстрирует возможности нового социального лифта, с другой стороны. Заметим, что новый социальный лифт, на первый взгляд, представляется весьма демократичным.

Развитие сферы цифрового производства вносит изменения в дискуссию о необходимости защиты авторских прав и конфиденциальности [Бузгалин, 2017, 43–53]. Сторонники личной конфиденциальности сталкиваются с такой особенностью функционирования сферы цифрового производства, как необходимость постоянной открытости данных автора. Потребители цифрового контента постепенно начинают интересоваться не только творчеством и идеями производителя контента, но и его личностью за пределами социальных сетей, что не только вынуждает производителя цифрового контента вскрывать свою приватность, дабы подогревать интерес к своей личности, но и создаёт возможности формирования ещё одного источника доходов – демонстрации «backstage» (закулисья). Доступ к закулисью постепенно ведёт к необходимости трансляции всех процессов, протекающих в жизни «интересного» человека. В этой ситуации мы наблюдаем парадокс: автор постепенно «перерастает» своё творчество и становится интересным не как производитель цифровых продуктов, а как эмпирическая личность. Однако необходимость постоянного поддержания интереса к себе в форме раскрытия «backstage», на наш взгляд, постепенно приводит к падению интереса к автору в связи с исчерпанием новой информации о нем или в связи с открытием в авторе тех его личностных черт, которые хоть и не отражаются прямо на его продуктах, но отталкивают аудиторию от них и от личности их создателя.

В связи с ростом сферы цифрового производства, на наш взгляд, углубляется процесс коммерциализации информации. В тех сферах, где доминирует развлекательное содержание, наличествует множество бесплатных материалов для потребителей. Интерес производителя цифровых продуктов, в данном случае, обуславливается продажей рекламы всё возрастающего количества производимых цифровых благ. Отсюда следует, что в перспективе будет лишь возрастать количество цифровых благ развлекательного назначения, поскольку в этом сегменте цифрового рынка значение имеет именно количество выпускаемой продукции, а не её качество.

В тех сферах, где доминирует иное, чем просто развлекательное содержание, производство обусловлено интересом получения оплаты за предоставляемую информацию. При этом неразвлекательное цифровое производство может успешно использовать в качестве средств финансирования как рекламные интеграции, так и модель подписок на получение эксклюзивной информации. Важно заметить, что использование рекламной интеграции делает цифровое благо именно общественным благом, поскольку оно вынуждает производителей выпускать материалы для максимального потребительского охвата, тогда как использование модели персональных подписок, в свою очередь, предполагает, что созданное благо становится частным.

Авторы, которые получают свои доходы посредством подписок, производя закрытый для большинства контент, заинтересованы в максимальной защите своих авторских прав. Если ранее полагалось, что защита авторских прав в цифровых условиях практически не возможна (пиратство, нарушение закона об авторском праве), то сегодня мы видим значительный рост эффективности защиты авторского права. По мере роста количества цифровых производителей растёт и запрос на защиту авторского права и искоренение общественного цифрового сектора, предполагаю-

щего бесплатный доступ к цифровым продуктам [Заятуев, 2023].

Сфера цифрового производства и потребления в коммерческой форме функционирует по принципу краудфандинга. Данный способ финансирования коммерческих и других проектов принято рассматривать как форму общественного, некапиталистического финансирования.

Капиталистическая трансформация сферы цифрового производства

Мы видим, что сфера цифрового производства, которая начиналась как площадка для свободного выражения творческих способностей человека, частично продолжает функционировать в таком же виде, однако всё большее значение приобретает чисто коммерческий характер деятельности авторов [Бузгалин, 2017, 43–53]. Сокращается пространство всеобщего доступа к цифровым продуктам, происходит изменение способа финансирования от добровольных пожертвований к форме частного производства цифровых услуг и товаров, доступ к которым обеспечивается посредством фиксированных ежемесячных платежей. Люди, которые делают несистематические одноразовые пожертвования, могут рассматриваться лишь как участники добровольного финансирования, тогда как растёт популярность практики продажи платных подписок на закрытые профили автора, от приобретения которых в самой значительной степени зависит продолжение их работ. Отсутствие монетизации, как правило, приводит к существенному сокращению стимулов производства, а монетизация обеспечивается либо трансляцией и продвижением каких-либо товаров или услуг, либо пожертвованиями, которые по сути становятся формой платы за производство и доступ к производимым благам. В данном случае утрачивается суть общественного финансирования при сохранении её формы, однако содержательно работа авторского коллектива определяется запросами подписчика.

По мере повышения качества производимых цифровых продуктов все

большее значение приобретает ориентирование на производство блага для конкретных плательщиков. Логично, что в данном случае обнаруживается противоречие между целями потребителя и производителя, где один хочет получать блага бесплатно или за счёт других, а второму важны поступления финансовых средств и качественные и количественные характеристики плательщиков (в том числе соотношение пожертвований и подписок), ибо содержание цифровых продуктов подстраивается именно под тех, кто вносит в финансирование автора наибольший вклад.

Граница такого производства возникает там, где рекламодатели и производители реальных товаров и услуг требуют увеличения темпов создания цифровых продуктов, а сами производители цифровой продукции вынуждены пренебрегать качеством в пользу темпов производства, в том числе производить интеллектуально слабые продукты, ориентированные на просмотр лишь в качестве лёгкого развлечения. В этом виде проявляется тенденция отрицательной селекции: лучшие, проработанные продукты авторы предоставляют на коммерческой основе, тогда как материалы, не требующие больших затрат и не имеющие высокой когнитивной нагрузки, производятся в больших масштабах в расчете на широкую аудиторию, а финансирование таких материалов обеспечивается посредством рекламных интеграций.

Мы считаем, что сфера цифрового производства и потребления преобразуется в чисто капиталистическую сферу деятельности, сохраняя при этом лишь отдельные черты общественной некоммерческой деятельности людей: свободный доступ и возможность активности в данной сфере и в качестве производителя, и в качестве потребителя, а также возможность свободного размещения материалов любого содержания.

Мы видим, что современный капитализм реализует потенциал сферы цифрового производства и потребления двояко: во-первых, дальнейшее развитие капитализма предполагает рас-

ширение потребления, которое одновременно стимулируется и реализуется в сфере цифрового производства. Стимулирование потребления осуществляется посредством прямой или косвенной рекламы промышленных товаров, реализуется же потребление в сфере цифрового производства посредством постоянно возрастающего количества цифровых продуктов, производимых постоянно возрастающей армией авторов. Во-вторых, современный капитализм формирует образ сферы цифрового производства как одного из наиболее доступных широким слоям населения социального лифта. При этом объективно растёт доля людей, которые рассматривают свою активность в сфере цифрового производства как необходимый для профессионального и карьерного роста элемент. Самореализация в сфере цифрового производства становится не столько последствием профессионального и социального роста, сколько его необходимой предпосылкой.

Сфера цифрового производства способствует изменению подхода к расходованию времени человека, помимо времени необходимого для воспроизводства его жизни. Высвобождаемое в связи с развитием производительных сил время используется людьми для потребления и создания собственных цифровых продуктов, что вполне соответствует логике развития самой сферы цифрового производства.

Эта сфера требует от человека активности любого рода. Даже если человек не производит цифровые продукты и не готов приобретать их на коммерческой основе, он полезен для целей расширения и развития данной сферы как элемента экономики современного капитализма в качестве простого пассивного потребителя бесплатных материалов. Польза простого цифрового присутствия состоит в том, что человек оставляет так называемый «цифровой след», дающий возможность аккумулировать информацию, которую человек оставляет за собой в связи с использованием интернета.

Сфера цифрового производства вскрывает еще один противоречивый

процесс. С одной стороны, люди во все больших объемах утрачивают конфиденциальность и поэтому обеспокоены отсутствием приватности относительно данных об их личной жизни [Lanier, 2019, 144]. С другой стороны, люди добровольно всё более подробно раскрывают информацию о своей частной жизни в рамках своей активности в сфере цифрового производства и потребления, что обеспечивает общественным субъектам возможность получать беспрецедентный доступ к данным, которые используются для прогнозирования и формирования рыночных трендов, спроса на товары и услуги, а также для выбора целевой аудитории и наиболее подходящих для продвижения данных трендов лиц.

Рост объема доступных для общественного пользования данных и цифровых продуктов скрывает тенденцию к укреплению авторского права и института цифровой частной собственности. Возрастание ассортимента цифровых товаров и стремление их создателей к коммерческому успеху обуславливает изменение пропорций между коммерчески ориентированными и общественно доступными цифровыми продуктами в направлении сокращения общественного сегмента. Таким образом, в сфере цифрового производства происходит «негативная селекция»: в общественном секторе остаётся продукция преимущественно развлекательного характера с низким потенциалом духовного развития человека.

Выводы

Итак, сфера цифрового производства, как значимая часть современной экономики, создает ряд важных механизмов, обеспечивающих дальнейшее развитие современного капитализма. С нашей точки зрения, наиболее важным представляется то, что сфера цифрового производства вовлекает в свои практики максимальное количество членов общества, предлагая каждому человеку выбор собственного стимула цифрового присутствия, будь то построение карьеры, повышение личной узнаваемости, выражение лояльности к определенному

товару, услуге, бренду. Сегодня сфера цифрового производства способна предложить пользователю различные формы творческой самореализации, снижая степень его социальной отчужденности. Это, на наш взгляд, значительно повышает степень лояльности широких масс по отношению к современной капиталистической системе в целом.

Вторым социальным следствием развития сферы цифрового производства является возможность накопления различного рода информации о частной жизни людей [Wylie, 2019, 199], что используется коммерческими структурами для повышения привлекательности экономических благ, а государственными структурами для регулирования и контроля над жизнью людей. Развитие сферы цифрового производства не обременяет дополнительной социально-экономической нагрузкой ни государство, ни бизнес. Наоборот, развитие данной сферы стимулирует как производство, так и потребление товаров и услуг не только в ней самой, но и во всех современных сферах производства. Таким образом, сфера цифрового производства на современном этапе капиталистического развития мировой экономики выступает в качестве системы гибких механизмов ее самозащиты и совершенствования.

Литература

1. Christopher Wylie. *Mindf*ck: Cambridge Analytica and the Plot to Break America*. – NY: Random House, 2019. – 288 с.
2. Jaron Lanier: *Ten Arguments For Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. – Dublin: Vintage Books, 2019. – 156 с.
3. Staab P. (2017). The consumption dilemma of digital capitalism. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 23(3), 281–294.
4. Vincent Rouze. *Cultural Crowdfunding: Platform Capitalism, Labour and Globalization*. – London: University of Westminster Press, 2019.
5. Yılmaz Ö. (2023). Digital capitalism and individualization of labour: The case of

remote work. *Journal of Human and Social Sciences*, 6(1), 99–125.

6. Афанасов Н.Б. переопределяя свободу. Цифровой капитализм и частная собственность. Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность», vol. 7, no. 1, 2022, pp. 74–83.
7. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
8. Бурик М.Л. Виртуализированный мир капитализма. – М.: Знание, 2022. – 364 с.
9. Заятуев Ж.Ц. Современный взгляд на интеллектуальную собственность и авторское право // E-Scio. 2023. № 2 (77).
10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2021. – 1080 с.
11. Ивановский Б.Г. Преимущества и риски потребления в цифровую эпоху. *Социальные новации и социальные науки*, no. 3 (5), 2021, pp. 7–25.
12. Нир Эаль. На крючке: Как создавать продукты, формирующие привычки. – М.: Манн, 2017. – 272 с.
13. Ричард Флорида: Креативный класс. Люди, которые создают будущее. – М.: Манн, 2016. – 384 с.

THE SPHERE OF DIGITAL PRODUCTION AS A SPACE OF SELF-DEFENSE OF MODERN CAPITALISM

Perepelkin L.A.

Kazan Federal University

The article considers the importance of the digital production sphere in the development of the system of modern capitalism. The mechanisms and metamorphoses of the development of this sphere in the direction of improving the system of modern capitalist production are demonstrated, contradictions in the dynamics of this sphere as one of the most significant components of the modern capitalist economy are revealed. The author concludes that the development of digital production in current trends contributes to the development of capitalism, leveling the im-

portance of individual elements that can contribute to the development of non-capitalist forms of production within this sphere.

Keywords: capitalism, digital production, consumption, society, development, self-defense.

References

1. Christopher Wylie. *Mindf*ck: Cambridge Analytica and the Plot to Break America*. – NY: Random House, 2019. – 288 p.
2. Jaron Lanier: *Ten Arguments For Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. – Dublin: Vintage Books, 2019. – 156 p.
3. Staab P. (2017). The consumption dilemma of digital capitalism. *Transfer: European Review of Labor and Research*, 23(3), 281–294.
4. Vincent Rouze. *Cultural Crowdfunding: Platform Capitalism, Labor and Globalization*. – London: University of Westminster Press, 2019.
5. Yilmaz O. (2023). Digital capitalism and individualization of labor: The case of remote work. *Journal of Human and Social Sciences*, 6(1), 99–125.
6. Afanasov N.B. redefining freedom. Digital capitalism and private property. *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. Story. Modernity"*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 74–83.
7. Buzgalin A.V. Creative Economy: Private Intellectual Property or Everyone Owning Everything? // *Sociological research*. 2017. No. 7. pp. 43–53.
8. Burik M.L. Virtualized world of capitalism. – M.: Knowledge, 2022. – 364 p.
9. Zayatuev Zh.Ts. Modern view of intellectual property and copyright // *E-Scio*. 2023. No. 2 (77).
10. Zuboff S. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future on new frontiers of power. – M.: Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidara, 2021. – 1080 p.
11. Ivanovsky B.G. Benefits and risks of consumption in the digital age. *Social Innovation and Social Sciences*, no. 3 (5), 2021, pp. 7–25.
12. Nir Eyal. *Hooked: How to Create Habit-Forming Products*. – M.: Mann, 2017. – 272 p.
13. Richard Florida: *Creative class. People who create the future*. – M.: Mann, 2016. – 384 p.

Механизмы государственного регулирования социального неравенства и бедности

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии
государственного управления МГУ
им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье рассматриваются государственные механизмы, способствующие регулированию социального неравенства и бедности. Для реализации поставленной цели были проанализированы существующие механизмы государственной политики, направленные на сокращение социально-экономического неравенства населения. В качестве источников статистической информации послужили государственные официальные Указы, Постановления, данные Федеральной службы государственной статистики, а также социологических опросов, проведенных ведущими российскими научно-исследовательскими центрами (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», Институт социологии ФСИЦ РАН).

Ключевые слова: государственное управление, социально-экономическое неравенство, бедность.

Бедность населения, как и социальное неравенство, являются актуальными проблемами современного общества. Несмотря на то, что еще ни одной общественной системе не удалось ликвидировать нищету и экономическое неравенство, тем не менее, снижение дифференциации в распределении доходов является одной из основных направлений социальной политики государства.

В мире накоплен богатый опыт работы с бедностью и хорошо изучена эффективность разных программ. Среди популярных мер можно выделить установление минимального размера оплаты труда, помощь семьям с детьми и нуждающимся, прогрессивное налогообложение, пенсионные трансферты, адресная социальная поддержка, а также обсуждается возможность введения безусловного дохода вместо многочисленных программ [1].

Большой вклад в исследование проблематики социального неравенства на современном этапе внесла российский социолог профессор Н.Г. Осипова. По ее мнению, «социальное неравенство – это глобальная социальная проблема, отягощающая жизнь не только членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу. Глобальное социальное неравенство включает в вертикальную иерархию индивидов, социальных групп, классов и слоев также национальные государства, которые соответствующим образом ранжируются в рамках мирового сообщества» [2].

Осиповой Н.Г. совместно с исследовательским коллективом социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводились многочисленные исследования различных форм социального неравенства.

В частности, при анализе особенностей проявления неравенства в городах, отмечалось пространственное неравенство, социальные последствия

сегрегации и джентрификации, различия в возможностях и качестве жизни, обусловленных гендерными особенностями, проблемах отношения и возможностей для людей с эксклюзией, а также условиями для мигрантов и беженцев [3]. Отдельного внимания заслуживает анализ пространственного неравенства и бедности в рамках отдельных стран и регионов, а также особенностей проявления на различных территориях [4].

Осиповой Н.Г. совместно с Елишевым С.О. и Прончевым Г.Б. проводились опросы на предмет выявления ценностных установок студенческой молодежи относительно новых форм неравенства, касающиеся цифровизации и системы здравоохранения. Результаты опроса показали, что социальное неравенство признается современной российской молодежью в качестве актуальной социальной проблемы, но не занимает ключевое место в ряду основных для российской молодежи проблем [5].

Механизмы государственного регулирования социального неравенства и бедности в современном мире включают в себя повышение национального благосостояния, обеспечение равного доступа всех социальных групп к материальным благам, а также создание благоприятных условий для комплексного использования трудового потенциала и занятости максимальной доли трудоспособного населения. Применение конкретных инструментов, во многом, зависит от уровня развития страны, степени материального достатка конкретных социальных групп, нуждающихся в поддержке и развитости социальных институтов.

Приведем в качестве примера одну из классификаций применяемых усилий со стороны государства в части сокращения неравенства:

- а) для нижних 50% домохозяйств по доходам и богатству:
 - в развивающихся странах с низким уровнем дохода: расширенный доступ к здравоохранению и образованию, условный базовый доход,
 - в развивающихся странах со средним уровнем дохода: регулирование ми-

нимального размера оплаты труда относительно прожиточного минимума, условный базовый доход, негативная ставка налога на доходы физических лиц, государственная политика гарантированной занятости,

- в развитых странах с высоким уровнем дохода: государственные трансферты (пособия, пенсии, стипендии, дотации, налоговые вычеты и прочее), безусловный базовый доход, государственная политика полной занятости с учетом притока трудовых мигрантов из развивающихся стран;
- б) для средних 40% домохозяйств по доходам и богатству:
 - в развивающихся странах с низким уровнем дохода: государственные расходы на высшее образование и программы повышения квалификации и переподготовки кадров, специальные налоговые режимы и преференции для развития малого и среднего предпринимательства,
 - в развивающихся странах со средним уровнем дохода: совершенствование трудового законодательства и системы трудовых отношений, развитие профсоюзов и отраслевых стандартов на рынке труда, специальные налоговые режимы и преференции для развития малого и среднего предпринимательства, создание высококвалифицированных рабочих мест,
 - в развитых странах с высоким уровнем дохода: создание и развитие системы комплексной социальной защиты населения, обеспечивающей нуждающиеся домохозяйства социальными пенсиями, условными и безусловными трансфертами из бюджета, возможностями получать товары и услуги на льготной или бесплатной основе и т.п., развитие систем социального страхования;
- в) для верхних 10% домохозяйств по доходам и богатству:
 - в развивающихся странах с низким уровнем дохода: налоги на наследство и недвижимость,
 - в развивающихся странах со средним уровнем дохода: антимонопольная политика, регулирование и надзор

в сфере корпоративных отношений, ограничивающее эксплуатацию рабочей силы,

- *в развитых странах с высоким уровнем дохода*: налоги на богатство и а нетрудовые (рентные) доходы [6].

Государственные социальные выплаты и программы, направленные на поддержку наиболее незащищенных слоев общества, стали важнейшим инструментом преодоления социального неравенства. В результате исследователи обратили свое внимание на анализ этих программ. Среди социальных выплат выделяются пенсии как основная форма социального обеспечения и значительный источник денежных доходов домохозяйств.

В распределительных пенсионных системах пенсионные выплаты финансируются за счет страховых взносов или налогов, собираемых государственным пенсионным фондом. Эта система действует по принципу равных поступлений и выплат в каждый период времени. Государственные пенсии выплачиваются по принципу «поколенческой солидарности», что означает получение пенсионерами средств от страховых взносов (налогов), уплачиваемых работающими гражданами. Однако собранные деньги не инвестируются, а используются для выплаты текущих пенсий. Распределительная система основана на принципе текущего пенсионного финансирования, что означает, что пенсии выплачиваются из текущих доходов государственного пенсионного фонда, без накопления сбережений для будущих пенсионных выплат [7].

Накопительная пенсионная система отличается от распределительной тем, что предполагает не только накопление пенсионных взносов каждого поколения, но и их инвестирование. В этой системе пенсии выплачиваются из средств, внесенных работником в пенсионный фонд, и размер этих средств увеличивается за счет инвестиционной политики фонда, согласованной со страхователем. Это означает, что размер пенсии напрямую связан с суммой денег, накопленной на пенсионном счете работни-

ка, и эффективностью инвестиционной стратегии. Накопительная система основана на принципе личной ответственности за свое будущее, так как каждый работник определяет размер пенсионных взносов и стратегию инвестирования своего индивидуального пенсионного счета [7].

Однако, по мнению многих аналитиков в долгосрочной перспективе параметры пенсионной системы каждой страны будут заметно изменяться. Это связано с влиянием демографического старения населения на необходимое финансирование пенсионных систем, которое должно постоянно повышаться.

Стоит отметить, что изменения в пенсионных расходах часто сопровождается изменениями соотношения пенсий и заработной платы, что может повлиять на относительный размер пенсий в будущем. Такое сближение пенсионных расходов в странах ЕС имеет важные последствия для будущего пенсионных систем и программ социального обеспечения в регионе [8].

Установление минимальной заработной платы (МРОТ) является важнейшим механизмом, которому уделяется значительное внимание. В зарубежной практике используются два основных механизма установления минимальной заработной платы: централизованный и децентрализованный. Централизованный подход предполагает установление минимальной заработной платы на национальном уровне посредством решений, принимаемых компетентными советами или комиссиями, судами по трудовым спорам или арбитражными судами, либо законодательными и/или исполнительными органами. Напротив, децентрализованный подход устанавливает минимальную заработную плату на уровне отрасли или предприятия на основе коллективных переговоров и последующего включения ее в трудовые договоры, будь то индивидуальные или коллективные [9].

Международная организация труда (МОТ) сообщила, что более 90% стран мира применяют систему минимальной заработной платы. Эта система уста-

навивает установленную законом минимальную сумму оплаты труда, которую работодатели должны выплачивать своим работникам за работу, выполненную в течение определенного периода. Минимальная заработная плата не может быть снижена посредством индивидуальных или коллективных трудовых договоров. Его основная цель состоит в том, чтобы уберечь работников от необоснованно низкой заработной платы. Таким образом, система минимальной заработной платы способствует справедливому и равноправному распределению экономических выгод и гарантирует достаточный минимальный уровень жизни для всех работников, в том числе для тех, кто находится в уязвимом положении [10].

Еще в 1928 году Международная организация труда (МОТ) выдвинула Конвенцию, устанавливающую порядок установления минимальной заработной платы (№ 26). Эта Конвенция призвала государства-члены установить минимальную заработную плату для работников в определенных отраслях или секторах, особенно в домашнем производстве, где нет эффективного механизма регулирования заработной платы посредством коллективных переговоров или других средств, и где заработная плата является исключительно низкой. Конвенция № 26 направлена на установление процедуры установления минимальной заработной платы для защиты работников от неоправданно низкой заработной платы. В 1970 году была принята Конвенция № 131, которая предлагала более высокую степень защиты по сравнению с Конвенцией № 26, гарантируя, что оплата труда работников не может быть ниже минимального уровня заработной платы, установленного компетентными органами [11]. Основополагающие принципы ООН защиты трудящихся приведены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [12].

В дополнение к внутренним законам и правилам существуют также международные соглашения, направленные на обеспечение справедливой и до-

стойной заработной платы для работников. Эти соглашения включают несколько положений, таких как требование социально-экономического обоснования минимальной заработной платы, которая должна позволить работникам и их семьям иметь удовлетворительный уровень жизни. Установленная минимальная заработная плата должна быть обязательной как для работодателей, так и для работников, а работники, получающие заработную плату ниже минимальной, имеют право добиваться компенсации в суде или по другим законным каналам. Кроме того, минимальные ставки заработной платы должны периодически пересматриваться и устанавливаться путем консультаций со всеми соответствующими сторонами. Наконец, могут применяться дифференцированные минимальные ставки заработной платы в зависимости от таких факторов, как возраст или отрасль. Эти соглашения служат для защиты прав и благополучия работников во всем мире, способствуя справедливой и достойной заработной плате для всех [9].

Отдельного внимания заслуживает такой инструмент как универсальный (безусловный) базовый доход (ББД). Концепция гарантии базового дохода довольно проста: государство ежемесячно дает каждому определенную сумму денег, независимо от того, кто он и чем занимается. Доход не может быть уменьшен, и получатели не должны каким-либо образом зарабатывать деньги [13]. Иными словами ББД – это неадресная форма социальной поддержки, которая выплачивается без каких-либо дополнительных условий в денежной форме.

Концепция оказания социальной помощи населению в виде безусловного основного дохода была первоначально предложена в «Утопии» Т. Мора, где было указано, что, несмотря на наличие суровых наказаний за кражу, распространность этого преступления сохраняется из-за отсутствия у физических лиц средств к существованию. Мор считал, что было бы более эффективно обеспечить всех базовым доходом для покрытия их основных потребностей и не дать

им прибегать к преступлению в отчаянии. С тех пор эта идея обсуждалась и развивалась многими учеными и политиками [14].

Большой вклад в развитие идеи базового дохода внес американский экономист Фридман М., который высказал идею замещения части затрат в форме негативного подоходного налога [15].

Основными аргументами за и против введения ББД являются следующие:

- ББД снижает уровень бедности и неравенства, улучшает здоровье;
- ББД приводит к росту рабочих мест и снижению уровня отсева в школе;
- ББД гарантирует доход для неработающих родителей и опекунов, тем самым расширяя их права, особенно права женщин;
- ББД намного легче администрировать, чем большинство других инструментов современной системы социальной защиты.

Основными аргументами против введения ББД являются:

- ББД берет деньги у бедных и раздает их всем, тем самым лишает бедных необходимой адресной поддержки и еще более увеличивает бедность;
- ББД уничтожает стимул к работе, отрицательно влияя на экономику и приводя к нехватке рабочей силы и навыков;
- ББД стоит слишком дорого;
- ББД спровоцирует поведение с риском для здоровья (потребление алкоголя и других психоактивных веществ);
- ББД требует повышения налогов и негативно скажется на экономическом росте [16].

Налоговое регулирование неравенства является важнейшим вопросом в сфере социально-экономической политики. По мнению эксперта в области социальной политики Сухарева О.С., борьба с бедностью и неравенством требует комплексного подхода. Необходима адресная помощь бедным, финансируемая за счет дополнительных ресурсов или перераспределения доходов от самых богатых членов общества. Кроме того, внедрение прогрессивной налого-

вой системы, которая отвлекает доходы от богатых, может стать мощным инструментом в решении этой проблемы [17].

Для решения проблемы неравенства применяются различные налоговые инструменты, включая подоходный, косвенный и имущественный налоги. Используя ряд налоговых инструментов, правительство может более эффективно бороться с неравенством и сокращать его, способствуя созданию более справедливого и равноправного общества [18].

Таким образом, для функционирования эффективной социально-экономической политики регулирования неравенства различных групп необходимо проводить разные комбинации инструментов и методов снижения дифференциации в доходах. Дополнительные налоги на богатых, собираемые в бюджет, могут быть целесообразны при наличии качественной системы финансового управления неравенства в развивающихся странах. При регулировании экономического неравенства в развитых странах с высоким уровнем доходов следует учитывать, что чрезмерное повышение предельных налоговых ставок равно как повышение минимального размера оплаты труда может снизить предпринимательскую активность в стране.

Влияние социальной политики на социальное неравенство в современном российском обществе

Статья 7 Конституции Российской Федерации подчеркивает приверженность страны социальной справедливости, утверждая, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий для свободного развития и достойной жизни каждого человека. Конституция также предусматривает охрану труда и здоровья, установление гарантированного минимума заработной платы, оказание государственной поддержки семье, материнству, отцовству и детству. Кроме того, государство обязано разработать систему социального обслуживания, установить государствен-

ные пенсии и пособия, обеспечить другие формы социальной защиты инвалидов и пожилых граждан. Эти конституционные положения отражают приверженность правительства построению социально ответственного и справедливого общества [19].

Руководствуясь нормами Конституции Российской Федерации, страна берет на себя обязательства по социальному обеспечению граждан, устранению неравенства среди населения, гарантирует возможность получения бесплатного образования и получения медицинской помощи.

Российская Федерация приняла ряд законодательных актов для решения проблемы социального неравенства как на федеральном, так и на региональном уровне. К ним относятся Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, План мероприятий по ее реализации, Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. В этих документах намечены такие меры как выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и развитие справедливой и адресной системы социальной защиты и социального обслуживания.

Кроме того, в этих правовых актах подчеркивается важность сбалансированного пространственного развития, направленного на снижение диспропорций в социально-экономическом развитии между регионами, повышение уровня жизни населения. Ожидается, что такие меры будут способствовать преодолению межрегионального неравенства и будут способствовать равному размещению производительных сил и расселению населения по стране [20].

Первостепенной задачей государственной социальной политики в России является борьба с бедностью и сокращение экономического неравенства. Несмотря на некоторое улучшение доходов и уровня жизни, количество граждан, живущих за чертой бедности, остается вы-

соким. По состоянию на конец 2022 г. примерно 10,5% населения страны, или 15,3 млн человек, живут в бедности [21].

Стоит подчеркнуть, что бедность в России затрагивает не только традиционные социальные группы, такие как многодетные и неполные семьи с детьми, но и трудоспособных граждан, которые не в состоянии поддерживать приемлемый уровень жизни.

Для решения этой проблемы государство развивает систему государственной поддержки граждан, нуждающихся в социальной защите, активизирует работу по адресной социальной помощи наиболее нуждающимся. Это стало особенно очевидным во время пандемии COVID-19, когда повышенное внимание уделялось поддержке уязвимых граждан, теряющих доход.

Для эффективного сокращения экономического неравенства крайне важно укреплять органы социальной защиты, увеличивать финансовую поддержку и повышать осведомленность населения о доступных социальных услугах.

Высокое представительство трудоспособных граждан в числе бедных определяется, прежде всего, низким уровнем оплаты труда. Граница бедности, рассчитанная Росстатом для трудоспособного населения, по итогам 2022 года составила 14,7 тыс. руб. (табл. 1).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» планируется снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года [22], т.е. уменьшение доли населения, проживающего за чертой бедности до 6,5%.

В целях снижения уровня бедности среди работающего населения продолжатся мероприятия по повышению МРОТ и уровня оплаты труда, особенно в низкооплачиваемых сферах.

Установленный с 01 января 2023 года МРОТ в размере 16242 рублей [23] составляет порядка 30% прожиточного минимума трудоспособного населения. Однако данный уровень в течение года будет проиндексирован.

Таблица 1. Границы бедности в целом по Российской Федерации

рублей в месяц

	Все население	В том числе			ИПЦ к IV кварталу 2020 г., %
		трудоспособное население	пенсионеры	дети	
2020 г.					
Базовая граница бедности IV квартал	11329	12273	9348	11140	100
2021 г.					
I квартал	11581	12545	9556	11387	102,22
II квартал	11813	12797	9747	11616	104,27
I полугодие	11697	12672	9652	11502	103,25
III квартал	11970	12968	9877	11771	105,66
Январь-сентябрь	11788	12770	9727	11591	104,05
IV квартал	12269	13292	10124	12065	108,30
Год	11908	12900	9826	11709	105,11
2022 г.					
I квартал	12916	13992	10658	12701	114,01
II квартал	13813	14964	11398	13583	121,93
I полугодие	13365	14478	11028	13142	117,97
III квартал	13688	14828	11294	13459	120,82
Январь-сентябрь	13472	14595	11117	13248	118,92
IV квартал	13762	14909	11356	13533	121,48
Год	13545	14674	11176	13319	119,56

Источник: данные Росстата [21].

Президент России В. Путин в ходе своего ежегодного Послания Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года предложил дополнительно проиндек-

сировать минимальный размер оплаты труда с 2024 года на 10%. В результате МРОТ увеличится на 18,5% – с нынешних 16,2 тыс. до 19,2 тыс. руб. [24] (рис. 1).

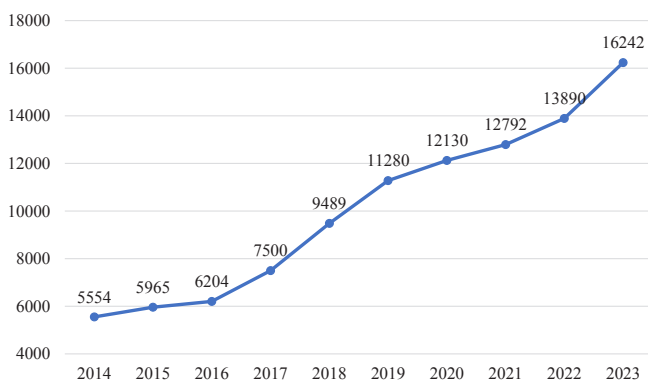

Рис. 1. Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации (на начало года), руб.

Источник: данные Росстата [21].

Второй важной проблемой социальной политики является пенсионное обеспечение. Прежде всего, они выражаются в низком уровне пенсий, ненадежности системы управления пенсионными накоплениями, что существенно снижает качество жизни пенсионеров.

Принципы всеобщности, справедливости и солидарности поколений составляют основу пенсионной системы граждан в Российской Федерации, изложенной в п. 6 ст. 75 Конституции. Крайне

важно, чтобы эта система работала эффективно для обеспечения финансовой безопасности пенсионеров. Кроме того, федеральный закон требует, чтобы пенсии индексировались не реже одного раза в год для сохранения их покупательной способности [19].

Индексация пенсий неработающего населения проводится ежегодно. Так средний размер назначенных пенсий на начало 2023 года вырос по сравнению с предыдущим годом на 2 448,6 руб. и составил 19,5 тыс. руб. (рис. 2).

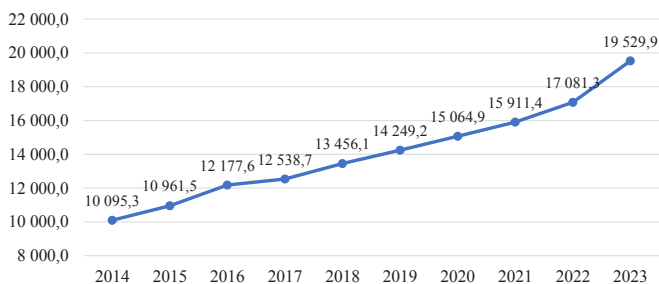

Рис. 2. Средний размер назначенных пенсий в Российской Федерации, руб.

Источник: Данные Росстата [21].

На сегодняшний день соотношение среднего размера пенсии с прожиточным минимумом пенсионера на 01 января 2013 года составляет 158,0% (прожиточный минимум для пенсионера – 12363 руб.) [21].

С 01 января 2023 года начал работу Социальный фонд России, который объединил Пенсионный фонд и Фонд социального страхования. По информации, опубликованной в первом пресс-релизе вновь созданного фонда: «Объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования предусматривает полную преемственность всех выплат, услуг и обязательств, которые были в компетенции двух фондов. Оно направлено на повышение качества обслуживания граждан, более быстрое и удобное оформление мер поддержки. Объединение позволит снизить административную нагрузку на бизнес и расширить категорию граждан, обеспеченных социальным страхованием» [25].

На 01 января 2022 года свыше 14,3 миллионов граждан имели право на по-

лучение ежемесячных денежных выплат в качестве социальной помощи. Для поддержки наиболее уязвимых социальных групп предусматривается усиление системы выплат единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, ежемесячного пособия семьям, имеющим детей.

В России прием заявлений на выплату многих социальных пособий реализуется в электронной форме, чему отчасти способствовали ограничительные меры во время пандемии ковида. Сейчас лишь по одному заявлению назначаются ежемесячные пособия семьям с малышами от трёх до семи лет, а также нуждающимся будущим мамам и родителям, которые в одиночку воспитывают детей от 8 до 17 лет. Это освобождает им время, чтобы провести его с ребёнком, а не собирать справки по инстанциям [26].

С 01 июля 2021 года семьи с детьми в возрасте от 8 до 17 лет, которые

оказались в сложной финансовой ситуации, могут подать заявление для назначения ежемесячного пособия. Оно положено единственному родителю, а также родителю или законному представителю ребёнка при наличии решения суда об уплате алиментов. Если нет обоих родителей, за пособием может обратиться опекун или попечитель. Размер ежемесячного пособия – 50% регионального прожиточного минимума для детей.

Правительство Российской Федерации предприняло конкретные шаги по сокращению гендерного неравенства, утвердив в декабре 2022 года новую Национальную стратегию действий в интересах женщин до 2030 года. Основная цель этой стратегии – обеспечить реализацию принципа равноправия мужчин и женщин в различных сферах жизни. Он направлен на содействие экономической независимости и политическому участию российских женщин, а также на предотвращение женских проблем. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы отражает твердую приверженность правительства продвижению гендерного равенства в стране [27].

Для решения этих вопросов в настоящее время в России реализуется национальный проект «Демография», включающий проекты, направленные на поддержку семей с детьми, содействие занятости женщин, повышение качества жизни граждан старшего возраста. Реализация этих мер позволит не только сократить бедность и безработицу, но и повысить качество и количество услуг, доступных населению.

Повышение уровня жизни населения, снижение бедности и социально-экономического неравенства являются приоритетными задачами социальной политики Российской Федерации.

Необходимо признать, что только увеличения бюджетных расходов в рамках существующих органов социальной защиты и занятости недостаточно для решения текущих экономических проблем. Без коренной перестройки форм и методов их работы не решить такие

проблемы как падение реальных доходов населения, высокий уровень безработицы, стагнация рынка труда. Поэтому крайне важно сосредоточить внимание на развитии рынка труда и повышении его эффективности, обеспечить действенные меры по борьбе с безработицей и способствовать экономическому росту.

Среди первоочередных управленческих задач можно отметить модернизацию системы социальной помощи, включая развитие межведомственной координации, разработку программ, совершенствование системы управления. После решения указанных задач возможен переход к широкому внедрению наиболее эффективных программ по снижению уровня социального неравенства и бедности.

Оценка эффективности социальной политики государства и запрос россиян на социальную поддержку населения

Оценивая результативность социальной политики государства нельзя обойти вниманием понятие «эффективность», которая в общем виде может быть определена как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Однако, когда вопрос касается оценки эффективности проводимой политики, могут возникнуть определенные сложности, в первую очередь, связанные с определением перечня показателей.

Как отмечает Сюпова М.С., «социальная политика представляет собой совокупность конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение, включая обеспеченность людей жильем, услугами социальной инфраструктуры, рабочими местами, необходимыми денежными доходами. Исходя из этого, в качестве основного критерия оценки эффективности социальной политики рационально использовать индекс качества жизни (Quality of Life Index)» [28].

Индекс человеческого развития также позволяет косвенно оценить эффективность проводимой в стране социаль-

ной политики. Он представляет собой интегральный показатель, характеризующий способность вести долгую и здоровую жизнь, способность получать знания и способности достигать достойного уровня жизни.

Информация, получаемая в результате расчета Индекса лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index) по итогам 2020 года, показала, что жители России нуждаются в улучшении жилищных условий. В отчете подчеркивалось, что в России в среднем в доме на человека приходится 1 комната, что меньше, чем в среднем по ОЭСР (1,7 комнаты на человека). Переполненное жилье может оказывать негативное влияние на физическое и психическое здоровье, отношения с другими людьми и развитие детей [29].

Это может свидетельствовать о том, что у россиян существует запрос на реализацию жилищной политики и возможно смены курса ориентирования исключительно на рыночные механизмы регулирования рынка жилья, но также оказания адресной помощи домохозяйствам, нуждающимся в улучшении условий проживания, особенно в крупных городах.

По данным Росстата 2097 семей в России (включая одиноких), по итогам 2021 года состояло на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях [21].

Помимо запроса на улучшение жилищных условий у россиян существует потребность на снижение дифференциации в уровне доходов.

Удовлетворенность населения экономической и социальной политикой государства – необходимая составляющая стабильности общества, показатель того, как властям удается или не удается справляться с вызовами и реагировать на запросы граждан.

По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в январе 2023 года, 41,0% опрошенных сказали, что их в целом устраивает социальная политика, которая проводят власти нашей страны и 31% сказали, что их отчасти устраивает [30] (табл. 2).

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «В какой мере Вас устраивает социальная политика, которую проводят власти нашей страны?» (% от опрошенных)

	Январь 2022	Декабрь 2022	Январь 2023
В целом устраивает	38	44	41
Отчасти устраивает, отчасти нет	29	28	31
В целом не устраивает	28	22	21
Затрудняюсь ответить	5	6	7
Индекс	39	50	51

По данным другого опроса ВЦИОМ, более всего граждане Российской Федерации (98%) наслышаны о программе материнского капитала, 91% знает о льготной ипотеке, о ежемесячных выплатах при рождении детей до трех лет – 89%, по 88% слышали о расселении аварийного жилья, диспансеризации населения и раздельном сборе и переработке мусора. Четыре из восьми наиболее известных населению мер пришлось на национальный проект «Жилье и городская среда», что свидетельствует о высоком запросе населения на господдержку именно в этой сфере [30].

Также для того, чтобы оценить эффективность социальной политики государства, целесообразным видится анализ показателей бедного населения в динамике и сопоставление полученных результатов с самооценкой самого населения относительно своего материального положения.

По данным опроса Фонда Общественное мнение (ФОМ), проведенного в ноябре 2022 года, у 7% респондентов за последние два-три месяца материальное положение улучшилось (это вдвое меньше, чем в августе), 25% сообщили, что оно стало хуже, а 66% – что не изменилось. Прогнозируют улучшение материального положения в ближайший год 21% россиян. Считают, что ситуация в этом отношении ухудшится, 16% респондентов, 38% изменений не ждут.

Эти показатели немного хуже, чем полученные в прошлом исследовании [31].

В социологическом опросе, проведенном Институтом социологии ФНИЦ РАН, всего 17% россиян заявляют, что они самодостаточны и не нуждаются в какой-либо форме государственной помощи, что подчеркивает необходимость участия государства в социальной сфере. Большинство респондентов выразили желание справедливой заработной платы и доступа к надлежащему медицинскому обслуживанию, причем более трети респондентов выбрали каждый вариант. Эти результаты подчеркивают широко распространенный спрос на государственную помощь и иллюстрируют потребность общества в усилении под-

держки со стороны правительства в различных сферах жизни [32].

Специфики представлений о необходимом характере социальной поддержки в зависимости от персонального запроса к социальной политике в целом нет. Некоторым исключением являются те, кто испытывает потребность в помощи с жильем и получением необходимого образования. Для них наиболее распространенными формами целесообразной системы социальной поддержки видится адресная, а не максимально расширенная, так как с этими потребностями сталкиваются больше молодые и благополучные россияне, которым относительно менее свойственны патерналистские ожидания [33] (табл. 3).

Таблица 3. Представления о целесообразной модели социальной поддержки в зависимости от персональной потребности в помощи государства, 2020 г. (в %)

Характер помощи	Минималистичная	Адресная	Максималистичная	По линии предприятия	Персоналистичная
Обеспечение справедливой оплаты труда	16	39	40	2	3
Решение проблем с необходимой медицинской помощью	15	37	42	2	4
Материальная поддержка	12	35	47	3	2
Трудоустройство	16	32	44	4	3
Обеспечение жильем	12	44	37	3	4
Возможность получения необходимого образования и квалификации	18	42	33	4	2
Поддержка государства не нужна, со всем справляемся самостоятельно	14	30	42	2	9
Население в целом	14	36	42	3	5

Для оценки результативности социальной политики региона целесообразным является выделение показателей работы нескольких отраслей, характеризующих деятельность социальной сферы: здравоохранение, образование, культура, доходы и материальное благосостояние, труд, ЖКХ, демография и семейная политика, социальная защита, экологическая политика и обеспечение правопорядка.

В России в соответствии с Указом Президента РФ от 04 февраля 2021 г. № 68, федеральные органы власти проводят оценку состояния 20 показателей, характеризующих основные параметры

социально-экономического развития субъектов РФ, среди которых можно выделить: уровень бедности, уровень образования, количество семей, улучшивших жилищные условия, темп роста реальной среднемесячной заработной платы и другие [34].

Проводя постоянный мониторинг этих показателей, можно оценить эффективность деятельности органов власти на уровне регионов в динамике. Сравнение значений показателей позволит органам исполнительной власти оценить эффективность реализации государственных программ субъектов РФ.

Для проведения комплексной оценки эффективности реализуемой социальной политики предлагается, с одной стороны, учитывать программно-целевой подход (целевые показатели федеральных и региональных «дорожных карт» и проектов), а с другой стороны, осуществлять постоянный мониторинг субъективных оценок граждан по отдельным направлениям социальной политики. При принятии управленческих решений осуществлять сопоставление объективных показателей работы.

Для эффективного функционирования социально-экономической политики, направленной на минимизацию неравенства, необходимо использовать разные комбинации инструментов и методов. Например, различное налогообложение целесообразно при наличии качественной системы финансового управления неравенства. При регулировании экономического неравенства в развитых странах с высоким уровнем доходов следует учитывать, что чрезмерное повышение налоговых ставок равно как повышение минимального размера оплаты труда может снизить предпринимательскую активность в стране.

Модель социальной защиты зависит культурно-исторических условий функционирования общества, а также финансовых возможностей самой страны. При этом правительства разных государств могут использовать опыт других стран, применять лучшие практики, не только основываясь на используемой модели, а выходить за ее рамки.

Повышение уровня жизни населения, снижение бедности и социально-экономического неравенства являются приоритетными задачами социальной политики Российской Федерации. В современных условиях исключительно увеличение бюджетных расходов в рамках существующих органов социальной защиты и занятости недостаточно для решения текущих социально-экономических проблем. Крайне важно сосредоточить внимание на развитии рынка труда и повышении его эффективности, обеспечить действенные меры по борьбе с безработицей и способствовать экономи-

ческому росту. Среди первоочередных управленческих задач можно отметить модернизацию системы социальной помощи, включая развитие межведомственной координации, разработку программ, совершенствование системы управления. После решения указанных задач возможен переход к широкому внедрению наиболее эффективных программ по снижению уровня социального неравенства и бедности.

Для проведения комплексной оценки эффективности реализуемой социальной политики в стране необходимо, с одной стороны, учитывать программно-целевой подход (показатели федеральных и региональных дорожных карт и проектов), а с другой стороны, осуществлять постоянный мониторинг оценок отдельных граждан по отдельным направлениям социальной политики. А затем сопоставлять их и учитывать при принятии управленческих решений.

Литература

1. Клисторин В.И. О бедности в России и в мире // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3–2. С. 264–280.
2. Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(4). С. 127.
3. Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155.
4. Осипова Н.Г., Добринская Д.Е., Лядова А.В., Мартыненко Т.С. Пространство и бедность: междисциплинарная конференция в Университете Зальцбурга // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(2). С. 30–35.
5. Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021;27(2):7–25; Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов

- московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020;26(3):7–23.
6. Дорофеев М.Л. Классификация методов и инструментов государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств // Вестник университета. 2022. № 5. С. 193–202.
 7. Белозеров С.А. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 55.
 8. Гурвич Е.Т. Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире // Финансовый журнал. 2019. № 6. С. 22–23.
 9. Социальный бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. Зарубежная практика применения механизма минимальной заработной платы. 2020. № 13. С. 7. – URL: [https://ac.gov.ru/uploads/2Publications/social/_бюллетень_№_13_\(МРОТ\)_ФИН.pdf](https://ac.gov.ru/uploads/2Publications/social/_бюллетень_№_13_(МРОТ)_ФИН.pdf) (дата обращения: 21.02.2024).
 10. Определение МРОТ // Международная организация труда. – URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/wages/WCMS_549717/lang-ru/index.htm (дата обращения: 10.02.2024).
 11. Конвенция Международной Организации Труда № 131 об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран (Женева, 22 июня 1970 г.). – URL: <https://base.garant.ru/2541296/> (дата обращения: 16.02.2024).
 12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах подписан от имени СССР 18 марта 1968 г. и ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 16.02.2024).
 13. Грязнов С.А. Идея универсального базового дохода // Экономика и бизнес: теория и практика, 2021. С. 84.
 14. Мор Т. Утопия. – М.: Издательство «Э», 2018.
 15. Фридман М. Капитализм и свобода. – М.: Новое издательство, 2006.
 16. Кислицына О.А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «За», кто «Против»? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 33–36.
 17. Сухарев, О.С. Социальная политика в решении проблемы неравенства и бедности // Экономика. Налоги. Право. 2021. 14(2). С. 29–30.
 18. Пугачев А.А. Налоговые инструменты в системе факторов воздействия государства на неравенство // Налоги и налогообложение. 2022. № 3. С. 24.
 19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
 20. Гончарова К.С. Социально-экономическая политика, направленная на снижение экономического неравенства населения. На примере субъектов ЦФО // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Сб. статей X Уральско-го демографического форума / отв. ред. д-р экон. наук О.А. Козлова. Т. I. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. – С. 107–118.
 21. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (дата обращения: 15.02.2024).
 22. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
 23. Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений».
 24. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собра-

- нию. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 22.02.2024).
25. Объединение Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования: самое главное // Социальный фонд России. – URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/social_fond/ (дата обращения: 16.02.2024).
 26. Совещание в Правительстве РФ о новых мерах поддержки. – URL: <http://government.ru/news/45166/> (дата обращения: 16.02.2024).
 27. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» // Портал Правительства Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhsKBAE9DAflD3Akpd787xAOc4.pdf>. (дата обращения: 15.02.2024).
 28. Сюпова М.С. Качество жизни как критерий оценки эффективности социальной политики региона // Вестник ТОГУ. 2021. № 1 (60).
 29. The OECD Better Life Index. – URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/housing> (дата обращения: 01.03.2024).
 30. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (дата обращения: 20.02.2024).
 31. Динамика материального положения / ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос // Фонда «Общественное мнение». – URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14807> (дата обращения: 16.02.2024).
 32. Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 352
 33. Лежнина Ю.П. Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 50–60.
 34. Указ Президента Российской Федерации от 04 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 6. Ст. 966.

MECHANISMS OF STATE REGULATION OF SOCIAL INEQUALITY AND POVERTY

Sushko V.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article examines government mechanisms that help regulate social inequality and poverty. To achieve this goal, the existing mechanisms of state policy aimed at reducing socio-economic inequality of the population, as well as the main problems in the existing mechanisms of state regulation of social inequality, were analyzed. The sources of statistical information were state official decrees, resolutions, data from the Federal State Statistics Service, as well as sociological surveys conducted by leading Russian research centers such as VCIOM, the Public Opinion Foundation, and the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: public administration, socio-economic inequality, poverty.

References

1. Klistorin V.I. About poverty in Russia and in the world // Ideas and ideals. 2019. Т. 11. No. 3–2. pp. 264–280.
2. Osipova N.G. Social inequality in the modern world // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2019. No. 25(4). P. 127.
3. Osipova N.G., Vershinina I.A., Martynenko T.S. Inequality and uncertainty: modern challenges for cities // Sociological Research. 2019. No. 1. P. 153–155.
4. Osipova N.G., Dobrinskaya D.E., Lyadova A.V., Martynenko T.S. Space and pov-

- erty: interdisciplinary conference at the University of Salzburg // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science.* 2019. No. 25(2). pp. 30–35.
5. Osipova N.G., Elishev S.O. Social inequality and youth: key trends of 2020 // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science.* 2021;27(2):7–25; Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Moscow university students' ideas about social inequality in Russia and in the modern world // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science.* 2020;26(3):7–23.
 6. Dorofeev M.L. Classification of methods and instruments of state financial regulation of socio-economic inequality of households // *Bulletin of the University.* 2022. No. 5. pp. 193–202.
 7. Belozеров S.A. Features of national pension systems // *Bulletin of St. Petersburg State University. Economy.* 2017. T. 33. Issue. 1. P. 55.
 8. Gurvich E.T. Long-term trends in pension policy in the world // *Financial journal.* 2019. No. 6. pp. 22–23.
 9. Social bulletin of the Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Foreign practice of applying the minimum wage mechanism. 2020. No. 13. P. 7. – URL: [https://ac.gov.ru/uploads/2Publications/social/_bulletin_Ne_13_\(minimum_wage\)_FIN.pdf](https://ac.gov.ru/uploads/2Publications/social/_bulletin_Ne_13_(minimum_wage)_FIN.pdf) (date of access: 02.21.2024).
 10. Determination of the minimum wage // *International Labor Organization.* – URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/wages/WCMS_549717/lang-ru/index.htm (access date: 02/10/2024).
 11. International Labor Organization Convention No. 131 concerning the Establishment of Minimum Wages, with Special Consideration to Developing Countries (Geneva, June 22, 1970). – URL: <https://base.garant.ru/2541296/> (access date: 02/16/2024).
 12. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights was signed on behalf of the USSR on March 18, 1968 and ratified by the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on September 18, 1973 – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (access date: 02/16/2024).
 13. Gryaznov S.A. The idea of a universal basic income // *Economics and business: theory and practice,* 2021. P. 84.
 14. More T. *Utopia.* – M.: Publishing House “E”, 2018.
 15. Friedman M. *Capitalism and freedom.* – M.: New publishing house, 2006.
 16. Kisilitsyna O.A. Introduction of an unconditional basic income system: what do Russians think? Who is “For”, who is “Against”? // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.* 2019. No. 3. pp. 33–36.
 17. Sukharev, O.S. Social policy in solving the problem of inequality and poverty // *Economics. Taxes. Right.* 2021. 14(2). pp. 29–30.
 18. Pugachev A.A. Tax instruments in the system of factors influencing the state on inequality // *Taxes and taxation.* 2022. No. 3. P. 24.
 19. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020).
 20. Goncharova K.S. Socio-economic policy aimed at reducing economic inequality of the population. On the example of the subjects of the Central Federal District // *Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region. Sat. articles of the X Ural Demographic Forum / rep. ed. dr. econ. Sciences O.A. Kozlova. T. I.* – Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. – pp. 107–118.
 21. Federal State Statistics Service. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (access date: 02/15/2024).
 22. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030.”
 23. Federal Law of December 19, 2022 No. 522-FZ “On amendments to Article 1 of the Federal Law “On the Minimum Wage” and on the suspension of its individual provisions.”
 24. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (access date: 02/22/2024).
 25. The merger of the Pension Fund of Russia and the Social Insurance Fund: the most important thing // *Social Fund of Russia.* – URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/social_fond/ (access date: 02/16/2024).
 26. Meeting in the Government of the Russian Federation on new support measures. –

- URL: <http://government.ru/news/45166/> (access date: 02/16/2024).
27. Order of the Government of the Russian Federation of December 29, 2022 No. 4356-r "On approval of the National Strategy for Action in the Interests of Women for 2023–2030" // Portal of the Government of the Russian Federation. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhskBAE-9DAfl D3AkpD787xAOc4.pdf>. (access date: 02/15/2024).
 28. Syupova M.S. Quality of life as a criterion for assessing the effectiveness of social policy in the region // Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 1 (60).
 29. The OECD Better Life Index. – URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/housing> (access date: 03/01/2024).
 30. All-Russian Center for the Study of Public Opinion. – URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (date of access: 02/20/2024).
 31. Dynamics of financial situation / FOMnibus – weekly all-Russian door-to-door survey // Public Opinion Foundation. – URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14807> (access date: 02/16/2024).
 32. Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Russians' requests for government assistance: social investment or social support? // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 3. P. 352
 33. Lezhnina Yu.P. Russians' ideas about the necessary social policy: between the mid-2000s and the coronavirus crisis of 2020 // Sociological Research. 2021. No. 4. pp. 50–60.
 34. Decree of the President of the Russian Federation dated February 4, 2021 No. 68 "On assessing the effectiveness of the activities of senior officials (heads of the highest executive bodies of state power) of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 6. Art. 966.

Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции

Тринадцатко Антон Александрович,

к.с.н., Высшая школа менеджмента, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13-176@rambler.ru

Процесс цифровизации различных сфер жизни российских граждан актуализировал вопрос изучения состояния цифровой грамотности и возможностей использования информационных технологий, как инструментов повышения уровня самостоятельности и независимости, лицами с тяжелыми нарушениями зрения. Основное внимание в статье уделено использованию инвалидами по зрению в своей повседневной жизни современных информационных тифлоадаптивных технологий, позволяющих им решать повседневные задачи при помощи мобильных устройств. Констатируется факт наличия у достаточно большой части инвалидов по зрению навыков работы на персональном компьютере и мобильном устройстве, что является результатом развития и распространения тифлоадаптивных информационных технологий, в первую очередь технологии TTS. Делается вывод о том, что в случае наличия у мобильных информационных сервисов возможности корректной работы с технологией TTS, инвалиды по зрению способны самостоятельно решать большинство рутинных задач и выполнять операции, для осуществления которых ранее им требовалась помощь окружающих лиц. При этом вопрос доступности информационных услуг для инвалидов по зрению в настоящее время уже перешел из стадии «возможности это сделать» в стадию «желания это сделать».

Ключевые слова: инвалиды по зрению, тяжелые нарушения зрения, информационные технологии, адаптивные цифровые технологии, тифлоадаптивные технологии, цифровая грамотность, цифровое пространство, программа экранного доступа.

Введение

Активное внедрение в последние несколько лет в повседневную жизнь человека информационных технологий оказало различное влияние на жизнедеятельность представителей разных социальных групп российского общества, о чем, в частности, свидетельствует опрос, проведенный летом 2023 г. ВЦИОМ.

Согласно результатам опроса, 74% россиян ежедневно заходят в интернет, причем за последние 5 лет доля таких лиц увеличилась на 12%, при этом такой рост был обусловлен преимущественно увеличением числа пользователей, относящихся к группе так называемых «heavy users», т.е. лиц, проводящих в интернете более 4 ч. в день. В свою очередь типовыми представителями таких пользователей являются молодые люди до 25 лет, имеющие высшее или неполное высшее образование, хорошее материальное положение, проживающие в городах Москва, Санкт-Петербург или каком-либо ином городе с населением от миллиона человек. При этом, однако, наибольший рост пользователей интернета, согласно данным опроса, наблюдается в возрастной когорте 45–59 лет, доля которых с 2018 по 2023 г. выросла с 55% (2018) среди представителей этой возрастной группы, до 76% (2023) [1].

В данном контексте необходимо отметить, что в настоящее время умение взаимодействовать с интернетом как новой социально-информационной средой, является одной из основных черт проявления «цифровой грамотности» населения. Под последней понимается система когнитивных, социальных и технических навыков, гарантирующих качественное существование человека в информационной среде во всех аспектах своей жизнедеятельности [2].

В свою очередь ООН трактует цифровую грамотность как способность без-

опасно и надлежащим образом управлять, понимать, интегрировать, обмениваться, оценивать, создавать информацию и получать доступ к ней с помощью цифровых устройств и сетевых технологий для участия в экономической и социальной жизни» [3].

Таким образом, на фоне стремительного развития информационных технологий, внедрения практически во все сферы социальной жизни индивида цифровых устройств, использующих сетевые технологии, включая AI (artificial intelligence – искусственный интеллект), цифровая грамотность человека становится одним из значимых навыков, способствующих повышению коммуникативной активности, упрощению процессов получения социальных благ, расширению спектра доступных для реализации в разных сферах социальной и экономической жизни стратегий, повышению активности в контексте решения социальных проблем и развития местных сообществ.

При этом степень вовлечения в цифровую среду представителей некоторых социальных групп, например, инвалидов и, в частности, наиболее дискредитированной с позиций социальной мобильности и социальной интеграции их части – инвалидов по зрению, а также использование ими современных цифровых технологий, в первую очередь связанных с интернетом, в своей повседневной жизни, остается за рамками внимания научного сообщества.

Подчеркнем, что большая часть ученых, занимающаяся исследованием феномена цифровой грамотности индивида, сходятся во мнении, что такая грамотность является необходимым жизненным навыком для любого человека, независимо от возраста или профессии, который живет, работает или учится в современном цифровом мире (пространстве) [2].

Под цифровым пространством в настоящее время понимается виртуальная версия пространства, совокупность информационных ресурсов, среда, в которой индивиды могут вступать в цифровое взаимодействие. Цифровое про-

странство включает в себя цифровую инфраструктуру (аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации, сети) и цифровые ресурсы (базы данных, оцифрованные образы физических объектов и пр.). Соответственно к средствам цифрового взаимодействия относятся процессы, технологии и методы управления [4]. При этом одной из ключевых целей цифрового пространства является совершенствование и развитие человеческих ресурсов в ходе прогрессии этого пространства [5]. Цифровое пространство стало неотъемлемым элементом большинства протекающих в современном обществе процессов жизнедеятельности [4].

Напомним, что еще совсем недавно адаптивные цифровые технологии, разрабатываемые в интересах инвалидов по зрению, в основном были представлены технологией TTS (text to speech) для ПК, а также цифровыми моно устройствами, имеющими локальную функцию речевого выхода и предназначенными для решения незрячим пользователем конкретной отдельной задачи, примерами чего могут служить тифлофлешплееры, ручные и стационарные видеоувеличители, градусники и термометры, звуковые глюкометры, звуковые или брайлевские наручные часы, будильники, автоматические определители денежных купюр и пр. Однако в настоящее время в среде незрячих и слабовидящих людей наблюдается постепенный отказ от специализированных тифлоустройств, за исключением, пожалуй, медицинских приборов (градусники, тонометры, глюкометры и т.п.) в пользу программных продуктов, относительно легко устанавливаемых на стационарные или мобильные операционные системы и позволяющих, после непродолжительного обучения, достаточно свободно взаимодействовать с современными ПК и мобильными устройствами [6]. Также позитивная тенденция наблюдается и в вопросе обеспечения взаимодействия адаптивных тифлотехнологий (в первую очередь скринридеров) с современными инфор-

мационными сервисами, которая реализуется уже не специализированными компаниями (например, Freedom scientific), а IT-специалистами самих информационных сервисов [7].

Таким образом, если опереться на положения социальных моделей инвалидности, основная идея которых сводится к тому, что инвалидность человека представляет собой социальный конструкт, обусловленный неприспособленностью преобразованных или созданных обществом внешних и внутренних пространств, в т.ч. виртуального, под специфические особенности отдельных индивидов, стигматизируемых социумом как инвалиды и, соответственно, если адаптировать эти пространства, создать т.н. универсальную среду, способствующую всесторонней социальной интеграции таких лиц, их дестигматизации, то актуализируется вопрос исследования цифровой грамотности граждан с нарушениями зрительной функции в контексте овладения ими современными цифровыми тифлоадаптивными технологиями с целью повышения их самостоятельности и независимости в различных сферах жизнедеятельности [8].

Таблица 1. Численность инвалидов I и II гр., владеющих навыками работы на ПК и мобильных сенсорных устройствах в разрезе возрастных когорт

Тип устройства	Возрастные группы, лет					Всего	
	18-30	31-40	41-50	51-60	60+	человек	%
Всего, в т.ч.:	22	27	33	38	35	155	100
ПК	22	27	29	32	24	134	86,45
Сенсорное мобильное устройство (смартфон, планшет)	22	27	33	37	32	151	97,42

Мы видим, что уровень владения инвалидами по зрению современными цифровыми устройствами достаточно высок, однако для того, чтобы они могли ими пользоваться, должны быть соблюдены 3 условия.

Во-первых, должны существовать сами технологии, позволяющие пользоваться техническими средствами (программы экранного доступа, брайлевские дисплеи и пр.).

Материалы исследования

Результаты проведенного в феврале–апреле 2023 г. опроса 155 инвалидов по зрению I и II гр., являющихся членами Хабаровской региональной организации (РО) ВОС, из числа которых I гр. инвалидности по зрению имеют 59,35% (92 человека) и II гр. – 40,65% (63 человека), свидетельствуют о том, что 86,45% (134 человека) владеют навыками работы на ПК с использованием различных адаптивных тифлотехнологий, 97,42% (151 человек) имеют навыки работы с сенсорными мобильными устройствами, как с использованием адаптивных мобильных тифлотехнологий, так и без них. Последнее обстоятельство относится к инвалидам II гр. и части инвалидов I гр., имеющих остаток зрения, позволяющий им самостоятельно читать плоскочечатный текст при соответствующем увеличении шрифта подручными или аппаратными средствами (очки, лупа, ручной или стационарный видеувеличитель, изменение размера шрифта в настройках ПК или мобильного устройства, использование экранной лупы и пр.), не нуждающихся в озвучивании текста и графики (табл. 1) [6].

Во-вторых, программные продукты и технические устройства должны отвечать требованиям доступности для инвалидов по зрению, т.е. они должны уметь взаимодействовать с технологией TTS, позволяющей переводить текстовые (или графические) символы в речь.

В-третьих, сам инвалид должен быть знаком с принципами взаимодействия с современными техническими устройствами, в т.ч. с технологией TTS [7].

Также необходимо подчеркнуть, что несмотря на высокий показатель владения инвалидами по зрению современными цифровыми устройствами, в действительности технологией TTS пользуются лишь тотально незрячие инвалиды, а также инвалиды I и II гр., с низким остатком зрительной функции, не позволяющим им читать плоскочечатный текст даже больших и очень больших размеров с использованием подручных средств.

Существующие в настоящее время программы экранного доступа значительно различаются по популярности в среде незрячих и слабовидящих пользователей. Так, у респондентов, владеющих навыками работы на ПК и мобильных устройствах, ранжирование адаптивных тифлотехнологий, присутствующих на настольных операционных системах семейства MS Windows (NVDA, Jaws и Narrator), Apple MacOS (Voice Over) и Linux (Orca), а также на двух наиболее распространенных мобильных платформах – Android (Talk Back) и iOS (Voice Over), позволяющих озвучивать текст на экране, по уровню популярности выглядит следующим образом:

- 1) Talk Back (Android) – 90,3%;
- 2) JAWS (MS Windows) – 82,1%;
- 3) NWDA (MS Windows) – 71,6%;
- 4) Voice Over (iOS) – 14,8%;
- 5) Voice Over (MacOS) – 7,7%;
- 6) Narrator (MS Windows) – 2,6%;
- 7) Orca (Linux) – 1,3%.

Существенный разрыв в использовании информантами перечисленных программных продуктов обусловлен рядом причин, основными из которых являются: предустановка на технические устройства, простота освоения программы, наличие возможности обучения работе с конкретным программным продуктом, распространение программного продукта (платное или бесплатное), ценовая доступность самих технических устройств.

Также следует отметить, что инвалиды по зрению, умеющие работать с ПК, зачастую используют встроенные в операционные системы тифлоадаптивные функции (экранный диктор, экранная лу-

па), а также программы, позволяющие как прослушивать большие текстовые файлы, так и переводить их в формат аудио (Говорилка, Балаболка, MaxReader, IceBook и пр.).

Как указывалось выше, подавляющее большинство инвалидов по зрению II гр., а также часть инвалидов I гр., обычно не используют аудиотифлотехнологии за исключением ситуаций, когда это действительно необходимо, например когда текст на экране слишком мелкий, используемый шрифт слишком крупный и не позволяет самостоятельно прочесть текст целиком, фрагмент текста слишком большой по объему и для его прочтения требуется значительное напряжение зрения и существенные затраты времени, в то время, как существующие цифровые аудиорешения позволяют сделать это более быстро и без дополнительных усилий.

Также уровень владения адаптивными тифлотехнологиями инвалидами по зрению зависит от сохранности зрительной функции, возраста инвалида и его семейного статуса и состава семьи. Так, независимо от группы инвалидности навыки работы на ПК имеют 100% инвалидов I и II гр. по зрению в возрасте до 40 лет, 79,1% в возрастной когорте от 41 до 60 лет и 68,6% старше 60 лет. Навыки работы на сенсорных мобильных устройствах имеют 100% респондентов в возрасте до 50 лет и 94,5% старше 50 лет. Уровень владения техническим средством у информантов старше 40 лет тем выше, чем хуже зрение и меньше возможность получить помощь от ближнего социального окружения. На постоянной же основе в повседневной жизни технологией TTS на ПК пользуются 51,5% (69 человек) инвалидов, владеющих навыками работы на ПК, и 59,6% (90 человек) инвалидов, взаимодействующих с мобильными сенсорными устройствами. Остальные респонденты прибегают к технологии TTS только в особых случаях, предпочитая ей иные адаптивные цифровые и подручные инструменты. Из 63 опрошенных инвалидов по зрению, имеющих II гр., 11% (7 человек), при работе на ПК

или мобильном устройстве, используют технологию TTS, в то время как 85,7% (54 человека) прибегают к подручным тифлоинструментам (очки, лупы, ручные и стационарные видеоувеличители), либо аппаратным компьютерным тифлотехнологиям (экранная лупа, увеличенный шрифт, программы-ридеры). Оставшиеся 3,2% (2 человека) вообще не владеют навыками работы с ПК и мобильными устройствами.

Данный факт дает нам право заключить, что существующая в настоящее время методика освидетельствования граждан на получение группы инвалидности, позволяет специалистам бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) устанавливать более легкую группу инвалидности лицам с тяжелыми нарушениями зрения, ориентируясь при этом не на реальную функциональность зрительного анализатора, а на иные факторы [9, 10].

Наиболее популярными в повседневной жизни инвалидов по зрению направлениями, в которых они используют технические средства как с установленными программами экранного доступа, так и с иными адаптивными тифлотехнологиями, являются [6]:

1) просмотр новостей и поиск другой информации – 90,3% инвалидов, имеющих навыки работы на ПК и 100% умеющих работать с мобильными устройствами;

2) общение и коммуникации – 88,1% работающих с ПК и 100% с мобильными устройствами;

3) развлечения и досуг – 89,5% работающих на ПК и 100% имеющих мобильные устройства;

4) покупки – 64,92% пользователей ПК и 62,25% пользователей мобильных устройств;

5) прочие – 43,28% пользователей ПК и 41,72% владельцев мобильных устройств.

Логично, что подавляющее число незрячих и слабовидящих пользователей ПК при решении повседневных вопросов прибегают и к мобильным устройствам, однако тотально незрячим инвалидам ряд задач все же удобнее выполнять

на ПК, что обусловлено более полной совместимостью интернет-браузеров с технологией TTS на ПК, в то время как на мобильных устройствах ряд приложений совместим с TTS лишь частично.

Применение тифлоадаптивных технологий в профессиональной и социокультурной деятельности существенно различается в зависимости от того, какое техническое устройство (ПК или мобильное) используется инвалидом по зрению. Тем не менее, инвалиды по зрению при выполнении повседневных задач гораздо чаще прибегают к сенсорным мобильным устройствам, взаимодействовать с которыми им значительно проще нежели с ПК, для работы на котором им необходимо знать достаточно широкий набор сочетаний клавиш. Последняя особенность объясняется тем, что, в отличие от зрячих индивидов, незрячие и слабовидящие инвалиды по зрению работают на компьютере преимущественно при помощи клавиатуры (воспринимаемая отклик на свои действия через слуховой анализатор, а не зрительный), вплоть до того, что у тотально слепого человека отсутствует потребность в использовании дисплея, но при этом актуализируется вопрос наличия устройств воспроизведения звука. Также в ходе проведенного опроса был установлен интересный факт – 33,77% (51 человек) респондентов имеют 2 и более мобильных устройства, одно из которых обычно выполняет функции основного гаджета, а второе и прочие – вспомогательных.

Согласно результатам опроса, наиболее удобным и популярным информационным сервисом, используемым инвалидами по зрению в повседневной жизни, и не связанным с технологией TTS, является мобильный помощник (голосовые ассистенты, в первую очередь Яндекс Алиса, Google Assistant, Дуся, Siri и пр.), позволяющие инвалидам по зрению выполнять целый спектр функций, не прибегая к другим адаптивным программным инструментам. Использование в той или иной мере на мобильных устройствах различных видов голосовых помощников отметили все 97,42% (151 человек) опрошенных инвалидов, уме-

ющих работать со смартфонами и планшетами.

Наиболее популярными мобильными помощниками в среде незрячих и слабовидящих являются Яндекс Алиса и Google Assistant (OS Android), которые, в зависимости от решаемых задач, используют 80,13% (121 человек) информантов. На втором и третьем местах по популярности находятся Siri (iOS) и Дюся (OS Android), используемые 14,84% (22 человека) и 13,24% (20 человек) респондентов соответственно. Причем спектр задач, решаемых незрячими и слабовидящими людьми при помощи указанных мобильных помощников достаточно широк – от поиска информации и ответов на заданные вопросы, до установки будильника и прокладывания маршрута в городской среде.

Для решения коммуникативных задач инвалиды по зрению чаще применяют мобильные устройства, что обусловлено высоким уровнем адаптированности соответствующих мобильных приложений к особенностям незрячих и слабовидящих пользователей. Так все 100% (151 человек) инвалидов, включая инвалидов II гр., использующих сенсорные мобильные устройства, отметили, что им проще проверять электронную почту в смартфоне или на планшете, но при этом отвечать на электронные письма удобнее на ПК – 83% (111 человек) респондентов, владеющих навыками работы с ПК, что объясняется возможностью более быстрого и безошибочного ввода текста на физической клавиатуре, с использованием, преимущественно, метода слепой печати.

Электронные клавиатуры в мобильных устройствах, согласно результатам опроса, являются для инвалидов по зрению гораздо менее удобными, чем физические клавиатуры, даже несмотря на наличие у первых функции голосового ввода, не позволяющей, зачастую, с первого раза ввести текст без ошибок. К числу основных недостатков электронных клавиатур незрячие и слабовидящие пользователи отнесли маленький размер кнопок, непосредственно зависящий от диагонали дисплея мобильного

устройства, а также необходимость переключения между буквенной клавиатурой и клавиатурой символов. Остальные 17% (23 человека) инвалидов, умеющих работать с ПК, предпочитают отвечать на электронные письма через почтовые приложения мобильных устройств, пользуясь при этом предоставляемыми устройствами возможностями, голосовым вводом, мобильным помощником, увеличенной клавиатурой, а также непосредственно мобильными устройствами с большой диагональю экрана.

Однако с мессенджерами у инвалидов по зрению ситуация выглядит иначе, что связано с наличием в них функции записи голосовых сообщений. Так, 100% опрошенных инвалидов по зрению, умеющих работать со смартфонами и планшетами, предпочитают мобильную версию мессенджера WhatsApp, что обусловлено его полной адаптированностью к особым потребностям незрячих пользователей.

Мобильной версией мессенджера Telegram пользуются 68% (61 человек) информантов, имеющих I гр. инвалидности по зрению, в т.ч. тотально незрячие – 22,2% (20 человек) и 45,5% (41 человек) с остатком зрения. Из числа инвалидов по зрению с II гр. пользуются мобильной версией Telegram 83,6% (51 человек) информантов, а общая численность пользователей данного приложения среди опрошенных составляет 74% (112 человек). Более низкая популярность в среде инвалидов по зрению, особенно у тотально слепых, данного мессенджера, объясняется неполной его адаптированностью под нужды незрячих, ограничивающей возможности его всестороннего использования.

Программами визуализаторами, позволяющими с помощью камеры мобильного устройства идентифицировать и прослушать названия, часть текста, распознать штрих- и QR-коды, цвета, номинал денежных купюр, описания фотографий, рисунков, скриншотов экрана, иных графических объектов, обстановку помещения и расположение предметов интерьера, определить местонахождение людей в помещении и т.п., в по-

давляющем большинстве пользуются лишь totally незрячие инвалиды I гр. или инвалиды I и II гр. с крайне низким остатком зрения. При этом численность эксплуатантов таких приложений имеет положительную тенденцию, что связано с их совершенствованием и расширением функционала, в т.ч. и внедрением технологии AI.

Например, в 2021 г. данными приложениями на мобильных устройствах пользовались лишь 7,8% (7 из 90 человек) инвалидов по зрению I гр., причем все они относились к категории totally незрячих, а в 2023 г. число пользователей данных программных продуктов составило уже 32,2% (29 человек), в т.ч. 23,3% (21 человек) – totally незрячие, и 8,9% (8 человек) – инвалиды I гр. с остатком зрительной функции. Среди данной категории респондентов наибольшую популярность имеют приложения: Invision (72% или 21 человек из 29), Be my eyes (58,6% или 17 человек из 29) и Seeing AI (20,1% или 6 человек из 29). Более высокая популярность приложений, занимающих первые 2 позиции, обусловлена их изначальной доступностью для русскоязычных пользователей, в то время, как последнее приложение было русифицировано лишь в 2023 г.

К числу основных причин низкой популярности таких приложений среди незрячих граждан можно отнести:

- отсутствие доступной информации о существовании таких приложений;
- относительная сложность их освоения;
- недостаточный уровень владения современными техническими устройствами;
- отсутствие русскоязычных версий, а также неспособность найти их самостоятельно;
- отсутствие потребности в них по причине наличия здоровых помощников;
- отсутствие соответствующего мобильного устройства.

Банковские приложения. Значимую роль в формировании независимого образа жизни инвалидов по зрению играют банковские и другие аналогичные прило-

жения, позволяющие слепым и слабовидящим пользователям самостоятельно осуществлять широкий круг финансовых операций, от открытия счета, до перевода денежных средств и оплаты товаров и услуг. 94% (142 человека) опрошенных инвалидов, владеющих навыками взаимодействия с мобильными устройствами, отметили, что они, в той или иной мере, используют в своей повседневной жизни банковские приложения, остальные информанты, владеющие такими навыками, к банковским приложениям не обращаются, причем к таким лицам относятся только инвалиды возрастной когорты 60+ как с I, так и со II гр. инвалидности.

Все инвалиды I гр., относящиеся к категории totally незрячих и, соответственно, использующие при работе с мобильными устройствами технологию TTS, прибегающие в повседневной жизни к функционалу мобильного онлайн-банкинга, отметили полную доступность для них продуктов ПАО «Сбербанк», в отличие от онлайн-приложений других финансово-кредитных организаций. Сравнивая «Сбербанк-онлайн» с мобильными приложениями прочих банков, незрячие пользователи неоднократно отмечали, что в программных продуктах последних в большей или меньшей степени не озвучиваются некоторые элементы управления приложением, что ограничивает возможности их использования данной категорией инвалидов.

В целом, недостаточный уровень тифлоадаптивности приложений других банков не отрицает возможности обращения к ним незрячих клиентов, однако снижает их привлекательность для этой группы лиц. В данном случае можно констатировать, что totally незрячие инвалиды обращаются к продуктам ПАО «Сбербанк» именно благодаря высокому уровню доступности его приложений, в то время как инвалиды, имеющие остаток зрения, зачастую пользуются приложениями и других банков.

В частности, результаты опроса свидетельствуют, что все 94% информантов пользуются приложением «Сбербанк-онлайн», 36,6% (52 человека из 142)

наряду со «Сбербанк–онлайн» работают с приложением еще 1 банка, 23,2% (33 человека) пользуются мобильными приложениями 2 и более банков помимо ПАО «Сбербанк».

Еще одним важным направлением, характеризующим цифровую грамотность инвалидов по зрению, а также свидетельствующим об уровне тифлоадаптивности именно программных продуктов для мобильных устройств, являются приложения крупных торговых сетей и торговых интернет–площадок (маркетплейсов). Согласно результатам опроса, из числа инвалидов по зрению, владеющих навыками работы на ПК, периодически покупки в интернете совершают 65% (87 человек), а из числа умеющих работать с мобильными сенсорными устройствами – 62,25% (94 человека).

Логично будет предположить, что незрячие и слабовидящие пользователи, покупающие товары в интернете через ПК, делают это и на смартфонах и планшетах, однако торговые интернет–площадки, посещаемые ими на стационарных и мобильных устройствах, будут отличаться в зависимости от сохранности зрительного анализатора покупателя и степени тифлоадаптивности конкретного мобильного приложения.

Так, по критерию «доступность» незрячие и слабовидящие пользователи, на постоянной основе взаимодействующие на мобильных устройствах с технологией TTS, расположили мобильные приложения крупнейших интернет–площадок следующим образом: 1) Aliexpress; 2) Wildberries; 3) Яндекс–Маркет; 4) СберМаркет; 5) OZON. Соответственно такое расположение и определяет частоту их обращения к данным маркетплейсам на ПК. Наименее адаптированным на мобильных устройствах для незрячих пользователей оказалось приложение интернет–площадки OZON, вследствие чего, чтобы заказать на нем какой–либо товар, таким покупателям приходится пользоваться ПК. Аналогично, они практически не посещают на ПК сайты Aliexpress и Wildberries, поскольку им проще приобрести нужную продукцию через их мобильные приложения.

Для незрячих покупателей продукции, представленной на Яндекс–Маркете, также проще приобрести товар на официальном сайте через браузер на ПК, несмотря на то, что соответствующее мобильное приложение неплохо озвучено для тотально слепых клиентов. Проблема у данных пользователей обычно возникает при оформлении заказа, когда необходимо на карте выбрать адрес доставки. Минус мобильной версии СберМаркета заключается в неполном озвучивании функциональных кнопок и названий представленных в приложении магазинов, что опять же снижает для слепых покупателей удобство данного программного продукта.

Инвалиды по зрению II гр., а также I гр. с неплохим остатком зрения, при выборе платформы для приобретения товара (стационарной или мобильной) обычно уделяют внимание удобству поиска необходимого продукта и его визуальным представлением на конкретном устройстве. С этих позиций они при выборе торговой площадки руководствуются теми же критериями, что и обычные покупатели при совершении интернет–заказа – средняя оценка товара, отзывы других покупателей, цена, сроки доставки и пр.

Таким образом мы можем констатировать, что тифлоадаптивность мобильных приложений крупных торговых интернет–площадок является важным условием для совершения покупки через такие приложения именно для тотально незрячих инвалидов или инвалидов с низким остатком зрения, прибегающих при взаимодействии с мобильным устройством к программам экранного доступа и вынужденных, в противном случае, либо обращаться к приложениям маркетплейсов, адаптированных под их потребности, либо покупать товар на сайтах интересующих их маркетплейсов на ПК. Остальные инвалиды по зрению, способные осуществлять интернет–покупки без использования технологии TTS пользуясь другими, встроенными в операционные системы или подручными тифлоинструментами, фактически не отличаются в этом плане от обычных зрячих интернет–покупателей.

Прочими сервисными мобильными приложениями, позволяющими инвалидам по зрению решать периодически возникающие в их жизни задачи (бронирование заказов, запись в социальные учреждения, поиск адресов и прокладывание маршрутов, отслеживание посылок, оплата некоммунальных услуг и пр.) пользуются 41,7% (63 человека) респондентов.

К данной группе (63 человека) в основном относятся работающие инвалиды по зрению всех возрастов, преимущественно имеющие, как минимум, небольшой остаток зрения (82,5% или 52 человека), проживающие с супругом-инвалидом по зрению (49,2% или 31 человек) и имеющие несовершеннолетних детей (33% или 21 человек), с высшим, неполным высшим или средним специальным образованием (90,5% или 57 человек), получившие инвалидность по зрению во взрослом возрасте (62% или 39 человек). У инвалидов, проживающих со зрячими родственниками, потребность в самостоятельном использовании таких мобильных приложений чаще всего отсутствует, т.к. они предпочитают перекладывать решение таких задач на близкое социальное окружение.

Таким образом мы можем заключить, что уровень цифровой грамотности инвалидов по зрению, с позиции владения ими современными техническими устройствами, к числу которых, несомненно, относятся ПК и смартфоны (планшеты), достаточно высок, причем уровень владения мобильными устройствами даже выше, чем компьютером.

Однако более низкая функциональность мобильных приложений, небольшой, по сравнению со стационарным монитором, размер экрана, необходимость управления мобильным устройством системой специальных жестов в случае использования на нем технологии TTS, частичная адаптированность множества важных мобильных приложений к особенностям инвалидов по зрению – ограничивают их всестороннее использование тотально незрячими и слабовидящими гражданами в образовательной, профессиональной и художественно-

созидательной деятельности, стимулируя их к освоению ПК.

Заключение

В настоящее время среди инвалидов по зрению все реже можно встретить человека, хотя бы в минимальной степени не умеющего работать с ПК или смартфоном. В основном к таким людям относятся инвалиды старшей возрастной когорты, у которых, в силу различных жизненных обстоятельств, отсутствует потребность в приобретении таких навыков.

Превалирующая часть инвалидов по зрению I и II гр., осознавая необходимость владения навыками работы с современными цифровыми средствами в условиях быстроразвивающейся и проникающей во все сферы жизни цифровой среды, понимая открывающиеся перед ними процессы цифровизации перспективы в контексте повышения уровня своей самостоятельности и независимости как в повседневной жизни, так и позитивной интеграции и повышения собственной значимости в различных сферах жизни социума, стремятся приобрести (или восстановить) такие навыки [6].

Повышению цифровой грамотности инвалидов по зрению, являющейся, по факту, результатом процесса их цифровой реабилитации, способствует широкий набор тифлоадаптивных цифровых программных продуктов, ключевое место среди которых несомненно, занимает технология TTS, а также набор ручных офлайн инструментов, функционирующих на основе современных технических тифлоадаптивных устройств (синтез речи, электронное увеличение изображения и пр.) [2].

Мы можем утверждать, что отсутствие у индивида зрения не является для него непреодолимым барьером в вопросе его взаимодействия с существующим множеством информационных сервисов.

В случае обеспечения доступности популярного цифрового ресурса для инвалидов по зрению, т.е. придания ему характеристики универсальности, учитывающей как минимум физические особенности всех категорий потенциальных

посетителей, незрячие, с точки зрения использования этого ресурса, не будут отличаться от других его пользователей. Ведь при высокой популярности ресурса, среди его посетителей с большой долей вероятности появятся и незрячие пользователи, причем чем выше будет популярность данного цифрового ресурса, тем больше у него будет посетителей-инвалидов по зрению.

При существующем уровне развития информационных технологий интерфейс любого цифрового ресурса можно сделать доступным для слепых и слабовидящих пользователей, примером чему являются мобильные приложения «Сбербанк-Онлайн», «WhatsApp», «Вконтакте» или, допустим, «Почта России», т.е. вопрос обеспечения доступности цифровых ресурсов в настоящее время является вполне достижимой задачей, перешедшей из плоскости возможного решения в плоскость желаемого [2].

Литература

1. ВЦИОМ: Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Бороненко Т.А. Концептуальная модель понятия цифровой грамотности / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 4 (46). – С. 47–73. – DOI 10.32744/pse.2020.44.
3. A Global Framework of Reference on Digital Literacy Skills for Indicator. United Nations, Unesco Institute for statistics [Электронный ресурс]. – URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/ip51-global-framework-reference-digital-literacy-skills-2018-en.pdf>. (дата обращения: 10.12.2023).
4. Сидорова А.П. Понятие цифрового пространства и его характеристики. Возможности и угрозы использования цифрового пространства / А.П. Сидорова // Научный диалог: Молодой ученый: сборник научных трудов по материалам XXVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22 мая 2020 года / Международная Объединенная Академия Наук. – Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук, 2020. – С. 48–55. – DOI 10.18411/spc-22-05-2020-11. – EDN PQCULK.
5. Жилкин В.В. К вопросу понимания сущности термина «информационное пространство» [Электронный ресурс] // Центр системного анализа. – URL: <http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=107> (дата обращения: 01.03.2019).
6. Тринадцатко А.А. Тифлоинформационные технологии в жизни инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 42–46.
7. Современные информационные технологии и незрячие пользователи: адаптивные решения и доступный цифровой контент [Электронный ресурс]. – URL: <https://tiflocentre.ru/stati/sovremennye-informacionnye-tehnologii-i-nezryachie-polzovateli.php> (дата обращения: 17.01.2024).
8. Калашникова И.В. Эволюция социальных моделей инвалидности / И.В. Калашникова, А.А. Тринадцатко // Вестник ТОГУ. – 2017. – № 3 (46). – С. 277–288.
9. Гарант.ру: Постановление Правительства РФ от 05 апреля 2022 г. № 588 «О признании лица инвалидом» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/403829132/> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Гарант.ру: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 03.03.2024).

MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EVERYDAY LIFE OF PEOPLE WITH SEVERE VISUAL IMPAIRMENTS

Trinadtsatko A.A.

Pacific National University

The process of digitalization of various spheres of life of Russian citizens has raised the issue of studying the state of digital literacy and the possibilities of using information technologies as tools for increasing the level of independence and self-sufficiency by persons with severe visual impairments. The article focuses on the use of modern information typhloadaptive technologies by visually impaired people in their everyday lives, allowing them to solve everyday problems using mobile devices. It is stated that a fairly large proportion of visually impaired people have the skills to work on a personal computer and mobile device, which is the result of the development and dissemination of visually adaptive information technologies, primarily TTS technology. It is concluded that if mobile information services have the ability to work correctly with TTS technology, visually impaired people are able to independently solve most routine tasks and perform operations for which they previously required the help of others. At the same time, the issue of accessibility of information services for visually impaired people has now moved from the stage of "the ability to do it" to the stage of "the desire to do it".

Keywords: blind and visually impaired people, severe visual impairment, information technology, adaptive digital technologies, typhloadaptive technologies, digital literacy, digital space, screen reader.

References

1. ACPOR: Digital Detox – 2023: about using the Internet and taking a break from it [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (date of the application: 20.01.2024).
2. Boronenko T.A. Conceptual model of the concept of digital literacy / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotova // Prospects for science and education. – 2020. – № . 4 (46). – P. 47–73. – DOI 10.32744/pse.2020.44.
3. A Global Framework of Reference on Digital Literacy Skills for Indicator. United Nations, Unesco Institute for statistics [Electronic resource]. – URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/ip51-global-framework-reference-digital-literacy-skills-2018-en.pdf>. (date of the application: 10.12.2023).
4. Sidorova A.P. The concept of digital space and its characteristics. Opportunities and threats of using digital space / A.P. Sidorova // Scientific dialogue: Young scientist: a collection of scientific papers based on the materials of the XXVIII International Scientific Conference, St. Petersburg, May 22, 2020 / International United Academy of Sciences. – St. Petersburg: International United Academy of Sciences, 2020. – P. 48–55. – DOI 10.18411/spc-22-05-2020-11. – EDN PQCULK.
5. Zhilkin V.V. On the issue of understanding the essence of the term "information space" [Electronic resource] // Center for System Analysis. – URL: <http://rosanaliz.ru/Post.aspx?Post=107> (date of the application: 03.01.2019).
6. Trinadtsatko A.A. Typhloinformation technologies in the life of visually impaired people / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – № . 5. – P. 42–46.
7. Modern information technologies and blind users: adaptive solutions and accessible digital content it [Electronic resource]. – URL: <https://tiflocentre.ru/stati/sovremennye-informacionnye-tehnologii-i-nezryachie-polzovateli.php> (date of the application: 17.01.2024).
8. Kalashnikova I.V. Evolution of social models of disability / I.V. Kalashnikova, A.A. Trinadtsatko // Bulletin of PNU. – 2017. – № . 3 (46). – P. 277–288.
9. Garant.ru: Decree of the Government of the Russian Federation of April 5, 2022, № 588 "On recognizing a person as disabled" (with amendments and additions) [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/403829132/> (date of the application: 03.03.2024).
10. Garant.ru: Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated August 27, 2019, № 585n "On classifications and criteria used in the implementation of medical and social examination of citizens by federal state institutions of medical and social examination" [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> ((date of the application: 03.03.2024).

Влияние социальной рекламы на ценности российского общества

Белозеров Александр Витальевич,

аспирант, кафедра «Философия, социология
и право», Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
E-mail: avb@bot-sad.com

Спасский Евгений Новомирович,

д.п.н., доцент, профессор, зав. кафедрой
«Философия, социология и право»,
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения
E-mail: srs2@festu.khv.ru

Статья представляет анализ современной ситуации и перспектив развития социальной рекламы в России. Освещаются ключевые направления и темы, включая здоровье и безопасность, экологию, толерантность, социальную поддержку, образование и культуру. Обсуждаются актуальные вызовы и возможности с учетом разнообразия региональных потребностей. Методология работы включает в себя анализ различных форм социальной рекламы, экспертные консультации, сравнительный анализ международного опыта и сбор эмпирических данных. Подчеркивается значимость интеграции цифровых технологий для персонализированных и интерактивных подходов в социальной рекламе. Главная задача статьи – выявить ключевые аспекты развития социальной рекламы в России и её влияние на формирование общественных ценностей и благополучия. Поднимаются вопросы эффективности и реалий регулирования социальной рекламы в России, выявляя особенности местных социокультурных и экономических контекстов. Результаты работы включают в себя аналитические выводы по каждой теме, а также рекомендации для дальнейшего развития социальной рекламы в стране. Особое внимание уделяется не только текущему состоянию, но и перспективам развития данного вида коммуникации, включая социализацию и укрепление моральных ценностей в обществе. Работа представляет интерес для специалистов в области маркетинга, социологии, рекламы и государственного управления, а также для тех, кто стремится понять влияние социальной рекламы на формирование общественного мнения и поведения.

Ключевые слова: социальная реклама, Россия, общественные ценности, развитие, технологии, региональные особенности.

Введение

В современности социальная реклама становится всё более важным инструментом, способным влиять на общество и формировать ценности. Её задача не ограничивается просто повышением узнаваемости бренда, но также направлена на влияние на личность и поведение людей в целом. Социальная реклама обращается к проблемам, которые имеют значение для общества, предлагая решения и стимулируя моральные и нравственные стремления в каждом человеке.

При исследовании социальной рекламы и изучении её правовых аспектов возникают несколько социологических проблем.

1. Социальная реклама может нести различные социальные, политические или этические послания, и их восприятие может различаться среди разных групп населения. Исследователям сложно объективно измерить и интерпретировать воздействие рекламы на разные социокультурные группы.

2. Оценка реального воздействия социальной рекламы на общество представляет вызов, так как не всегда легко измерить конкретные изменения в поведении или убеждениях целевой аудитории. Кроме того, определение того, что считать «успехом» в социальной рекламе, часто подразумевает множество критериев.

3. Социальная реклама часто касается чувствительных тем и социальных проблем. Исследователям приходится балансировать между правом на свободу выражения и необходимостью предотвращения возможного воздействия на психологическое состояние целевой аудитории, особенно в случаях, когда реклама вызывает эмоциональные реакции.

4. Изучение правовых аспектов социальной рекламы включает в себя анализ соответствия рекламы законам и эти-

ческим стандартам. Однако существуют различные правовые нормы в разных странах и регионах, что может затруднить создание единых стандартов оценки.

5. Исследование социальной рекламы сталкивается с проблемой балансировки между защитой свободы слова и необходимостью регулирования контента, который может быть вводящим в заблуждение, оскорбительным или вредным для общества. В целом, социологическое исследование социальной рекламы требует комплексного подхода, учитывающего культурные, этические и правовые контексты, а также множественные точки зрения общества на эти вопросы.

Цель статьи: рассмотреть современное состояние социальной рекламы в России, выявить основные тренды и вызовы, с которыми она сталкивается, и проанализировать перспективы ее развития в контексте изменяющихся социокультурных, технологических и политических реалий.

Материалы и методы

Для осуществления анализа современных реалий социальной рекламы в России был проведен обширный обзор литературы. В ходе исследования использовались академические статьи, научные публикации, а также отчеты и статистические данные от ведущих организаций, занимающихся маркетинговыми исследованиями. Для детального изучения текущего состояния социальной рекламы в России был проведен анализ существующих рекламных кампаний. Этот этап исследования включал в себя анализ тематики кампаний, используемых креативных подходов, а также их влияния на общественное мнение и поведение целевой аудитории. Для получения глубокого понимания перспектив развития социальной рекламы в России были проведены интервью с экспертами в области маркетинга, социологии и общественных коммуникаций. Эксперты представили свое мнение относительно текущих тенденций, вызовов и возможностей, с которыми сталкиваются организаторы

социальных рекламных кампаний. Для количественной оценки эффективности социальных рекламных кампаний были собраны и проанализированы данные из различных источников, включая опросы общественного мнения, статистические отчеты и данные социальных медиа.

Результаты исследования

Социальная реклама направлена на достижение важных социальных целей, затрагивая не только отдельные социальные группы, но и общество в целом. Это особый вид информации, который охватывает широкий спектр человеческих, нравственных, культурных, социальных и экологических ценностей. Основная цель социальной рекламы заключается в изменении отношения людей к социальным проблемам и поведенческим паттернам, связанным с ними. Она оперирует психологическими механизмами, воздействуя на убеждения и поведение людей [5, с. 550].

Как эффективный инструмент управления социальными процессами, социальная реклама может выступать в качестве связующего звена между участниками управления и использоваться как средство социального управления. Она находит применение в различных областях, включая здравоохранение, экологию, противодействие наркотикам и пропаганду здорового образа жизни [7, с. 73].

Социальная реклама принимает разные формы: видеоролики, плакаты, баннеры, статьи в печатных изданиях, рекламные щиты и другие. Каждый из этих форматов может быть эффективным в зависимости от темы социальной проблемы и целевой аудитории. Таким образом, социальная реклама выполняет несколько важных функций в обществе: регулирует социальные нормы, информирует, экономически воздействует, образовательно и занимается эстетическими аспектами [4, с. 50].

Социальная реклама в Хабаровске, как и в других городах, может иметь ряд особенностей, учитывая местные социокультурные и экономические контексты. Хабаровск, как город на Дальнем Востоке

ке России, имеет свои уникальные традиции, культурные особенности и ценности. Социальная реклама адаптирована к этим местным особенностям для более эффективного воздействия на целевую аудиторию. Социальная реклама фокусируется на проблемах, которые актуальны для жителей Хабаровска. Это вопросы, связанные с экологией, здравоохранением, образованием, межэтническим взаимодействием и другими социальными аспектами.

Учитывая, что на Дальнем Востоке преобладает разнообразие этнических групп, социальная реклама разработана с учетом различных языков и культур, чтобы быть более понятной и привлекательной для разнообразной аудитории. Хабаровск, как крупный региональный центр, может иметь свои особенности в медийной среде. Социальная реклама использует различные каналы, такие как местные телевизионные и радиостанции, интернет-платформы и газеты, чтобы максимально донести свое послание до широкой аудитории.

С учетом особенностей Хабаровска, социальная реклама активно взаимодействует с местными общественными организациями, активистами и представителями местных сообществ для более успешного решения социальных вопросов.

Все виды рекламы в России нацелены на стимулирование зрителей к определенным действиям, и социальная реклама здесь не исключение.

1. Реклама военной службы рассчитана на молодых людей и предлагает им перспективу личного развития, физической силы и привлекательности через службу в армии.

Социальная реклама военной службы направлена на привлечение внимания молодых людей и предоставление им возможности рассмотреть армию как средство для личного развития. Она строится на идее, что служба в армии может предложить молодым людям целый спектр преимуществ и возможностей. Реклама акцентирует внимание на том, что военная служба предоставляет уникальные возможности для лич-

ного и профессионального роста. Молодые люди приглашаются рассматривать службу в армии как способ приобретения новых навыков, развития лидерских качеств и самосовершенствования. Военная служба представляется как путь к физической силе и хорошему здоровью. Реклама подчеркивает значимость активного образа жизни, физической подготовки и укрепления здоровья через участие в военных тренировках и упражнениях. Аспекты дисциплины, порядка и ответственности в армейской среде представляются как средство формирования привлекательной личности. Реклама подчеркивает, что служба в армии способствует формированию самодисциплины, честности и порядочности, что может сделать молодых людей более привлекательными в глазах общества и потенциальных работодателей. Социальная реклама описывает военную службу как путь к образованию и профессиональному развитию. Она может предлагать программы обучения, профессиональные курсы и возможности для получения востребованных навыков, которые могут быть использованы после завершения службы. В рекламе акцентируется чувство гордости за службу в армии и подчеркивается патриотический аспект. Молодые люди могут быть призваны служить своей стране, что создает образ гражданской ответственности и патриотизма. В целом, социальная реклама военной службы стремится создать положительный образ армии как средства для достижения личных и профессиональных целей молодых людей, предлагая им широкий спектр возможностей и перспектив.

2. Рекламные материалы о ВИЧ/СПИДе, включая ролики и плакаты на билбордах, обращают внимание на необходимость сделать правильный выбор и защитить себя от риска заражения. В каждом рекламном видео показывается множество людей, символизируя не только распространение инфекции, но и масштабы заражения. В этой теме выступают известные представители искусства, кино и музыки. Рекламные материалы, посвященные ВИЧ/СПИДУ,

стремятся не только привлечь внимание к проблеме, но и обратить внимание на важность принятия правильных решений для защиты себя от риска заражения. В этих рекламных материалах, таких как ролики и плакаты на билбордах, визуализируется не только сама проблема, но и призыв к осознанному выбору в сфере сексуального здоровья. Рекламные видеоролики часто используют множество персонажей и сцен, чтобы символизировать масштабы распространения инфекции. Это может быть визуализация цепочки передачи ВИЧ/СПИДа и его воздействия на разные слои общества. В результате, зрители могут лучше осознать не только личные риски, но и общественную ответственность в предотвращении распространения инфекции. Известные представители искусства, кино и музыки часто привлекаются к участию в этих кампаниях. Их участие способствует привлечению внимания и созданию позитивного образа вокруг кампаний по профилактике ВИЧ/СПИДа. Известные личности могут быть использованы для того, чтобы сделать тему более доступной и близкой к аудитории. Такие рекламные материалы также могут подчеркивать важность информирования об этой теме, борьбы со стигмой и предоставления точной информации о том, как предотвратить заражение и поддерживать тех, кто живет с ВИЧ/СПИДом. Эта стратегия направлена на формирование общественного сознания и привлечение внимания к существующим проблемам, а также на внушение ответственного поведения в сфере сексуального здоровья.

3. Тема окружающей среды и экологии содержит несколько аспектов.

Проблема загрязнения окружающей среды. Ролик под названием «Чистота твоего города начинается с тебя» призывает каждого человека заботиться о мире вокруг, подчеркивая, что мусор, который мы выбрасываем, даже по капле, может привести к экологическим катастрофам.

Низкий уровень экологического просвещения в России не способствует осуждению защиты вымирающих видов

животных или призыву о помощи диким животным, например, кормлению их зимой. Это говорит о том, что проблема мусора – лишь часть более широкой проблемы.

4. Реклама, касающаяся насилия в семье, затрагивает темы домашнего насилия как со стороны мужчин в отношении женщин, так и наоборот, а также насилия со стороны родителей по отношению к детям. В видеороликах противопоставляются эмоции мужчин и женщин, подчеркивая, что насилие может не только разрушить отношения, но и повлиять на всю жизнь человека, лишая его радости и любви.

Ролик о неправомерном обращении родителей к детям содержит фразы, которые оказывают сильное влияние на судьбу детей. Родители могут как физически, так и морально ущемлять своих детей, негативно влияя на их будущее. Особенностью социальной рекламы по этой теме является то, что каждое объявление освещает проблему с определенной стороны.

Часто встречающейся является реклама, фокусирующаяся на психологическом насилии в семье, которое часто происходит без физического воздействия, оскорбляя человеческое достоинство. Не обсуждается также проблема насилия со стороны матерей над детьми, что является также распространенной проблемой, как и насилие со стороны отцов. Не поднимается вопрос о насилии со стороны женщин над мужчинами. По нашему мнению, это связано с тем, что общество стесняется признать проблемы и недостатки, а средства из бюджета тратятся на другие цели, игнорируя моральное развитие общества.

5. Реклама, посвященная проблеме алкоголизма, отражает темный оттенок, символизируя мрачную реальность, в которую погружается человек, зависимый от алкоголя. Для самого большого этот мир кажется ярким и живым.

В рекламном видео демонстрируется, как миллионы людей погружаются в бездну из-за привлекательности бутылки. Без слов, реклама очень эмоционально обращается к зрителям. Особое

внимание уделяется проблеме алкоголизма среди подростков. «САН Интербрю» представила новый социальный ролик журналистам, надеясь привлечь внимание общественности к актуальной проблеме детского и подросткового алкоголизма через художественные средства выражения.

6. Рекламные ролики, противодействующие наркомании, оставляют впечатление безучастности авторов к глубокой сути проблемы. Они кажутся непонятными и недостаточно мотивирующими. Представление наркомании в виде человека, превращенного в жука, не отражает реальности. На самом деле, человек, скорее всего, потратит все свои средства, угодит на дно, а затем столкнется с фатальными последствиями передозировки. Реклама не раскрывает истинную суть проблемы.

Один из распространенных подходов – изображение наркомании в виде трансформации человека в жука, представляет собой аллегория, которая, по мнению критиков, может не отражать реальности этого социального явления. Подобные метафоры не всегда передают тот многогранный характер, который характерен для жизни наркозависимых. Фактически, человек, погруженный в мир наркотиков, скорее всего, столкнется с серьезными проблемами, такими как потеря всех средств, социальная изоляция, и долгосрочные последствия передозировки, включая возможную гибель. Этот тип рекламы, кажется, упускает возможность более подробно осветить истинную суть проблемы наркомании. Он может быть не достаточно информативным, не обеспечивая зрителей понятной картины того, как наркотики воздействуют на жизнь людей, и какие реальные риски и последствия могут возникнуть. Также, необходимо учитывать, что реклама может быть более эффективной, если она ориентирована на донесение до аудитории не только страха и отвращения, но и на обеспечение информацией и ресурсами для помощи тем, кто столкнулся с проблемой наркозависимости.

7. Проблема курения остро воспринимается в России. Однако социальные ролики, посвященные этой проблеме, крайне малочисленны и не передают серьезности авторов по отношению к данному вопросу. Ролики короткие и недостаточно мотивирующие для отказа от вредной привычки. Они не показывают последствий курения, а текст кажется скорее информативным сообщением, которое уже известно всем.

8. Рекламные видеоролики остановки беременности пронизаны сильными эмоциями. В них чаще всего фигурируют подростки и молодые взрослые.

Реклама на рекламных щитах менее эмоциональна и скорее напоминает политическую агитацию. Неясно, почему она снова ассоциируется с темой войны, как будто единственной целью материнства является воспитание сына для участия в военных действиях, а не для радости и создания семьи.

9. Вопросы равенства прав между мужчинами и женщинами вызывают интерес по всему миру. В России гендерная дискриминация не столь острой проблемой, как в некоторых других странах, хотя права и возможности женщин здесь могут быть ограничены. Это частично связано с традиционными ролями: женщины занимались воспитанием детей, а мужчины работой.

В рекламных видеороликах поднимается вопрос о разнице в оплате труда женщин и мужчин. В одном из роликов женщина звонит в различные учреждения, спрашивая, дадут ли ей скидку только потому, что она женщина. Видео направлено на поддержку решения проблемы гендерного неравенства через законодательные меры, призывая использовать свои права и не допускать унижений.

10. Безопасность дорожного транспортного движения. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения и официальной статистике, причины аварий на дорогах чаще всего связаны с употреблением алкоголя за рулем, превышением скорости и разговорами по телефону. Эти проблемы

отражены в социальных рекламных ролях.

Таким образом, цель социальной рекламы заключается в том, чтобы вдохновлять людей прекращать определенные действия (например, употребление вредных веществ, терпение насилия, неаккуратное поведение) и начинать осуществлять другие (например, общаться на родном языке, заботиться о природе, проявлять внимание к окружающим).

Основной задачей социальной рекламы является формирование общественного мнения, привлечение внимания к существующим проблемам и помощь в их решении, а также укрепление доверия к государственным структурам и их действиям. Однако в России этот вид коммуникации находится в слабом развитии из-за проблем с законодательным регулированием производства и распространения, недостатка опытных творческих специалистов и ограниченности проявления социальной рекламы, чаще всего ограничиваясь выставками, конференциями и фестивалями. Важно понимать, что помимо других значимых задач, этот вид коммуникации должен способствовать формированию моральных ценностей, установок поведения и социальной ответственности в различных сферах бизнеса. Одно из перспективных направлений развития социальной рекламы – это ее социализация, то есть создание понимания у граждан о нормах, ценностях, их представлениях и моделях поведения как в обществе в целом, так и внутри отдельных групп.

Заключение

Социальная реклама является неотъемлемой частью формирования желаний и воздействия на способность людей использовать имеющиеся общественные возможности. Этот вид коммуникации обладает потенциалом не только воздействовать на индивида, но и на формирование общественного сознания в целом. Рассмотрим, как дальнейшее развитие социальной рекламы может способствовать оптимизации управления социальными процессами и направлять развитие общества к максимальному раскрытию

потенциала всех его членов. Социальная реклама может помочь формированию и распространению желаемых ценностей в обществе. Создание позитивных образов и идеалов в рекламных кампаниях способствует созданию желания индивидов стремиться к позитивным и социально значимым целям. Рекламные кампании могут стать средством повышения общественной информированности о различных проблемах, вызовах и возможностях. Образование и освещение важных социальных тем помогают людям принимать более обоснованные решения и эффективнее использовать доступные ресурсы. Реклама может выступать в роли моста между различными социокультурными группами. Подчеркивание общих ценностей и стремлений способствует социальной интеграции, создавая общий набор ценностей и ориентиров для различных слоев общества. Социальная реклама может поощрять формирование ответственного гражданского поведения. Стимулирование активного участия в общественной жизни, борьба с дискриминацией и формирование ответственного подхода к окружающей среде – это лишь несколько направлений, которые может поддерживать социальная реклама. Реклама может воздействовать на общественное настроение, создавая позитивные образы и истории успеха. Это может быть особенно важно для формирования мотивации и укрепления психологического благополучия в обществе. Рекламные кампании могут стимулировать участие в социальных инициативах, поддерживая проекты, направленные на решение конкретных проблем. Этот вид рекламы может активно вовлекать людей в действия, направленные на улучшение общества. В целом, дальнейшее развитие социальной рекламы предоставляет возможность не только формирования потребительского спроса, но и активного участия общества в решении социальных задач. Оптимизация управления социальными процессами через социальную рекламу помогает создать условия для максимального раскрытия потенциала каждого члена общества.

Литература

1. Власов П.К. Психология в рекламе/ под ред.к.п.н. П.К. Власова. 2-е издание. – Минск.: Изд-во Гуманитарный центр, 2017. – 320 с.
2. Дудаев Г. С–Х. Социальная реклама как инструмент влияния на молодежь / Г. С–Х. Дудаев, А.Э. Хасуев // Вестник экспертного совета. 2015. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-instrument-vliyaniya-na-molodezh> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Копылова Е.А. Влияние социальной рекламы на сознание молодежи / Е.А. Копылова // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3. – URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23113> (дата обращения: 25.11.2022).
4. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы / А.Н. Лебедев-Любимов. – СПб.: Питер, 2014. – 384 с.
5. Макеева И.А. Реклама в системе формирования стиля жизни студенческой молодежи / И.А. Макеева, Е.А. Макеева // Молодой ученый. 2016. № 5 (109). С. 549–552. – URL: <https://moluch.ru/archive/109/26453/> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы: учебное пособие / Р.И. Мокшанцев. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2018. – 230 с.
7. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности: учебник для вузов / Л.Н. Федотова 3-е издание. – М.: Изд-во Оникс, 2017. – 560 с.

THE INFLUENCE OF SOCIAL ADVERTISING ON THE VALUES OF RUSSIAN SOCIETY

Belozzerov A.V., Spassky E.N.
Far Eastern State Transport University

The article presents an analysis of the current situation and prospects for the development of social advertising in Russia. Key areas and topics are covered, including health and safety, ecology, tolerance, social support, education and culture. Current challenges and opportunities are discussed, taking into account the diversity of regional needs. The work methodology includes analysis of various forms of social

advertising, expert consultations, comparative analysis of international experience and collection of empirical data. The importance of integrating digital technologies for personalized and interactive approaches in social advertising is emphasized. The main objective of the article is to identify key aspects of the development of social advertising in Russia and its impact on the formation of public values and well-being. Questions are raised about the effectiveness and realities of regulating social advertising in Russia, identifying the features of local socio-cultural and economic contexts. The results of the work include analytical conclusions on each topic, as well as recommendations for the further development of social advertising in the country. Particular attention is paid not only to the current state, but also to the prospects for the development of this type of communication, including socialization and strengthening of moral values in society. The work is of interest to specialists in the field of marketing, sociology, advertising and public administration, as well as to those who seek to understand the influence of social advertising on the formation of public opinion and behavior.

Keywords: social advertising, Russia, social values, development, technology, regional characteristics.

References

1. Vlasov P.K. Psychology in advertising / ed. Ph.D. P.K. Vlasova. 2nd edition. – Minsk: Publishing House Humanitarian Center, 2017. – 320 p.
2. Dudaev G. S-Kh. Social advertising as a tool for influencing youth / G. S-Kh. Dudaev, A.E. Khasuev // Bulletin of the Expert Council. 2015. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-instrument-vliyaniya-na-molodezh> (access date: 12/10/2023).
3. Kopylova E.A. The influence of social advertising on the consciousness of youth / E.A. Kopylova // Humanitarian research. 2017. No. 3. – URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23113> (date of access: November 25, 2022).
4. Lebedev-Lyubimov A.N. Psychology of advertising / A.N. Lebedev-Lyubimov. – St. Petersburg.: Peter, 2014. – 384 p.
5. Makeeva I.A. Advertising in the system of forming the lifestyle of student youth / I.A. Makeeva, E.A. Makeeva // Young scientist. 2016. No. 5 (109). pp. 549–552. – URL:

- <https://moluch.ru/archive/109/26453/> (access date: 12/10/2023).
6. Mokshantsev R.I. Psychology of advertising: textbook / R.I. Mokshantsev. – M.: INFRA-M; Novosibirsk: Siberian Agreement, 2018. – 230 p.
 7. Fedotova L.N. Sociology of advertising activity: textbook for universities / L.N. Fedotova 3rd edition. – M.: Onyx Publishing House, 2017. – 560 p.

Формирование человеческого потенциала в контексте социальных бифуркаций

Потемкин Валерий Константинович,

д.э.н., проф., ЗДН РФ, зав. кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: valpot49@gmail.com

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Потемкин Максим Сергеевич,

социолог-аналитик, ООО Национальный медицинский холдинг
E-mail: maksimpotemkin042@gmail.com

Турбулентность в развитии общественных отношений порождает социально-культурные противоречия и отклонения в поведении человека, которые выражаются в пренебрежении нормами и ценностями коллективной деятельности. Происходят трансформации ценностно-смысловых конструктов поведения, в том числе предметно ориентированных смыслов, ценностно-мотивационных смыслов, профессиональных ценностно-смысловых ориентиров и ценностно-смысловой устремленности на общественно значимые цели развития. В статье рассматриваются кризисные явления, характеризующие социальные бифуркации в общественной системе: ценностно-смысловая напряженность, отсутствие доверия, разобщенность работников, социальная и духовная деградация, то есть разрушение человеческого потенциала. На основе проведенных исследований, авторами зафиксированы рискогенные факторы на уровне информационной, технологической, организационной, управленческой, правовой среды, среды межличностного взаимодействия. Представлены ключевые аспекты развития человеческого потенциала в процессе жизнедеятельности и обеспечения жизнеспособности человека, направленные на преодоление влияния рискогенных факторов, а также ориентиры алгоритма развития человеческого потенциала в стратегическом контексте деятельности предприятий.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социальные бифуркации, жизнеобеспечение человека, ценностно-смысловые конструкты, стратегическое развитие.

Современное развитие общественных отношений формируется под воздействием совместных действий различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников, участвующих в созидательной деятельности предприятий и организаций, органов государственного и территориального управления, институтов гражданского общества, которые не разрознены по целям и задачам, а наоборот, однонаправлены, взаимно сопряжены и имеют ценностно-смысловую определенность. По сути, общественные отношения связаны и обусловлены состоянием социальной системы, адекватной научному, технико-технологическому и информационно-цифровому сопровождению всех без исключения видов человеческой деятельности. Не вызывает сомнений, что социальная система – это совокупность людей, объединенных не только общими интересами, ожиданиями, но и включенностью в развитие общественных отношений. При этом подразумевается, что совместные или коллективные действия людей не разрознены по целям, задачам, предпочтениям, а обладают единой ценностно-смысловой ориентацией в профессиональной деятельности, общественной работе.

Современное общество и соответствующие ему общественные отношения многолико, гибко, маневренно, но не всегда обращает внимание на развитие человеческого потенциала, который может либо отставать, либо опережать инновации в системе общественных отношений.

Человеческий потенциал работников современных предприятий обусловлен предметной деятельностью, составом и структурой техники и технологии, уровнем образования, опытом профессиональной деятельности, состоянием ответственного поведения, вовлеченностью в формирование нового эконо-

мического мышления и использование различных видов инноваций.

При этом в социальных практиках все чаще обращается внимание на личностные качества работников, среди которых: творческое мышление, лидерские качества, лояльность, рационализм, предприимчивость, эмоциональная устойчивость, склонность к риску, самооценка, рассудительность, образованность и компетентность. От наличия этих личностных качеств, во многом, зависит социальная роль человека в развитии общественных отношений. Известно, что социальная роль человека соотносится с его статусом в процессе профессиональной деятельности, характером и содержанием этой деятельности и составом установок в поведении в конкретных ситуациях. М. Вебер подчеркивал, что в любых ситуациях человек всегда может проявлять свою индивидуальность или предрасположенность к развитию общественных отношений [5]. Можно утверждать, что именно данные свойства личности являются первопричиной ценностно-смысловых конструктов поведения, среди которых:

- предметно ориентированные смыслы, определяемые различными ситуациями в сфере трудовой деятельности человека;
- ценностно-мотивационные смыслы, обусловленные созданием комфортной среды, благополучным социально-психологическим климатом, личной выгодой в сфере трудовой деятельности, карьерным и профессиональным ростом;
- ценностно-смысловое ориентирование на профессиональные действия и профессиональные коллективные интересы, а также приобщение к общепризнанным производственным коллективом;
- ценностно-смысловая устремленность на общественно значимые цели развития.

Однако турбулентность развития общественных отношений может вызывать социальные отклонения в поведении человека, которые пренебрегают интересами коллективной деятельности,

нормами и требованиями ее осуществления. Социальные отклонения либо девиации выражены в поступках человека, противоречащих принятым в обществе правилам или нравственным нормам и при этом происходит ослабление ценностно-мотивационных и ценностно-нормативных регуляторов процессов общественного развития. Именно в этот период, по мнению А.А. Черепанова, возникают противоречия между объективными и субъективными представлениями о роли человека-личности в производственных и общественных процессах, что в конечном счете приводит к появлению различных кризисных ситуаций, либо к социальной бифуркации [14]. Специфическими характеристиками социальной бифуркации, по нашему мнению, являются: идеологическая и профессиональная разобщенность работников в решении общественно значимых задач; ценностно-смысловая напряженность; отсутствие доверия; профессиональная и межпрофессиональная конфронтация; рефлексивный мониторинг социальных действий окружения без самооценок собственных действий и установок; социальная аномия; социальная и духовная деградация, то есть разрушение человеческого потенциала. И здесь важно заметить, что разрушение человеческого потенциала выражается в таких формах, как: конфликт поколений; массовое чувство социальной несправедливости, социальной и физической незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне; аномия, то есть разрушение традиционных ценностей; криминализация массового сознания; утрата смысла жизни и жизненных перспектив, вызывающие суицид; повышенная агрессивность; массовая тревожность; депрессии, фобии, посттравматические синдромы, культурные травмы; атараксия – апатия и безразличие к происходящему; кризис идентичности; нравственная деградация; явный дефицит этнической толерантности; брутализация (ужесточение, огрубление) социальной жизни, понимание свободы как вседозволенности [2, с. 341].

Провозглашенная идея 90-х годов «каждый сам за себя» до настоящего времени все еще фиксируется в развитии общественных отношений, что становится препятствием или ограничителем развития человеческого потенциала. Как следствие, социально-профессиональные группы создаются по сетевому принципу и постепенно отдаляются друг от друга; социальный порядок сетевое общество и присущие ему частно-групповые интересы, возводящиеся в норму жизни, носят ограничительный или замкнутый характер и не встроены в логику развития человека, человеческой общности и, в конечном счете человеческую обустроенность государства. Это положение обусловлено тем, что своеобразным скелетом любого общества должно быть нечто неподвижное и неизблемое – государство со своей системой ценностей, норм, требований и идеологических установок. Только в этом случае развитие человеческого потенциала осуществляется осознанно, программированно, конструктивно, по принципу социально-профессионального видения, где коммуникации, взаимодействия, ожидания, социальные действия становятся его признаками. Г. Рормазер в этом контексте отмечал, что «...люди же, не имеющие великой идеи, не способны бороться, а культивирование индивидуализма приводит к появлению симптомов внутренней эрозии и даже распада общества из-за утраты ценностей бытия» [12, с. 298]. Достаточно убедительно по этому поводу высказался В.Э. Бойков: «значительная часть опрошенных людей в возрасте 18 лет и старше живет единым днем, не заботится (точнее, не имеют возможности заботиться) о собственном физическом развитии и укреплении здоровья, не испытывает потребности в чтении художественной литературы, в обращении к искусству; этот процесс выглядит как своеобразная социальная мутация, суть которой выражается в утрате тех социальных качеств, которые свойственны человеку как творцу» [4].

Утрату социальных качеств человека можно определить как: массовое

чувство социальной несправедливости, социальной и физической незащищенности, социальной апатия, утрата ценностей в труде и общественной жизни, отсутствие жизненных перспектив, повышенная агрессивность, тревожность и депрессия. Преодоление «сложных» ситуаций в развитии человеческого потенциала ряд исследователей видит в создании деструктивной ситуации – хаосе, посредством которого в результате колебаний беспорядков и т.п. ведется поиск рационализации или упорядоченности всех без исключения видов деятельности [20].

Можно предположить, что необходимо видеть не просто рационализацию или упорядоченность каких-либо видов деятельности, а изменение содержания, структуры общественных преобразований и функций управления процессом разрешения противоречий в развитии человеческого потенциала. Эти изменения вполне возможны в рамках организационно-проектной деятельности не только в системе общественных отношений, но и в управленческой деятельности конкретного предприятия или организации. Трансформация общественных отношений в контексте развития человеческого потенциала происходит более быстрыми темпами, чем социализация личности, формирование личностного, социально-профессионального конструкта, способностей человека к адаптации, связанных с новыми требованиями к его профессиональной и общественной работе, формирование сознания, мотивов, ценностно-смысловых ориентиров и предпочтений. По своей сути управление процессом развития человеческого потенциала означает преодоление неопределенности, неупорядоченности в социально-профессиональных действиях людей, недостаточного уровня социальных и информационно-цифровых технологий в организации их социального и профессионального пространства. Однако, это не означает приобщения процесса развития человеческого потенциала к какому-то эталонному состоянию, а формирование алгоритма

от простых к сложным видам деятельности, где акцент делается на новых знаниях, умениях, опыте, общесистемных и специализированных компетенциях. Структурно алгоритм развития человеческого потенциала можно представить как процесс последовательных действий по обеспечению жизнедеятельности, жизнеспособности, а также жизнеобеспечения человека на всем протяжении его жизненного цикла. В процессе жизнедеятельности человека всегда или практически всегда уделялось внимание таким показателям трудовой деятельности человека как: включенность в организационно-технологические операции по производству товаров и услуг, экономическое стимулирование результатов работы, трудовое поведение и экономическая ответственность за результаты своего труда, то к настоящему времени важно изучать и социальные устремления человека [17, р. 27; 18], которые являются фактором активизации профессиональной деятельности, независимо от состояния производственно-экономического и инновационного развития предприятий. Признаками социальных устремлений человека являются: целеустремленность, как факт включенности в достижение целей и задач, стоящих перед конкретными предприятиями. По сути, в этом социальном качестве жизнедеятельности человека реализуется: 1) целевая направленность не только индивидуальных, но и коллективных действий в процессе труда; 2) самообладание – свойство или состояние человека, проявляющееся в его способности осознанного включения в созидательную деятельность коллектива предприятия; 3) решительность как способность человека к активизации включенности в процессы достижения поставленных целей и социально-управленческих механизмов их реализации в практической деятельности; 4) инициативность и предприимчивость, основанные на поиске новых решений в решении общественно значимых задач на предприятии и в общественной жизни; 5) настойчивость как способность человека в преодолении противоречий обезличивания

функционально-ролевых отношений в процессе трудовой деятельности; 6) потребность модернизации коллективной деятельности предприятий в преодолении технико-технологической отсталости, производственных процессов и т.п.

В процессе трудовой деятельности для оценки человеческого потенциала человека весьма полезен мониторинг таких его свойств, как природные или естественные (восприятие действительности, мышление, память, визуализация объекта трудовой деятельности); общеприродные, составляющие умственную предопределенность социально-профессиональных действий в процессе выбора профессиональной деятельности, закрепления в организационно-технологической и социальной структуре коллектива предприятия; творческие и инновационные свойства личности (креативность, интеллект, обучаемость), генерирование новых идей и механизма их реализации в практической деятельности.

Важным аспектом развития человеческого потенциала в процессе жизнедеятельности и обеспечения жизнеспособности человека становится образование, носящее циклический характер, либо опережающее, либо отстающее от процессов технико-технологической инновационной структуры предприятия. Постоянно возобновляемый на качественно новом уровне образовательный процесс способствует повышению уровня профессионализации работника, мотивационных установок, предопределяющих конкурентоспособность личности, успешность трудоустройства и переход от простого к более сложному труду, а также заинтересованности и полезности участия в развитии социально-трудовых отношений.

Процессы жизнеобеспечения человека можно также рассматривать как важный элемент развития человеческого потенциала. Уровень развития человеческого потенциала определяет вид социальной жизни коллектива и характеризует основные формы активизации познавательной, досуговой, социально-бытовой, экономической и политической

деятельности людей. Не вызывает сомнений, что деятельность человека или группы людей, общества в целом опосредована самосознанием человеческой общности, которое рассматривается как фактор морального и нравственного поведения, осознанного отношения человека к своим способностям, потребностям, мотивам и социальным ожиданиям в различных ситуациях общественной жизни. Нельзя не отметить, что общество как участник развития человеческого потенциала возлагает на отдельную личность определенные обязанности и, как следствие, ответственность, которая в настоящее время приобретает характер многомерного полиструктурного, многосущностного социального феномена и неперемного атрибута общественных отношений. По Т. Эллиоту ответственность представляет собой специфический способ мышления, чувствования и поведения, которые составляют основу приоритетного выбора личностью сферы провозглашения труда, вид и формы участия человека в конкретной предметной деятельности [16].

Безответственность человека в сфере труда и общественной жизни является ограничителем развития человеческого потенциала. Формирование у работника «отвлеченного взгляда» на процессы трудовой и общественной деятельности при ограниченном самосознании приводит к тому, что потенциал инженерно-технических работников соответствует современным требованиям лишь на 36,0%, рабочих на 27,0%, руководящего звена предприятий на 23,0% [10, с. 301].

Если в ранних работах по развитию человеческого потенциала отмечалось значение технико-технологического процесса на предприятиях и в организациях, то в последние годы приоритеты связаны с социальным развитием, включая интеграцию желаний, устремлений, ориентаций, распространением ценностей и норм поведения не только в рамках отдельно взятого предприятия, но и отрасли и территориального образования [6; 19, с. 25; 1; 13; 9, с. 11; 8]. Здесь можно согласиться с утверждением Р. Акоф-

фа, который считает, что практика развития человеческого потенциала представляет «множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любых подмножества не могут быть независимыми» [3, с. 35]. Следовательно, разобщенность видов деятельности в развитии человеческого потенциала становится весьма значимым рискогенным фактором, сдерживающим человекоориентированное управление предприятиями и организациями. Среди рискогенных факторов развития человеческого потенциала мы выделяем такие как:

- информационная среда (утечка информации, недостоверность информации и др.) – 75,0%;
- техногенная среда (отказ оборудования, сбои в работе и др.) – 62,5%;
- организационная среда (противоречивость структуры, дублирование функций и др.) – 25,0%;
- управленческая среда (процесс принятия и реализации управленческих решений) – 25,0%;
- правовая среда (недостаточность, противоречивость норм права) – 12,5%;
- среда межличностного взаимодействия (конфликты в коллективе, напряженность во взаимоотношениях) – 12,5% [11, с. 79].

По сути, преодоление влияния рискогенных факторов на развитие человеческого потенциала возможно за счет усиления внимания к интернализированной роли каждого индивида, то есть внутреннего определения своего социального положения и его отношения к этому положению и вытекающим из него обязанностями [7, с. 25]. Кроме того, учитывая множество характеристик производственной деятельности человека, видимо, целесообразно более детально уделять внимание таким факторам, как:

- **т е х н и к о - т е х н о л о г и ч е с к а я** и организационно-экономическая определенность трудовых операций и состав различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников;

- определенность пространственно-временных параметров осуществления профессиональной деятельности работников;
- структурированность профессионального и межпрофессионального взаимодействия различных категорий персонала при решении общественно значимых задач;
- преобладание социально-профессиональных установок работников над узкофункциональными интересами отдельных индивидов;
- определённая производственно-поведенная работниками, фиксация уровня удовлетворенности результатами своего труда и т.д.

В этом контексте алгоритм развития человеческого потенциала ориентирован:

- на высокий уровень социализации и адаптации работников к условиям функционирования предприятий;
- развитие способностей в усвоении технологий инновационных преобразований в сфере труда и управления;
- гибкость поведения работников в различных ситуациях функционирования предприятий;
- определение ролевых характеристик, юридически и функционально закрепляющих профессионально-квалификационный статус работников;
- осознанность каждым работником меры своей ответственности за результаты деятельности коллектива предприятия;
- социально-профессиональные ориентиры работников в профессиональной деятельности;
- степень жизнеобеспечения деятельности работников на предприятии и т.д.

Формируемый в настоящее время человеческий потенциал в множественности общественных отношении становится объектом создания новой социальной реальности, которая, во многом, определяет рост профессиональных компетенций, изменения 35,0% навыков и умений, в т.ч. за счёт развития когнитивных способностей на 37,0%; системных навыков

на 25,0%; умения решать сложные задачи на 4,0%; умения работать с контентом на 30,0%; приобретения производственных навыков на 21,0%; социальных навыков на 16,0%; навыков управления ресурсами на 23,0%; технических навыков на 21,0%; развития физических способностей на 27,0% [15, с. 256].

Таким образом, в стратегическом контексте деятельности предприятий и организаций развитие человеческого потенциала можно рассматривать как системообразующий элемент процессов общественного развития.

Литература

1. Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек, 1997. № 1.
2. Агапов П.В., Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальные системы и процессы: неоклассические пролегомены. – М.: Академический проект. 2021.
3. Акофф Р. О целеустремленных системах. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
4. Бойков В.Э. Российское общество: итоги 10-летнего реформирования // Социс, 2001. № 7.
5. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова: Предисловие П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.
6. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала // Человек. 1996. № 4.
7. Кон И.С. Социология личности. – М.: 1967.
8. Мордовин С.К. Человеческий потенциал: принципы и социальные технологии инновационного анализа ситуаций. – СПб.: Питер, 2004. – 256 с.
9. Основы изучения человеческого развития / под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. М.: 1998.
10. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Корпоративные социальные инновации. – СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2023.
11. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Ценностно-мотивационные смыслы формирования инновацион-

- ных компетенций работников предприятий и организаций. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 79.
12. Рормазер Г. Кризис либерализма. – М.: Издательский дом РАН, 1996.
 13. Солнцева Г.Н., Смолян Г.Л., Человеческий потенциал (размышление о содержании понятия) // Человек. 1997. № 5.
 14. Черепанов А.А. Проблема социального кризиса: философско-синергетический подход: дисс. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.
 15. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2019.
 16. Eliot T.S. Notes towards the definition of Culture. – L., 1948.
 17. Gerloff W. Geld und Gesellschaft Versuch einer gesellschaftlichen Theorie des Geldes. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1952.
 18. Gorniak J. My i nasze pieniądze: studium postaw wobec pieniądza. Wyd. Aureus Krakow, 2000, p. 50–55 (цит. с польского по изданию: Zwoliriski A. Etyka bogacenia. Wydawnictwo WAM, 2002).
 19. UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report 1997 // New York. Oxford university press, 1998. P. 25.
 20. Whitt R., Schultze S. The new “emergence economics” of innovation and growth // Journal of Telecommunications and High Technology Law. 2009. 7 (2), 217–316.

FORMATION OF HUMAN POTENTIAL IN THE CONTEXT OF SOCIAL BIFURCATIONS

Potemkin V.K., Velmisova D.V., Potemkin M.S.

St. Petersburg State Economic University, LLC National Medical Holding

Turbulence in the development of social relations gives rise to socio-cultural contradictions and deviations in human behavior, which are expressed in neglect of the norms and values of collective activity. There are transformations of value-semantic constructs of behavior, including subject-oriented meanings, value-motivational meanings, professional value-semantic guidelines and value-semantic focus on socially significant development goals. The article exam-

ines crisis phenomena that characterize social bifurcations: value-semantic tension, lack of trust, disunity of employees, social and spiritual degradation, that is, the destruction of human potential. Based on the research conducted, the authors identified risk factors at the level of informational, technological, organizational, managerial, legal environment, and environment of interpersonal interaction. The key aspects of the development of human potential in the process of life and ensuring human viability, aimed at overcoming the influence of risk factors, as well as landmarks of algorithm for the development of human potential in the strategic context of enterprise activities are presented.

Keywords: human potential, social bifurcations, human life support, value and semantic constructs, strategic development.

References

1. Avdeeva N.N., Ashmarin I.I., Stepanova G.B. Human potential of Russia: risk factors // Man, 1997. No. 1.
2. Agapov P.V., Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Social systems and processes: neo-classical prolegomena. – M.: Academic project. 2021.
3. Ackoff R. About purposeful systems. – M.: Publishing house LKI, 2008.
4. Boykov V.E. Russian society: results of 10 years of reform // Sotsis, 2001. No. 7.
5. Weber M. Selected works: Translated from German. /comp., general ed. and afterword by Yu.N. Davydov: Preface by P.P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990.
6. Genisaretsky O.I., Nosov N.A., Yudin B.G. The concept of human potential // Man. 1996. No. 4.
7. Kon I.S. Sociology of personality. – M.: 1967.
8. Mordovin S.K. Human potential: principles and social technologies of innovative situation analysis. – St. Petersburg.: Peter, 2004. – 256 p.
9. Fundamentals of the study of human development / ed. N.B. Barkalova and S.F. Ivanova. M.: 1998.
10. Potemkin V.K., Velmisova D.V. Corporate social innovation. – St. Petersburg.: Publishing House Info-Da, 2023.
11. Potemkin V.K., Velmisova D.V. Value-motivational meanings of the formation of innovative competencies of employees of enterprises and organizations. – St. Petersburg.: Publishing house of St. Petersburg State Economic University, 2023. – p. 79.

12. Rohrmaser G. The Crisis of Liberalism. – M.: Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 1996.
13. Solntseva G.N., Smolyan G.L., Human potential (reflection on the content of the concept) // Man. 1997. No. 5.
14. Cherepanov A.A. The problem of social crisis: a philosophical and synergetic approach: diss. ...cand. Philosopher Sci. Tver, 2006.
15. Schwab K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution. – M.: Eksmo, 2019.
16. Eliot T.S. Notes towards the definition of Culture. – L., 1948.
17. Gerloff W. Geld und Gesellschaft Versuch einer gesellschaftlichen Theorie des Geldes. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1952.
18. Gorniak J. My i nasze pieniądze: studium postaw wobec pieniądza. Wyd. Aureus Krakow, 2000, p. 50–55 (quoted from Polish according to the publication: Zwoliriski A. Etyka bogacenia. Wydawnictwo WAM, 2002).
19. UNDP (United Nations Development Program). Human Development Report 1997 // New York. Oxford university press, 1998. P. 25.
20. Whitt R., Schultze S. The new “emergence economics” of innovation and growth // Journal of Telecommunications and High Technology Law. 2009. 7 (2), 217–316.

Современное состояние социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих: основные направления и пути оптимизации

Кифичак Тамара Юрьевна,

адъюнкт кафедры социологии, «Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Lis.9301@Yandex.ru

Статья посвящена проблеме формирования социального здоровья военнослужащих. Мы полагаем, что существенную значимость имеет формирование конструктивных, социально-сберегающих механизмов, нормализация отношений, создание векторов конструктивного развития основных общественных институтов. Для того, чтобы общество развивалось, необходимо, чтобы трансформационные процессы были ориентированы не только на негативные стимулирующие факторы, но и на позитивные ориентиры. Обществу необходимо целеполагание, направление развития, гарантирующее улучшение ситуации по ключевым показателям, и в данном контексте имеет значение осмысление конструктивных социальных процессов и состояний. В тексте статьи анализируются основные направления деятельности, обеспечивающие формирование и поддержание социального здоровья военнослужащих. Рассматриваются организационное, личностное, и комплексное направления обеспечения социального здоровья военнослужащих. Рассматривается специфика социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих, а также определяются пути его оптимизации. Теоретико-методологической основой исследования являются труды основоположников структурного функционализма. Вместе с тем, настоящая публикация опирается и на результаты собственного эмпирического исследования «Социальное здоровье военнослужащих».

Ключевые слова: социальное здоровье, социальное здоровье военнослужащих, социально-организационный механизм формирования социального здоровья военнослужащих, армия, личностные качества военнослужащих.

Введение

Проблема формирования социального здоровья для современного российского общества является более чем актуальной. Возврат к традиционным ценностям, курс на повышение социальной резистентности населения, сохранение социального капитала дополняется обращением внимания на витальный аспект и его зависимость от социальных, культурных, институциональных и аксиологических составляющих. Так, по мнению современных исследователей, «здоровье во всех его проявлениях – физическом, психическом, социальном – существенный фактор, влияющий на развитие общества и человека, что обуславливает чрезвычайную актуальность поиска ресурсов и способов его обеспечения и укрепления. В особенности это касается здоровья социального, связанного с процессами взаимодействия личности и общества, со стабильным функционированием всех социальных отношений и институтов» [1]. Ранее мы уже говорили о том, что «на протяжении последних десятилетий исследователи все чаще обращают внимание на соотношение индивидуального и общественного в выстраивании социальных отношений. В рамках оценки степени конструктивности общественных отношений это получает раскрытие, с одной стороны, через рассмотрение того, насколько благоприятной является социальная ситуация для единичного субъекта или группы лиц; с другой стороны, серьезный интерес представляет анализ деятельности субъекта в разрезе того, как его действия влияют на состояние общества» [10]. Усугубляется проблема качества социального здоровья проблемой социальной трансформацией макро-уровня, что в свою очередь содержит деструктивный девиантологический потенциал

[3]. Полагая, что тематика современного состояния и основных направлений оптимизации социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих является актуальной и значимой, мы провели авторское исследование «Социальное здоровье военнослужащих», обобщенные результаты которого представлены в настоящей статье.

Методы

В качестве основного теоретико-методологического подхода, на который опирается публикация нами был выбран функционализм и институциональный метод. Что касается структурного функционализма, то здесь мы опираемся на концепцию Р. Мертон [8, 9] и Т. Парсонса [11]. Опора на концепции этих авторов позволяет выявить общесоциальный уровень формирования социального здоровья. Также, значимым для настоящего исследования является обращение к работам Э. Дюркгейма [4, 5], благодаря чему, становится возможным определить проблемное поле социальной аномии, как одного из существенных последствий нарушения социального здоровья военнослужащих на личностно-аксиологическом уровне. В качестве теоретико-методологической основы мы опирались и на труды отечественных авторов. Так, исходя из концепции А.Б. Гофмана, конфликт социальных нарушений и конструктивных установок определяет качество социального здоровья [2]. Обращение к трудам О.В. Филимонова [12] и М.В. Кобакина [6] позволило сформировать основные методологические установки в определении актуального состояния социального здоровья военнослужащих.

Результаты

Настоящая публикация опирается на результаты авторского исследования «Социальное здоровье военнослужащих», основанного на ключевых маркерах, отражающих исходные предпосылки формирования социального здоровья военнослужащих, локализованные вне института армии, личностные характе-

ристики военнослужащих, определяющие их возможности по адаптации, а также актуальное состояние социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих.

Форма проведения социологического исследования – анкетирование. В качестве генеральной совокупности выступают военнослужащие четырех округов – Западного военного округа, Центрального военного округа, Южного военного округа и Дальневосточного военного округа. Тип выборки – квотный. Выборка по каждому округу составляет 200 респондентов, относящихся к различным родам войск, включая рядовых и представителей командного состава. В результате проведенного исследования нами были выявлено наличие ряда значимых рискогенных факторов, определяющих возможность нарушения социальной адаптации военнослужащих.

Армия представляет собой один из важнейших общественных институтов, обеспечивающих целостность государства, его суверенитет и безопасность. Все это определяет значимость социальной роли военнослужащих, а также определяет необходимость выстраивания эффективной и адекватной системы взаимодействия между военнослужащими и той институциональной средой, в которую они включены. Это определяет значимость теоретической постановки и практического разрешения проблемы формирования социального здоровья военнослужащих. В рамках настоящей статьи анализируется специфика социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих.

Социально-организационный механизм формирования социального здоровья военнослужащих – это совокупность институционально определенных практик, целью которых является обеспечение социального здоровья военнослужащих, что включает в себя как создание условий для благоприятного состояния военнослужащих, так и реагирование на конкретные неблагоприятные факторы, определяющие нарушение их со-

циального здоровья. Уже это позволяет судить о том, что рассматриваемый социально-организационный механизм имеет сложный, комплексный характер и включает в себя как общие составляющие (совокупность институциональных практик, реализуемых безотносительно конкретной ситуации и направленных на реализацию базовых, общих интересов и потребностей военнослужащих), так и специальные практики, используемые ситуативно.

Поскольку социально-организационный механизм формирования социального здоровья военнослужащих имеет строго определенный функционально-ориентированный характер (подчинен задаче формирования социального здоровья), очевидно, что существует прямая корреляция между условиями формирования социального здоровья с одной стороны, и элементами рассматриваемого социально-организационного механизма с другой. Исходя из этого, отражение поставленной проблемы требует первоначального осмысления того, что представляет собой социальное здоровье военнослужащих, а также того, каковы его основные составляющие и факторы формирования.

Социальное здоровье – это характеристика, отражающая качественный аспект включенности индивида в социальную среду, а именно – степень ответственности личностных характеристик, возможностей и запросов субъекта с одной стороны, и условий внешней социальной среды с другой. Проблематика социального здоровья имеет длительную историю исследования, однако, преимущественно, вопрос о том, насколько соответствует социальная среда целям, интересам, личностным особенностям членов общества и, соответственно, насколько благоприятно они себя чувствуют в конкретной социальной среде, длительное время не был концептуализирован, а его раскрытие имело ситуативный, сопутствующий характер. Вместе с тем, в проблемном поле социологии, психологии, социальной философии появился ряд вопросов, непосредственно связанных с тематикой социального

самочувствия. В частности, в работах Э. Дюркгейма [4, 5] и Р. Мертон [9] было значительное внимание уделено проблеме социальной аномии, которая может трактоваться как форма нарушения социального здоровья членов общества, а известный представитель психоанализа Э. Фромм [13] обратил внимание на социальные и культурные предпосылки нарушения психического здоровья членов общества. В конце XX-го века в отечественной исследовательской практике сформировалось направление, ориентированное на выявление характеристик социального самочувствия членов общества, как феноменологической характеристики, отражающей восприятие социального здоровья или его нарушения. В частности, в рамках работ Л.И. Щербаковой [14] и О.В. Коротеевой [7] были заложены основы рассмотрения проблематики социального здоровья и, в том числе, фиксации его социологических индикаторов.

В настоящее время проблематика социального здоровья находит двойственное выражение в исследовательской практике: с одной стороны, рассматривается вопрос о том, насколько соответствует интересам и возможностям человека та среда, в которую он помещен (оценка субъективного благополучия субъекта в социальной среде), с другой стороны – производится постановка вопроса о том, насколько адекватна запросам общества может быть активность субъекта при условии, если он социально здоров или, напротив, находится в неблагоприятном состоянии. В частности, хорошо известная в социологии проблема социальной аномии в данном случае может быть рассмотрена с точки зрения внешнего проявления нарушения социального здоровья личности. На наш взгляд, данные подходы отличаются не столько на уровне предпосылок, сколько на уровне теоретических акцентов: на деле человек, хорошо вписавшийся в социальную среду и адаптированный к ее особенностям, характеризуется обширными возможностями по реализации поступающих в его отношении запросов.

Ключевым моментом в аналитике природы социального здоровья является то, что мы не можем взять конкретного человека вне его социального окружения и заявить о том, что он здоров или не здоров в социальном плане, равно как и не можем рассмотреть социальную среду безотносительно к включенным в нее людям и составить суждение о том, что она способствует формированию социального здоровья в полной мере. В качестве примера можно привести предприятие, требующее тяжелого физического труда для выполнения профессиональных задач и научно-исследовательский институт. Каждая из рассмотренных сред социальной активности может быть институционально выверена и комфортна для включенных в нее людей, однако, если поместить пожилого ученого в структуру завода, а рабочего отправить в научно-исследовательский институт, каждый из них не только окажется в состоянии стресса, но и окажется неспособен к выполнению возложенной на него социальной роли. Таким образом, социальное здоровье всегда ситуативно – это результат взаимодействия человека и окружающей его социальной среды, в котором моменты соответствия или несоответствия могут быть связаны как с состоянием институциональной сферы, в которую включен человек, так и с его личностными характеристиками, соответствующими или отклоняющимися по отношению к запросам социальной среды. Ключевым моментом в данном случае является то, что постановка вопроса о социальном здоровье как динамическом соответствии личностных характеристик субъекта и особенностей среды, в которую он помещен, определяет возможность реализации двух ключевых направлений формирования социального здоровья конкретного человека:

- личностное направление (формирование личностных компетенций субъекта, развитие личностных качеств, определяющих способность к эффективной адаптации в конкретной социальной среде, развитие ценностных ориентаций, соответствующих на-

правленности осуществляемой деятельности);

- организационное направление (изменение условий среды, в соответствии с ключевыми потребностями, интересами, социальными запросами включенных в нее членов общества). Применительно к задаче по формированию социального здоровья военнослужащих это означает, что система мер, направленная на эффективную интеграцию военнослужащих в структуру Вооруженных сил, а также обеспечение реализации основного спектра их интересов включает в себя следующие подходы.

Личностный подход, направленный на осуществление формирования необходимого набора профессиональных и личностных качеств, а также на регулирование отношений в коллективе военнослужащих. Реализация личностного подхода в структуре Вооруженных сил осуществляется в рамках воспитательной и учебной деятельности, осуществляемой представителями командного состава, а также в рамках мер, направленных на отслеживание и корректировку социального климата взаимодействия на уровне действующих подразделений. В частности, следует отметить высокую значимость воспитательных мер, направленных на формирование профессиональной гордости военнослужащего, понимания задач и целей военной службы. Немаловажное значение в данном контексте имеет также развитие патриотизма, определяющего ценностное восприятие деятельности, направленной на защиту Отечества.

Организационный подход, ориентированный на обеспечение основного спектра витальных, социальных и культурных потребностей военнослужащих. Важными компонентами организационного подхода являются материальное обеспечение военнослужащих, организация медицинской помощи, формирование разнообразных социальных льгот действующим и бывшим военнослужащим, а также социальных гарантий как для самих военнослужащих, так и для их семей. Следует отметить, что одним из фундаментальных аспектов реали-

зации организационного направления является формирование в среде военнослужащих доверия по отношению к государству в целом и институту армии (что включает в себя также доверие к командному составу), а также уверенности в завтрашнем дне.

Комплексный подход, реализуемый в сложных ситуациях, требующих корректировки как личностных характеристик военнослужащих, так и характеристик той среды, в которую они оказались включены.

Рассматривая специфику социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих, следует отметить, что существуют очевидные различия между условиями формирования социального здоровья в мирное время и в период ведения активных боевых действий. Для мирного времени характерно существенное снижение уровня психоэмоциональной нагрузки на военнослужащих, связанной с риском здоровья и жизни, получением травмирующего опыта, гибелью или ранением товарищей и т.д. При этом, военнослужащие сталкиваются с кризисными тенденциями, связанными с непониманием смысла несения военной службы в условиях, когда фактически, отсутствует зримая угроза государству. В свою очередь, в условиях ведения активных боевых действий можно констатировать существенное возрастание уровня стресса, повышение физических нагрузок, возникновение риска травм и смерти, обострение рисков возникновения психических травм. Все это определяет крайнюю интенсификацию значимости эффективной психологической и медицинской помощи военнослужащим, а также социальной поддержки их семей. Отдельного внимания в данном контексте заслуживает моральный аспект, связанный с осознанием наличия поддержки со стороны гражданского населения, понимания гражданских связей и единства общества.

Заключение

В настоящее время вопрос поддержания социального здоровья военнослужащих

имеет высокую степень остроты как в силу значимости выполняемой ими социальной функции, так и в контексте интенсификации рисков, с которыми они сталкиваются. В этом контексте необходимо обеспечение основного спектра духовных, материальных, социальных потребностей военнослужащих, обеспечение в их среде доверия по отношению к непосредственному командованию и государству в целом. Одновременно с этим, в контексте общей постановки вопроса о формировании социального здоровья военнослужащих следует обратить внимание на то, что социальное здоровье военнослужащих зависит не только от тех мер, которые принимаются непосредственно на уровне структуры Вооруженных сил Российской Федерации. Немаловажное значение имеет то, какую поддержку в целом оказывает общество армии, а также то, каким образом на уровне внешних по отношению к институту армии функциональных сфер реализуются механизмы, способствующие реализации функциональной задачи по формированию социального здоровья действующих и будущих военнослужащих. В частности, в качестве перспективного направления можно назвать принятие мер по интенсификации на уровне сферы образования воспитательной деятельности, направленной на развитие патриотизма в гражданской среде, а также ознакомление учащихся со спецификой быта, профессиональных задач и условий несения военной службы, как основание популяризации профессии военнослужащего и повышения ее престижа.

Исходя из результатов исследования, оптимизация механизма формирования социального здоровья военнослужащих включает в себя объединение подхода, направленного на создание системы благоприятных условий для формирования социального здоровья военнослужащих на уровне общества в целом, и локально-динамического подхода, ориентированного на создание оптимальных условий формирования социального здоровья военнослужащих с учетом характеристик конкретной ситуации. Оценивая актуальное состояние социально-

организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих, отметим, что большинство рассмотренных направлений уже реализованы на уровне российской армии. Вместе с тем, концептуализация проблематики социального здоровья и, в том числе, внедрение системного понимания данного вопроса на уровне подготовки командного состава могли бы способствовать более последовательной реализации социальных практик, способствующих формированию социального здоровья военнослужащих.

Литература

1. Гильманов С.А., Булыгина Ю.В. Социальное здоровье как фактор личностного и профессионального становления будущих педагогов // Вестник ВятГ У. 2022. № 2 (144). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-kak-faktor-lichnostnogo-i-professionalnogo-stanovleniya-buduschih-pedagogov> (дата обращения: 17.03.2024).
2. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97–167.
3. Гришай Е.В., Плотников В.В. Социальный детерминизм и его прогностический потенциал в отношении девиантных социальных процессов // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 165–169.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. сокр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 400 с.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд Текст. /Э. Дюркгейм. Пер. с фр. с сокр.: Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. – 399 с., Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995.
6. Кибакин М.В. Социальная терпимость российских военнослужащих: методология исследования, состояние, механизм формирования / дис. на соискание доктора социологических наук: специальность 22.00.08 Социология управления, Москва 2004, 439 с.
7. Коротеева О.В. Социальное самочувствие как критерий психического и духовного здоровья населения: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13: Москва, 1998. – 152 с.
8. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
9. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313, Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
10. Осипенко Э.Б., Кифичак Т.Ю. Проблемы социологического анализа изучения социального здоровья военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ problemy-sotsiologicheskogo-analiza-izucheniya-sotsialnogo-zdorovya-voennosluzhashchih> (дата обращения: 17.03.2024).
11. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. М., 2000. – 880 с.
12. Филимонов О.В. Социальное самочувствие офицеров внутренних войск – участников боевых действий в Северо-Кавказском регионе (Сущность, состояние и пути повышения): Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08: Москва, 2003. 237 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности = Anatomie der menschlichen Destruktivität (1973) / Пер. с англ. Э.М. Телятникова; Вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: АСТ, Хранитель, Мидгард, 2007. – 624 с.
14. Щербакова Л.И. Социальное самочувствие работников наемного труда в современных условиях: ав-

тореферат дис. ... кандидата социологических наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 1995. – 23 с.

THE CURRENT STATE OF THE SOCIAL AND ORGANIZATIONAL MECHANISM FOR THE FORMATION OF SOCIAL HEALTH OF MILITARY PERSONNEL: MAIN DIRECTIONS AND WAYS OF OPTIMIZATION

Kifichak T.Y.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of forming the social health of military personnel. We believe that the formation of constructive, socially-saving mechanisms, the normalization of relations, and the creation of vectors for the constructive development of basic public institutions are of significant importance. In order for society to develop, it is necessary that transformation processes be focused not only on negative stimulating factors, but also on positive guidelines. Society needs goal-setting, a direction of development that guarantees an improvement in the situation in terms of key indicators, and in this context, understanding constructive social processes and conditions is important. The text of the article analyzes the main areas of activity that ensure the formation and maintenance of social health of military personnel. Organizational, personal, and complex areas of ensuring the social health of military personnel are considered. The specifics of the social and organizational mechanism for the formation of the social health of military personnel are considered, and ways to optimize it are also determined. The theoretical and methodological basis of the study is the works of the founders of structural functionalism. At the same time, this publication is also based on the results of our own empirical study "Social health of military personnel."

Keywords: social health, social health of military personnel, social and organizational mechanism for the formation of social health of military personnel, army, personal qualities of military personnel.

References

1. Gilmanov S.A., Bulygina Yu.V. Social health as a factor in the personal and professional development of future teachers // *Vestnik VyatG U.* 2022. No. 2 (144). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-kak-faktor-lichnostnogo-i-professionalnogo-standovleniya-buduschih-pedagogov> (date of access: 03/17/2024).

2. Goffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration // *Sociological Yearbook 2012. Coll. scientific works.* Ed. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. – M.: INION RAS; Department of General Sociology, National Research University Higher School of Economics, 2013. – pp. 97–167.
3. Grishay E.V., Plotnikov V.V. Social determinism and its prognostic potential in relation to deviant social processes // *Society and Law.* 2018. No. 4 (66). pp. 165–169.
4. Durkheim E. Suicide. Sociological study / Transl. from fr. abbr. A.N. Ilyinsky; edited by V.A. Bazarova. – M.: Mysl, 1994. – 400 p.
5. Durkheim E. Suicide: A Sociological Study Text. /E. Durkheim. Per. from fr. abbr.: Ed. V.A. Bazarova. M.: Mysl, 1994. – 399 pp., Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Transl. from French, compilation, afterword and notes by A.B. Hoffmann. – M.: Kanon, 1995.
6. Kibakin M.V. Social tolerance of Russian military personnel: research methodology, state, mechanism of formation / dissertation. for a Doctor of Sociological Sciences: specialty 22.00.08 Sociology of Management, Moscow 2004, 439 p.
7. Koroteeva O.V. Social well-being as a criterion of mental and spiritual health of the population: Dis. ...cand. psychol. Sciences: 19.00.13: Moscow, 1998. – 152 p.
8. Merton R.K. Social structure and anomie // *Sociology of crime (Modern bourgeois theories).* – M.: Progress, 1966. – P. 299–313.
9. Merton R.K. Social structure and anomie // *Sociology of crime (Modern bourgeois theories).* – M.: Progress, 1966. – P. 299–313, Merton R. Social theory and social structure. – M.: ACT, 2006. – 873 p.
10. Osipenko E.B., Kifichak T. Yu. Problems of sociological analysis of studying the social health of military personnel // *Social and humanitarian knowledge.* 2023. No. 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsiologicheskogo-analiza-izucheniya-sotsialnogo-zdorovya-voennosluzhaschih> (access date: 03/17/2024).
11. Parsons T. On the structure of social action / T. Parsons. M., 2000. – 880 p.
12. Filimonov O.V. Social well-being of officers of internal troops – participants in hostilities in the North Caucasus region (Essence,

- condition and ways to improve): Dis. ...
cand. sociol. Sciences: 22.00.08: Moscow,
2003. 237 p.
13. Fromm E. Anatomy of human destructiveness = Anatomie der menschlichen Destruktivität (1973) / Transl. from English E.M. Telyatnikova; Entry Art. P.S. Gurevich. – M.: AST, Guardian, Midgard, 2007. – 624 p.
14. Shcherbakova L.I. Social well-being of hired workers in modern conditions: abstract of dissertation. ... candidate of sociological sciences: 09.00.11. – Rostov-on-Don, 1995. – 23 p.

Социальное прогнозирование как элемент военно-институционального управления

Костерин Артём Андреевич,

адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: kosterin.a1917@gmail.com

Барановский Максим Витальевич,

д.с.н., начальник кафедры социологии Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: m.baranovskij@gmail.com

Социальное прогнозирование представляет собой неотъемлемую часть современного управленческого процесса. В том числе, прогнозирование, как инструмент управления, позволяет расширить возможности перспективного применения сил и средств Вооруженных Сил Российской Федерации (далее ВС РФ) с учетом эффективности оценки текущей обстановки. Особенности военной службы являются наличие в системе военного управления ценностей, норм и убеждений, сформировавших институт военной службы. Соответственно, возникает необходимость рассмотрения особой формы управления – военно-институционального управления как одного из направлений военно-социального управления. В том числе, в период выполнения боевых (специальных) задач, где прогнозная деятельность в управлении является актуальной на постоянной основе. Учитывая особенности текущей обстановки, возникает необходимость изложения основных целей социального прогнозирования в системе военно-институционального управления. С точки зрения, ценностей, норм и убеждений, сформировавших современные ВС РФ, мы можем считать, что существует необходимость уточнения понятия военно-институционального управления. Необходимостью уточнения является недостаточная научная разработанность в институциональном управлении социальными процессами военной службы. *Научная проблематика* данной темы обусловлена необходимостью уточнения направлений и применяемых способов формирования социального прогноза в военно-институциональном управлении ВС РФ.

Ключевые слова: социальное прогнозирование, превентивность, военно-институциональное управление, особый (специальный) период.

Помимо совокупности менеджериальных подходов (ситуационный, социально-организационный, творческий, дескриптивный и нормативный [1]) к управлению подразделениями необходимо учитывать другой подход к управлению – военно-социальный подход. Ввиду особенностей военной службы в ВС РФ социальное управление учитывает потребности личного состава в обеспечении выполнения служебно-боевых задач и в удовлетворении потребностей внеслужебного характера [2]. Относительное смещение внимания военно-социального управления в сторону удовлетворения жилищных, бытовых и материальных потребностей обуславливается, в том числе, высоким процентом комплектования частей и подразделений ВС РФ военнослужащими по контракту [3].

С учетом особенностей выполняемых задач подразделениями ВС РФ, возникает необходимость рассмотреть иной подход в социальном управлении – военно-институциональный. Данный подход позволит рассмотреть проблемы военного управления в особый (специальный) периода (на примере специальной военной операции) с другой стороны и, соответственно, поможет увидеть возможные пути решения выявленных проблем. Ввиду особенностей текущей обстановки – проведения специальной военной операции (далее СВО), актуальность военно-социального управления возрастает. Возрастает и необходимость в уточнении количественных и качественных параметров, способов их оценки и выработки комплекса процедур военно-социального управления. В том числе, учитывая масштаб и особые виды и средства поражения (информационные, кибернетические) при проведении СВО, стоит отметить, что понятие «военно-социальное управление» не полностью отражает ориентированность в сторону воздействия на инсти-

туциональный аспект объекта управления. В таком случае, мы считаем целесообразным дать определение понятия *военно-институционального управления* и разграничить его с военно-социальным управлением в рамках научного дискурса о военном управлении.

Военно-социальное управление представляет собой внешнее и внутренне систематическое воздействие на военно-социальную систему для приведения ее в состояние готовности к успешному решению служебных и боевых задач [4]. Основным направлением воздействия военно-социального управления будут являться структурные элементы военно-социальной системы в процессах социального взаимодействия [5]. Основной задачей военно-социального управления является регулирующие действия в отношении формирования устойчивости существования социальной среды института военной службы при выполнении служебно-боевых задач [4]. Содержание военно-социального управления заключено в постоянном контроле над военно-социальными отношениями в воинских частях и их подразделениях в системе социально-бытовой обеспеченности. В таком случае, управление процессами подготовки к выполнению боевых (специальных) задач, мотивация и стимулирование их выполнения, а также рекомендации по повышению качества работы с последствиями будут являться управлением в военно-социальной сфере.

Отличительными чертами **военно-институционального** управления мы можем считать целенаправленное воздействие на ценности, убеждения и нормы (институции), формирующие институт военной службы с целью достижения уровня их устойчивого функционирования, обеспечивающего выполнение служебно-боевых задач. В том числе способных влиять на формирование нормативных устоев и (или) профессиональных убеждений военной службы. Основными инструментами можно выделить убеждение и демонстрация в отношении социальной среды организации с уче-

том целей военно-институционального управления [6]. Ключевая необходимость внедрения данного управленческого подхода обусловлена длительностью проведения СВО, частному смешению контингента в подразделениях и аналитических выводов из практики управления подразделениями в СВО. Актуальность данного понятия может быть определена, как концептуальное отличие управленческих подходов в отношении способов воздействия на социальную среду.

Говоря о военно-институциональном управлении, мы, в первую очередь, хотим подчеркнуть необходимость воздействия на социальную среду подразделения на институциональном уровне. Исходя из составляющих института военной службы, мы можем выделить последовательность воздействия на каждую из институций, описать ее и систематизировать процесс управления. Таким образом, мы хотим обратить внимание на то, что военно-институциональное управление по набору инструментов и операциональному алгоритму их реализации концептуально отличается от понятия военно-социальное управление. Тем не менее, отличия в инструментах и формах их реализации не отделяет военно-институциональное управление от категории социального. Для изучения данного управленческого подхода мы предлагаем рассмотреть военно-институциональное управление на этапе применения первичного инструмента управления – социального прогнозирования.

Рассматривая военно-институциональное управление подразделениями ВС РФ на этапе социального прогнозирования, мы можем выделить основные направления применения данного этапа. Таким образом, основными направлениями этапа социального прогнозирования будут являться следующие.

1. Выявление возможных сценариев действий и их последствий.

2. Выявление сосредоточения направлений управленческого воздействия или новых путей решения управленческой задачи.

3. Поиск возможных путей решения сложившихся проблем военно-институционального характера.

4. Выявление причин возможного возникновения нежелательных ситуаций на основе прогнозных данных.

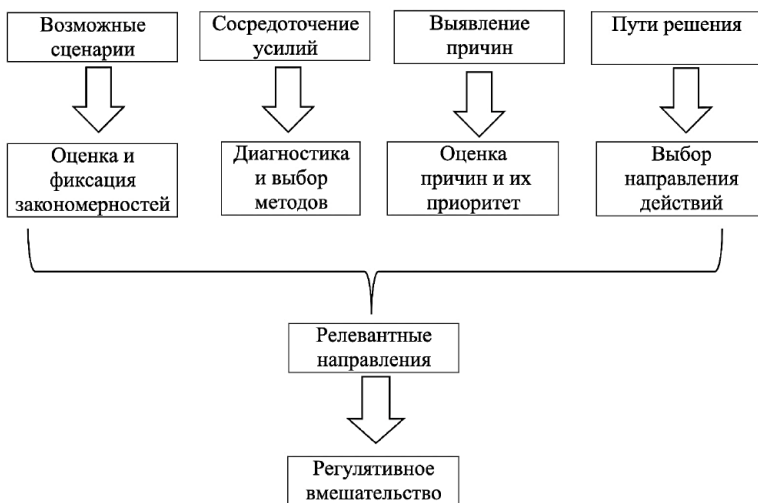

Рис. 1

В отношении выполнения задач военной службы мирного и особого (специального) периода можно отметить одинаковую доступность в отношении сведений о закономерностях в протекании социальных процессов и (или) явлений. Поэтому в период выполнения боевых (специальных) задач военно-институциональное управление осуществляет регулирование социальных процессов и (или) явлений в текущий момент времени. Благодаря известным закономерностям субъект управления имеет информационно-аналитическую «базу» в отношении возникновения, протекания и развития конкретного социального процесса и (или) явления. В таком случае, социальное прогнозирование в военно-институциональном управлении представляется нам в качестве инструмента превентивного действия [7]. Высокая актуальность превентивных мер обусловлена необходимостью в поддержании устойчивости функционирования социальной среды подразделения при выполнении боевых (специальных) задач в вооруженных конфликтах высокой интенсивности.

Учитывая цели социального прогнозирования в военно-институциональном управлении стоит отметить направления, которые наиболее приоритетны с позиции превентивных мер [8]. Такими направлениями можно выделить: фазы социализации и порядок применения оружия. В отношении социализации можно считать, что ее фазы способны претерпевать изменения во временных промежутках протекания. Практика управления в особый (специальный) период выявляет частное, но закономерное ускорение адаптации в сторону интериоризации. В том числе, по сравнительным наблюдениям в некоторых боевых (специальных) задачах, можно сказать, что влияние условий боя на социальную среду выявляет социальных акторов подразделения, способных положительно влиять на процесс социализации. В отношении применения оружия можно считать, что существует необходимость управленческого воздействия с позиции инструментов военно-институционального управления на понимание и осознание выполнения боевой (специальной) задачи. Практика управ-

ления в особый (специальный) период позволяет сделать выводы о том, что существует необходимость воздействия на данное направление с позиции устойчивого формирования понимания функционального назначения оружия в руках военнослужащего. Превентивный характер военно-институционального управления в данном случае позволяет рассматривать социальные процессы и явления, как возможные факторы неопределенности. В таком случае, социальное прогнозирование развития и протекания процессов в особый (специальный) период можно считать технологической компетенцией военно-институционального управления. В том числе, с позиции социального прогнозирования мы способны превентивно воздействовать на данные направления и выявлять новые формы социальных взаимоотношений или их утрачивание.

Заключение

Хотелось бы обратить внимание на то, некоторые особенности выполнения боевых (специальных) задач остаются открытыми для научного обсуждения. Влияние особого (специального) периода на социальную среду подразделения отражается в изменениях поведения и характера поступков. Как показывает опыт управленческой практики, эти изменения чаще всего носят деструктивный характер для социальной среды и для выполнения боевых (специальных) задач. Исходя из этого, мы считаем, что существует необходимость научного развития военно-институционального управления, как превентивной формы воздействия на социальную среду подразделения. В таком случае, предвосхищение развития процессов и (или) явлений должно осуществляться методами социального прогнозирования.

Учитывая то, что элементами прогнозирования являются закономерности, то первичной задачей социального прогнозирования будет выявление «катализаторов» закономерностей социальных процессов или явлений. В период мирного времени и особого (специального) периода социальное прогнозирование

в военно-институциональном управлении будет разделяться главным образом в определении приоритетных предикторов прогноза. Особенности социального прогнозирования в период выполнения боевых (специальных) задач является высокая динамика протекания процессов и (или) явлений. В таком случае, применение инструментов военно-институционального управления на этапе социального прогнозирования позволяет получать представления о распределении сил и средств в период выполнения боевых (специальных) задач.

Литература

1. Луговский В.А. Социология и психология управления: учеб. пособие / В.А. Луговский, Л.В. Сурженко, Д.А. Чурянина. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 144 с.
2. Калинин, М.А. Анализ социальных проблем и потребностей военнослужащих по контракту / М.А. Калинин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(42). – С. 149–158.
3. Приказ Министра обороны РФ от 18 сентября 2023 г. № 625 «О контракте о прохождении военной службы».
4. Мармаза, С.А. Военно-социальное управление как объект социально-философского анализа / С.А. Мармаза // Вестник университета. – 2013. – № 1. – С. 296–299.
5. Карлова Е. Н., Машина А.В. Российские военнослужащие в социально-профессиональной стратификационной системе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13. № 5. С. 34–37.
6. Веремчук, В.И. Институциональное управление процессом социализации военнослужащих по контракту / В.И. Веремчук, Н.П. Поплевкин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 2(839). – С. 182–188.

7. Поплевкин, Н.П. Институциональный подход к социализации военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации / Н.П. Поплевкин // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 5А. – С. 337–343.
8. Богатырев, Э.Я. Анализ методов военно-политического прогнозирования / Э.Я. Богатырев, Ю.Д. Макиев, В.П. Малышев // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2013. – Т. 3, № 2(5). – С. 35–53.

SOCIAL FORECASTING AS AN ELEMENT OF MILITARY-INSTITUTIONAL MANAGEMENT

Kosterin A.A., Baranovsky M.V.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Social forecasting is an integral part of the entire management process. In particular, forecasting, as a management tool, allows you to expand the possibilities of the prospective use of forces and means of units of the Armed Forces of the Russian Federation, taking into account the effectiveness of assessing the current situation. The peculiarities of military service are the presence in the military management system of values, norms and beliefs that have formed the institution of military service. Accordingly, there is a need to consider a special form of management – military-institutional management as one of the directions of military-social management. Including in a special (unique) period, where forecasting activities in management are relevant on an ongoing basis. Taking into account the peculiarities of the current situation, there is a need to outline the main goals of social forecasting in the system of military-institutional management. The scientific problems of this topic are conditioned by the need to clarify the directions and methods used to form a social forecast in the military-institutional management of the Armed Forces of the Russian Federation, including during the period of its implementation. The reason for the clarification is the incomplete scientific development in the institutional management of the social processes of military service. Including the lack of existing knowledge in the field of military and social management in the Armed

Forces of the Russian Federation in the conditions of performing combat (special) tasks in modern conditions. *The scientific problems* of this topic are conditioned by the need to clarify the directions and methods used to form a social forecast in the military-institutional management of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: social forecasting, prevention, military-institutional management, special (unique) period.

References

1. Lugovsky V.A. Sociology and psychology of management: textbook, manual / V.A. Lugovsky, L.V. Surzhenko, D.A. Churyanina. – Krasnodar: KubGAU, 2016. – 144 p.
2. Kalinin, M.A. Analysis of social problems and needs of military personnel under contract / M.A. Kalinin // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. – 2017. – No. 2(42). – pp. 149–158.
3. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated September 18, 2023 N625 “On the contract for military service”
4. Marmaza, S.A. Military-social management as an object of social and philosophical analysis / S.A. Marmaza // University Bulletin. – 2013. – No. 1. – P. 296–299.
5. Karlova E. N., Mashina A.V. Russian military personnel in the socio-professional stratification system // Current problems of the humanities and socio-economic sciences. 2019. T. 13. No. 5. pp. 34–37.
6. Veremchuk, V.I. Institutional management of the process of socialization of contract military personnel / V.I. Veremchuk, N.P. Poplevkin // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2020. – No. 2(839). – pp. 182–188.
7. Poplevkin, N.P. Institutional approach to the socialization of military personnel of the armed forces of the Russian Federation / N.P. Poplevkin // Theories and problems of political research. – 2018. – Т. 7, No. 5А. – pp. 337–343.
8. Bogatyrev, E. Ya. Analysis of methods of military-political forecasting / E. Ya. Bogatyrev, Yu.D. Makiev, V.P. Malyshev // Civil Defense Strategy: Problems and Research. – 2013. – Т. 3, No. 2(5). – P. 35–53.

Разработка модели уровней зрелости руководителей в контексте смыслоцентричного подхода к управлению

Самольянов Олег Александрович,

главный эксперт Лаборатории исследований человекоцентричности и лидерских практик Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ
E-mail: osamolyanov@hse.ru

Обозначена мировая тенденция, согласно которой, наряду с понятием клиентоцентричности, возникает идея человекоцентричности как подход к управлению, актуальный для решения современных задач, стоящих перед лидерами и управленцами в самых разных областях человеческой деятельности. Отмечено, что понимание смысла деятельности, будучи одним из принципов человекоцентричного подхода, становится приоритетным для руководителей и сотрудников различных организаций. Подтверждена идея об актуальности смыслоцентричного подхода к руководству в Российской Федерации. Описаны компоненты смыслоцентричного подхода, выделенные на основе идей Виктора Франкла и международных исследований в области восприятия людьми осмысленности жизни и влияния уровня осмысленности как на здоровье и благополучие человека, так и на результативность и эффективность организации, в которой он работает. Предложена модель уровней зрелости руководителей в контексте способности понимать и формулировать смысл выполняемых задач.

Ключевые слова: лидерство, менеджмент, руководство, смысл деятельности, смыслоцентричность, человекоцентричность, клиентоцентричность.

Несмотря на то, что программа Microsoft Word продолжает подчеркивать слово «клиентоцентричность» красным, за последние 10 лет это понятие уверенно вошло в обиход в самых различных областях нашей жизни. Зародившись в бизнес среде как реакция на растущую конкуренцию при устойчивом стремлении к повышению (или хотя бы удержанию) уровня маржинальности бизнеса, оно распространилось и на другие области человеческой деятельности, в частности – на государственное управление. Согласно публикации Центра подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС при Президенте РФ от 2020 года «Предоставление услуг населению – это сложный, объемный процесс, который зависит от того, как работают отдельные служащие, сотрудники, подразделения, органы и учреждения. У каждого в этом процессе своя роль. Степень клиентоцентричности услуги зависит от того, сколько внимания конечному потребителю – гражданину – уделяется на каждом этапе процесса» [1, с. 31].

При этом слово «клиент» имеет определенную коннотацию, особенно в контексте отношений человека с государством. Возможно, это послужило одной из причин появления понятия «человекоцентричность». Тем более что в программных документах предпочтение все-таки отдается отношению государства не к клиентам, а к людям. Так Президент Российской Федерации В.В. Путин еще в 2019 году отмечал, что «Очень важно, и чего я хотел бы добиться от людей, работающих в муниципалитетах, в регионах РФ, чтобы задачи, решаемые этими административными структурами в интересах людей, решались вместе с людьми» [2]. А Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин в ежегодном отчете Правительства в Государственной Думе в 2020 году сказал: «Мы начали свою

работу, исходя из пяти базовых ценностей. Первая – выстраивать все сервисы государства вокруг потребностей людей. Действовать открыто, вести диалог на основе взаимного уважения и доверия» [3].

Важно отметить, что человекоцентричность является не только российским, но и мировым трендом. Гульнара Биккулова, заместитель генерального директора Корпоративной Академии Росатома приводит следующие данные: «К 100-летию юбилею Международная организация труда (МОТ) опубликовала отчет Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда «Работать ради лучшего будущего» и приняла Декларацию столетия МОТ о будущем сферы труда. Эксперты МОТ сфокусировались на описании нового подхода, ориентированного на человека. В частности, ради лучшего будущего компаниям было предложено создавать эффективную систему обучения для сотрудников, поддерживать людей в переходные периоды жизни, а также заботиться о соблюдении прав работников, гарантиях безопасности труда и сохранении здоровья» [4]. Она также пишет, что «...организациям выгодно фокусироваться на человеке. Коэффициент корреляции между инвестициями в развитие сотрудников и лояльностью – 43%. Продуктивность сотрудников в компаниях с развитой образовательной средой возрастает на 30%. Инвестиции в программы нефинансовой мотивации в корпорациях (образование по выбору сотрудника, развитие корпоративных ценностей, возможности карьерного потенциала) способны повлиять на увеличение прибыли организации как 1 к 3 (три рубля прибыли на каждый вложенный рубль)» [4].

В соответствии с международным стандартом ISO 27500:2016 (русскоязычная версия – ГОСТ Р ИСО 27500) «человекоцентричная организация включает в себя 7 основных принципов: 1) использование индивидуальных различий в качестве преимущества организации; 2) установление в качестве стратегических целей организации удобства использования и доступности продук-

ции; 3) применение общего системного подхода; 4) применение в качестве приоритетов деятельности обеспечения здоровья, безопасности и благополучия людей; 5) осознание ценности персонала и создание условий для его значимой работы; 6) открытость и доверие; 7) социальная ответственность во всех действиях» [6]. Обратим внимание, что в пятом принципе английское выражение «create a meaningful work environment» [5] переведено как «создание условий для ... значимой работы» [6], тогда как возможны другие варианты, например «формирование осмысленной рабочей среды» [4].

Это подводит нас к вопросу актуальности подхода к лидерству и управлению, основанному на смысле. Мы хотели бы обратить внимание на фундаментальную разницу понятий «клиентоцентричность» и «человекоцентричность» не с точки зрения их содержания, а с точки зрения возможности более-менее точного определения. Когда организация, начиная от небольшой коммерческой компании и заканчивая государством, фокусируется на клиенте, ответ на вопрос «кто этот клиент?» может быть либо понятен сразу, либо найден в процессе маркетинговых исследований. Например, если мы говорим о клиенте предприятия общественного питания (кафе или ресторан), то клиентом будет человек определенной возрастной категории, уровня дохода, имеющий определенные предпочтения (например, любитель кофе или вегетарианец). Выяснить потребности и ожидания такого человека может быть не очень тривиальной, но решаемой задачей: наверняка он будет хотеть вкусно поесть согласно своим предпочтениям, быстрого и вежливого обслуживания, тепла, чистоты и уюта в помещении кафе или ресторана.

Как только мы вводим термин «человекоцентричность», возникает вопрос: что такое человек? Это мгновенно переводит дискуссию как минимум в философскую плоскость. Перефразируя принципы из стандарта ISO 27500:2016 человек: отличается от других людей; ожидает удобства и доступности продукции;

здоровья, безопасности и благополучия; чтобы работодатель осознавал его ценность и создавал осмысленную рабочую среду; он хочет открытости и доверия; и социальной ответственности со стороны компаний, которые осуществляют деятельность рядом с местом его проживания. Является ли это полноценным описанием человека? Очевидно, нет. Будет ли это общепризнанным описанием человека? Тоже нет! Достаточно представить себе теократическое государство, где религиозные принципы возведены в ранг государственных приоритетов, и мы увидим серьезный разрыв между понятиями «клиентоцентричность» и «человекоцентричность» из-за другого взгляда на человека. Например, государственные телевизионные каналы могут жестко цензурироваться и содержать передачи в основном религиозного содержания. Будут ли они клиентоцентричными? Скорее всего нет: мы живем в век интернета и доступности информации, и большое количество зрителей наверняка предпочло бы посмотреть мультипликационные и художественные фильмы, а также различные развлекательные передачи. Будут ли эти каналы человекоцентричными? Если принять за основу убеждение, что главная цель человека в этой жизни – духовное развитие в рамках определенной религии – очевидно, да.

Имея в виду все вышесказанное, мы хотим предложить смыслоцентричный подход как способ с одной стороны уйти от ассоциируемой с понятием «клиент» ориентации прежде всего на финансовую выгоду, а с другой – получить больше определенности в понимании самого фокуса приложения усилий.

ПОЧЕМУ СМЫСЛ?

Вопрос о смысле жизни, скорее всего, волнует человека на всей протяженности периода его существования. Однако современный научный дискурс о смысле был инициирован Виктором Франклом (Viktor Emil Frankl, 1905–1997), австрийским психиатром, психологом, неврологом и философом, известным в том числе как создатель логотерапии и третьей венской школы психоанализа.

В предисловии к книге «Человек в поисках смысла», он пишет: «Кто еще станет сомневаться в существовании стремления к смыслу (подчеркнем: не больше и не меньше, чем специфической для человека мотивации), взяв в руки доклад американского Совета по вопросам образования, в котором приведены данные опроса 189733 студентов в 360 университетах. Главный интерес у 73,7 процента опрошенных выражается в цели «прийти к мировоззрению, которое сделало бы жизнь осмысленной». Или возьмем доклад Национального института психического здоровья: из 7948 студентов в 48 вузах наибольшее число (78 процентов) выразили желание «найти в своей жизни смысл»» [7, с. 6]. Там же он упоминает пророчество Джозефа Каца из Университета штата Нью-Йорк о том, что «...следующая волна людей, которые вольются в производство, будет интересоваться лишь профессиями, которые приносят не только деньги, но и смысл». Это пророчество не так давно получило подтверждение: в ноябре 2021 года в журнале «Гарвард Бизнес Ревью» было опубликовано интервью с генеральным директором компании «Майкрософт» Сатьей Наделла под названием «Сегодня люди хотят понимать, зачем они работают». В нем он ссылается как на свои наблюдения, так и на мнение Райана Рослански, директора компании «Linked In». Эти наблюдения говорят о том, что «Сегодня люди говорят не только о том, когда, где и как они будут работать. Сегодня они хотят понимать, зачем они работают, и, если так можно выразиться, переписать внутренний контракт о смысле работы» [8].

Автор данной статьи, работая в области консалтинга, часто проводит интервью с руководителями коммерческих компаний, госкорпораций, органов муниципального и государственного управления. Со времени выхода статьи Сатьи Наделла он стал регулярно задавать своим респондентам вопросы о важности понимания ими самими и подчиненными им сотрудниками организаций смысла их деятельности и влияния этого понимания на их мотивацию. На ос-

новании анализа ответов более чем 100 респондентов можно утверждать, что, если руководитель получит сообщение, что результатами его или ее труда больше никто не будет пользоваться (но это никак не повлияет на уровень дохода респондента), уровень мотивации после такого сообщения снизится в среднем более чем на 80%.

Таким образом, мы считаем доказанным утверждение о том, что стремление к смыслу является одним из важнейших мотиваторов человеческой деятельности. Но это ставит перед нами следующий вопрос: откуда у человека появляется ощущение осмысленности жизни и деятельности? При каких условиях оно возникает?

В одной из обзорных статей, опубликованных сравнительно недавно, авторы суммируют результаты многолетних международных исследований. По их мнению, присутствует «современный научный консенсус, согласно которому понимание (или когерентность), цель и экзистенциальная значимость (или значимость) представляют собой три первичных компонента смысла жизни» [9, с. 7–5]. Другими словами, если сотрудник организации знает цель своей работы, понимает контекст и взаимосвязи (как все работает) и у него есть ощущение, что его работа значима, его восприятие осмысленности работы будет высоким. А это, в свою очередь, связано «...с важными позитивными жизненными результатами. Основываясь на разнообразных результатах, отражающих такие факторы как сердечно-сосудистые заболевания, смертность, возрастное снижение когнитивных способностей и риск развития болезни Альцгеймера, выгорание, социальная привлекательность, благосостояние, частота психологических расстройств, риск физической инвалидности и суицидальные мысли, можно сделать вывод, что те, кто сообщает о высоком уровне ощущения смысла жизни, оказываются в лучшем положении, чем другие» [9, с. 7–4]. Авторы также утверждают, что «...исследования показывают, что поиск смысла в своей работе пред-

сказывает как личные, так и организационные преимущества» [9, с. 7–16].

Итак, у нас есть основания полагать, что 1) высокий уровень восприятия осмысленности своей жизни и деятельности людей благотворно влияет как на их индивидуальное здоровье и благополучие, так и на эффективность и результативность организаций, в которых они работают, и 2) ключевыми составляющими восприятия осмысленности деятельности являются знание цели, понимание контекста и взаимосвязей и ощущение значимости этой деятельности. Было бы, однако, преждевременно останавливаться на этом наборе компонентов, потому что мы рискуем оставить за кадром саму суть человечности. Например, можно будет сказать, что Адольф Гитлер и Национал-социалистическая немецкая рабочая партия совершала вполне осмысленную деятельность (у них была цель, они понимали контекст и взаимосвязи, и многие из них были искренне уверены в значимости того, что делают). Для того чтобы избежать подобных противоречий, необходимо вернуться к работам самого Виктора Франкла, который писал, что, во-первых, «Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу... В этом случае, однако, это сопряжено с риском пройти в жизни мимо истинного смысла, истинного дела во внешнем мире (в противоположность сугубо субъективному ощущению смысла в себе самом)», а во-вторых, «Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, совесть – это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации» [7, с. 11].

Итак, смыслоцентричный подход к руководству и лидерству основывается на том, что стремление к смыслу является одним из главных человеческих мотиваторов, а восприятие осмысленности складывается из четырех составляющих: наличия цели, понимания вза-

имосвязей, ощущения значимости того, что делаешь и согласованности этой деятельности с тем, что говорит нам совесть.

Чтобы перевести дискуссию на более практические рельсы, мы хотим предложить инструмент – модель «Уровни зрелости руководителя/лидера в контексте смысла». Под лидером мы здесь понимаем человека, обладающего личностными качествами, позволяющими ему или ей влиять на других людей и вовлекать их в деятельность по достижению определенной цели. Тогда как руководитель – это тот, кто, имея соответствующие полномочия, организует деятельность по достижению цели. И тот и другой могут действовать просто потому, что так приказало начальство, или опираться на найденный и понимаемый ими самими смысл.

Модель состоит из четырех уровней, два из которых (первый и второй) мы назвали «реактивными», а другие два (третий и четвертый) – «проактивными». Для простоты обсуждения модель не затрагивает уровня знаний, навыков и опыта руководителей, предполагается, что всем этим человек обладает в достаточной мере, чтобы выполнять функции руководителя.

Руководитель или лидер первого уровня грамотно использует ресурсы команды для выполнения поставленных вышестоящим начальством задач. То, чего он не делает – он не задается вопросами «зачем?» и «какой смысл в работе, которую мы выполняем?».

Руководитель или лидер второго уровня не формулирует смысл сам, но обязательно интересуется им при получении заданий. Он также понимает, что непонимание им и его сотрудниками смысла задачи может привести к неверному ее выполнению.

Руководитель или лидер третьего уровня зрелости формулирует смысл получаемых задач самостоятельно. Мы недаром назвали первые два уровня реактивными, а, начиная с третьего, проактивными. Между ними существует определенный разрыв, так как третий уровень зрелости предполагает

не только равнодушие к вопросу смысла. На этом уровне человек находится в активном поиске (согласно Франклу, смысл не может быть создан, только найден), потому что, не понимая своего смысла в жизни он не может сопоставить с ним смысл полученных задач. Другими словами, ему недостаточно понимания цели, взаимосвязей и значимости, ему еще важно, насколько все это согласуется или не согласуется с его совестью. Помимо этого, чтобы самостоятельно сформулировать смысл поставленных руководством задач, необходимо проактивно собирать и анализировать информацию, не только касающуюся его уровня в иерархии организации, но и на уровень выше.

И, наконец, руководитель или лидер четвертого уровня зрелости способен сам формулировать смысл своей деятельности и предлагать организации проекты, содержащие в себе реализацию этого смысла. Надо ли говорить, что такой руководитель будет максимально мотивирован и ориентирован на результат.

Приведем пару примеров. Во время реализации консалтингового проекта несколько лет назад автору этой статьи удалось обнаружить в одной организации отдел, состоящий из десяти человек, результатами работы которого никто не пользовался в течение года. Вследствие матричной системы руководства у начальника отдела было два руководителя – проектный и функциональный. Отчеты о проделанной работе посылались обоим, при этом каждый из них думал, что это ответственность другого. Мы можем отнести этого начальника к первому уровню: возможно, работа проводилась весьма качественно, но он не инициировал дискуссию ни с одним из своих руководителей относительно ее смысла, в результате этот смысл был потерян.

Руководителю второго уровня удалось бы этого избежать, потому что хотя бы с одним из начальников разговор бы состоялся, в результате чего выяснилось бы, что эта работа никому не нужна.

В качестве примера 4-го уровня можно привести одного из клиентов автора. Этот руководитель сменил несколько организаций в поисках подходящей среды для реализации своего смысла как он его понимал. Смысл состоял в организации процесса обучения и развития персонала через создание корпоративного университета. В одной организации руководство обещало выделить ресурсы на проект, но постоянно откладывало, в другой руководитель столкнулся с сопротивлением на уровне культуры организации и посчитал проект нереализуемым, а в третьей руководство пошло на встречу и выделило необходимые ресурсы и в результате университет был создан.

Руководитель третьего уровня в подобной ситуации скорее всего не искал бы организацию, подходящую ему для реализации своего проекта. Обладая необходимыми навыками и компетенциями, он мог бы быть приглашен на проект и, изучив ситуацию и организацию, смог бы сформулировать смысл поставленной ему задачи и сопоставить со своим собственным ощущением смысла жизни на момент начала проекта.

Важно заметить, что в том виде, как она описана выше, предложенная модель может быть применена к любому сотруднику организации. В работу руководителя или лидера входит также способность и ответственность учитывать эту модель при взаимодействии с подчиненными и включать вопросы смысла в обсуждение поручаемых целей и задач.

Итак, нам удалось показать, как тренд на клиентоцентричность сменяется трендом, связанным с понятием человекоцентричности. При этом смена фокуса с клиента на человека представляет опасность слишком широких и неопределенных интерпретаций. Человекоцентричное лидерство и руководство будет, очевидно, включать в себя фокус на человеке и заботу о нем, но разное понимание того, что такое человек, для разных руководителей в разных контекстах может привести к тому, что оце-

нивать уровень человекоцентричности и предлагать практические рекомендации будет очень сложно.

Поэтому мы предлагаем смыслоцентричный подход к лидерству и руководству. Он абсолютно не противоречит принципам человекоцентричности (фактически, он содержится в формулировке пятого принципа) [5]. Это позволит уйти от слишком неясных трактовок, сконцентрироваться на знакомых каждому руководителю понятиях цели, контекста/взаимосвязей и значимости выполняемых задач. Чисто «человеческую» составляющую мы оставляем за счет введения в рассмотрение совести, как «органа» восприятия объективного смысла.

В завершении мы предлагаем практический инструмент для определения уровня зрелости руководителя/лидера через призму понимания и поиска смысла своей деятельности. Мы рассчитываем, что смыслоцентричный подход сможет принести существенную практическую пользу в контексте сложившейся геополитической ситуации в мире и связанными с ней актуальными вызовами, на которые необходимо отвечать современным российским лидерам.

Литература

1. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О.В. Линник, А.В. Ожаровского, М.С. Шклярчук. – Москва: РАНХиГС при Президенте РФ, 2020.
2. Заседание наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» // Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61726> (дата обращения: 17.03.2024).
3. Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе РФ // Правительство России. – URL: <http://government.ru/news/40074/> (дата обращения: 17.03.2024).
4. <https://rosatom-academy.ru/media/ekspertnoe-mnenie/chto-skryvaetsia-za-poniatiem-chelovekotsentrichnost/?ysclid=ltvav4uw2z636800118> (дата обращения: 17.03.2024).

5. <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:27500:ed-1:v1:en> (дата обращения: 17.03.2024).
6. https://tiflocentre.ru/download/gost_r_iso_27500.pdf?ysclid=ltvmpfcqqrq265602167 (дата обращения: 17.03.2024).
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – Москва, Прогресс, 1990.
8. <https://big-i.ru/liderstvo/lidery/satya-nadella-segodnya-lyudi-khotyat-ponimat-zachem-oni-rabotayut/> (дата обращения: 17.03.2024).
9. Laura A. King and Joshua A. Hicks. The Science of Meaning in Life, Annual Review of Psychology, August 2020.

DEVELOPMENT OF A MODEL OF LEADERSHIP MATURITY LEVELS IN THE CONTEXT OF A MEANING-CENTRIC APPROACH TO MANAGEMENT

Samolyanov O.A.

National Research University Higher School of Economics

The world trend is outlined, according to which, along with the concept of client-centeredness, the idea of human-centeredness emerges as an approach to management, relevant for solving modern problems faced by leaders and managers in various areas of human activity. It is noted that understanding of the meaning of activity, being one of the principles of the human-centered approach, becomes a priority for managers and employees of various organizations. The idea of the relevance of the meaning-centered approach to leadership in the Russian Federation is confirmed. The components of the meaning-centered approach, identified on the basis of Viktor Frankl's ideas and international research in the field of people's perception of the meaningfulness of life and the influence of the level of meaningfulness both on the health and well-being of a person and on the effectiveness

and efficiency of the organization in which he or she works, are described. A model of maturity levels of managers in the context of the ability to understand and formulate the meaning of the tasks performed is proposed.

Keywords: leadership, management, leadership, meaning of work, meaning-centeredness, human-centeredness, client-centeredness.

References

1. Client-Centered Approach in Public Administration: Navigator of Digital Transformation / edited by O.V. Linnik, A.V. Ozharovsky, M.S. Shklyaruk. – Moscow: RANEPА under the President of the Russian Federation, 2020.
2. Meeting of the Supervisory Board of the ANO "Russia – the Country of Opportunities" // President of Russia. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61726> (accessed: 17.03.2024).
3. Annual Report of the Government in the State Duma of the Russian Federation // Russian Government. – URL: <http://government.ru/news/40074/> (accessed: 17.03.2024).
4. <https://rosatom-academy.ru/media/ekspertnoe-mnenie/chto-skryvaetsia-zaponiatiem-chelovekotsentrichnost/?ysclid=ltvav4uw2z636800118> (accessed: 17.03.2024).
5. <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:27500:ed-1:v1:en> (accessed: 17.03.2024).
6. https://tiflocentre.ru/download/gost_r_iso_27500.pdf?ysclid=ltvmpfcqqrq265602167 (accessed: 17.03.2024).
7. Frankl V. Man in Search of Meaning, Moscow, Progress, 1990.
8. <https://big-i.ru/liderstvo/lidery/satya-nadella-segodnya-lyudi-khotyat-ponimat-zachem-oni-rabotayut/> (accessed: 17.03.2024).
9. Laura A. King and Joshua A. Hicks. The Science of Meaning in Life, Annual Review of Psychology, August 2020.

Аспекты репутационного капитала образовательной организации среднего профессионального образования

Сарбаа Людмила Николаевна,

заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 26 г. Южно-Сахалинска
E-mail: Travkina_92@mail.ru

Существуют различные классификация формирования деловой репутации образовательной организации. Многие исследователи выделяют структуру элементов имиджа образовательных организаций.

В статье рассмотрены аспекты репутационного капитала образовательной организации среднего профессионального образования, такие как: финансово-экономические показатели деятельности учреждения среднего профессионального образования; материально-техническая база учреждения СПО; человеческие ресурсы образовательной организации; результаты основной деятельности образовательной организации; социальные связи образовательной организации; популярность профессий и специальностей, по которым ведется обучение в учреждении СПО; организационная культура; информационное сопровождение деятельности образовательной организации.

В современных условиях репутационный капитал образовательной организации СПО является неотъемлемым активом учреждения, позволяющим сохранить и преумножить количество потребителей образовательных услуг, привлекать новых партнёров, совершенствовать материально-техническую базу учреждения, а также конкурировать на рынке образовательных услуг с другими образовательными учреждениями.

Ключевые слова: репутация, репутационный капитал, среднее профессиональное образование, корпоративный человеческий капитал.

Репутация – положительное или отрицательное представление о деятельности организации, созданное у окружающих и выражающееся в нематериальном активе организации (феномен общественного сознания).

Репутация организации представляет собой многоаспектное понятие, во многом определяемое восприятием данной организации, ее продукции, услуг на рынке контрагентами (покупателями, клиентами, поставщиками, конкурентами), видением этой организации со стороны ее создателей, владельцев и сотрудников.

По результатам исследования учреждений среднего профессионального образования Сахалинской области представляется возможным выделить аспекты репутационного капитала образовательной организации среднего профессионального образования, которые оказывают влияние на формирование общественного мнения заинтересованных лиц.

На наш взгляд репутационный капитал образовательной организации включает в себя различные аспекты: финансово-экономические показатели деятельности учреждения СПО; материально-техническая база учреждения; человеческие ресурсы организации; результаты основной деятельности образовательной организации; социальные связи образовательной организации; популярность профессий и специальностей, по которым ведется обучение в учреждении СПО; организационная культура; информационное сопровождение деятельности образовательной организации.

Финансово-экономические показатели деятельности учреждения среднего профессионального образования

Большинство организаций среднего профессионального образования являются

бюджетными учреждениями, финансирование которых осуществляется бюджетами субъектов Российской Федерации (92%). Меньшая часть организаций СПО является ведомственными и финансируются из средств профильных министерств (8%) [9].

Объем средств бюджетов субъектов Российской Федерации в форме субсидии на выполнение государственного задания, напрямую зависит от объема государственного задания (количества обучающихся по образовательным программам), а также от установленного размера нормативных затрат на оказание государственной услуги [7].

Число обучающихся по программам СПО за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации определяется на основе контрольных цифр приема, которые распределяются по результатам публичного конкурса и устанавливаются образовательным организациям для обучения по имеющим государственную аккредитацию программам среднего профессионального образования [5, с. 142].

Средства региональных бюджетов остаются основным финансовым ресурсом для профессиональных образовательных организаций.

Согласно исследованиям И.В. Абанкина, доля внебюджетных источников в финансировании системы СПО на протяжении последних лет неуклонно сокращается (2007 г. - 21,9%; 2015 г. – 16,3%). Это повышает зависимость директоров СПО от решений, принимаемых учредителем, ограничивает возможности развития образовательных организаций СПО [1].

Указанные факты говорят о необходимости дополнительных законодательных и организационно-управленческих решений, направленных на формирование эффективных моделей финансирования системы среднего профессионального образования в Российской Федерации [1, с. 18].

Получение академической и социальной стипендии, предоставления бесплатного и комфортного общежития для

проживания, материального поощрения всегда будет являться плюсом для абитуриентов, именно на вышеуказанные нужды уходят средства консолидированного бюджета.

Вышеуказанные финансово-экономические показатели учреждения СПО образовательная организация транслирует среди потенциальных абитуриентов, тем самым повышает свой репутационный капитал.

Материально-техническая база учреждения СПО

Кроме бюджетных, образовательные учреждения среднего профессионального образования имеют внебюджетные источники дохода. Основные доходы внебюджетной деятельности образовательного учреждения СПО – это доходы от оказания платных образовательных услуг; реализации товаров, работ, услуг (доходы от осуществления различных видов деятельности). Например, деятельность производственных мастерских, таких как кондитерский цех, который обеспечивает производственную деятельность кондитерских изделий на потребительский рынок.

В СПО платные образовательные услуги можно предоставлять по программам профессиональной подготовки и переподготовки, а также по программам повышения квалификации, осуществлять обучение по программам ППКРС и ППССЗ.

Таким образом, важным аспектом репутационного капитала образовательного учреждения среднего профессионального образования является финансовая устойчивость учебного заведения, стабильное бюджетное финансирование учреждения, доходы от оказания платных образовательных услуг, а также финансовые поступления от иных приносящих доход видов деятельности.

Информирование о материально-технической базе образовательного учреждения основных потребителей образовательных услуг и других товаров повышает репутационный капитал образовательной организации.

Человеческие ресурсы образовательной организации

Человеческие ресурсы – это работники учебного заведения. Качество человеческих ресурсов определяет квалификация, профессиональный потенциал, уровень образования педагогического коллектива, участие сотрудников в конкурсах и наличие призовых мест в них, совершенствование знаний в преподаваемой области. Также показателями качества человеческих ресурсов являются: трудовая мотивация преподавателей и сотрудников, этика их поведения, состояние здоровья, деловая репутация сотрудников.

Корпоративный человеческий капитал – накопленный организацией специальный и особенный по сравнению с конкурентами индивидуальный человеческий капитал, ноу-хау, интеллектуальный капитал и особые управленческие и иные интеллектуальные технологии, повышающие ее конкурентоспособность [3].

М.В. Немировский и Е.В. Прямыкова относят преподавательский состав образовательного учреждения к экономическому, культурному и социальному капиталам как слагаемым символического капитала. Преподавательский состав рассматривается с точки зрения уровня образования каждого преподавателя, участие в профессиональных конкурсах, саморазвитие и т.д. [4].

Человеческий капитал составляют четыре базовых компонента, такие как жизнеспособность, работоспособность, способность к инновациям, способность к обучению. Из этого следует, что человеческий капитал – это количество и качество людей, пригодных по своим медицинским показателям, психологическим, интеллектуальным, культурным, профессиональным параметрам для конкурентной борьбы [8, с. 512].

Человеческий капитал образовательной организации включает в себя профессиональный потенциал преподавательского персонала, мастеров производственного обучения, административно-управленческого пер-

сонала. Большую роль играет уровень образования педагогического коллектива, участие сотрудников в профессиональных конкурсах и наличие призовых мест в них, знаков признания профессиональных заслуг.

Своевременное прохождение курсов повышения квалификации преподавателями, совершенствование знаний в преподаваемой области также является существенным аспектом человеческого капитала образовательной организации. Оптимальная возрастная структура персонала и средний возраст преподавательского состава также могут рассматриваться в качестве проявлений человеческого капитала образовательной организации. Таким образом, в образовательном учреждении складывается человеческий капитал образовательного учреждения, который развивается и формируется годами.

Результаты основной деятельности образовательной организации

К результатам основной деятельности образовательной организации среднего профессионального образования необходимо отнести качество предоставляемых образовательных услуг, качество обучения, в том числе уровень прохождения демонстрационного экзамена студентами. Результаты участия обучающихся в профессиональных конкурсах и олимпиадах. Ключевой показателем деятельности учреждений СПО – востребованность выпускников на рынке труда, трудоустройство по профессии или специальности. Уровень средней заработной платы выпускника, повышение разряда, карьерный рост следует отнести к показателям результативности деятельности СПО. Высокий уровень результатов прохождения квалификационных экзаменов (в том числе демонстрационных) учащимися, позволяет повысить рейтинг образовательного учреждения в пределах региона и страны в целом, следовательно, повысить репутационный капитал учреждения. Участие студентов в различных профессиональных конкурсах, наличие победителей и призеров в них, культура, уровень воспитанности и сформирован-

ности различных навыков студентов также относится к символическому капиталу образовательной организации.

Сюда же можно отнести независимую оценку качества знаний, независимую оценку качества образования. Наличие публикаций в различных публичных изданиях, газетах, интервью и т.д. Проведение культурно-массовых мероприятий на уровне города, района и области для всего населения, которое также формирует репутационный капитал образовательной организации. К факторам формирования репутационного капитала организации СПО необходимо также отнести показатели трудоустройства выпускников в ведущие компании РФ и информирование об этом заинтересованных лиц в обучении.

Социальные связи образовательной организации

Социальные связи образовательной организации представляют собой систему, основанную на доверии отношений с партнерами, клиентами, группами общественности, договора и соглашения с партнерами. Чем больше количество партнеров, прочнее доверительные отношения с ними, тем большим объемом социального капитала обладает учреждение. В условиях конкуренции большое значение приобретают социальные связи учреждений среднего профессионального образования с лидерами общественного мнения, средствами массовой информации.

Социальный капитал представляет собой систему, основанную на доверии отношений с партнерами, клиентами, группами общественности, формальные и неформальные договора и соглашения с партнерами. Чем больше количество партнеров, а также прочнее доверительные отношения с ними, тем большим объемом социального капитала обладает учреждение.

Можно утверждать, что круг полезных знакомств, устойчивые, доверительные отношения образовательной организации и отдельные её представители с влиятельными социальными авторами и организациями являются важными

условиями доступа учебного заведения к необходимым финансовым и материальным ресурсам, информации, административной поддержке и в конечном итоге – способствуют успешной реализации целей деятельности организации. В соответствии с тезисом П. Бурдьё о свойствах социального капитала, можно утверждать, что, чем более активно организация использует свой социальный капитал в форме социальных связей и доверительных отношений, тем более она укрепляет эти отношения и связи [2].

Популярность профессий и специальностей, по которым ведется обучение в учреждении СПО

Наличие программ для обучения по востребованным и престижным профессиям, в том числе в соответствии с ФГОС ТОП-50, оказывает положительное влияние на общественное мнение об образовательном учреждении. Представления общественности об уровне востребованности специалистов по данным направлениям в различных компаниях и уровне заработка специалистов этих профессий привлекает абитуриентов.

Востребованные профессии и специальности на рынке труда имеют собственный репутационный капитал, который оказывает положительное влияние на престиж учреждения, который реализует образовательные программы по таким направлениям. В зависимости от того, по каким специальностям, профессиям ведет подготовку учреждение СПО, его репутация также может выигрывать или проигрывать из-за того, что публика склонна переносить свои представления о престижности профессии на учреждение, в котором ведется обучение по данной профессии.

Организационная культура

Моральные и этические нормы в образовательном учреждении, сформировавшееся общественное мнение и отзывы потребителей относятся к организационной культуре учреждения. Обычаи и традиции учреждения, поведенческие стереотипы, внутренние факторы (подбор персонала, негласные требования

к нему), мотивация и вознаграждения коллектива и обучающихся, поддержка лидерства, прямое и косвенное информирование общественности о наличии указанных аспектах организационной культуры повышают репутационный капитал организации.

Информационное сопровождение деятельности образовательной организации

И.В. Олейник утверждал, что мы живем в среде СМИ и от них поступает большинство наших символических стимулов. Именно из таких символических стимулов соткана коммуникативная онтология информационно-сетевого общества, в котором «если университета нет на лентах новостей Интернет-СМИ, ... в блогах, социальных сетях ... есть ли он вообще?» [6, с. 26].

Через средства массовой коммуникации образовательные учреждения транслируют миссию, достижения, историю, демонстрируют первых лиц, а также образ своих студентов и т.д. В настоящее время активно используют цифровые образовательные ресурсы, в том числе и для трансляции отзывов основных потребителей образовательных услуг.

Следовательно, информационная поддержка с помощью различных средств массовой информации и цифровых технологий образовательного учреждения является неотъемлемой его частью для формирования репутационного капитала образовательной организации.

Постоянный информационный поток преимущественно положительных сообщений об организации СПО имеет символическое значение, поскольку воспринимается публикой как позитивная характеристика самой организации. То есть и данный аспект деятельности организации выступает в роли компонента её репутационного капитала.

Подводя итог, следует отметить, что, хотя на аналитико-теоретическом уровне можно выделить различные аспекты репутационного капитала организации, в реальности они образуют единое, системное образование, целостный фено-

мен общественного сознания. Положительная репутация организации СПО, выступающая в роли её репутационного капитала, позволяет учреждениям СПО добиваться желаемого ими положения на рынке образовательных услуг, обеспечивать конкурентные преимущества по сравнению с другими образовательными организациями. Все эти результаты повышают ценность образовательной организации (ценность в прямом смысле и в восприятии организации обществом), следовательно, повышается уровень репутации образовательной организации, которая выполняет функцию капитала организации.

Литература

1. Абанкина И.В., Дудырев Ф.Ф., Фрумин И.Д., Шабалин А.И. Эволюция финансирования системы СПО: на пути к частному государственному партнерству / И.В. Абанкина, Ф.Ф. Дудырев, И.Д. Фрумин, А.И. Шабалин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 28 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Колос Е.А. Генезис формирования экономики знаний страны на основе развития человеческого капитала // Экономика Профессия Бизнес. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-formirovaniya-ekonomiki-znaniy-strany-na-osnove-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala>.
4. Немировский М.В., Прямыкова Е.В. Символический капитал преподавателей как основа воспитания студентов профессиональных образовательных организаций. Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022; [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.017>.
5. Об образовании в Российской Федерации: [Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – 164 с.

6. Олейник И. В. «Плюс/минус» репутация: Российский опыт репутационного менеджмента / И.В. Олейник А.Б. Лапшов; Олейник И.В., Лапшов А.Б. – Москва, 2003. – 154 с.
7. Письмо Минобрнауки России от 27.02.2018 № 06–341 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по обеспечению финансовых и кадровых условий реализации образовательных программ среднего профессионального образования в соответствии с новой моделью федерального государственного образовательного стандарта по 50 наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям»).
8. Юрьев А.И. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / А.И. Юрьев, Л.П. Шевякова, И.С. Бурикова; Санкт-Петербург: Logos, 2006. – 512 с.
9. Klyachko T., Развитие Систем Среднего и Высшего Профессионального Образования в Российской Федерации в 2000–2010 Годы (The Development of Secondary and Higher Education in the Russian Federation in the Years 2000–2010) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2341382> <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.231382>

ASPECTS OF THE REPUTATIONAL CAPITAL OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Sarbaa L.N.

Municipal Autonomous General Educational Institution Secondary School No. 26 of Yuzhno-Sakhalinsk

For the formation of the business reputation of an educational organization. Many researchers highlight the structure of the elements of the image of educational organizations.

The article discusses aspects of the reputational capital of an educational organization of secondary vocational education, such as: financial and economic indicators of the activities of an institution of secondary vocational education; material and technical base for establishing secondary vocational education; human resources of

an educational organization; results of the main activities of the educational organization; social connections of an educational organization; the popularity of professions and specialties in which training is conducted at a secondary vocational education institution; organizational culture; information support for the activities of an educational organization.

In modern conditions, the reputational capital of a secondary vocational education organization is an integral asset of the institution, allowing it to maintain and increase the number of consumers of educational services, attract new partners, improve the material and technical base of the institution, and also compete in the educational services market with other educational institutions.

Keywords: reputation, reputational capital, secondary vocational education, corporate human capital.

References

1. Abankina I.V., Dudyrev F.F., Frumin I.D., Shabalin A.I. The evolution of financing the vocational education system: on the way to private public partnership / I.V. Abankina, F.F. Dudyrev, I.D. Frumin, A.I. Shabalin; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – M.: National Research University Higher School of Economics, 2017. – 28 p.
2. Bourdieu P. Practical meaning. – St. Petersburg: Aletheia, 2001. – 562 p.
3. Kolos E.A. Genesis of the formation of the country's knowledge economy based on the development of human capital // Economics Profession Business. 2016. No. 2. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-formirovaniya-ekonomiki-znaniy-strany-na-osnove-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala>.
4. Nemirovsky M.V., Pryamikova E.V. Symbolic capital of teachers as the basis for educating students in professional educational organizations. Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2022; [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.017>.
5. On education in the Russian Federation: [Federal Law of December 29, 2012. No. 273-FZ] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2012. – 164 p.
6. Oleynik I.V. "Plus/minus" reputation: Russian experience of reputation management / I.V. Oleynik A.B. Lapshov; Oleynik I.V., Lapshov A.B. – Moscow, 2003. – 154 p.

7. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated February 27, 2018 No. 06–341 “On methodological recommendations” (together with “Methodological recommendations for ensuring financial and personnel conditions for the implementation of educational programs of secondary vocational education in accordance with the new model of the federal state educational standard for the 50 most popular and promising professions and specialties”).
8. Yuryev A.I. Strategic psychology of globalization: Psychology of human capital / A.I. Yuryev, L.P. Shevyakova, I.S. Burikova; St. Petersburg: Logos, 2006. – 512 p.
9. Klyachko T., Development of Secondary and Higher Education in the Russian Federation in the Years 2000–2010 [Electronic resource]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2341382> <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.231382>

Проблемные аспекты взаимодействия и обмена между участниками педагогического процесса

Вашкевич Наталья Николаевна,

аспирант кафедры философии и социологии
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: vladimir-evrostroy@mail.ru

В статье рассмотрены различные проблемные аспекты, связанные с организацией взаимодействия между участниками образовательного процесса. Одной из ключевых проблем является пассивность обучающихся, которая вызвана доминированием традиционной педагогической парадигмы. Другой значимой проблемой является переход к дистанционным образовательным средам, который, хотя и предоставляет новые возможности, также создает проблемы взаимодействия и связи между участниками процесса. Также выделяется проблема межкультурной коммуникации, вызванная различиями в культурных и коммуникативных стилях студентов и преподавателей. Наконец, отмечается слабая проработка междисциплинарного аспекта обучения.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, педагогический процесс, междисциплинарность, цифровизация, дистанционное обучение, межкультурная коммуникация, активные методы обучения, электронное сопровождение.

Идея об эффективизации взаимодействия и обмена между участниками педагогического процесса сегодня рассматривается с различных концептуальных позиций: с точки зрения цифровизации системы образования, с учетом концепции опережающей педагогики, исходя из конкретных технологий взаимодействия. Проводятся исследования в рамках психологии, социологии, дидактики, менеджмента. При этом, несмотря на обширный теоретический массив и практическую базу, обосновывающую эффективность применения новых подходов к взаимодействию участников образовательного пространства, о парадигмальных, качественных сдвигах в данной области говорить пока не приходится [6, с. 181].

Разные авторы по-разному подходят к вопросу дефиниции категории «взаимодействие участников педагогического процесса». Существенным недостатком многих из предложенных авторами интерпретаций является, на наш взгляд, сужение данной категории лишь до учебного, аудиторного взаимодействия. Так, к примеру, Е.С. Зубарева описывает взаимодействие участников образовательного процесса как сотрудничество в учебной деятельности, совокупность механизмов реализации учебной деятельности, целенаправленные учебные действия и операции, обеспечивающие достижения необходимого академического результата [6, с. 181]. Схожий подход встречается в публикации М.Е. Вайндорф-Сысоевой и Е.В. Панькиной: под взаимодействием авторы понимают «согласованную деятельность обучающего и обучающихся по достижению совместных целей и результатов <...> обучения через организацию согласованной деятельности обучающего и обучающихся» [3, с. 94].

По нашему мнению, экосистема, которая формируется внутри любого уч-

реждения образования, включает в себя, помимо академического, социальный, культурный, воспитательный и проч. компоненты, поэтому и взаимодействие следует рассматривать более широко. Обучающая среда должна не только выполнять функцию ретрансляции и накопления нового знания, но и формировать условия для личностного роста, развития личностного потенциала, развития навыков рефлексии, обеспечивать эмоционально-душевный комфорт, стимулировать развитие т.н. софт-скиллов, в т.ч. навыков эффективного вербального и невербального общения, саморегуляции, развивать потребность в самоактуализации.

А.В. Бондаренко определяет взаимодействие участников педагогического процесса как совокупность взаимосвязанных категорий: «взаимопознание, взаимопонимание, взаимоотношение, взаимные действия, взаимовлияние». Результатом подобного взаимодействия, по мнению автора, должно стать достижение состояний совместимости и срабатываемости участников педагогического процесса. Срабатываемость представляет собой «согласованность в действиях, обеспечивающую их успешность с позиций количества, качества, скорости, оптимальной координации действий контактирующих сторон на основе взаимного содействия»; совместимость, в свою очередь, предлагается понимать в качестве максимально возможной удовлетворенности участников педагогического процесса друг другом [2, с. 42].

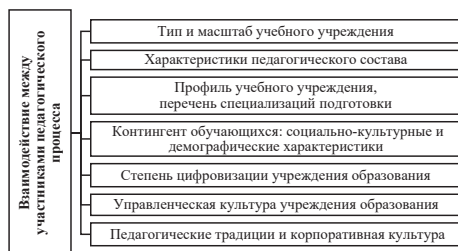

Рис. 1. Факторы, которые определяют качество взаимодействия между участниками педагогического процесса

Источник: собственная разработка с использованием материалов [9, с. 313].

Перечень факторов, которые определяют качество взаимодействия между участниками педагогического процесса, представляется нам довольно широким. Можно выделить лишь основные факторы, детерминирующие специфику подобного взаимодействия (рис. 1).

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты, наблюдаемые на сегодняшний день в реальной практике организации педагогического взаимодействия и взаимодействия между участниками педагогического процесса.

Очевидно, что педагог в большинстве случаев является инициатором и модератором педагогического взаимодействия. В рамках традиционной педагогической парадигмы **активность и главенствующая роль педагога во многом приводили к пассивизации обучающихся**. Пассивность учеников и студентов и сегодня можно назвать одним из существенных недостатков в организации педагогического взаимодействия. Тот факт, что именно педагог задает ключевой вектор педагогического взаимодействия, отнюдь не означает, что стремления, интересы, потребности обучающихся выносятся на второй план. Согласимся с А.В. Бондаренко в том, что эффективное взаимодействие возможно лишь при условии совместно построенных действий участников образовательного процесса, [2, с. 42–43]. Сотрудничество и активность всех участников образовательного процесса должно выступать основой взаимодействия.

Для преодоления пассивности учащихся необходимо проведение целенаправленной работы как на уровне мотивации и заинтересованности учащихся, так и на уровне создания поддерживающей и стимулирующей учебной среды. Несмотря на декларирование многими учебными учреждениями активных и интерактивных методов обучения, в реальной практике доля пассивных, репродуктивных методов работы остается довольно высокой. Педагоги и руководители учреждений образования должны вовлекать учащихся в сотворчество, поощрять самостоятельную работу и исследовательский подход к обучению, создавать

условия для демократичного общения и сотрудничества между учащимися и преподавателями.

Как отмечено на рисунке 1, управленческая культура и педагогические традиции – важные факторы, влияющие на качество взаимодействия. Речь идет о том, что во многих учреждениях образования имеется некая преобладанность в плане стиля управления учреждением образования в целом и учебным процессом в частности. Отмеченная выше пассивность обучающихся и односторонний/асимметричный характер взаимодействия между участниками педагогического процесса зачастую обусловлены **авторитарным стилем преподавания и управления учебным процессом, обусловленным следованием традициям.**

Доминирование авторитарного стиля преподавания в учреждении образования, избыточная демонстрация власти со стороны педагогов, администрации, руководителей – все это может негативно сказываться на качестве взаимодействия между участниками педагогического процесса. Авторитарный стиль характеризуется односторонней коммуникацией от преподавателя к ученику и недопущением инициативы со стороны учащихся. Авторитарный стиль подавляет инициативу обучающихся и их мотивацию к участию в учебном процессе. Учащиеся могут почувствовать себя неудовлетворенными из-за ограниченной возможности выразить свое мнение и исследовать интересующие их темы.

Е.Н. Макарова, к примеру, провела социологический опрос среди учащихся отечественных вузов, по результатам которого большая часть респондентов испытывала стресс или тревогу, находясь в учебной аудитории. 12% респондентов заявили, что нахождение в академической среде априори сопряжено с состоянием стресса. Студенты отметили, что уважительное отношение со стороны педагога является более значимым в сравнении с его способностью продуктивно передавать знания по академической дисциплине [7, с. 10].

Повышение качества взаимодействия между участниками педагогического процесса возможно, по нашему мнению, исключительно при условии применения демократических и интерактивных методов обучения, которые способствуют активному участию учащихся, стимулируют их мышление, создают атмосферу доверия и сотрудничества.

Еще одним проблемным аспектом в рассматриваемой нами прикладной области выступает **резкий переход к дистанционным электронным средам для взаимодействия участников педагогического процесса.** В идеальной ситуации учащийся, находящийся в режиме удаленного обучения, должен получать комплексное электронное сопровождение. Электронное педагогическое сопровождение, указывает Т.В. Емельянова, определяется как «оптимально организованная интерактивная электронная образовательная среда, способствующая эффективной профессиональной подготовке студентов в процессе реализации проектной деятельности за счет профессионально целесообразного интерактивного взаимодействия» [5, с. 197]. В реальной практике речи о полноценном взаимодействии в цифровых средах пока не идет – напротив, цифровизация образования привела к тому, что взаимодействие получает фрагментированный, точечный или даже хаотический характер.

Конечно, цифровой инструментарий представляет массу преимуществ в плане организации учебного процесса: использование тренажеров, онлайн-конструкторов позволяет обучающемуся вернуться к повторению пройденного материала в удобное для него время; появляется возможность фиксировать учебные достижения в различных форматах (видео, презентации, комментарии); цифровые модули позволяют формировать индивидуальную траекторию обучения [3, с. 98].

Побочными эффектами перехода учебы в онлайн стало отсутствие личного контакта. В цифровых средах участники образовательного процесса часто лишены возможности личного общения

и взаимодействия лицом к лицу, что создает барьеры для развития доверительных отношений. Кроме того, многие из имеющихся цифровых платформ и инструментов обладают ограниченными возможностями для активного взаимодействия и обсуждения. Участники могут находиться в разных часовых поясах или даже на разных континентах, что делает синхронное взаимодействие затруднительным. Ситуация усугубляется тем, что, обучаясь на дому перед компьютером, учащиеся подвержены большему количеству отвлекающих факторов, таких как социальные сети, сообщения и уведомления. Это может мешать концентрации и активному участию в образовательном процессе.

Существует несколько универсальных способов решения данной проблемы. Во-первых, отказ от полностью дистанционного формата обучения в пользу гибридных форматов, которые включают в себя как онлайн, так и офлайн занятия. Во-вторых, увеличение качества взаимодействия достигается посредством стимулирования активного участия участников педагогического процесса за счет представления интересных творческих заданий, обсуждений и проектов, которые требуют командной работы и сотрудничества. В-третьих, учреждения образования должны регулярно производить диагностические мероприятия по мониторингу и оценке качества взаимодействия в цифровых средах. Это позволит выявлять текущие и наиболее острые проблемы взаимодействия и оперативно скорректировать коммуникативные механизмы.

Рассмотрим еще одну проблему взаимодействия и сотрудничества между учащимися, педагогами, администрациями учебных учреждений – **проблему межкультурной коммуникации**. По мере развития академической мобильности все чаще вузы нашей страны и многих других стран принимают у себя студентов из других государств. Более того, даже граждане одной и той же страны могут быть представителями различных культур, носителями разных языков и иметь разный социальный бэкграунд.

На текущий момент культурная гетерогенность студентов остается на периферии внимания администраций вузов и педагогов, а попытки сгладить негативные эффекты культурных различий ограничиваются преподаванием языка страны обучения. Конечно, одной из основных проблем является языковой барьер. Учащиеся, для которых русский, к примеру, является не родным языком, могут испытывать затруднения в понимании учебного материала, в коммуникации с преподавателями и со своими одногруппниками. Систематические пробелы в понимании могут не только приводить к недопониманию, снижению успеваемости, но и негативно сказываться на самооценке и мотивации.

Наконец, следует сказать о проблеме **слабой проработки междисциплинарного аспекта обучения**. В данном случае мы говорим не о качестве взаимодействия между педагогами/администрацией с учащимися, а о взаимодействии педагогов между собой. Учитывая тот факт, что ключевым критерием современного образования является возможность обеспечения неразрывной связи получаемых в учреждении образования знаний с реальной жизнью, междисциплинарность обретает особую актуальность. Как показывает наблюдение за педагогической практикой, межпредметные интегрированные уроки вводятся в учебный процесс крайне редко [1, с. 27]. Причина этого – отсутствие механизмов взаимодействия между педагогами по различным дисциплинам, межкафедрального взаимодействия и межвузовского сотрудничества [4, с. 145].

А.Ю. Тихонова и А.А. Шабанова говорят о том, что недостатками имеющегося взаимодействия между кафедрами и вузами выступают следующие: (1) единичные мероприятия (семинары, конкурсы, олимпиады и т.п.); (2) кратковременные сроки их проведения; (3) формализация подходов к междисциплинарному взаимодействию и недостаточность реального личностного общения студентов и преподавателей; (4) отсутствие творческих межвузовских союзов [8, с. 225].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

1. Взаимодействие между участниками педагогического процесса можно понимать как совместную деятельность преподавателей, учащихся и других участников образовательного процесса, направленную на достижение общих целей, обмен знаниями, опытом и идеями, а также на создание условий для успешного обучения, личностного развития. Взаимодействие между участниками педагогического процесса реализуется не только в контексте учебной деятельности, но и в рамках внеаудиторного социального взаимодействия, в ходе воспитательной работы. Взаимодействие между участниками педагогического процесса представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует комплексного подхода и учета различных факторов для обеспечения эффективности и успеха образовательного процесса.
2. Налицо наличие ряда проблемных аспектов, наблюдаемых на сегодняшний день в организации педагогического взаимодействия и взаимобмена между участниками педагогического процесса: пассивизация учащихся, доминирование педагогов и авторитарный педагогический стиль, резкий переход к дистанционным электронным средам для взаимодействия участников педагогического процесса, отсутствие личного контакта, проблема межкультурной коммуникации, слабая проработка междисциплинарного компонента и низкая интенсивность межкафедрального и межвузовского сотрудничества.

Литература

1. Белова, Е.Н. Организация межпредметной интеграции в контексте работы педагогической команды / Е.Н. Белова, Т.С. Викторова // МНИЖ. – 2021. – № 11–3 (113). – С. 26–33.
2. Бондаренко, А. В Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного про-

цесса / А.В. Бондаренко // Эксперимент и инновации в школе. – 2015. – № 5. – С. 42–44.

3. Вайндорф-Сысоева, М.Е. Специфика учебно-педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде / М.Е. Вайндорф-Сысоева, Е.В. Панькина // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 2 (42). – С. 92–100.
4. Вашукова, И.С. Особенности сетевого взаимодействия в образовании / И.С. Вашукова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – № 1. – С. 141–152.
5. Емельянова, Т.В. Электронное педагогическое сопровождение профессиональной подготовки студентов в проектной деятельности / Т.В. Емельянова // МНКО. – 2021. – № 4 (89). – С. 197–199.
6. Зубарева, Е. С. О типологии педагогических взаимодействий в процессе вузовского обучения / Е.С. Зубарева // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 3. – С. 181–185.
7. Макарова, Е.Н. Формирование образовательного пространства вуза путем совершенствования взаимодействия «преподаватель – студент» / Е.Н. Макарова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2023. – № 2. – С. 6–13.
8. Тихонова, А.Ю. Культурологическая парадигма межвузовского взаимодействия / А.Ю. Тихонова, А.А. Шабанова // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 2 (125). – С. 221–227.
9. Шибяев, В.П. Эффективные формы взаимодействия преподавателя и студентов в условиях современного вуза / В.П. Шибяев, Л.М. Шибяева // МНКО. – 2018. – № 4 (71). – С. 313–314.

PROBLEM ASPECTS OF INTERACTION AND MUTUAL EXCHANGE BETWEEN PARTICIPANTS OF THE PEDAGOGICAL PROCESS

Vashkevich N.N.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines various problematic aspects related to the organization of interaction between participants in the educational process. One of the key problems is the passivity of students, which is caused by the dominance of the traditional pedagogical paradigm. Another significant problem is the transition to distance learning environments, which, although it provides new opportunities, also creates problems of interaction and communication between participants in the process. The problem of intercultural communication caused by differences in the cultural and communication styles of students and teachers is also highlighted. Finally, there is a weak development of the interdisciplinary aspect of training.

Keywords: pedagogical interaction, pedagogical process, interdisciplinary, digitalization, distance learning, intercultural communication, active learning methods, electronic support.

References

1. Belova, E.N. Organization of interdisciplinary integration in the context of the work of the teaching team / E.N. Belova, T.S. Viktorova // MNIZH. – 2021. – No. 11–3 (113). – P. 26–33.
2. Bondarenko, A.V. Psychological and pedagogical interaction of participants in the educational process / A.V. Bondarenko // Experiment and innovation at school. – 2015. – No. 5. – pp. 42–44.
3. Weindorf-Sysoeva, M.E. Specifics of educational and pedagogical interaction in the digital educational environment / M.E. Weindorf-Sysoeva, E.V. Pankina // Professional education in Russia and abroad. – 2021. – No. 2 (42). – P. 92–100.
4. Vashukova, I.S. Features of network interaction in education / I.S. Vashukova // Domestic and foreign pedagogy. – 2022. – No. 1. – pp. 141–152.
5. Emelyanova, T.V. Electronic pedagogical support for professional training of students in project activities / T.V. Emelyanova // MNKO. – 2021. – No. 4 (89). – pp. 197–199.
6. Zubareva, E.S. On the typology of pedagogical interactions in the process of university education / E.S. Zubareva // Pedagogical education in Russia. – 2012. – No. 3. – pp. 181–185.
7. Makarova, E.N. Formation of the educational space of a university by improving the interaction “teacher – student” / E.N. Makarova // Humanitarian and pedagogical research. – 2023. – No. 2. – P. 6–13.
8. Tikhonova, A. Yu. Culturological paradigm of interuniversity interaction / A. Yu. Tikhonova, A.A. Shabanova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2022. – No. 2 (125). – pp. 221–227.
9. Shibaev, V.P. Effective forms of interaction between teachers and students in the conditions of a modern university / V.P. Shibaev, L.M. Shibaeva // MNKO. – 2018. – No. 4 (71). – pp. 313–314.

Конструирование современного социокультурного пространства Китая

Мяо Цзин,

аспирант кафедры социальных технологий
Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова
E-mail: 782074147@qq.com

На протяжении не одного столетия культура и специфика социальной организации китайского государства находились в фокусе внимания представителей исследовательского сообщества. Между тем, лишь в отдельных работах их изучение производилось совокупно, что позволяло авторам охарактеризовать трансформации китайской нации в социокультурном измерении. На современном этапе формирование социокультурного пространства Китая развивается по линии реализации политики «мягкой силы», а также нового китайского регионализма, в основе которых – взаимовыгодное сотрудничество между участниками международного сообщества, результатом которого является, в том числе, наращивание мощи китайской культуры и, как следствие, роли китайской нации на мировой арене.

В статье были проанализированы различные научно-исследовательские подходы к определению понятия «социокультурное пространство», представлена обобщенная дефиниция данного понятия, охарактеризованы основные инициативы правительства КНР, выдвинутые за последние два десятилетия, трансформировавшие социокультурное пространство китайского государства.

Ключевые слова: социокультурное пространство, Китай, общество, культура, новый китайский регионализм, «мягкая сила», идентичность.

Формирование социокультурного пространства любого из государств мира на сегодняшний день представляет собой задачу, решение которой относится к глобальному уровню. Безусловно, с одной стороны, социокультурное пространство конкретного государства – есть результат его внутренней организации, правительственной политики и соответствующей реакции общественности на нововведения в различных областях – социальной, экономической, культурной и т.д. С другой стороны, ни одно из современных государств не способно развиваться, находясь в полной изоляции от мирового сообщества. В результате, логичным является предположение о том, что формирование социокультурного пространства – есть двусторонний процесс, реализуемый, с одной стороны, внутри отдельного государства, с другой – во внешней среде, в рамках его репрезентации другим членам мирового сообщества как участникам международных отношений. Ведь общение, коммуникация, взаимодействие являются триггерами для формирования современных ценностей [16, с. 216].

Прежде чем подробно рассмотреть процесс конструирования социокультурного пространства современного Китая, необходимо обратиться к дефиниции исследуемого понятия. В наиболее общем виде в современной научно-исследовательской литературе термин «социокультурное пространство» интерпретируется в качестве формирования пространственного смысла, в котором находят отражение особенности общественной и культурной организации конкретного социума. В свою очередь, парадигма пространства в социокультурном контексте дает возможность рассматривать культуру и общество в некоем единстве, основываясь на том, что они обладают специфической структурой, а также характерными элементами однородности и, вместе с тем, многомерно-

сти. Таким образом, исследование пространства в данном измерении оказывается возможным за счет комплексного изучения как конкретного общества, так и его культуры, что, в свою очередь, следует из названия изучаемого понятия. В силу того, что социокультурное пространство является достаточно многомерным проявлением окружающей человека реальности, на сегодняшний день продолжает сохранять свою актуальность проблема его дальнейшего изучения, культурологического, философского, а также социологического осмысления [10, с. 5–10]. При этом неверным было бы утверждение о том, что данный термин является малоизученным, либо сравнительно непопулярным объектом исследовательского интереса. Рост последнего, по мнению В.С. Цукермана, продиктован «эвристическими возможностями», которые включает в себе изучение данного феномена в условиях параллельно развивающихся процессов глобализации и усиления влияния региональных тенденций, тяготения современного общества к универсализации при наличии разнообразных и многочисленных проявлений его функционирования на локальном уровне [18]. Другими словами, социокультурное пространство представляет собой форму, вмещающую и упорядочивающую существующее разнообразие подходов к описанию и дефинированию сущности трансформаций общественного и культурного характера. С точки зрения Е.В. Орловой, необходимость внедрения в научный оборот данного термина значительная часть ученых объясняла тем, что проведение исследований в области реальности общественной является невозможным при условии игнорирования изучения реальности культурной, применительно к которым характерна также и обратная связь [12, с. 149]. Несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, понятие «социокультурное пространство» достаточно часто фигурировало в исследовательской литературе, а также становилось объектом научного осмысления, на сегодняшний день оно обладает достаточно слабым теоретическим обоснованием. Как пра-

вило, в культурологических, философских и социологических исследованиях, носящих как фундаментальный, так и прикладной характер, данный термин применялся в качестве некой исходной категории, не предусматривающей дополнительной аргументации в области теории. Социокультурная реальность, в результате, рассматривалась в качестве, своего рода, собирательного образа, в рамках которого фактически вмещалось все многообразие окружающей современного человека действительности. Между тем, исследуемое понятие представляет интерес не только с точки зрения дефинирования его содержания, но также и особенностей, определяющих его составляющими, а именно: «социальным пространством» и «культурным пространством». Следует отметить, что указанные категории могут служить, своего рода, «отправными точками» в рамках анализа содержания изучаемого феномена. Между тем, проблема его дефинирования состоит, прежде всего, в том, что в исследовательской среде вплоть до настоящего времени не было выработано единого мнения по проблеме взаимодействия социального и культурного пространства.

Следует отметить, что основные линии взаимодействия между указанными спектрами пространства длительное время были за пределами фокуса внимания исследователей. Во многом это определялось спецификой той или иной отрасли научного знания. В частности, для таких наук, как социология и социальная философия сфера общественной неизменно являлась первичной по отношению к сфере культурного. Длительное время культура не признавалась органической частью тех процессов, которые протекали в социуме: ее функционал сводился преимущественно к их структурированию. Впервые по-настоящему остро проблема взаимодействия социального и культурного была поднята в начале XX столетия. В частности, она была обозначена в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как О. Шпенглер, М. Вебер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилев и др. В тру-

дах вышеперечисленных авторов были сформулированы теории, в качестве объектов исследования в которых указывались отдельные культуры, развивающиеся согласно определенным общественным правилам. В частности, в работе П.А. Сорокина был внедрен термин «социокультура», благодаря которому в науке стало возможным использование многофакторного подхода применительно к исследованию окружающей реальности, что, в свою очередь, подтверждало неразрывность связи общественной и культурной составляющих человеческого бытия [17, с. 224]. В соответствии с концепцией П.А. Сорокина, существование социокультурных феноменов не представляется возможным в отсутствии причинной, и, вместе с тем, логико-смысловой связи. На этом основании автор делает вывод о том, что каждой социокультурной системе свойственна как осмысленность, так и причинность.

В свою очередь, размышляя относительно составляющих социокультурного взаимодействия, П.А. Сорокин утверждает, что к таковым необходимо относить личность, общество и культуру при условии понимания их неразрывного единства. Таким образом, с точки зрения автора, структура социокультурного взаимодействия свойственны три аспекта, а именно: 1) личность в качестве субъекта взаимодействия; 2) общество в качестве комплекса взаимодействующих индивидов, а также его социокультурные процессы и отношения; 3) культура в качестве комплекса смыслов, ценностей и норм, носителями которых выступают взаимодействующие лица, а также в качестве совокупности средств, благодаря которым создаются условия для объективации, раскрытия и социализации указанных выше смыслов, ценностей и норм [15, с. 53]. Иными словами, с точки зрения П.А. Сорокина, конструирование социокультурного пространства осуществляется посредством жизненных приоритетов личности, окружающей ее действительности и организации последней, оно воздействует на науку, искусство, технику и т.п.

Принимая во внимание взгляд на процесс формирования социокультурного пространства, присущий П.А. Сорокину, необходимо отметить, что дефиницированию исследуемого понятия во многом способствует сопоставление пространства социокультурного с собственно культурным пространством. Последнее, в свою очередь, с одной стороны, характеризуется не только в качестве формы хранения вещей, исторической памяти о явлениях и процессах, ушедших в прошлое, но также и в качестве пространства, формирование которого осуществляется благодаря указанным явлениям и процессам, а также позволяющего регулировать взаимоотношения субъектов культуры и являющегося важным фактором развития последних. Таким образом, можно заключить, что культурное пространство в наиболее общем виде следует рассматривать в качестве пространства, которое наполнено объектами и событиями, имеющими культурное значение, а также индивидами, реализующими взаимодействие как с указанными объектами, так и по поводу их. Следует подчеркнуть, что в современном мире культурное пространство отнюдь не всегда существует в физической реальности – оно может быть и виртуальным пространством [8, с. 91–92].

Как и любому иному типу пространства, пространству культурному присущи определенные характеристики, а именно: структурность, протяженность, взаимосвязь и взаимодействие его составляющих. Безусловно, вышеперечисленные характеристики в полной мере можно отнести также к пространству социокультурному, однако, принимая во внимание некоторые существенные отличия. В первую очередь, к таковым следует отнести границы социокультурного пространства, а также его структуру. По мнению ряда исследователей, указанные элементы в отношении социокультурного пространства выглядят более рельефно, нежели собственно культурные элементы [3, с. 46; 20, р. 2347–2348]. В этой связи, представляется возможным рассматривать социокультурное пространство как уникаль-

ную совокупность составляющих, которые сформировались на определенной территории и выступают основой самосознания и идентичности населяющих ее индивидов.

В свою очередь, структура социокультурного пространства, будучи его отличительным элементом, свидетельствует о его неоднородности и многокомпонентности. При этом, как уже отмечалось выше, данное пространство может существовать не только в реальности, но также быть виртуальным, представлять собой особую систему знаков или символов. Анализ различных авторских подходов к определению понятия «социокультурное пространство» был бы неполным без упоминания взгляда на пространство коллективной культуры, а также на индивидуальное культурное пространство А.А. Моля – известного французского культуролога, социолога и философа, в трудах которого также разрабатывались вопросы социокультурного многообразия [9]. В ряде своих работ автор высказывал мысли о «мозаичности» культуры с точки зрения усвоения ее индивидами: так, рост объема информации, а также способов ее трансляции, предопределяет, по его мнению, мозаичное калейдоскопическое восприятие мира, и, как следствие, мозаичную структуру знаний, оценок, и в целом – человеческого сознания.

В результате, базируясь на анализе различных авторских подходов к определению понятия «социокультурного пространства» можно сделать вывод о том, что оно представляет собой форму существования общественного и культурного бытия индивидов, которой свойственны такие характеристики как границы, протяженность, структурность, взаимодействие и взаимосвязь отдельных элементов общественного устройства, реализуемые посредством современных способов трансляции информации, в чем находят свое закрепление их положение и связи, генерируемые общественными отношениями.

Переходя к вопросу о социокультурном пространстве современного Китая, необходимо отметить, что его констру-

ирование представляло собой длительный, поэтапный и, вместе с тем, многогранный процесс. Насчитывающая не одно тысячелетие своего существования, китайская цивилизация является носителем уникального культурного кода [7, с. 67–72]. Между тем, на современном этапе общественного и культурного развития, ввиду стремительно ускоряющихся процессов глобализации, с одной стороны, и нарастающих тенденций регионализма – с другой [14, с. 29–30], китайское общественное устройство и культура претерпели определенные изменения. В Китае, как справедливо фиксирует А.П. Любимов, построение государственности, а также формирование правил международных взаимоотношений на основе выработки общепризнанных норм международного права, исторически во многом определяются отношением к идеям конфуцианства [6, с. 71]. При этом, что важно отметить, на сегодняшний день эти идеи распространялись на все пять континентов, пытаясь воплотить в жизнь слова Конфуция о том, что «в четырех океанах все люди – братья» [13, с. 47].

Еще в начале XXI столетия китайское правительство сосредоточило свое внимание на конструировании «гармоничного общества» Для этой цели государством активно реализовывались внешнеполитические инициативы, направленные на построение «гармоничного мира». Как справедливо указывают представители экспертного сообщества, взаимодействие человека, государства и рынка – это очень сложный и многогранный процесс, требующий глубокого теоретического осмысления для выработки стратегии перехода в стадию глобализации [8, с. 89]. С учётом ключевого фактора, что Китай имеет в основе организации общества коллективизм, при котором группа имеет приоритет над индивидуальным [2, с. 62]. Переход Китая от плановой экономики к рыночной модели хозяйствования в первом десятилетии 2000-х гг. благоприятным образом сказался на развитии страны. Однако, успехи, которые государство демонстрировало в экономической области,

не давали китайскому правительству оснований полагать, что КНР в полной мере готов к решению достаточно амбициозных во внешнеполитическом плане задач по построению «гармоничного мира» [5, с. 103].

В этой связи, еще на XVII съезде КПК, проходившем в 2007 г., была обозначена цель трансформации китайского государства в глобальную культурную державу. Это, в свою очередь, должно было существенно повысить социокультурное влияние Китая на внешний мир. Необходимость роста последнего, определялась, в первую очередь, тем, что китайская культура в XXI столетии использовалась уже не только в качестве действенного механизма сохранения национальной безопасности и укрепления идентичности, но, как подчеркивает Н.А. Абрамова, в целях внешней социокультурной информационной наступательности [1]. Следует отметить, что не только в Китае, но также в иных странах мира, активно использовался потенциал «мягкой силы», иными словами, комплекса внешнеполитических методов и инструментов, благодаря которым одни государства способны оказывать влияние на другие, добиваясь желаемых результатов посредством выстраивания дружественных отношений, а также конструирования собственного положительного образа на международной арене.

В свою очередь, уже на 6-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва, который проходил в октябре 2011 г., была выдвинута новая дополнительная стратегическая цель развития, а именно: конструирование «могущественного культурного государства» («вэньхуа цянь-го») [21]. Таким образом, цель культурного строительства дополнилась важным аспектом его формирования: значительным силовым потенциалом по сравнению с иными участниками международных отношений.

В свою очередь, в рамках выдвинутой на 6-м пленуме ЦК КПК дополнительной цели стратегического развития китайского государства особую актуальность приобрело определение содержания понятия «могущественного культурного го-

сударства». С точки зрения аналитиков Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН) – А.В. Ломанова и О.Н. Борох, государство, могущественное в культурном отношении, должно обладать рядом определенных характеристик, а именно: в нем должна протекать оживленная творческая жизнь, отмечаться расцвет философии и общественных наук [4]. Таким образом, с точки зрения исследователей, в таком государстве должны быть созданы условия для того, чтобы его граждане вели активную культурную жизнь, постоянно вовлекались в культурную среду [19, с. 60]. На данном основании можно сделать вывод о том, что в таком государстве внедрению правительственных инициатив в области культуры должна предшествовать подготовка общественности, которая, в свою очередь, также должна находиться на достаточно высоком уровне культурного развития. Ведь без внутренней, сознательной заинтересованности граждан их участие в культурных мероприятиях и проектах будет сведено к минимуму.

Несмотря на то, что некоторые характеристики «могущественного культурного государства», выдвинутые А.В. Ломановой и О.Н. Борох, на первый взгляд, представляют собой весьма абстрактными и сложно поддающимися объективным аналитическим процедурам, например, «оживленная творческая жизнь», их наличие формирует благоприятную среду для возникновения произведений культуры, способных получить признание и, в свою очередь, колоссальное влияние во внешнем мире. Это, в свою очередь, потенциально могло повысить конкурентоспособность коммерческой культурной индустрии Китая. Как следствие, в КНР в результате внедрения правительственных инициатив в общественную практику ожидался также рост в области экспорта произведений культуры. Также стоит отметить, что внедрение в Китае указанных инициатив, направленных на создание «могущественного культурного государства», учитывало, что КНР уже являлась «большой» страной «культурных ресурсов», а также значи-

тельным по объему государством культурной индустрии [4].

В результате развития вышеперечисленных инициатив китайского государства в области культуры, во втором десятилетии XXI столетия китайское социокультурное пространство, будучи сложной нелинейной системой, трансформировалось посредством использования механизмов «мягкой силы». В результате этого КНР удалось укрепить свои позиции на международной арене не только в социальной и культурной, но также в политической и экономической областях.

Необходимо отметить, что на современном этапе одним из действенных инструментов роста китайского влияния в социально-культурном измерении является новый китайский регионализм. Именно в данной категории объективируется китайское социокультурное пространство. Новый китайский регионализм базируется на концепции глобализирующейся регионализации, не поддерживает региональные объединения, а также насильственную «демократизацию». На современном этапе трансформации социокультурного пространства современного Китая во многом продолжают определяться как новым китайским регионализмом, так и политикой «мягкой силы». При этом в соответствии с «Четырнадцатым пятилетним планом национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочными целями до 2035 года» [11], а также «Стратегическим проектом по содействию строительству культурной державы», политика КНР в области формирования социокультурного пространства базируется на сохранении многовекового культурного наследия при параллельной дальнейшей модернизации страны. При этом правительство Китая выступает также за сохранение культурного многообразия всех государств мира. На первый взгляд, культурно ориентированная политика китайского правительства представляется достаточно мягкой во внешнеполитическом измерении, однако, это отнюдь не означает, что Китай не готов

отстаивать собственные культурные интересы, защищая их от враждебных проявлений со стороны государств Запада. На современном этапе китайские идеологи отстаивают необходимость конструирования нового социокультурного международного порядка, основанного на ценностях взаимной выгоды, а также единства судьбы человеческого мирового сообщества. Таким образом, подводя итоги рассмотрению проблемы конструирования современного социокультурного пространства Китая, необходимо отметить, что данный процесс отличается не только длительностью во времени, но также и вариативностью развития, обусловленная стремлением китайской нации занимать передовые позиции в не только в социальной и культурной, но также в экономической и политической отраслях, укрепляя свое значение на международной арене.

На современном этапе формирование социокультурного пространства Китая развивается по линии реализации политики «мягкой силы», а также нового китайского регионализма, в основе которых – взаимовыгодное сотрудничество между участниками международного сообщества, результатом которого является, в том числе, наращивание мощи китайской культуры и, как следствие, роли китайской нации на мировой арене.

Литература

1. Абрамова Н.А. Китайская культура и ее трансляция в социокультурное пространство России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 75–80.
2. Ковальчук В.К. Культурный синдром и его влияние на развитие предпринимательства // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 2. С. 59–62.
3. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Ценности публичной культуры: визуализация и социальные маркеры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 45–50.

4. Ломанов А.В., Борох О.Н. Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 4–16.
5. Лю Дженьюй, Абрамов В.А. Китайское «Социокультурное пространство» и его изменяющиеся региональные границы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 7 (86). С. 103–110.
6. Любимов А.П. Конфуцианство как этико-социальнополитическое учение и его место в современном государственном и международном праве // Философские науки. 2015. № 3. С. 71–77.
7. Любимов А.П. Философия права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 257 с.
8. Мамедов А.К., Писарева Л.Ю. Глобализация как проект постмодерна: социологическая оптика // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 85–95.
9. Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. / Вступ. статья, ред. и примеч. Б.В. Бирюкова и др. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 404 с.
10. Мяо Цзин Основные подходы к изучению социокультурной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 5–10.
11. Опубликован план долгосрочных целей Китая до 2035 года. 13.05.2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.rambler.ru/world/46408182-opublikovan-plan-dolgosrochnyh-tseley-kitayado-2035-goda/> (дата обращения: 12.01.2024).
12. Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 149–152.
13. Плиев С.М. Межгосударственное культурное сотрудничество России и Китая: основные тенденции // Общество и государство. 2023. № 4 (44). С. 45–50.
14. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. С. 29–44. – URL: http://author.nbpublish.com/pmpmo/article_30979.html (дата обращения: 12.01.2024).
15. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
16. Сорокина С.Г. Дискурс потребления как инструмент формирования современных ценностей // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. – М.: Языки Народов Мира, 2023. – С. 210–217.
17. Хоруженко К.М. Культурология: энциклопедический словарь: 2550 словарных статей. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 640 с.
18. Цукерман В.С. Единое социокультурное пространство: аспекты рассмотрения // Вестник культуры и искусств. 2009. № 2 (18). С. 49–55.
19. Шагбанова Х.С., Лыскова М.И. Влияние уровня знания русского языка на качество обучения китайских студентов в Российской Федерации // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2019. № 7–8 (174–175). С. 58–64.
20. Korkiya E., Maksimov A., Mamedov A. Socio-cultural aspects of communicative interaction in the modern field of public urban transport [Электронный ресурс] // Transportation Research Procedia, Elsevier B.V. (Netherlands). 2022. V. 63. P. 2347–2353. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361682280_Socio-cultural_aspects_of_communicative_inter

action_in_the_modern_field_of_public_urban_transport (дата обращения: 12.01.2024).

21. 习近平向巴基斯坦新任总统扎尔达里致贺电

CONSTRUCTION OF THE MODERN SOCIOCULTURAL SPACE OF CHINA

Miao Jing

Lomonosov Moscow State University

For centuries, the culture and specifics of the social organization of the Chinese state have been the focus of attention of representatives of the research community. Meanwhile, only in individual works were they studied in aggregate, which allowed the authors to characterize the transformation of the Chinese nation in the sociocultural dimension. At the present stage, the formation of the socio-cultural space of China is developing along the lines of implementing the policy of “soft power”, as well as new Chinese regionalism, which are based on mutually beneficial cooperation between participants in the international community, the result of which is, among other things, an increase in the power of Chinese culture and, as a consequence, the role of the Chinese nation on the world stage.

The article analyzed various research approaches to defining the concept of “sociocultural space”, presented a generalized definition of this concept, and characterized the main initiatives of the PRC government, put forward over the past two decades, which have transformed the sociocultural space of the Chinese state

Keywords: sociocultural space, China, society, culture, new Chinese regionalism, “soft power”, identity.

References

1. Abramova N.A. Chinese culture and its translation into the sociocultural space of Russia // *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2010. No. 3 (52). P. 75–80.
2. Kovalchuk V.K. Cultural syndrome and its impact on the development of entrepreneurship // *Representative power – XXI century: legislation, comments, problems*. 2017. No. 2. pp. 59–62.
3. Korkiya E.D., Mamedov A.K. Values of public culture: visualization and social markers // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2022. No. 2. P. 45–50.
4. Lomanov A.V., Borokh O.N. Strategy for creating a “powerful cultural state” (on the decisions of the 6th plenum of the 17th CPC Central Committee) // *Problems of the Far East*. 2012. No. 1. P. 4–16.
5. Liu Jenyu, Abramov V.A. Chinese “Sociocultural Space” and its changing regional boundaries // *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2012. No. 7 (86). pp. 103–110.
6. Lyubimov A.P. Confucianism as an ethical and socio-political doctrine and its place in modern state and international law // *Philosophical Sciences*. 2015. No. 3. P. 71–77.
7. Lyubimov A.P. *Philosophy of law: textbook for universities*. – M.: Yurayt, 2023. – 257 p.
8. Mamedov A.K., Pisareva L. Yu. Globalization as a postmodern project: sociological optics // *Theory of State and Law*. 2019. No. 4 (16). WITH. 85–95.
9. Mol A. *Sociodynamics of culture / Transl. from fr. / Intro. article, ed. and note*. B.V. Biryukova and others – M.: Publishing house LKI, 2007. – 404 p.
10. Miao Jing *Basic approaches to the study of sociocultural reality // Social and humanitarian knowledge*. 2022. No. 6. P. 5–10.
11. China’s long-term goals plan until 2035 has been published. 05/13/2021. [Electronic resource]. – URL: <https://news.rambler.ru/world/46408182-opublikovan-plan-dolgosrochnyh-tseley-kitaya-do-2035-goda/> (access date: 01/12/2024).
12. Orlova E.V. *Sociocultural space: towards the definition of the concept // Manuscript*. 2017. No. 7 (81). pp. 149–152.
13. Pliev S.M. *Interstate cultural cooperation between Russia and China: main trends // Society and State*. 2023. No. 4 (44). WITH. 45–50.
14. Ryzhov V.B. *Dialectics of globalization and regionalization in the legal space of states and international organizations [Electronic resource] // International Law and International Organizations / International Law and International Organizations*. 2020. No. 1. P. 29–44. – URL: http://author.nbpublish.com/pmpmo/article_30979.html (access date: 01/12/2024).
15. Sorokin P.A. *Human. Civilization. Society / General ed., comp. and preface*, p. 5–24, A. Yu. Sogomonov. – M.: Politizdat, 1992. – 542 p.
16. Sorokina S.G. *Discourse of consumption as a tool for the formation of modern values // Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics: Collection of scientific works on literary criticism, linguistics, linguodidactics, ded-*

- icated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology of the Institute of Foreign Languages Moscow State Pedagogical University Ksenia Mikhailovna Baranova. – M.: LLC “Languages of the Peoples of the World”, 2023. P. 210–217.
17. Khoruzhenko K.M. Culturology: encyclopedic dictionary: 2550 dictionary entries. – Rostov n/d: Phoenix, 1997. – 640 p.
 18. Tsukerman V. S. Single sociocultural space: aspects of consideration // Bulletin of culture and arts. 2009. No. 2 (18). pp. 49–55.
 19. Shagbanova Kh.S., Lyskova M.I. The influence of the level of knowledge of the Russian language on the quality of education of Chinese students in the Russian Federation // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2019. No. 7–8 (174–175). pp. 58–64.
 20. Korkiya E., Maksimov A., Mamedov A. Socio-cultural aspects of communicative interaction in the modern field of public urban transport [Electronic resource] // Transportation Research Procedia, Elsevier B.V. (Netherlands). 2022. V. 63. P. 2347–2353. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361682280_Socio-cultural_aspects_of_communicative_interaction_in_the_modern_field_of_public_urban_transport (access date: 01/12/2024).
 21. Xi Jinping sent a congratulatory message to the new President of Pakistan Zardari

Особенности формирования мировоззрения российской молодежи XXI века

Тихонова Светлана Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления МИРЭА (Московский технологический университет)
E-mail: svetlanavt@list.ru

Данное исследование направлено на изучение процессов, механизмов и факторов, влияющих на формирование мировоззрения современной российской молодежи. С учетом социокультурных, образовательных, медиа, политических и других аспектов, авторы проводят анализ особенностей этого процесса в контексте современного общества. В ходе исследования выявлены основные тенденции и изменения в ценностных ориентациях молодежи, а также их отношение к различным социокультурным явлениям и событиям. Особое внимание уделяется влиянию медиа и информационных технологий на формирование мировоззрения, а также роли образования и воспитания в этом процессе. Отмечается, что изменение социокультурного контекста, влияние средств массовой информации и интернета, а также активное участие молодежи в политической жизни формируют новые ценностные установки и мировоззрение российской молодежи в XXI веке. *Задача* данной работы исследовать основные тенденции и особенности формирования мировоззрения российской молодежи в 21 веке и выявить влияние социокультурного контекста, средств массовой информации и участия в политической жизни на ценностные установки и отношение к обществу, государству и мировым событиям у молодого поколения в России. *Методы исследования*: анализ социологических исследований, анализ медиа материалов, интерпретация текстов и контент-анализ. *Результаты исследования* Сделан вывод о том, что могут быть использованы для разработки эффективных стратегий и программ по формированию здорового и устойчивого мировоззрения у молодежи, а также для оптимизации образовательных и воспитательных практик.

Ключевые слова: российская молодежь, патриотизм, мировоззрение, технологии, особенности, образование, традиции и современность, социокультурный контекст.

Введение

В данной статье мы рассмотрим основные аспекты процесса формирования мировоззрения российской молодежи 21 века.

Как отмечает Турсунбаева Н.Д. «обеспечение гармоничного развития современной личности требует проявления у молодежи нового мировоззрения и новых подходов к определению своего места и роли в современной жизни. Поэтому одной из важнейших задач, которые стоят перед национальной идеей, является формирование у молодежи качественно нового сознания и критического мировоззрения» [6].

Мировоззрение является ключевым элементом личности, определяющим систему ценностей, убеждений и взглядов на мир. В условиях быстрого развития технологий и глобализации современная молодежь сталкивается с новыми вызовами и возможностями, которые оказывают значительное влияние на ее мировоззрение [4].

Примером может служить растущий интерес к западной культуре, стандартам и ценностям среди российской молодежи. Открытость к новым идеям и тенденциям, связанным с глобальными процессами, формируют особое видение мира у современных молодых людей [8], [9].

С развитием интернета и социальных сетей молодежь получает доступ к огромному объему информации, что влияет на ее взгляды и убеждения. Например, активное участие молодежи в онлайн-дискуссиях о политике, общественных проблемах и культуре формирует их критическое мышление и способствует развитию своего мировоззрения.

Образовательная система играет важную роль в формировании ценностей и убеждений молодежи. Например, включение в учебный процесс дисциплин, направленных на развитие

этических ценностей и гражданской ответственности, способствует формированию гармоничного мировоззрения у студентов.

Материалы и методы исследования: изучение поведения и взаимодействия молодежи в различных ситуациях для понимания их ценностей и убеждений (наблюдение), изучение научных статей, отчетов и других публикаций по теме формирования мировоззрения молодежи (анализ социологических исследований), изучение новостных статей, блогов, социальных сетей и других источников информации для выявления влияния медиа на мировоззрение молодежи (анализ медиа материалов), интерпретация текстов, высказываний и других материалов с целью понимания смысла и контекста формирования мировоззрения (герменевтический анализ), систематическое изучение содержания текстов и материалов для выявления основных тем, образов и тенденций в мировоззрении молодежи (контент-анализ).

По мнению Савина С.К. «для изучения социальных факторов, влияющие на формирование мировоззренческих ориентаций молодежи, в проводимом нами исследовании необходимо обратиться к работам, посвященным мировоззрению и его формированию как таковому, влиянию идеологии на общественное сознание, влияние семьи, школы, СМИ, массовой культуры на сознание молодого человека» [5].

Для сбора данных можно использовать вторичные данные (анализ уже существующих материалов). Комбинирование различных методологий позволит получить более полное представление о формировании мировоззрения российской молодежи в 21 веке.

Теоретико-методологической базой исследования послужили:

- социокультурный подход;
- социологический подход;
- психологический подход;
- культурно-исторический подход;
- коммуникативный подход.

Данное исследование опирается на анализ влияния социокультурной среды, традиций, ценностей и норм на фор-

мирование мировоззрения молодежи, изучает взаимосвязь между культурными факторами и мировоззренческими установками.

И исследует социальные структуры, институты и процессы, которые оказывают влияние на формирование мировоззрения молодежи, анализирует социальные группы, общественные движения и тенденции, формирующие мировоззрение.

Изучает индивидуальные психологические особенности, ценностные ориентации, убеждения и мотивации молодежи, определяющие мировоззрение, анализирует процессы самоидентификации и самореализации.

Рассматривает формирование мировоззрения молодежи в контексте исторического развития общества, культуры и политики, исследуя влияние исторических событий, революций, войн и других факторов на формирование ценностей и убеждений, анализируя влияние средств массовой информации, интернета, социальных сетей и других коммуникационных технологий на формирование мировоззрения молодежи. Изучает роль коммуникации в процессе конструирования собственного мировоззрения.

Выше перечисленные подходы могут быть использованы для комплексного изучения особенностей формирования мировоззрения российской молодежи в 21 веке, учитывая разнообразие факторов, влияющих на этот процесс.

Таким образом, «современная молодежь, как социокультурная группа характеризуется несколькими общими чертами: она более образована, владеет новыми профессиями, является носителем нового образа жизни и социального динамизма» [3].

Рассмотрим особенности формирования на примерах.

Пример 1. Экологическое сознание и активизм молодежи.

Современная молодежь осознает важность экологических проблем и влияние на будущее нашей планеты. Экологические проблемы – изменение климата, загрязнение окружающей среды и угрозы для биоразнообразия влияют

на мировоззрение молодежи. Отношение к экологическим проблемам, участие в экологических движениях, волонтерских проектах и инициативах по охране окружающей среды, все это свидетельствует о том, что экологическое сознание становится важным элементом мировоззрения.

В России также существует ряд инициатив и организаций, активно занимающихся экологическим сознанием и активизмом среди молодежи. Например, движение «Мы за чистую планету» объединяет молодых активистов, которые проводят экологические акции, участвуют в благоустройстве территорий, проводят образовательные мероприятия и выступают за экологически чистое будущее.

Стоит отметить работу молодежных экологических организаций, которые активно проводят различные мероприятия по охране окружающей среды, сбору мусора, посадке деревьев и другие экологические инициативы. Молодежь в России также принимает участие в акциях за защиту природы и призывает к принятию более ответственных решений в области экологии. Данные инициативы и акции свидетельствуют о росте экологического сознания среди молодежи в России и их готовности принимать активное участие в решении экологических проблем [2].

Пример 2. Технологический прогресс и цифровизация общества.

С развитием технологий молодежь сталкивается с новыми реалиями цифрового мира, что оказывает влияние на представление о связях, коммуникации и информации. Например, использование современных гаджетов и социальных платформ формирует у прогрессивной молодежи новые способы взаимодействия, понимания мира и отражается на мировоззрении.

Один из ярких примеров технологического прогресса и цифровизации общества среди молодежи в России – это развитие онлайн-образования и дистанционных образовательных платформ. В последние годы в России наблюдается увеличение числа онлайн-курсов, вебинаров, электронных учебных материалов

и других форм обучения через интернет. Российская молодежь активно использует данные ресурсы для обучения, повышения квалификации, саморазвития и получения новых знаний. Онлайн-платформы позволяют школьникам и студентам из разных регионов страны получать доступ к качественному образованию независимо от места проживания. Это способствует распространению знаний, повышению образовательного уровня и развитию профессиональных навыков среди молодежи. Кроме того, технологические инновации, такие как мобильные приложения для образования, онлайн-платежи, цифровые сервисы для работы и общения, также активно используются молодежью в нашей стране. Современные технологии упрощают повседневную жизнь, делая ее более комфортной и эффективной.

Пример 3. Межкультурное взаимодействие.

Глобализация приводит к увеличению контактов между представителями различных культур и национальностей. Молодежь сталкивается с разнообразием культурных традиций, ценностей и убеждений, что способствует развитию их толерантности и уважения к другим культурам и является важным аспектом формирования мировоззрения современной российской молодежи.

Пример 4. Социальная ответственность и участие в общественной жизни.

Молодые люди проявляют активность в социальной сфере, участвуют в благотворительных акциях, добровольческих проектах и общественных движениях, «т.е. осуществление благотворительной деятельности в форме бескорыстного труда, является одной из наиболее распространенных форм социальной активности молодежи» [7], что свидетельствует о высоком уровне социальной ответственности и гражданского активизма у российской молодежи, формируя мировоззрение заботливых и осознанных членов общества.

Пример 5. Патриотизм и национальная идентичность.

Российская молодежь проявляет интерес к своей истории, культуре и тради-

циям, что способствует формированию патриотических чувств и национальной идентичности, а участие в патриотических мероприятиях, обучение истории России, уважение к своей стране – все это влияет на формирование мировоззрения молодежи.

Пример 6. Ценности здорового образа жизни.

Современная молодежь все больше обращает внимание на здоровый образ жизни, физическую активность, правильное питание и уход за собой. Формирование ценностей (забота о себе) и самосознания является важным аспектом мировоззрения молодежи.

Пример 7. Интерес к развитию личности и самосовершенствованию.

Стремление к личностному росту, образованию, развитию профессиональных навыков и умений, интерес к самосовершенствованию, поиск смысла жизни и развитие личности формируют у молодежи ценности самореализации, творчества и достижения успеха.

Пример 8. Медиа и информационное пространство – современные медиа, включая социальные сети, новостные порталы, блоги, также оказывают значительное влияние на мировоззрение молодежи. Разнообразие информационного контента и точек зрения, а также цифровой дезинформации (фейк феномены) могут формировать у молодых людей определенные представления о мире и обществе.

Пример 9. Экономические изменения (ситуация) в стране, уровень доходов, возможности трудоустройства и карьерного роста также влияют на мировоззрение молодежи. Например, переживание экономических кризисов или возможности для самореализации и достижения материального благополучия могут определять отношение молодых людей к обществу и своему будущему.

Пример 10. Международные отношения (глобализация и международное сотрудничество) формируют мировоззрение молодежи. Политика страны на мировой арене, международные конфликты, культурный обмен и миграционные процессы, роль в глобальном сообще-

стве и отношения с другими странами влияют на восприятие современной молодежи.

Пример 11. Культурные тенденции (изменения в культурной сфере), включая моду, искусство, музыку и кино влияют на мировоззрение молодежи. Популярные культурные явления и тренды могут формировать ценности и представления о жизни у современных молодых людей.

Пример 12. Технологические инновации – развитие технологий, таких как искусственный интеллект, интернет вещей и виртуальная реальность оказывают огромное влияние на мировоззрение молодежи. Новые возможности и вызовы «ещё одна проблема современной молодёжи – интернет-зависимость» [1], связанные с технологическими инновациями, могут изменять отношение к обществу, работе и личной жизни.

Результаты исследования

Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ и мероприятий по формированию здорового и устойчивого мировоззрения у молодежи, а также для оптимизации образовательных и воспитательных процессов.

Выводы

В итоге, следует отметить, что современная российская молодежь подвержена влиянию разнообразных социокультурных факторов: медиа, интернет, социальные сети, культурные тренды и др. Перечисленные факторы оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения молодежи. Ценностные ориентации современной российской молодежи часто изменяются под воздействием современной социокультурной среды. Однако можно выделить определенные стабильные тенденции в ценностных предпочтениях молодежи. Образование и воспитание играют ключевую роль в формировании мировоззрения молодежи. Содержание образовательных программ, методы работы с молодежью и другие аспекты образовательного процесса оказывают влияние на форми-

рование ценностей и убеждений у молодежи. Психологические особенности и индивидуальные различия молодежи также влияют на формирование и изменение их мировоззрения. Различные личностные особенности могут определять отношение молодежи к различным ценностям и убеждениям. Политические и экономические процессы, трудности и другие факторы могут повлиять на ценностные ориентации и убеждения, на формирование мировоззрения молодежи в России.

Полученные выводы представляют интерес для специалистов в области социологии, психологии, образования, культурологии и других социальных наук, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами данной области.

Заключение

Формирование мировоззрения российской молодежи в 21 веке является сложным и многогранным процессом, который определяется множеством факторов. Понимание этих особенностей необходимо для разработки эффективных стратегий воспитания и образования молодежи, а также для создания условий для развития позитивных ценностей и убеждений.

Дальнейшие исследования в этой области помогут лучше понять динамику изменений в мировоззрении современной российской молодежи, разработать более эффективные подходы к работе и прогнозировать будущее развитие.

Литература

1. Возмилкина Е.Н. Социальные проблемы современной Российской молодежи [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-sovremennoy-rossiyskoj-molodyozhi> (дата обращения: 12.03.2024).
2. Волкова О. Мы за чистую планету [Электронный ресурс]. – URL: <http://libryansk.ru/my-za-chistuyu-planetu> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Зангиев А.Э., Городецкая Ю.А. Мировоззрение современной молодежи как способ осознания действи-

тельности [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/asus/Downloads/mirovozzrenie-sovremennoy-molodezhikak-sposob-osoznaniya-deystvitelnosti.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

4. Магомедова Ф.К. Генезис мировоззрения молодежи и черты, присущие мировоззрению сегодняшнего поколения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2012/Psihologia/13_123251.doc.htm (дата обращения: 12.03.2024).
5. Савин С.К. Формирование мировоззрения молодежи Российской Федерации в современных условиях [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-mirovozzreniya-molodezhi-rossiiskoi-federatsii-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения: 12.03.2024).
6. Турсунбаева Н.Д. Формирование мировоззрения молодежи в условиях глобализации массовой культуры / Н.Д. Турсунбаева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1198–1200. [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/113/28847/> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Шкаев Д.Г. Социальная активность современной молодежи: ее формы и проявления [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/asus/Downloads/sotsialnaya-aktivnost-sovremennoy-molodezhi-ee-formy-i-proyavleniya.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).
8. Хахулин Л.Ю. Основные проблемы современной молодежи [Электронный ресурс]. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017030611> (дата обращения: 12.03.2024).
9. LES. The main problems of modern youth [Электронный ресурс]. – URL: <https://les.media/articles/347219-osnovnye-problemy-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 13.03.2024).

FEATURES OF THE FORMATION OF THE WORLDVIEW OF RUSSIAN YOUTH OF THE 21ST CENTURY

Tikhonova S.V.
MIREA (Moscow Technological University)

This study is aimed at studying the processes, mechanisms and factors influencing the formation of the worldview of modern Russian youth. Taking into account sociocultural, educational, media, political and other aspects, the authors analyze the features of this process in the context of modern society. The study revealed the main trends and changes in the value orientations of young people, as well as their attitude to various sociocultural phenomena and events. Particular attention is paid to the influence of media and information technologies on the formation of worldviews, as well as the role of education and upbringing in this process.

Object of study: Russian youth aged 18 to 30 years. *Subject of research:* includes the study of processes, mechanisms and factors influencing the formation of the worldview of Russian youth in modern society. *The purpose of the study:* to explore the main trends and features of the formation of the worldview of Russian youth in the 21st century and to identify the influence of the sociocultural context, the media and participation in political life on the values and attitude towards society, the state and world events among the younger generation in Russia.

Keywords: Russian youth, patriotism, worldview, technology, features, education, traditions and modernity, sociocultural context.

References

1. Vozmilkina E.N. Social problems of modern Russian youth [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-problemy-sovremennoy-rossiyskoy-molodyozhi> (date of access: 03/12/2024).
2. Volkova O. We are for a clean planet [Electronic resource]. – URL: <http://libryansk.ru/my-za-chistuyu-planetu> (access date: 03/12/2024).
3. Zangiev A.E., Gorodetskaya Yu.A. Worldview of modern youth as a way of understanding reality [Electronic resource]. – URL: <file:///C:/Users/asus/Downloads/mirovozzrenie-sovremennoy-molodezhnikak-sposob-osoznaniya-deystvitelnosti.pdf> (access date: 03/12/2024).
4. Magomedova F.K. The genesis of the worldview of young people and the features inherent in the worldview of today's generation [Electronic resource]. – URL: http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2012/Psihologia/13_123251.doc.htm (access date: 03/12/2024).
5. Savin S.K. Formation of the worldview of the youth of the Russian Federation in modern conditions [Electronic resource]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-mirovozzreniya-molodezhnik-rossiiskoi-federatsii-v-sovremennykh-usloviyakh> (date of access: 03/12/2024).
6. Tursunbaeva N.D. Formation of the worldview of young people in the context of the globalization of mass culture / N.D. Tursunbaeva. – Text: immediate // Young scientist. – 2016. – No. 9 (113). – pp. 1198–1200. [Electronic resource]. – URL: <https://moluch.ru/archive/113/28847/> (access date: 03/12/2024).
7. Shkaev D.G. Social activity of modern youth: its forms and manifestations [Electronic resource]. – URL: <file:///C:/Users/asus/Downloads/sotsialnaya-aktivnost-sovremennoy-molodezhi-ee-formy-i-proyavleniya.pdf> (access date: 03/12/2024).
8. Khakhulin L. Yu. The main problems of modern youth [Electronic resource]. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017030611> (access date: 03/12/2024).
9. LES. The main problems of modern youth [Electronic resource]. – URL: <https://les.media/articles/347219-osnovnye-problemy-sovremennoy-molodezhi> (access date: 03/13/2024).

Переосмысление понятий «предрассудок» и «суеверие» в средневековом историко-философском контексте

Габдуллин Ильдар Рустамович,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет
E-mail: i.gabd@yandex.ru

Щеглова Мария Игоревна,

ассистент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет
E-mail: mashylena@mail.ru

Целью работы стало исследование специфики средневекового сознания на предмет выявления возможных предпосылок для определённых тенденций в современных идеологических процессах. Для реализации этой цели проводится анализ понятий предрассудок и суеверие как специфических характерных элементов средневекового менталитета.

Кроме общетеоретических научных методов, таких как единство исторического и логического, историческая аналогия и сравнение, также использован в качестве методического приёма семантический и этимологический анализ ключевых тематических понятий. Авторы опирались на труды как современных учёных-медиевистов и мыслителей, исследовавших средневековую культуру, так и на некоторые источники и авторов исследуемого исторического периода.

Актуальность исследования выбранной тематики обусловлена преемственностью выявленных особенностей средневекового сознания с такими феноменами современной ментальности, как двойные стандарты и охота на ведьм. Многие элементы современного сознания имеют своих прямых аналогов именно в средневековой культуре и поэтому имеет практическое значение их изучение в тот исторический период, где они получили наибольшее распространение, то есть в Средние века. Имеются в виду такие ментальные практики, как гадание, ворожба, магия и пр., которые традиционно относятся к суевериям и предрассудкам.

Ключевые слова: средневековое сознание, суеверие, предрассудок, религиозный рационализм, предрассудочное сознание, двойные стандарты, охота на ведьм.

Введение

Средние века стали заметным феноменом массовой культуры в последние годы. В то же время те аспекты сознания современного человека, которые сформировались в эту эпоху и продолжают сохранять свою действенность, скрыто влияя на самые разные жизненно важные процессы не достаточно изучены. В основном интерес вызывают параллели с внешними атрибутами повседневной жизни, преемственностью в социальных институтах современности, таких как корпоративность и клановость в экономических и политических процессах, университетское образование, обращение к магическим практикам и т.д. В то же время вряд ли представляется возможным объективно оценить их значимость в современной жизни вне связи с теми особенностями исторической ментальности, которые им предшествовали.

В этой связи в данном исследовании предпринимается попытка привлечь внимание к наиболее характерным чертам средневекового сознания, связанных с такими феноменами как предрассудок и суеверие. Не случайно такие словосочетания, как «средневековые предрассудки» и «средневековые суеверия» иногда используются как идиоматические выражения, что также связано и с превращением во фразеологизм «охоты на ведьм». Это позволит выявить хотя и не все, но некоторые причины периодически возникающих в различных современных процессах практик двойных стандартов и охоты на ведьм.

Дуализм средневекового сознания

Средневековое общество получило неоднозначные оценки его исследователей, в итоге «наше представление о средних веках – пожалуй, больше, чем о других периодах истории, – искажено предрассудками. Иногда оно чересчур мрачное,

иногда слишком возвышенное» [12, с. 61].

Достаточно долго в исторической науке начальный период Средних веков обозначался как *тёмные века*. В эпоху Просвещения, ориентированного на такие ключевые фундаментальные ценности своей эпохи, как индивидуальная свобода и справедливость сформировалась и типизированное отношение к Средним векам: «отсутствие личной свободы, эксплуатация массы населения незначительным меньшинством, узость взглядов, ...а также всеобщее невежество и власть предрассудков» [16, с. 43]. Чётко и недвусмысленно такую позицию выразил Ж.-Ж. Руссо, утверждая, что «вся наша мудрость состоит в рабских предрассудках. Человек – гражданин, рождается, живёт и умирает в рабстве: при рождении его застёгивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб, а пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями» [13, с. 202]. Правда основной упрёк, содержащийся в изречении был направлен ко всей предшествующей эпохе, олицетворённой в «темных веках» несправедливости.

Понятие предрассудка «унаследовало» негативную коннотацию той социально-политической системы общества, которая была подвергнута бескомпромиссной критике, а «предрассудок как разум глупцов» должен быть решительно «искоренён» в эпоху культа подлинного Разума человечества. Такая же судьба предписывалась и соответствующим аналогам – суевериям и пережиткам, применявшихся для обозначения особого рода заблуждений, в первую очередь религиозных.

Но здесь необходимо отметить важный момент некоторого несоответствия. Церковь, выступая главным коллективным субъектом религиозного сознания, в то же время всегда уделяла огромное внимание системной рациональному обоснованию основ религии, и поэтому последовательно выступала против суеверий как таковых, подчёркивая сам изначально выражаемый смысл слова суеверие (ложное знание, ложная вера

– *вера всуе*). Само слово «суеверие» постигла судьба тех слов, которые «стираются, обесцвечиваются» и утрачивают свое первоначальное содержание [15, с. 88], то есть превращаются в фразеологизмы.

В силу указанных причин более действенным в борьбе с «религиозными суевериями и пережитками» стал более востребованным, можно сказать изобретённым, новый термин – предрассудок.

Отношение к рассматриваемому историческому периоду развития интеллектуальной мысли средневекового общества не было однозначным уже в Новое время, не смотря на явно политическую направленность. Кроме того, отличалась спецификой, своеобразием саморефлексия и самого рационалистического религиозного дискурса, а дополнительные существенные нюансы вносило отличие западной и восточной теологической и религиозно-философской мысли.

Указанные аспекты в отношении оценок Средневековья выразились в идейно-теоретических течениях традиционализма и консерватизма, зародившихся, во многом, как следствие религиозной Реформации и революционного вольнодумства второй половины XVIII века. Это нашло отражение и в переоценке роли таких феноменов сознания, как предрассудок. Так, у некоторых наиболее известных представителей указанных направлений мысли можно встретить не только нейтральную оценку роли предрассудков, но иногда и описание их некоторой практической полезности. Так, Э. Бёрк констатирует: «вместо отбрасывания всех наших старых предрассудков, мы очень дорожим ими и, что усугубляет наш стыд, мы дорожим ими потому, что они предрассудки... Предрассудок превращает достоинство человека в его привычку, а не в ряд несвязанных поступков. Именно через предрассудок долг человека становится частью его природы» [22, р. 76–77]. Как отметил Ф.Д.С. Честерфильд в своих знаменитых письмах к сыну, полезных предрассудков в его стране много, и ему «было бы жаль, если бы они вдруг

исчезли. Добрая убежденность протестантов, что папа одновременно и антихрист, и вавилонская блудница, – более действенное средство против папизма в нашей стране, нежели веские и неопровержимые доводы Чиллингворта» [17, с. 97]. В дальнейших рассуждениях о вреде и пользе конкретного предрассудка фактически показывается вся неоднозначность, противоречивость его сущности как феномена сознания. Признавая полезность предрассудка, поддерживающего свою идейную позицию консерватизма, этот же автор категорически выступает против негативного предубеждения, направленного к своей позиции. То есть, бывают «правильные» и «не правильные» предрассудки. Так, например, называется «неправильный» предрассудок, суть которого в том, что в течение последних столетий искусство и науки не могут процветать, нет простора для творческого гения при абсолютизме. В качестве контраргумента задаётся риторический вопрос: «Неужели же у писателя есть основания жаловаться, что его сковывают и стесняют, если ему не дают возможности печатать книг кощунственных, непристойных или подрывных? Такого рода книги равным образом запрещают и самые свободололюбивые правительства, если у них хватает на это ума и порядка» [17, с. 98].

Некоторые исследователи категории традиция, сравнивали две позиции, условно обозначаемые как «утопизм» и «традиционализм». Позиция «утописта» выражается в попытке перешагнуть «предрассудок» на пути к «исключительному господству «Разума»; а «традиционалист» стремится сохранить, идеализировать и романтизировать «предрассудки» [18, с. 224, 226, 340].

Таким образом, можно сопоставить два идеализированных образа, две картины Средневековья, каждая из которых радикализует объективно присущие им характеристики и поэтому можно согласиться, что при определенном углом рассмотрения они обе эти картины могут быть верны: «но каждая становится неверной, если рисовать лишь ее, закрывая глаза на другую» [16, с. 44].

Идеализация Средних веков позволила выделить и объективно оценить позитивные качества средневековой культуры в целом, указав на «чувство солидарности, на подчинённость экономики человеческим нуждам, на прямоту и конкретность человеческих взаимоотношений, наднациональный характер католической церкви и чувство уверенности, которое было свойственно человеку средних веков» [16, с. 44].

Философско-этимологический экскурс в интерпретации термина «предрассудок»

Анализ практики перевода текстов, посвящённых средневековой культуре и использующих понятие предрассудка, показывает формирование определенной традиции, предпочтения толковании предрассудка. Определённая ценностно-смысловая коннотация связана с отождествлением предрассудка с заблуждением.

В известной работе Я. Буркхарда [21], в целом посвящённой эпохе Возрождения, значительное место занимает и обращение к предпосылкам сознания исследуемой эпохи, которые напрямую связаны со средневековым сознанием и самосознанием, где понятие предрассудка занимало одно из ключевых мест. Сказано буквально следующее: «Im Mittelalter lagen die beiden Seiten des Bewusstseins – nach der Welt hin und nach dem Innern des Menschen selbst – wie unter einem gemeinsamen Schleier träumend oder halbwach. Der Schleier war gewoben aus Glauben, Kindesbefangenheit und Wahn» [21].

В первом русском переводе «покрывало» самосознания средних веков «было соткано из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков» [2], а в заново осуществлённом современном переводе «покров был соткан из веры, детской робости и иллюзии» [3]. И, наконец, английский перевод 1945 г. соответствующего фрагмента, практически совпадающий по смыслу с предыдущим русским вариантом перевода: «The veil was woven of faith, illusion, and childish prepossession» [20].

Немецкое слово *Wahn* во втором варианте русского перевода и в английском переводе переведено как *иллюзия* (*illusion*), в отличие от первоначального *предрассудка*. Действительно, этому слову (*Wahn*) в немецко-русском словаре [8] соответствует значение иллюзии или заблуждения, что и говорит о некоторой трансформации смысла при переводе с одного языка на другой. Для слова *предрассудок* используется другое значение – *das Vorurteil*. Дело в том, что в таком значении *предрассудок* не имел истинностно-ложной коннотации и был заимствован из юридической практики [24, с. 6]. Более того, ещё в период европейской церковной Реформации появляется термин «законные *предрассудки*» (*préjugés légitimes*) [25], в котором выражен позитивный смысл, отвергающий трактовку *предрассудка* как только ложного суждения [6, с. 323].

Таким образом, в понимании термина *предрассудок* при вхождении его словоупотребление проявляется некоторая предубежденность, отчасти обусловленная практикой перевода с конкретных языков. Здесь необходимо учитывать те аспекты переводческой практики, на которые неоднократно обращал внимание Х.-Г. Гадамер, резюмируя в тезисе: «*Всякий переводчик – интерпретатор!*» [6, с. 365, 447, 450].

Таким образом, можно отметить, что до определённого времени понятия *предрассудок* и *заблуждение* трактовались как синонимы, но затем всё-таки происходит семантическая дифференциация, в результате которой *предрассудок* уже далеко не всегда ассоциируется с заблуждением или иллюзией.

Религиозный рационализм средневековья и становление «предрассудочного сознания»

Вся средневековая культура и в ещё большей степени ее духовная часть находилась под непосредственным воздействием религиозного мировоззрения, где одну из важных ролей играл такой идейный принцип, который получил название религиозного рационализма [14] и достигший своего расцвета в средневековой

схоластике. Но принятие религиозного мировоззрения предполагает приоритет веры над знанием. Не отвергая доводов рассудка при обосновании основ веры («разумею, чтобы верить»), все же истины веры должны быть приняты вне зависимости от аргументов рассудка, ещё *до рассудка, перед рассудком*, что и способствовало формированию специфического «предрассудочного сознания».

Религиозный рационализм и подверженность массового сознания *предрассудкам* взаимно обуславливали друг друга. Бытовавшие «языческие суеверия», будучи со стороны церкви предметом контроля и вытеснения из сознания верующих, в то же время оказывали обратное влияние на самих представителей духовенства [7, с. 462–482; 10, с. 5–173]. В итоге сформировался своеобразный симбиоз рационально-теологических и *предрассудочно-магических* элементов единого идеологического пространства, поскольку «господствовавшие в средние века суеверные представления и обычаи не могли быть оставлены без внимания церковью, ибо прямо или косвенно совпадали с церковными благословениями» [23, I, VI; 7, с. 464]. Таким образом, закреплению *предрассудочного сознания* способствовала и отчасти сознательно проводимые идеологические установки. В результате проявлялась некоторая уравновешенность, «умиротворённость» сознания: «Не было ни сомнений, ни неуверенности, никакой внутренней дисгармонии и никакого конфликта в душе. Не было дуализма: с одной стороны – религии, с другой – наука и философия» [14, с. 336].

Одним из признаков рациональности является логическая непротиворечивость, отвечающая требованию последовательности и обоснованности. Религиозный рационализм предоставил рациональные доказательства основных догматов веры («истинные верования») и последовательно искоренял «ложные верования» – суеверия. Если какие магические действия объявлялись языческими суевериями, не имеющими реальной силы, то люди, которые их якобы совершают – просто обманщики или жертвы

собственных галлюцинаций. Приписывание кому-то неких «колдовских» действий могло быть расценено либо как клевета, которая каралась по установленным в связи с этим законам [10, с. 8–9], либо «иллюзией доносчика» [11, с. 183–184].

Отношение к понятию суеверия и предрассудка в поздний период Средневековья претерпело значительные изменения. В современном для того времени трактате «Молот ведьм» приводится подробная градация суеверий по ценностному критерию. Некоторые действия называются суевериями, такие как гадание и жребий, но относятся к «наименьшему злу» по сравнению, например, с теми действиями, которые приписываются ведьмам, «позорные поступки» которых также причислены к разряду суеверий. Одно и то же действие, например, гадание по снам, может быть истолковано двояко: с помощью злых духов, вступая с ними в соглашение, либо же «по божьему наитию» [19, с. 158]. Характерно, что сам факт существования ведьм уже не оспаривается, как косвенно признается и то, что знания, называемые суевериями, приводят ко вполне реальным следствиям.

Сходное отношение к суевериям и предрассудкам можно обнаружить средневековых университетах. В учебные программы включалась так называемая «свободная астрология», понимаемая как разновидность астрономии, как часть науки математики [9, с. 214]. Здесь необходимо учитывать, что понятия «наука», «математика» и «философия» часто использовались в то время как однопорядковые по смыслу. Так, например, называются два рода математики, «истинная» и «ложная». Последняя попадает в сферу «магического искусства» и относится к суеверию, называясь также «ложной математикой» [4, с. 254–255], а один современных исследователей-медиевистов назвал её «математикой предрассудка» [9, с. 213].

Заключение

Отношение к суевериям и предрассудкам в разные эпохи и в конкретных ис-

следовательских контекстах существенно различалось. Разделение суеверий и предрассудков на «правильные» и «неправильные» может быть классифицировано как одно из проявлений проявления двойных стандартов, характеризуемых здесь как различное применение правил и оценок к однотипным действиям или понятиям в зависимости от степени лояльности оценивающего. В то же время, описанная ситуация представляется следствием, когнитивным искажением избирательности восприятия, мышления и оценки, хотя в целом присуща человеческому сознанию любой эпохи, являясь необходимым качеством личности, поскольку сформировалась в ходе эволюции и первоначально касалась базовых жизненных аспектов.

Но применение двойных стандартов именно к феноменам суеверия и предрассудка отличается важной особенностью. Что касается понятия суеверия, то его само действительно можно интерпретировать как своего рода когнитивное искажение, заблуждение рассудка. Поэтому разделение суеверий на «правильные» (легитимные, допустимые) и «неправильные» непоследовательно и соответствует той негативной коннотации, которая сопровождает позицию двойных стандартов оценки, то есть суеверия нельзя трактовать двояко, в зависимости от позиции интерпретатора. Предрассудок же может допускать разную трактовку исходя из конкретного контекста.

Ошибочное трактовка в понимании важных понятий, определяющих мировоззренческие установки сознания средневекового общества, была использована в качестве обоснования практических действий. Так, средневековая охота на ведьм в первую очередь была направлена на борьбу с ведовством, которое ассоциировалось прежде всего с суевериями, которые в свою очередь трактовались двояко. Но не смотря на всю критику и осуждение в последующей истории, все же следует признать, что критика и неприятие практики охоты на ведьм коснулась результатов, следствий, но не самого метода и причин.

В дальнейшем это создало традицию использования этого при сходных условиях в современности.

В то же время предрассудки, хотя и определяются преимущественно также как носители ложного знания, но по своей природе не исключают истинного. Так, истины веры не только могут быть приняты, но и должны быть приняты вне зависимости от представляемых доводов рассудка, а значит и *до рассудка (пред рассудком)*. На наш взгляд, словосочетание *религиозные предрассудки* должно быть избавлено от негативной предвзятости хотя бы в некоторых случаях, чтобы «с водой не вылить ребёнка». Поэтому упрёк в применении практики двойных стандартов может оказаться не заслуженным, в том случае, когда на самом деле применяется к оценке тех явлений, которые действительно оказываются двойственными по своей сути.

Суеверие же обоснованно критикуется как религиозным, так и научным рационализмом. Хотя в иногда происходила подмена веры суеверием, но все же «религиозная вера и суеверие совершенно различны. Одно вырастает из страха и представляет собой род лженауки. Другая же доверие» [5, с. 478].

Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические. – М.: Российское Библейское Общество, 1994. – 304 с.
2. Буркхард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. – СПб.: типо-лит. Герольд, 1904. Т. 1. XXIII. – 427 с.
3. Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. – М.: Юрист, 1996. – 591 с.
4. Бэкон Р. Избранное. – М.: Изд-во Францисканцев / Пер. с лат. под общ. ред. И.В. Лупандина, 2005. – 480 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Изд-во «Гнозис». 1994. – 612 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
7. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 560 с.
8. Зайцева З.Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 320 с.
9. Либера де А. Средневековое мышление / Пер. с фр. О.В. Головой, А.М. Руткевича. – М.: Практикс, 2004. – 368 с.
10. Лозинский С.Г. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инсистерсис Г. Молот ведьм. – М., 1932. – С. 5–73.
11. Орлов М.А. История сношений человека с Дьяволом. – М.: Республика, 1992. – 352 с.
12. Рассел Б. Жизнь в средние века // Почему я не христианин. – М.: Политиздат, 1987. – С. 61–64.
13. Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Педагогическое наследие. – М.: Педагогика, 1989. – С. 199–297.
14. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. ст. и ком. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
15. Флоренский П. О суеверии // Философские науки. 1991. № 5. – С. 87–107.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
17. Честерфильд Ф.Д.С. Письма к сыну. Максимум. Характеры. – Л.: Наука, 1971. – 351 с.
18. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
19. Шпренгер Я., Инсистерсис Г. Молот ведьм. – Саранск: СП «Норд», 1991. – 352 с.
20. Burckhardt Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy / Transl. by S.G.C. Middlemore. – London: Phaidon Press, 1945.
21. Burckhardt Jacob. Die Kultur der Renaissance in Italien. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1994.
22. Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind., 1987.
23. Franz A. Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter. Bd 1–2. Graz, 1960.
24. Jankowitz Wolf-Günther. Philosophie und Vorurteil. Untersuchungen zur Vorurteilshaftigkeit von Philosophie

- als Propadeutik einer Philosophie des Vorurteils. – Meisenheim: Hain, 1975.
25. Nicole P. Préjugés légitimes contre les Calviniste. – Cambridge (Mass.): Omnisys, 1990.

RETHINKING THE CONCEPTS OF “PREJUDICE” AND “SUPERSTITION” IN THE MEDIEVAL HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Gabdullin I.R., Shcheglova M.I.
Orenburg State University

The purpose of the work was to study the specifics of medieval consciousness in order to identify possible prerequisites for certain trends in modern ideological processes. To achieve this goal, an analysis of the concepts of prejudice and superstition as specific characteristic elements of the medieval mentality is carried out. In addition to general theoretical scientific methods, such as the unity of historical and logical, historical analogy and comparison, semantic and etymological analysis of key thematic concepts was also used as a methodological technique. The authors relied on the works of both modern medievalists and thinkers who studied medieval culture, as well as on some sources and authors of the historical period under study. The relevance of the study of the chosen topic is due to the continuity of the identified features of medieval consciousness with such phenomena of modern mentality as double standards and witch hunts. Many elements of modern consciousness have their direct analogues precisely in medieval culture and therefore their study in the historical period where they became most widespread, that is, in the Middle Ages, is of practical importance. This refers to such mental practices as fortune telling, divination, magic, etc., which are traditionally classified as superstitions and prejudices.

Keywords: medieval consciousness, superstition, prejudice, religious rationalism, prejudicial consciousness, double standards, witch hunt.

References

1. Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments are canonical. – M.: Russian Bible Society, 1994. – 304 p.
2. Burkhard J. Culture of Italy during the Renaissance. – St. Petersburg: typo-lit. Herold, 1904. T. 1. XXIII. – 427 p.

3. Burkhard J. Culture of the Renaissance in Italy. – M.: Yurist, 1996. – 591 p.
4. Bacon R. Favorites. – M.: Franciscan Publishing House / Trans. from lat. under general ed. I.V. Lupandina, 2005. – 480 p.
5. Wittgenstein L. Philosophical works. Part I. – M.: Publishing house “Gnosis”. 1994. – 612 p.
6. Gadamer H.-G. Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. – M.: Progress, 1988. – 632 p.
7. Gurevich A. Ya. Selected works. Medieval world. – St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. Univ., 2007. – 560 p.
8. Zaitseva Z.N. German-Russian and Russian-German philosophical dictionary. – M.: Moscow State University Publishing House, 1998. – 320 p.
9. Libera de A. Medieval thinking / Trans. from fr. O.V. Head, A.M. Rutkevich. – M.: Praxis, 2004. – 368 p.
10. Lozinsky S.G. The fatal book of the Middle Ages // Sprenger J., Insistorsis G. Hammer of the Witches. – M., 1932. – P. 5–73.
11. Orlov M.A. The history of man’s relationship with the Devil. – M.: Republic, 1992. – 352 p.
12. Russell B. Life in the Middle Ages // Why I am not a Christian. – M.: Politizdat, 1987. – P. 61–64.
13. Rousseau J.-J. Emil or about education // Pedagogical heritage. – M.: Pedagogy, 1989. – P. 199–297.
14. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics / Transl. from English, vs. Art. and com. V.V. Sapova. – M.: Astrel, 2006. – 1176 p.
15. Florensky P. About superstition // Philosophical Sciences. 1991. No. 5. – P. 87–107.
16. Fromm E. Flight from freedom. – M.: Progress, 1989. – 272 p.
17. Chesterfield F.D.S. Letters to my son. Maxims. Characters. – L.: Nauka, 1971. – 351 p.
18. Shatsky E. Utopia and tradition. – M.: Progress, 1990. – 456 p.
19. Sprenger J., Insistorsis G. Hammer of the Witches. – Saransk: JV “Nord”, 1991. – 352 p.
20. Burckhardt Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy / Transl. by S.G.C. Middlemore. – London: Phaidon Press, 1945.
21. Burckhardt Jacob. Die Kultur der Renaissance in Italien. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1994.
22. Burke E. Reflection on the revolution in France. 1790. Hackett Pub. Co., Indianapolis, Ind., 1987.
23. Franz A. Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter. Bd 1–2. Graz, 1960.

24. Jankowitz Wolf-Günther. Philosophie und Vorurteil. Untersuchungen zur Vorurteilshaftigkeit von Philosophie als Propedeutik einer Philosophie des Vorurteils. – Meisenheim: Hain, 1975.
25. Nicole P. Prejugés légitimes contre les Calviniste. – Cambridge (Mass.): Omnisys, 1990.

Страх как экзистенциальный стимул развития повседневной театральности: философско-антропологический анализ

Рахимова Майя Вильевна,

к. ф. н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, зав. кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского
E-mail: mayesta@mail.ru

В данной работе осмысливается тезис о влиянии эмоций, в частности, эмоционального состояния страха в качестве экзистенциального стимула, на развитие феномена повседневной театральности. В качестве инструментов анализа задействуются аналитический, критический, историко-культурный методы с опорой на научные данные культурной антропологии, психологии и философии.

В работе подчеркивается философско-антропологическое значение страхов как экзистенциальных вызовов, сопровождавших человека с первых шагов развития, среди которых, страх смерти представляется крайне важным, так как убежание от него в миры грез и воображения послужило мощным толчком развития творческих художественных способностей человека и театральности как социокультурного феномена. Озвучивается предположение, что эмоциональное состояние страха оказалось продуктивным в деле развития адаптационных социальных навыков человека, крайне востребованных повседневной театральностью.

Ключевые слова: повседневная театральность, эмоциональное состояние страха, страх смерти, адаптация, маска, убежание, артистизм, экзистенциальный стимул.

Введение

Среди феноменов, проявляющих философско-антропологическую уникальность человека, отдельного интереса заслуживает театральность. Рядом с устойчивыми в исследовании феноменами игры, труда, любви, смерти, «другого», – театральность словно повисает в квантовой неопределенности и запутанности, переплетаясь с каждым из перечисленных явлений и ускользая всякий раз при попытке концентрации непосредственно на ней. Время от времени театральность исследуется в политическом, культурологическом, психологическом, искусствоведческом направлениях и куда реже на уровне философии. Данная работа делает акцент на философско-антропологическом анализе театральности, что обуславливает ее актуальность.

Под повседневной театральностью предполагается понимать сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам; это важный аспект психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью. В рамках исследования выявлены определенные свойства, характерные феномену: это стремление к преобразению и представлению, манипулятивный и адаптационный потенциал, инструменты обмана и внушения, опора на воображение и иллюзию, игровой потенциал, навыки притворства, маскировки, симуляции, артистизм.

Анализируя генезис театральности, наряду с философским, осмысливается и биологический аспект; здесь отражение и раздражимость отмечены как важные для формирования театральности инструменты психики. На основе данной взаимосвязи возникает предположение о влиянии эмоций на исследуемый феномен, например, – эмоции страха. Воз-

можно, чтобы понять природу театрального поведения человека, следует «заглянуть в глаза» первобытному страху, сопутствовавшему сложной жизненной траектории развития человека раннего общества. Трудно не замечать, что страх играл важную роль в адаптации и приспособлении человека к обстоятельствам и другим людям. А человек, благодаря смекалке, воображению и артистическим навыкам, умудрялся прятаться в прямом и переносном смысле от постоянных вызовов и проблем. Что же тогда можно сказать о влиянии эмоции страха на специфику развития повседневной театральнойности?

Страх и театральность: антропологический аспект

Не будет преувеличением отметить, что на ранних этапах становления человека и общества, человек испытывал страх достаточно часто. Факторов хватало, – от многочисленных вызовов внешней среды до трудностей жизни в племени. Окруженный множеством опасностей, опираясь на доступные ему средства магической сопричастности, человек неминуемо вовлекался в игровые «взаимоотношения» с силами, неподвластными его контролю, желая, таким образом, воздействовать на них, договориться, выпросив магическим образом благосклонность.

Посмотрим, что по этому поводу пишет Л. Леви – Брюль в работе «Сверхъестественное в первобытном мышлении»: «Мы, ашанти, не смеем почитать только одного бога – небо, или одну богиню – землю, или одного другого духа. Нам приходится защищаться от духов всех вещей на небе и на земле и пользоваться их услугами, когда мы в состоянии это сделать. Ты идешь по лесу, видишь дикого зверя, стреляешь в него и обнаруживаешь, что убил человека. Ты прогнал своего слугу, а потом окажется, что он тебе нужен...». Жрец, который так обозначил свою позицию, чувствует себя окруженным бесчисленными невидимыми силами. И для жреца важно не выяснение сущности того или духа, а защита от них, когда он подозревает, что духи собираются причинить ему вред.

А защититься от них можно, либо «нейтрализуя» их, либо расположив к себе [6, с. 39, 40].

Леви-Брюль пишет об интенсивности испытываемых человеком эмоций в связи с магическими обстоятельствами повседневности, наполненной духами, непонятно добрыми или злыми. И эта эмоциональная связь, нашедшая приют в сознании первобытного человека, его зависимость от магических сил, страх перед ними, – все перечисленное чрезвычайно важно в рамках исследования театральной природы человека, поскольку помогает зафиксировать влияние эмоций (в частности, страха) на развитие феномена.

Интенсивность переживаемых эмоций стирала границу восприятия себя в реальности и реальности как таковой во время священных обрядов, песен и плясок, во время инициации и магических ритуалов. Человек оказался крайне чувствителен к внешнему и внутреннему мирам, и эта чувствительность позволяла глубоко проживать внешние и внутренние события. Точно так же страх, внушаемый невидимой силой, могущей причинить беду или даже смерть, заставлял его чувствовать ее присутствие с необычайной живостью, хотя четкого представления этой силы у человека не было [6, с. 41].

Как и почему человек чувствовал магическую сопричастность? Леви-Брюль говорит о принципе единства представлений в сознании, которые, будучи различны между собой по всему содержанию или по его части, впечатляли сознание одним и тем же образом. Какова бы ни была невидимая сила, каково бы ни было сверхъестественное влияние, присутствие или действие которых первобытный человек замечал или подозревал, едва только обратил на них внимание, эмоциональная волна, более или менее сильная, заполняла все его сознание.

Все представления рода пронизаны у первобытного человека подобной «эмоциональной струей». Каждое из представлений приобретает тональность, которая мгновенно погружает

первобытного человека в аффективное состояние, испытанное им уже много раз. У него нет нужды в интеллектуальном акте, для того чтобы распознавать это состояние. Здесь начинает действовать аффективная категория сверхъестественного. Таков, думается глубокий смысл столь многочисленных свидетельств, где первобытные люди на разные лады повторяют: «Основа наших идей о невидимых силах – страх, который они нам внушают», «Мы не верим, мы боимся» [6, с. 42, 43].

Как представляется, сверхъестественный мир выступает для первобытных людей как предмет их постоянного опыта, неотделимого от обычного опыта в повседневной жизни. Они чувствуют себя в непрерывном контакте с этими силами, – перед которыми испытывают страх, тревожное ожидание и эмоциональные волны [6, с. 45, 46].

Потребность защититься велика, защите могут дать амулеты, священные благотворительные обряды, обращение за помощью к профессионалам (колдунам), а также определенная модель поведения, предполагающая игровую театрализованную демонстрацию многочисленным духам своего почтения и трепетания перед ними. Так, благодаря страху перед сверхъестественным, драматические навыки и сфера воображения получили своеобразный творческий толчок к развитию.

В мире, окутанном опасностями, не вооруженные ничем, кроме собственной смекалки и осторожности, человек не может не плодить мифы и представления: об окружающем пространстве, о сородичах, о самом себе. Если бы мифологического мышления не было, его нужно было бы придумать, поскольку более благодатной почвы для грез, внутренних игровых миров и представить сложно. И это мышление далеко не безобидно. Об этом его качестве пишет Рене Жиран в работе «Козел отпущения»: «на самом деле магическое мышление не определяется бескорыстным любопытством. К нему чаще всего обращаются в случае бедствия. Само себя оно по-

нимает как оборонительное действие» [3, с. 92, 93].

По мере приспособления, расположения действительности, полной опасностей, к себе и себя к действительности человек обрастал традициями, шаблонами поведения и мышления. Желание избежать беды, опасности, убежать от страха нашло отражение в том числе в играх, которые до наших времен дошли уже в глубоко упрощенном, облегченном виде. Таковы, к примеру, дворовые игры, за которыми стоят древние и небезопасные ритуалы перекалывания ответственности, убегания от опасности. Хороводы и считалки – не что иное как древние, вышедшие из употребления заклятья; бильбоке и юла – древние магические орудия; ярмарочный шест – способ «добраться» до небес; воздушный змей – управляемая «внешняя» душа и так далее [5, с. 86]. Мир человеческой культуры пронизан воспоминаниями о трудных временах. И к сожалению, поиск «козла отпущения», дабы самому избежать беды, был обычным делом. Дворовые игры «кошка на дереве, собака на земле», догонялки, салочки – тому пример. Будучи веселым и легкомысленным занятием сегодня, они не были столь безобидны изначально. Ведь «догоняющий игрок», коснувшись плеча или спины другого, – убегающего, стремился передать собственную «скверну» и так освободиться от нее, уйти от ответственности, спрятаться. На помощь в поиске искупительной жертвы приходила и считалка, ныне столь любимая в каждом дворе. Когда жертва была найдена, собственно, и начинался бег друг за другом, предполагающий скорую передачу незаслуженно полученной «скверны».

Помимо передачи «скверны» другому, убегая от страхов, человек задеивал и инструменты маскировки; пряча себя за маской, например. Ведь маска не только дает защиту, скрывает от врагов, но и дарит определенную силу, силу трансформации и тайны, силу быть «другим».

Состояние защиты и ощущение власти над обстоятельствами не могло не влиять на психику человека. Быть

«в маске», то есть в безопасности, осмысливалось и запоминалось как предпочтительное «повседневному лицу». Вера в силу маски, когда «я» уже не «я», но иной, другой, – властный и сильный, – вела к нежеланию эту маску снимать (в прямом и переносном смысле). В маске человек никого не боится, но уже «... сам пугает других, он сам стал грозной и нечеловеческой силой. Ему достаточно для этого надеть себе на лицо им же изготовленную маску, облачиться в костюм, им же шитый по предполагаемому образу чтимого им существа и своего страха перед ним...» [5, с. 108]. Роже Кайуа характеризует данную ситуацию как «торжество притворства» и обращает внимание на предполагаемые негативные последствия увлеченностью маской. В частности, он пишет о неминуемом перерастании симуляции в одержимость, которая, в отличие от симуляции, уже не является притворной. Человек верит в пережитый опыт, который «подарила» маска [5, с. 108].

Страх смерти выступает как крайне убедительный экзистенциальный стимул развития театральности. Осознавая бессилие перед ее властью, пытаясь убежать, человек невольно развивал воображение, техники убегания и убеждения (внушения / самовнушения) в удачливости попыток. Одними из самых популярных техник станут актерские техники: они не помогали в прямом смысле слова, но обеспечивали состояние психологического комфорта, выполняли терапевтическую функцию, дарили спокойствие и надежду.

Профессия колдуна, шамана, крайне востребованная по этой причине, также не могла не опираться на театральные техники, поскольку человек всегда был и останется чувствительным к психосоматическому воздействию. Он легко мог заболеть только от одного подозрения или незначительного намека со стороны, будто его сглазили; и так же быстро – излечиться, особенно если колдун с помощью театрализованного представления особенно ярко и красочно «изгонял» из тела сглаз, болезнь, либо «договаривался» с ней.

Мы видим, что, в стремлении выжить, сохраниться, стать частью братства, коллектива, человек неизбежно прятался за ритуалом, притворством или маской. Стремясь обмануть смерть любимыми средствами, в том числе художественными, человек учился сочинять, внушать, убеждать; а инструменты и техники повседневной театральности в значительной степени помогли ему в достижении поставленных экзистенциальных задач.

Страх и театральность: психологический аспект

Размышляя о природе страха, Павел Умрюхин приходит к заключению, что страх – это «эмоционально окрашенное состояние, которое сопровождает ситуации, представляющие угрозу нормальной жизнедеятельности организма; и обычно это состояние сопровождается формированием оборонительной мотивации или другой, – но также направленной на избавление от опасности» [10].

Страх описывается как универсальный механизм. Он способен стать доминирующей мотивацией, побудить к действию и, наоборот, ввести в состояние ступора. Подобно боли, страх выступает как защитный механизм психики. Мотивация, стимулируемая им, может улучшать целенаправленное поведение, способствовать верным решениям, а может и мешать правильному соображению [10].

Предупреждая опасность, страх стремится выстроить стратегию поведения, способствует лучшему продумыванию возникшей ситуации, более тщательно определению вероятности достижения успеха или неудачи [8, с. 96, 97].

Как эмоциональное состояние, страх побуждает обратить отдельное внимание непосредственно на феномен эмоций, которые играют важную роль в поведении человека; дают субъективную окраску происходящему вокруг нас и в нас самих; помогают оценивать не только прошедшие или происходящие сейчас действия и события, но и будущие, выстраивая при этом прогностические вариации возможного.

Заметим, что как древнейшее образование психики человека, эмоции выполняли несколько функций, общих с функциями животных. Прежде всего, имеется в виду мобилизация организма к «боевой готовности». Эта роль наших чувств отражена в работе Ч. Дарвина (1872) «Выражение эмоций у человека и животных». Особое внимание он уделил оценке гибкой системы мотиваций, имеющей врожденный характер и названной им инстинктами [2, с. 168–170]. На разных ступенях эволюционной лестницы, с развитием и усложнением нервной системы оценка ситуаций становилась все более дифференцированной.

Важной в рамках исследования повседневной театральности является такая биологически целесообразная функция эмоций, как оценка происходящего вокруг – «ориентировочный инстинкт» [2, с. 168–170]. Благодаря сложной эмоциональной организации и реорганизации универсальных защитных механизмов, человек способен устранить неблагоприятную ситуацию или же приспособиться к обстановке, не допуская срыва нервной системы. Эмоции оказывают существенное влияние на все виды деятельности человека и животного, окрашивая в различные тона его волевые процессы, в том числе мобилизующая творческие возможности [2, с. 168–170].

На биологическом уровне эмоция возникает как ощущение, вызываемое процессами, протекающими в нервной и мышечной системах. В качестве активаторов эмоции следует рассматривать такие перцептивно-когнитивные процессы, как оценка и атрибуция [4, с. 46].

Каждая из эмоций выполняет социальную функцию. Сигнальный аспект жизненно важной системы взаимодействия человека с другими людьми складывается из его эмоциональных проявлений, выражение эмоции одним индивидом служит мотивирующим сигналом для другого [4, с. 46, 47]. Каждая из фундаментальных эмоций имеет свои уникальные мотивационные и адаптивные функции. Каждая – работает на человека и для человека, и то, что она делает, обычно идет человеку на пользу, осо-

бенно если корректно воспользоваться потенциалом, даруемом эмоцией как инструментами мотивации и адаптации. Сказанное касается и страха.

В конечном итоге, эмоциональное состояние страха оказалось весьма продуктивным в деле развития адапционных навыков человека. Это состояние стимулировало развитие прогностической функции психики. Поиск выхода из потенциально опасной ситуации формировал навыки идеального моделирования, воображение. Воображение училось выстраивать драматургию поведения, ответной реакции, подходящей обстоятельству образом и так далее.

В результате ежедневного эмоционального напряжения (вызов-ответ), стимулировались, формировались навыки артистического поведения в социальной среде. Данное наблюдение позволяет обозначить эмоции, и эмоцию страха, в частности, как важный фактор становления повседневной театральности.

Убегая от страха (смерти, опасности, встречи с неизвестным или, наоборот, слишком известным... колдуном, врагом, обманщиком), пытаюсь управлять собой и внешними обстоятельствами, насколько это позволяли возможности внешнего и внутреннего порядка, человек развивал в себе творческие навыки, которые складывались в комплекс поведенческих характеристик, отличающих повседневную театральность. В плавильном тигле переменных сочетаний различных эмоций повседневная театральность получала бесконечное число когнитивных стимулов для развития и приобретала драматургические навыки коммуникации и социального камуфляжа.

Страх и театральность: философский аспект

За осмыслением тезиса о феномене страха как экзистенциального стимула театральности обратимся теперь к философии.

Мы много чего боимся: сакрального, непознанного, боли, неизвестности, себя, «другого», самого страха, наконец. Этот список безграничен, как и сам че-

людей с его внутренним миром. Сердцевина страха есть священный трепет и бесконечная уязвимость, отсутствие контроля над обстоятельствами, равно как и ощущение внутренней несвободы. Что же может предпринять в данных предлагаемых обстоятельствах человек, чей инструментарий воздействия на вызовы ограничен, по большей части, им самим? Бей, беги, замри? Вполне возможно. А может, – «договориться», «задобрить», обхитрить страх?

Философский словарь обозначает страх как «один из основных видов человеческого отношения к миру; как важнейшее понятие экзистенциальной философии». Отдельно осмысливается вклад С. Кьеркегора в экзистенциальную «морфологию» страха как боязни перед какими-либо обстоятельствами и как безотчетного страха – тоски. Оговаривается тесная связь страха и тревоги, и Ж.-П. Сартр уточняет, что человек и есть тревога.

В словаре озвучивается также «глубина» постижения страха в философии М. Хайдеггера, для которого страх открывает последнюю возможность экзистенции – смерть; страх выталкивает человека за пределы сущего к ничто, и это мыслится как своеобразное условие постижения бытия. Не будь наше существование заранее выдвинуто в ничто, мы не могли бы встать в отношение ни к сущему в целом, ни к самим себе. Без выдвинутости в ничто, без мужественного заглядывания в ничто в состоянии страха нет возможности вопрошать сверх сущего, за его пределы, нет возможности повернуться лицом к бытию [12, с. 827].

Размышление о страхе, смерти и «ничто» напоминает о тех далеких временах, когда «...и Бог был еще бездетным, а мир наш – еще в зачатке; все было простым и ясным и не играло в прятки»; «когда ростки философий Господь еще прятал в теплице» [7, с. 20, 21], то есть о тех временах, когда именно артистическое убежание от смерти разрабатывало и развивало воображение, надстроечные миры культуры, загробный мир и многое другое, отдаляющее человека от мира природы, предписывающее ему

мир символов, вписывающее его в мир культуры. Движимый страхом смерти, человек осваивал скольжение между сакральным и профанным мирами [9, с. 73], мирами, которые он не только наблюдал, но и самостоятельно творил воображением.

Экзистенциальное убежание, – индивидуальное или с помощью сверхъестественных сил, шаманов, колдунов, – формировало самые разные приемы драматического приспособления к обстоятельствам и соплеменникам, которых можно было таким образом и построить, и припугнуть, и завлечь в миры ритуалов либо тайных братств. Страх и театральность в тандеме, словно питательная среда, активно влияли на социокультурное пространство раннего общества.

Страх социален, социально детерминированная этика – зачастую этика страха [12, с. 827]. Но порождаемый социумом, страх усиливал социальные связи человека, заставляя его по необходимости просить помощи у других людей. Совместная деятельность, социальные связи помогали оградить себя от опасных ситуаций. Одиноким и себялюбивым человек, в сложных условиях, испытывая бесконечную тревогу, в надежде выжить и быть в безопасности, вынужденно и, кстати, успешно объединялся в группы, общности и содружества [11, с. 628, 629]. Это крайне важно для исследования театральности наблюдения, поскольку театральность обусловлена социумом, творима, зависима и производна от него.

Заметим, что порой людям нравится бояться, нравится испытывать страх. Что это? Неужели страх – глубинное, трудноутолимое побуждение человека, когда он сам ищет возможности пугаться, сам устремляется навстречу страху?

Богатое историко-культурное наследие сохранило многочисленные тому подтверждения. В языческих культурах находим особые культы страха. Ф. Ницше отмечает особую тягу античного грека к «чудовищному ужасу, который охватывает человека», тягу к страху, который переживается греком как опьянение [1,

с. 569, 570]. Этот страх мало связан с реальной сиюминутной опасностью. Это страх, живущих в грезах, щекочущий нервы и воображение. Это то самое «lilnx», о котором пишет Роже Кайуа, – головокружение, адреналиновая зависимость, сладостная паника [5, с. 60].

Роже Кайуа замечает особое состояние духа и организма, которое раз за разом стремится пережить человек, ищущий головокружения. Это состояние – «на грани», где страх существует вперемешку с ужасом, доверие судьбе с доверием технике, состояние тошноты и удовольствия одновременно [5, с. 64].

Затаенная тяга к страху на архаических культурах не заканчивается и находит продолжение в христианской культуре. Верующий переживает целый спектр состояний, осмысливая ужас прегрешений (своих и чужих), и устремляясь к покаю как лекарству от страха. Конечно, и на христианской культуре примеры устремления к страху не заканчиваются. Страх как фантазия, как игра, как особое состояние души человека, сопровождает мир культуры по сей день.

Впору вспомнить о тесной связи театральности и игры – феноменов, свойственных экзистенциальной природе человека. Игровое состояние «lilnx» выступает как головокружительная разрядка от бесконечного напряжения жизни. Если бы «lilnx» (водоворот, головокружение) не было, его нужно было придумать. Театральность, в свою очередь, крайне нуждается в адреналиновой разрядке, так как, будучи проявлением рутины, держит человека в постоянном напряжении. Но часто ли головокружение сопровождает театральное поведение? Отнюдь, – театральный человек вынужден держать ситуацию под контролем, расслабляться (при всем желании) некогда. А «lilnx» – это состояние свободы, пусть и кратковременной; состояние, которого лишена театральность.

Щекотать нервы кратковременным страхом «lilnx» – есть удел игры, – феномена, «презирающего» скуку и свободного от нее. Переживать состояние постоянного напряжения, страха перед вызовами, сопровождающими повсед-

невность, когда страх становится рутиной, к нему привыкаешь, почти не замечаешь и постоянно оперируешь им, выстраивая модели ответа, реакции, взаимодействия с другими – есть территория театральности. Театральность гораздо чаще «имеет дело» с уставшим скучным повседневным человеком, которому не до игры, поскольку его разум забит «шлако-шаблонами» общения социума, которого он опасается, но к которому приспосабливается благодаря театральным техникам.

Выводы

1. Эмоциональное состояние страха сопровождает человека с первых шагов историко-культурного развития. Среди экзистенциальных вызовов, отдельно следует отметить страх смерти. Стремясь «убежать от смерти», человек развивал в себе творческое воображение и театральные техники «магической сопричастности» с экзистенциальными вызовами.
2. Эмоциональное состояние страха оказалось весьма продуктивным в деле развития адаптационных социальных навыков человека, оно развивало способности прогнозирования, идеального моделирования, планирования, управления.
3. Артистические навыки социального взаимодействия оттачивались благодаря осторожности, недоверию, страху перед «другими» и необходимостью приспосабливаться ради собственной безопасности к «другим». Так театральность получала стимулы для развития, приобретала драматургический багаж техник ролевого общения и социального камуфляжа.
4. Страх сопровождает феномены игры и театральности, но содержательно отличается. Страх в игре предполагает временное головокружение и удовольствие, дарит освобождение и разрядку от стресса. Повседневная театральность сопряжена с комплексом эмоциональных состояний страха, носящих постоянный выдержанный характер, свойственный повседневной рутине общения в социу-

ме и необходимостью выживать в социокультурной среде.

Литература

1. Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие / П.С. Гуревич. – 2-е изд., стер. – М.: Омега-», 2010. – 607 с.
2. Ефимова Н.С. Основы общей психологии: учебник / Н.С. Ефимова. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2013. – 288 с.: ил. (Профессиональное образование).
3. Жирар Рене. Козел отпущения. Изд. 2-е, испр. / Пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинда. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 336 с.
4. Изард К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1999, – 464 с.: ил. (Серия «Мастера психологии») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.koob.ru/izard/psihologiya_emociy (дата обращения: 15.01.2024).
5. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с. – (Нация и культура / Научное наследие: Антропология).
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – М.: Академический проект, 2021. – 421 с. – (Философские технологии. Социокультурная антропология).
7. Лорка Федерико Гарсиа Плач гитары: Стихотворения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
8. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В.Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.: ил. – (Серия «Учебник нового века»).
9. Стороженко Н.В. Страх в пространстве сакрального Жоржа Батая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3. С. 70–78.
10. Умрюхин П.Е. Страх: причины, механизмы и рефлексы / Биология. Постнаука [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.org/faq/41695> (дата обращения: 13.01.2024).

11. Фаизова Г.И. Страх как важная характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирск. ун-та. 2008. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-kak-vazhneyshaya-harakteristika-chelovecheskogo-byitiya> (дата обращения: 18.01.2024).
12. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006. – 1072 с.

FEAR AS AN EXISTENTIAL STIMULUS FOR THE DEVELOPMENT OF EVERYDAY THEATRICALITY: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky

In this paper, the thesis on the influence of emotions, in particular, the emotional state of fear as an existential stimulus, on the development of the phenomenon of everyday theatricality is comprehended. Analytical, critical, historical and cultural methods based on scientific data from cultural anthropology, psychology and philosophy are used as analysis tools.

The work emphasizes the philosophical and anthropological significance of fears as existential challenges that accompanied a human being from the first steps of development, among which, the fear of death is extremely important, since escaping from it into the worlds of dreams and imagination served as a powerful impetus for the development of creative artistic abilities of a person and theatricality as a socio-cultural phenomenon. The assumption is voiced that the emotional state of fear turned out to be productive in the development of adaptive social skills of a human being, which are extremely in demand by everyday theatricality.

Keywords: Everyday theatricality, emotional state of fear, fear of death, adaptation, mask, escape, artistry, existential stimulus.

References

1. Gurevich P.S. Philosophical anthropology: textbook. allowance / P.S. Gurevich. – 2nd ed., erased. – М.: Омега-», 2010. – 607 p.
2. Efimova N.S. Fundamentals of general psychology: textbook / N.S. Efimova. – М.: Publishing House "FORUM": INFRA-M, 2013. – 288 p.: ill. (Professional education).

3. Girard Rene. Scapegoat. Ed. 2nd, rev. / Per. from fr. G. Dashevsky; Preface A. Etkind. – St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2023. – 336 p.
4. Izard K.E. Psychology of emotions / Transl. from English – St. Petersburg: Peter, 1999, – 464 p.: ill. (Series “Masters of Psychology”) [Electronic resource]. – URL: https://www.koob.ru/izard/psihologiya_emociy (date of access: 01/15/2024).
5. Caillois R. Games and people; Articles and essays on the sociology of culture / Roger Caillois; Comp., trans. from fr. and entry Art. S.N. Zenkina. – M.: OGI, 2007. – 304 p. – (Nation and Culture / Scientific Heritage: Anthropology).
6. Lévy-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking / Transl. from fr. B.I. Sharevskaya. – M.: Academic Project, 2021. – 421 p. – (Philosophical technologies. Sociocultural anthropology).
7. Lorca Federico Garcia Lament of the Guitar: Poems. – M.: EKSMO-Press, 2001. – 384 p.
8. Psychology. Textbook for humanitarian universities / Ed. ed. V.N. Druzhinina. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 656 pp.: ill. – (Series “Textbook of the New Century”).
9. Storozhenko N.V. Fear in the sacred space of Georges Bataille // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. 2020. No. 3. P. 70–78.
10. Umryukhin P.E. Fear: causes, mechanisms and reflexes / Biology. Postscience [Electronic resource]. – URL: <https://postnauka.org/faq/41695> (access date: 01/13/2024).
11. Faizova G.I. Fear as the most important characteristic of human existence // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2008. No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-kak-vazhneyshaya-harakteristika-chelovecheskogo-bytiya> (date of access: 01/18/2024).
12. Philosophy: encyclopedic dictionary / ed. A.A. Ivina. – M.: Gardariki, 2006. – 1072 p.

Судьбы русской философии середины XIX века: прерванный полет

Шарова Марина Александровна,

к.ф.н., доцент, Калужский государственный университет им К.Э. Циолковского
E-mail: SHAROV.KALUGA@mail.ru

Статья посвящена анализу становления университетской (= академической) и публицистической формам философии в первой половине XIX в., где деятельность первой – регламентировалась правительственными Уставами 1804 г., 1835 г., 1863 г., поэтому философская мысль была весьма консервативна и сдержанна; в то время как формы реализации второй были весьма разнообразны – от литературных салонов, до всевозможных полулегальных/нелегальных обществ (любомудры, декабристы, славянофилы, западники, петрашевцы, почвенники и т.д.), допуская некое свободомыслие и пренебрежение имперскими идеями абсолютизма. Философия стала своеобразным силовым полем социально – политического и культурного противостояния существующему режиму, рефлексией национального самосознания, показав возможности и альтернативные пути развития России. Несмотря на формальное и идейное разнообразие, философская мысль первой половины XIX в. представляла плеяду самобытных и уникальных философских идей, оказавших огромное влияние на дальнейшее формирование российского общества и культуры в целом.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, университетская философия, публицистическая философия, институционализация философии, идейно-политические объединения, кружки, славянофилы, западники.

«Польза от философии не доказана, а вред от нее возможен», – фраза министра народного просвещения П.А. Ширинского – Шихматова (1849) [6, Т. 1, С. 517], по – сути, инициировавшая гонения на прогрессивную общественность в эпоху Николая I, когда философская мысль фактически была признана отдельным силовым полем социально – политической жизни. Подобные запреты на философию как нельзя лучше показывают неспособность имперской системы сер. XIX в. повлиять на глубокие рефлексивные процессы, происходившие в русском обществе. В рамках философских исканий были поставлены вопросы не только о том «Кто виноват?» (А.И. Герцен), но и «Что делать?» (Н.Г. Чернышевский).

Причина идеологических разногласий крылась в том, что в России только поддержка со стороны государства могла обеспечить функционирование системы профессиональной подготовки в области философии. Последняя же ее получала не всегда. О протекторате философского образования «сверху» свидетельствовали политика Василия III (Филофей «Москва – третий Рим», как символ национального самосознания), Петра I (концепция «Российской Европы»), как приобщение к западной культуре), Елизаветы Петровны, поддержавшей идею основания Императорского Московского университета (1755).

В дальнейшем пути политики и рефлексии национального сознания – «надо ли жить России по собственным законам или, напротив, все беды от ее обособленности» – разошлись. Философского решения принято не было, отсюда и ее научная невостребованность. Более того, в политике XIX в. укоренилось иное видение проблемы – философия заводит в тупик – сперва административного произвола, а затем и революции. Отсюда правительственные притеснения, ограничения преподавания философии,

усиление цензуры и т.д. носили скорее охранительный характер от «революционной заразы Европы», нежели подразумевали искоренение философствования.

Институционализация философии, усиление роли профессиональной философской мысли и т.д. делали обреченным самостоятельность ее дальнейшего существования. Будучи специфичным культурным продуктом, университетская философия почти сразу же обрекалась спектром циркуляров. К сер. XIX в. в России уже насчитывалось шесть университетов: Московский (1755), Дерптский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Санкт-Петербургский (1819), Киевский Святого Владимира (1834); а также четыре духовные академии: Санкт-Петербургская (1809), Московская (1814), Киевская (1819), Казанская (1842). Еще два университета: Виленский (1803–1832) и Александровский в Варшаве (1816–1831) закрыли после подавления польского восстания (1830–1831).

Следующим аргументом, объясняющим давление на философию со стороны правительства, являлось ее утилитаристское отношение к знанию и образованию в целом. Свободолюбивый характер философии, обращение к новейшим достижениям западноевропейской мысли способны были пробудить у студентов критичность мышления, желание активных социальных преобразований. Обращение к идеям и взглядам: П.Ж. Прудона, Ф. Лассалья, И. Канта, Г. Гегеля, Ф.В. Шеллинга, Л. Фейербаха, О. Конта, Г. Спенсера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, К. Маркса, А. Сен – Симона, Ш. Фурье и т.д. свидетельствовали не только о росте отечественного философского знания, но и о теоретическом заимствовании у Европы. «... у русского народа огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он легко ... впадал в крайности» [1, с. 14]. Анализ отечественной периодики за 1830–1840-е гг. свидетельствовал о слабом обращении к святоотеческим традициям в пользу западноевропейских школ. Да-

же в текстах славянофилов, декларировавших возрождение древней русской мудрости и философии восточных отцов церкви мало использовано соответствующих трудов. Правительство же пугала революционная угроза, нависшая над Западом в конце 1840-х гг., отсюда радикальные поиски возможности предотвращения волнений в русском обществе.

Опасение вызывали «кружки», возникшие как идейно – политические объединения для обсуждения различных философских вопросов (ранние (1820-е гг.) – любомудры и декабристы, более поздние (1840-е гг.) – общества А.И. Герцена и Н.П. Огарева, братьев В.И., М.И., П.И. Критских, Н.П. Сунгурова, Н.В. Станкевича, М.В. Буташевича – Петрашевского и т.д.). Большое значение имела «вольная философия», завуалированная под публицистическую деятельность (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, Н.Н. Страхов и т.д.). Хотя деятельность многих из них была непродолжительной, но министр народного просвещения С.С. Уваров вынужден был признать влияние подобной философии на умы современников.

Цензура и Третье отделение не справлялись с идеологическим потоком, тем более, что после закрытия ряда периодических изданий («Телескоп. Журнал современного просвещения», «Московитянин» и т.д.), а также запрета на публикацию трудов, русские деятели стали издаваться за границей. Например, на Западе вещал знаменитый «Колокол» А.И. Герцена, со страниц которого провозглашалось право крестьян на землю, общинное владение, мирское самоуправление и т.д. Об усилившейся цензуре свидетельствует тот факт, что следствием по делу «Телескопа» занимались шесть инстанций: Третье отделение во главе с А.Х. Бенкендорфом, Министерство народного просвещения и духовных дел и министр С.С. Уваров, Канцелярия московского военного генерал-губернатора С.А. Голицына, московская полиция и обер-полицеймейстер Л.М. Цынский, московская жандармерия во главе с генералом С.В. Перфильевым, а также Главное цензурное управление [3].

1820–1840-е гг. – «пробуждение» – время образования влиятельных философских течений, задачей которых стало осмысление социокультурного пути развития России. 1820–1821 гг. ознаменованы «делом профессоров» Санкт-Петербургского университета, с участвовавшими проверками их «нравственного состояния», инициированные членом Главного правления училищ Д.П. Руничем. Усмотрев в работе профессора А.П. Куницына «Право естественное» (1818–1820) нравственно – крамольные основы, противоречащие христианскому нравоведению, Д.П. Рунич добился его увольнения. Для «полноты» нравственной дисквалификации профессорского состава начались привлечение и проверка студенческих тетрадей. Аналитике студенческих материалов проводили Д.П. Рунич, Д.А. Кавелин, А.Н. Голицын. Результат был ожидаемым, то есть неудовлетворительным. Не сумев противостоять интригам, С.С. Уваров подал в отставку. Для рассмотрения «дела профессоров» с 3–7 ноября 1821 г. были созваны Чрезвычайное собрание правления и Конференция университета. Обвинение в распространении антигосударственной идеологии, акцентировании социально – политической и экономической проблематик вместо богословской, исторической и эстетической предъявили профессорам Э.В. Раупаху, Ж.Ф. Деманжу, К.И. Арсеньеву, К.Ф. Гершану, Ф.Б. Шармуа с их последующим увольнением. Раскаявшийся А.И. Галич, хоть и избежал отставки, но лишился права преподавательской деятельности, в 1825 г. он был отстранен от профессуры, а в 1837 г. оставил университет окончательно. Гонение на профессоров прекратилось в 1827 г. по распоряжению Николая I. Кандидатуры профессорско-преподавательского состава стали проходить обязательное утверждение в Министерстве народного просвещения и духовных дел.

Философские занятия с этого момента находятся под пристальным контролем власти. В связи с тем, что «профессиональной философии» в университетах и духовных академиях был на-

несен значительный урон, возросла роль «вольной философии», представителей которой привлечь к ответственности было сложнее. Но и здесь было не все однозначно. За самораспустившимися любомудрами (1823–1825, журнал «Московский вестник»), излагавшими идеи романтизма (искусство + философия + наука), последовали куда более решительные декабристы, опиравшиеся на работы: В.В. Попугаева, И.П. Пнина, А.С. Кайсарова, А.П. Куницына и т.д. Либеральные послабления Александра I были использованы декабристами для формирования общественного мнения в пользу конституционных реформ, но так и оставшихся проектами (проект М.М. Сперанского). Гонения на декабристов не привели к отказу от их философских и социально-политических идей. В период сибирской каторги М.С. Лунин в качестве первоочередной задачи философии отмечал служение тем предметам, «до которых человеческий ум может сам собой идти» [4, с. 82].

«Философические письма» (1836) П.Я. Чаадаева, показавшего проблемы национального развития, вызвали переполох в общественном сознании. Несмотря на то, что рукописи П.Я. Чаадаева уже давно «ходили по рукам» и были хорошо известны просвещенной публике, реакцией правительства стали: закрытие журнала, отстранение от всех должностей А.В. Болдырева, ссылка издателя Н.И. Надеждина в г. Усть – Сысольск. М.И. Жихарев (биограф П.Я. Чаадаева) писал, что публикация «Письма» стала «литературным и научным событием», поскольку около месяца все прогрессивное московское общество только эту тему и обсуждало. В отношении автора «Письма» поступили более «мягко» – П.Я. Чаадаева вызвали к обер-полицмейстеру для дачи подписки о прекращении литературной деятельности, а также признали его психически невменяемым с последующим врачебным надзором.

О подъеме национального самосознания и духовном освобождении свидетельствовали сформированные в конце 1840-х гг. течения: славянофилов (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, братья

К.С. и И.С. Аксаковы и др.) и западников (П.В. Анненков, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин и др.). Славянофилы – отдавали приоритет национальному своеобразию России, а западники – ориентировались на восприятие европейских традиций, но оба направления искренне желали процветания своему Отечеству. В полемике оба идейных течения не допускали резких выражений в отношении правительства, с уважением относились к идеям оппонентов, что не давало повода властям открыто перейти к гонениям. Более того, оба течения сыграли важную роль в подготовке российского общественного мнения к крестьянской реформе: «Положение 19 февраля 1861 года», составленное славянофилом Ю.Ф. Самариним, было поддержано одним из представителей западников – К.Д. Кавелиным. В 1852 г. закрыли «Московский сборник», где печатались славянофилы, а все их публикации впредь должны были получать специальное разрешение Главного управления цензуры. Влияние славянофилов на общественное сознание было поистине велико: идеи Ю.Ф. Самарина нашли отклик в ранних работах К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева.

В 1831 г. в стенах Московского университета возник кружок Н.В. Станкевича, куда входили: В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, М.Н. Катков, Т.Н. Грановский, Я.М. Неверов и т.д. Свои идеи они пропагандировали с университетских кафедр (Т.Н. Грановский, П.Г. Редькин), в периодической печати («Московский наблюдатель», «Московские ведомости», «Отечественные записки» и т.д.), в литературных салонах (Елагиных, Свербеевых, Чаадаева и др.). Признавая авторитет Европы, они расходились в понимании путей дальнейшего развития России: буржуазная парламентская республика или социализм? Т.Н. Грановский и К.Д. Кавелин отвергали революционные методы борьбы и признавали «самодержавную республику». В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев рассматривали философию как средство для обоснования политических идеалов, необходимое для преобразования

российской действительности не только средствами просвещения, но и революционными методами. Выступая за идеи социализма, они видели проблему в низкой социальной активности личности и полагали, что только силой народного движения можно совершить переустройство общества. М.А. Бакунин явился одним из наиболее радикальных представителей западничества, пропагандирующий идею «безгосударственного социализма» (= анархизм). Третье отделение было хорошо осведомлено о «передвижениях» западников через своих агентов, аккуратно слушавших лекции и посещавших салоны. Опале правительственных чиновников подверглись наиболее видные деятели западничества: А.И. Герцен дважды побывал в ссылке (Вятка, Новгород), М.А. Бакунин – ссылалка в Сибирь, был узником Петропавловской крепости. В немилость властей попал и В.Г. Белинский. Об одном из эпизодов его жизни А.И. Герцен вспоминал так: «Скобелев, комендант Петропавловской крепости, говорил, шутя, Белинскому, встречаясь на Невском проспекте: – Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для Вас его и берегу» [2, с. 29]. После смерти В.Г. Белинского его имя до 1856 г. было запрещено в печати. Однако, отдавая дань правде и казусам истории, надо сказать, что западник К.Д. Кавелин в 1857 г. был приглашен наставником к цесаревичу Николаю Александровичу преподавать русскую историю и гражданское право.

Петрашевцы – члены кружка разночинской интеллигенции, организованного М.В. Буташевичем – Петрашевским, и примыкавших к нему кружков (С.Ф. Дурова, Н.С. Кашкина, братьев Майковых, А.В. Ханькова), собирались в Петербурге (1845–1849). Активное участие в деятельности кружка Петрашевского принимали: Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, М.Е. Салтыков – Щедрин, В.А. Милютин, П.П. Семенов – Тяньшанский, М.И. Глинка, А.Г. Рубинштейн и т.д. Движение не было идейно однородным, но на собраниях велись дискуссии о политических событиях в мире,

отмене крепостного права, демократизации общественной жизни в России, проблемах философии, религии, литературы. В апреле 1849 г. их деятельность была прервана массовыми арестами полиции. По делу петрашевцев привлечены 123 человека, из которых 21 человека судебным постановлением приговорили к смертной казни на Семеновском плацу в Петербурге (впоследствии заменена ссылкой, каторжными работами, арестантскими ротами и т.д.). Сам М.В. Буташевич-Петрашевский после оглашения окончательного приговора закован в кандалы и отправлен в Сибирь на пожизненную каторгу.

В феврале 1850 г. на Н.П. Огарева был послан в Петербург донос, обвиняющий философа в организации «коммунистической секты» и «вредном политическом образе мысли». Н.П. Огарев был арестован, но за неимением веских доказательств отпущен жандармерией с установлением надзора.

В июне-июле 1862 г. арестовали Н.Г. Чернышевского, Н.А. Серно-Соловьевича, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова. Н.Г. Чернышевский был заключен под стражу в Александровский рavelин Петропавловской крепости, а в 1864 г. приговорен к семи годам каторжных работ и бессрочному поселению в Сибири. Н.А. Серно-Соловьевич находился в заключении в Петропавловской крепости три года (1862–1865), затем отправлен в Сибирь, участвовал в организации Кругобайкольского восстания (1866). Находясь в крепости Н.А. Серно-Соловьевич составил «Записку» царю, в которой рассуждал о народе и о будущем правительстве («Записка» подшита к делу арестанта и опубликована в 1905 году). 1862–1866 в Петропавловской крепости под арестом находился Д.И. Писарев за статью-прокламацию против брошюры заграничного агента царского правительства барона Фиркса. Последний, действовавший под псевдонимом Шедо-Ферроти, пытался «разоблачить» и показать несостоятельность идей А.И. Герцена.

Строжайший контроль за идеологическими тенденциями русского общества сер. XIX в. вовсе не означал, что

философия была сведена на нет, но все делалось для «вымывания» ее элемента из общественного сознания. Внеуниверситетская, публицистическая философия в России всегда была влиятельнее, чем университетская традиция, поскольку ориентировалась на общественные, моральные, эстетические проблемы. Университетская философия была институционально стабильна, являлась базовым элементом для сохранения соответствующего уровня философских знаний в обществе. Но, преподаваемая под строгим надзором попечителей учебных округов, и она внушала самодержавию определенную тревогу как наука, стремящаяся все подвергнуть суду разума, способная посеять сомнение и общественное смятение. К преподаванию философии допускались лица, прошедшие хорошую подготовку и выдержавшие ряд специальных экзаменов, преподаваемые философские дисциплины были четко регламентированы. Нелояльного властям профессора можно было уволить в кратчайшие сроки по любому поводу. Поэтому о формировании собственной университетской традиции философии и об оригинальности университетской мысли в первой половине XIX в. можно говорить достаточно условно. Учрежденный в 1804 г. при университетах цензурные комитеты отслеживали любое «интеллектуальное новшество». А реорганизация учебного процесса в 1817 г., объединившая три учреждения: Министерство народного просвещения, Главное управление духовных дел православного исповедания Святейшего Синода, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий в единое Министерство народного просвещения и духовных дел, по – сути, определило политику в сфере образования на долгие годы.

Наиболее громкие случаи отстранения профессоров от занимаемых должностей за этот период были в Казанском, Киевском, Петербургском и Московском университетах. Занявший кафедру философии Казанского университета в 1811 г. выпускник Петербургской духовной академии А.С. Лубкин, вынуж-

ден покинуть ее в 1820 г. в связи с притеснениями М.Л. Магницкого, бывшего тогда попечителем Казанского учебного округа, и признавшим труды философа «зловредными», подлежащими уничтожению. В результате ухищрений М.Л. Магницкого все работы А.С. Лубкина были изъяты из учебного материала, опечатаны и сданы в архив. Два года в Казанском университете на должности профессора продержался И.Е. Селезнев (1817–1819), уволенный за то, что в чтении лекций руководствовался «духом не весьма полезным и пособием, весьма удаленным от христианского учения». В 1819 г. М.Л. Магницкий добился инспектирования Казанского университета, где обнаружил массу недостатков и «духовной заразы» со стороны философских программ (увлечения немецкой философией). Его предложением явился «Акт об уничтожении (закрытии) Казанского университета». Однако с назначением в 1827 г. на должность попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина – Пушкина эпоха притеснений на философию отступила.

В сер. XIX в. кафедру философии в Киевском университете возглавлял профессор О.М. Новицкий. Преподавание философских дисциплин велось на хорошем уровне: логика, теоретическая и прикладная психология, этика, история философии. Для студента соответствующего факультета недельная нагрузка философских дисциплин составляла 5–10 часов. Но уже в 1836 г. Совет университета признал целесообразным объединить преподавание моральной философии с естественным правом в единый предмет – этику. В январе 1839 г. в связи с беспорядками, по распоряжению Николая I, чтение лекций по философии в Университете Святого Владимира прекращено до следующего учебного год. С началом судебного процесса над членами Кирилло – Мефодиевского общества (основатели В. Белозерский, Н. Гулак, 1846) преподавание философии запретили вторично. **Весной 1847 г. царские власти арестовали в Киеве 12 постоянных участников Кирилло – Мефодиевского общества и отправили**

в Петербург. В 1850 г. отделение философского факультета реорганизовали в историко-филологический, а кафедру философии присоединили к кафедре богословия. Светские профессора философии от работы были отстранены, а чтение лекций по логике и практической психологии закреплено за профессорами богословия, назначение которых согласовывалось с Министерством народного просвещения и духовных дел.

В Московском университете дело обстояло несколько хуже: внимательно отслеживалось содержание лекционного материала и любое отклонение сурово пресекалось. Показателен случай с профессором И.В. Мельманном, который, несмотря на научную авторитетность, был отстранен от должности и выслан из России (1795). С 1821 г. после смерти профессора философии А.М. Брянцева Министерство народного просвещения и духовных дел на эту должность никого не утверждало. Выбранный Советом университета в 1826 г. на данную вакансию профессор И.И. Давыдов, после прочтения лекции «О возможностях философии как науки» перевелся на физико-математическое отделение, поскольку лекция по философии была признана идеологически опасной. В 1830 г. руководство университета представило доклад в соответствующее Министерство о разрешении читать в университете курс философии, но утвердительного заключения так и не получила – кафедра философии осталась вакантной. В общей сложности перерыв в преподавании философии в Московском университете составил 35 лет: с 1821–1845 и 1850–1861 гг. В 1845 г. лекции по философии поручили читать адъютанту М.Н. Каткову, но Высочайшее повеление императора от 22 июня 1850 г. «Об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологией с возложением чтения оных на профессора богословия» вновь все усилия свело на нет.

В Петербургском университете после громкого «дела профессоров» 1820-х гг. с последующим увольнением 5 человек Главным управлением училищ стали

регламентировать не только преподавание философии, но и прочих дисциплин. Из учебного заведения изъяты книги П.Д. Лодия и А.И. Галича. Дальнейшее преподавание философии поручено профессорам Казанского университета М.А. Пальмину и Я.В. Толмачеву, но и их вскоре признали «профессионально несостоявшимися». Назначенный вслед за ними профессор А.А. Фишер (1832) быстро понял политические обстоятельства, при которых ему пришлось выступить в качестве представителя философской кафедры. Поэтому философию он воспринял как науку, которая при сложившихся обстоятельствах должна вести трудную борьбу за собственное существование.

Высочайшим повелением Николая I (1850) «упразднилось преподавание философии светскими профессорами в университетах Санкт-Петербурга, Московском, Св. Владимира, Харьковском и Казанском, а также в главном Педагогическом институте и Ришельском лицее, и возложением чтения логики и опытной психологии на профессоров богословия или законоучителей, назначенных к этой должности по сношению Министерства Народного Просвещения с духовным ведомством Православного исповедания» [7, с. 1414]. «Повеление» императора не распространялось только на один Дерптский университет, с преобладающим числом немецких слушателей, где курсы преподавания философии сохранились.

В духовных академиях дело обстояло несколько лучше. Развитие профессиональной философии в академической среде приносило результаты. В Киевской Духовной академии развивали свои идеи: христианской антропологии И.М. Скворцов, умозрительной психологии архимандрит Феофан (в миру П.С. Авсенов), историю философии разрабатывал С.С. Гогоцкий. Вершиной академической деятельности С.С. Гогоцкого стало издание «Философского лексикона», явившегося первой русской философской энциклопедией. Христианско – теологический идеализм П.Д. Юркевича и обращение к традиции духов-

но – академического философствования вылились в разработку сквозных тем для русской философии: «философию сердца» и «метафизику любви». В деятельности Московской Духовной академии заметный след оставили: по вопросам метафизики, онтологии и умственному богословию Ф.А. Голубинский, по тематике теистической философии В.Д. Кудрявцев – Платонов.

История Санкт-Петербургской Духовной академии представлена именами: иеромонаха Евгения (в миру А.Е. Казанцев), И.Я. Вертинского, Т.Ф. Никольского, И.М. Певницкого, В.Н. Карпова и т.д. Первым оригинальным философом в академии был Ф.Ф. Сидонский. В 1833 г. он издал курс лекций «Введение в науку философии», за которые в 1835 г. был удостоен Академией наук полной Демидовской премии. Но поскольку его современники продолжали читать лекции по Вольфу и Баумейстеру, согласовывая свои компиляции с волей начальства, то труд Ф.Ф. Сидонского оказался невостребованным. Более того, Ф.Ф. Сидонский напечатал рукопись с дозволения светской (цензор А.В. Никитенко), а не церковной цензуры, за что ректор Духовной академии Филарет (В.М. Дроздов), впоследствии Московский митрополит, отстранил его от преподавания философии, а через год вообще лишил места. В последующие годы Ф.Ф. Сидонский служил священником в Казанском соборе, занимался переводами философских сочинений, сверял переводы для Академии наук. В 1864 г. по инициативе А.В. Никитенко престарелый Ф.Ф. Сидонский был приглашен на вновь открывшуюся в Петербургском университете кафедру философии.

Первыми профессорами Казанской Духовной академии (1842) стали: Ф.А. Голубинский, И.А. Смирнов-Платонов, архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский). Духовная академия Казани контролировала все низшие и средние религиозные заведения от Нижнего Новгорода до Кавказа и по всей Сибири. Значимость для культурного развития академии и региона имела передача части библиотеки Соловецкого монастыря

в хранилище созданной Духовной академии в Казани (1855): 1515 рукописей и 83 старопечатных изданий.

Духовные академии выступали хранителями не только культурных традиций, но и лучших достижений отечественного философского образования. Сохранение общей интеллектуальной атмосферы в академиях позволило при восстановлении университетских кафедр философии (устав 1863) заимствовать во многом утраченный опыт системы высшего философского образования. О синтезе духовно – академической и университетской традиций свидетельствует то, что многие академики (И.Г. Михневич, О.М. Новицкий, С.С. Гогоцкий, П.Д. Юркевич и т.д.) стали профессорами философии Решельевского лицея в Одессе, Киевского и Московского университетов [5, с. 285–295].

Новый Университетский устав 1863 г. предоставил университетам больше самостоятельности в делах внутреннего управления, создал более благоприятные условия для научной и учебной деятельности, повысил привлекательность преподавательской работы для молодых людей и т.д., но не смог решить мировоззренческой перспективы – философия, хотя и не подвергалась прямому гонению, но правительство относилось к ней с равнодушием, а иногда и с пренебрежением.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2008. 318 с.
2. Герцен А.И. Полное собрание сочинений. Т. 9. 1955. 347 с.
3. Из письма графа Бенкендорфа к Уварову. // Русский архив. 1884. № 4.
4. Лунин М.С. Сочинения и письма. СПб., 1923. 152 с.
5. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. М., 2001. 629 с.
6. Никитенко А.В. Записки и дневник (1826–1877). СПб. 1893. 151 с.
7. Сборник постановлений Министерства Народного Просвещения. Т. 3. СПб. 1855. 1434 с.

THE FATE OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURE: AN INTERRUPTED FLIGHT

Sharova M.A.

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

The article is devoted to the analysis of the formation of university (= academic) and journalistic forms of philosophy in the first half of the XIX century, where the activities of the first were regulated by government Charters of 1804, 1835, 1863, therefore philosophical thought was very conservative and restrained; while the forms of implementation of the second were very diverse – from literary salons, before all kinds of semi-legal/illegal societies (lubomudry, decembrists, slavophiles, westerners, petrashevites, pochvenniki, etc.), which allowed some kind of free thinking and disregard for the imperial ideas of absolutism. Philosophy has become a kind of force field of socio-political and cultural confrontation with the existing regime, a reflection of national identity, showing the possibilities and alternative ways of development of Russia. Despite the formal and ideological diversity, philosophical thought in the first half of the 19th century presented a galaxy of original and unique philosophical ideas that had a huge impact on the further formation of Russian society and culture as a whole.

Keywords: spiritual and academic philosophy, university philosophy, journalistic philosophy, institutionalization of philosophy, ideological and political associations, circles, slavophiles, westerners.

References

1. Berdyaev N.A. The Russian idea. M. 2008. 318 p.
2. Herzen A.I. Complete works. Vol. 9. 1955. 347 p.
3. From a letter from Count Benckendorf to Uvarov. // Russian archive. 1884. N 4.
4. Lunin M.S. Essays and letters. St. Petersburg. 1923. 152 p.
5. The history of Russian philosophy: Studies for universities / Editorial board: M.A. Maslin et al., M. 2001. 629 p.
6. Nikitenko A.V. Notes and diary (1826–1877). St. Petersburg. 1893. 151 p.
7. Collection of resolutions of the Ministry of Public Education. Vol. 3. St. Petersburg. 1855. 1434 p.

Полифонический метод Г. Генделя в художественно-эстетическом и религиозном контекстах начала XVIII в.

Скобелева Галина Анатольевна,

аспирант, кафедра эстетики, Московский
государственный университет имени

М.В. Ломоносова

E-mail: galinaskobeleva85@yandex.ru

В статье музыкальное творчество Георга Фридриха Генделя сопоставляется с современными ему философскими воззрениями британских философов Нового времени с одной стороны и эстетики англиканства с другой стороны. Задача данного исследования – проследить не музыковедческие, но философские и эстетические предпосылки успеха генделевского наследия в Великобритании. Поэтому автор считает необходимым исследовать связи и параллели с эстетическими воззрениями английских эмпиристов, таких как Д. Юм, Д. Бёркли, Д. Аддисон, и с их суждениями о вкусе. Кроме того, в статье содержится краткий экскурс в историю развития английской музыкальной культуры анализ влияния идей пуританства. Также важным моментом является анализ состояния английского национального музыкального искусства до прибытия Генделя в Англию, критику английской национальной оперы и попытку создать национальный английский оперный театр.

Ключевые слова: музыкальное искусство; английский стиль барокко; Гендель; эстетика.

Стиль барокко, с его пышными театральными эффектами, был характерен для итальянской композиторской и исполнительской школы эпохи ее расцвета в равной степени и для литургической, и для светской музыки. Весьма востребованной в литургическом контексте оказывается полифоническая техника. Полифония эпохи барокко в этом смысле является уникальным синтетическим феноменом, который объединяет и религиозно-символическое, и художественно-эстетическое, и интеллектуальное начала.

Для английской музыки второй половины XVII в., напротив, в большей степени был характерен стиль камерного, созерцательного музицирования. Как отмечал Н. Арнонкур, «в эпоху барокко, когда во всех других странах наибольшее внимание уделяли внешним эффектам, англичане значительно больше интересовались содержанием и глубиной выражения. Следовательно, английская барочная музыка не является концертной, предназначенной для виртуозов, красующихся перед экзальтированной публикой, а музыкой изысканной и глубокой, для небольшого круга посвященных» [1, с. 81–82]. И, несмотря на это историческое обстоятельство, музыкальное наследие такого выдающегося представителя музыкального барокко, как Георг Фридрих Гендель, очень ценится в Великобритании. О данном феномене культурной жизни писал ещё Д.Б. Шоу в своём эссе «О Генделе и англичанах»: «Для англичан Гендель не просто композитор, но объект культа. Скажу больше – религиозного культа! Когда во время исполнения «Мессии» хор начинает петь «Аллилуйю», все встают, как в церкви. Английские протестанты переживают эти минуты почти так же, как если бы лицеизрели поднятие чаши со святыми дарами» [2, с. 122–154]. Почему искусство Георга Фридриха Ген-

деля так органично прижилось на английской почве – вопрос, требующий многопланового рассмотрения. Русскоязычных работ, посвященных эстетико-философскому анализу музыкального творчества Генделя, не так много. Среди статей последних лет можно статью Малкова П.Ю. «Бах и Гендель: два религиозных мировоззрения в музыке» Вестник ПСТГУ V: Музыкальное искусство христианского мира 2007. Вып. 1 (1); статью Швецово́й Ольги Юрьевны и Дмитриева Владислава Алексеевича «Ораториальное творчество Генделя на примере оратории «Иуда Маккавей» (Человек и культура, 2019–1).

Музыка в Англии второй половины XVII в. представляет собой уникальное явление не только в связи с историческими условиями, но и в связи с особым отношением к искусству в англиканской культуре. Развитие английской музыки испытало значительное влияние религиозного пуританизма. Пуританизм, начавший своё движение ещё в 1540-х годах, этимологически происходит от английского *pure* («чистый»). Стремление очистить все сферы человеческой жизни и деятельности от излишнего, наносного и недостаточно благочестивого – выразилось в в определённых рестрициях, направленных на искусство и музыку. Англиканская церковь играет важнейшую политическую роль и главой её является не папа или патриарх, но монарх. Идея богоизбранного народа вполне свойственна жителям Туманного Альбиона. Кроме того, как отмечает Е.П. Макаров, церковь осуществляла регламентацию в ряде аспектов и проникала во все сферы жизни граждан [3, с. 146–156]. Религиозному контролю подлежали все вопросы нравственности. На социальном уровне церковь регулировала вопросы общности граждан, их воспитания, образования, вменялось в обязанность регулярное посещение богослужений, поощрялась благотворительность. Но пуритане нетерпимо относились к церковной музыке, да и к театральному искусству в целом. Макс Вебер отмечал, что «в пуританизме возродилась во всем ее величии вера в народ,

избранный Богом» [4, с. 193]. А значит, любые авторские вольности в искусстве должны были подвергаться неумолимым рестрициям. В годы главенства пуританистского движения закрывались театры, и в целом отношение к искусству становится все более отрицательным: «дьявол выдумал все эти игры, медведжи травли и тому подобное» [5, с. 230].

Несмотря на столь строгий религиозный фон, общее музыкальное развитие продолжило свой ход. Национальные интересы требовали укрепления самосознания английских граждан в сфере культуры и искусства. В период Республики, в 1653, в Лондоне состоялась премьера маски «Купидон и Смерть» Шёрли с музыкой М. Лока и К. Гиббонса. А в 1656 была поставлена и первая английская опера – «Осада Родоса» («*Singe of Rhodes*») драматурга У. Давенанта и композитора Г. Лоуса, Г. Кука, Дж. Хадсона и Ч. Колмена. В английской музыкальной культуре сочетались влияние европейских музыкальных школ и стремление к сохранению самобытных музыкальных традиций. Семнадцатый век в целом испытал на себе много разных влияний, связанных с музыкой, в частности, расцвет национальной школы вёрджинелистов приходится именно на конец 16-начала 17 го веков. Здесь стоит отметить, что поначалу, в эпоху правления Тюдоров (1485–1603) английская культура развивается, в том числе, и в лоне церкви. Появляются английские композиторы, которые для написания духовных многоголосных мотетов используют и латынь, и английский язык. Авторы уделяют внимание хоровой музыке, например, композитор Томас Таллис (1505–1585) пишет многоголосные хоровые произведения на библейские тексты. Одна из самых ранних сохранившихся работ – Ave Dei patris filia, Магнификат для четырёх голосов. Королева Елизавета в период своего правления (1558–1603) поддерживала национальное искусство и наиболее известные работы Таллиса возникли именно в это время.

Реставрация Стюартов помогла переориентации взглядов общества – ис-

куство становится важной частью общественной жизни. Карл II Стюарт теперь объединяет под своей властью три государства – Англию, Шотландию и Ирландию. Впоследствии английский двор все более покровительствует искусствам, привлекает европейских музыкантов, поощряя обогащение английской музыки разными стилями и школами. Таким образом, можно сказать, что специфика английского барочного музицирования замешана и на влиянии иных европейских культур (немецкой, французской), и на собственных народных традициях. Так, например, английские вёрджинелисты воспринимают жанровые особенности органичных хоральных обработок, фантазий, лютневых вариаций. При этом, вёрджинелисты стремятся отойти от подражания западноевропейским авторам и создать собственный стиль. С этим фактором связан переход к свободному полифоническому стилю, использование собственных танцевальных жанров (домп, жига, той).

Обильно используется имитационная полифония и контрапункт, кроме того, ощущается наследие средневековых традиций профессиональной полифонии XIV–XV веков.

В целом, многоголосие консонантно, используются кондукты и гимели. Кроме того, вёрджинелисты используют народные образцы многоголосия – балладу, кэрл, кэтч. Данные жанры можно встретить в наследии У. Бёрда, К. Таллиса. Мелодии популярных баллад становились основой инструментальных композиций вёрджинелистов («Лорд Уиллоби», «Приветствие Лорду Уиллоби» Дж. Булла, «Роланд» У. Бёрда и др.). Кэтчи и вовсе были созданием низшего сословия, представляли собой бесконечный канон на английский текст. Кэтчи были распространены в Англии в XVII–XVIII веках, исполнялись мужским вокальным ансамблем, в несколько голосов, чаще всего три. Одним из самых известных сочинителей кэтчей был «английский Орфей» Генри Пёрселл. Кэрл – английская паралитургическая рождественская песня, распространенная в Англии в XII–XVI веках. Она представляет собой мно-

гоголосную композицию, исполнявшуюся чаще всего во время торжественных процессов.

Воспитание вкуса нации, а значит, эстетическое воспитание – играют всё более важную роль в Новое время. Это распространяется и на музыкальную культуру, в английском Просвещении искусство трактуется как средство воспитания вкуса. Джозеф Аддисон полагает эстетическое воспитание и «возделывание» вкуса необходимым требованием не только для обычного гражданина, но также и для талантливого художника. Художник с более развитым вкусом создает и более благородные произведения. Гений, конечно, может возрасти и самостоятельно, тогда он «подобен богатой почве в благоприятном климате, которая производит целое море благородных растений, произрастающих в тысяче прекрасных сочетаний и образующих пейзажи без всякого определенного порядка и регулярности. У вторых он – та же богатая почва в том же самом благоприятном климате, в которой разбиты партеры и проложены дорожки и которой форму и красоту придало искусство художника» [6, с. 144–145]. К первым Аддисон отнес Гомера, Пиндара и Шекспира, ко вторым – Платона, Аристотеля, Вергилия, Туллия, Бэкона и Мильтона. Эмпирическая философия Фрэнсиса Бэкона, сфокусированная на проблемах чувственного восприятия материального мира, сообщает новое понимание искусства как особого вида познания. «Мы с самого начала, – пишет он, – называли поэзию одним из основных видов знаний» [7, с. 50]. Причем свойства риторических фигур воздействовать на аудиторию применительны и в отношении к музыке. Благодаря попыткам осмысления искусства (в том числе, музыкального) как средства коммуникации, была выработана т.н. «теория аффектов». Искусство становится важным способом сообщить истину или моральный идеал, наставлять человека в его пути добродетельного гражданина. Кроме того, важную роль в наступающее Новое время играет вопрос гражданского самосознания. Появляется ряд работ, в частности,

знаменитый трактат Джона Локка «Послание о веротерпимости» (1685–1686), взывающий к свободе совести и к религиозной толерантности граждан. Искусство и музыка своим объединяющим эмоциональным началом могут стать новой силой, преобразующей гражданское и религиозное сознание.

По прибытии в Лондон Гендель стал английскую профессиональную музыку в таком состоянии: музыкальная жизнь в большей степени ограничивалась домашним музицированием, хорошим пением и деятельностью небольших ансамблей, т.н. «консортных». Национальная английская опера развивалась из жанра «масок», театральное начало было в ней главенствующим. Музыка носила скорее сопроводительный характер, содействовала «раскрытию» персонажа, дополняла его характеристику, ситуация с развитием английской национальной оперы находилась в состоянии фактически зачаточном. Даже прославленный маэстро Генри Пёрселл сочинял специфические семиоперы, предназначенные скорее для сопровождения драматического спектакля, можно сказать, что в целом, музыка воспринималась как фон. Генри Пёрселл, создал одну полноценную оперу – «Дидона и Эней». Она по праву считается шедевром английского и мирового барокко. После кончины Г. Пёрселла в 1695 г. никто не смог продолжить традицию национальной английской оперы. Спустя десятилетие в театре «Drury Lane» предпринимаются попытки создания «оперы по итальянскому образцу» – «Британское счастье» [8, с. 28]. Ставятся оперы младших современников Пёрселла и переработки итальянских опер. Впрочем, происходит всё это по свидетельству Ч. Берни «в чудовищно слабом исполнении, скверном переводе и с плохими певцами» [8 с. 28]. С одной стороны, лондонская публика нуждается в отечественном музыкальном искусстве, с другой стороны, достойных авторов в это время на английской земле нет. Оперные спектакли все чаще звучат на итальянском языке, против чего яростно выступают редакторы популярных журналов «Tatler» и «Spec-

tator» – Ричард Стил и Джозеф Аддисон. Но протесты, в данном случае, лишь подчеркивают то состояние, в котором находилась музыкальная культура.

Пуританизм, несомненно, оказал сдерживающее влияние на свободное развитие музыкальной культуры в Англии XVII в. По мнению Ромена Роллана английская музыка даже пребывала в упадке: «Когда Гендель прибыл туда, в конце 1710 года. Национальное искусство было мертво. И было бы абсурдным утверждать, как некоторые это часто делают, что он убил английскую музыку. Там нечего было убивать. В Лондоне не было ни одного композитора» [9, с. 62–63]¹.

Хотя и Гендель дебютирует в Англии в качестве автора вставной арии к одной из опер Скарлатти «Пирро и Деметрио» [9, с. 26], основной целью прибытия Генделя в Лондон стала постановка оперы «Ринальдо». Аарон Хилл, продюсер, актёр, литератор, ровесник Генделя, явился движущим началом и организатором всего предприятия. Он ставил задачу буквально ошеломить английскую публику и издал либретто с посвящением «Её Священнейшему Величеству, Королеве». В Предисловии он пишет о необходимости создания национального искусства во славу Её Величества. И премьеры оперы «Ринальдо» прошла с оглушительным успехом, связано это не только с мастерством и эмоциональной заразительностью музыки, но и с эффектной театральной постановкой.

Искусство Генделя сыграло важную роль в становлении национальной английской оперы именно за счёт своего универсализма и сочетания разных европейских культур – немецкой, итальянской и, впоследствии, английской. На Генделя, безусловно, большое влияние оказало англиканство, с присущим ему чувством историзма и единения. Его музыка полна религиозного порыва, она явля-

¹ “For one idea to suggest another to the mind, it will suffice that they have been observed to go together, without any demonstration of the necessity of their coexistence, or so much as knowing what it is that makes them so to coexist” (16, § 25, пер. Г.С.).

лась той преобразующей, эмоциональной силой, которая смогла сформировать особый тип музыкальной репрезентации, торжественной и возвышенной. Ветхозаветные тексты генделевских ораторий, с их грандиозными хорами, чрезвычайно органично существовали в контексте времени – здесь можно вспомнить такие оратории как «Израиль в Египте» (HWV 54) «Иуда Маккавей» (63). Музыка Генделя живописует тот пафос молитвенного прославления Иеговы, объединяющего дух нации, в отличие от молитвенного сосредоточения христианина, характерного для музыки И.С. Баха. Так, например, хор № 42 оратории «Мессия» скандирует, в основном, одно слово – Halleluja – которое вплетается в две основные темы хора и объединяет их драматургически. Помпезный, торжественный Ре мажор и гимнические интонации, соединение слова «Аллилуйя» со второй темой в заключении – создает ощущение абсолютного единства.

Грандиозный размах и помпезность генделевского стиля соответствуют эстетическим исканиям эпохи сенсуализма: «Глаз – не единственный орган чувств, через посредство которого может возникнуть аффект возвышенного. Звуки имеют большое влияние как на упомянутый, так и на большую часть других аффектов. Я имею в виду не слова, потому что слова воздействуют не просто своим звучанием, а совершенно иным способом. Одной чрезмерной громкости достаточно, чтобы подавить душу, приостановить ее действие и наполнить ее страхом» [10, с. 112]. В данном утверждении можно усмотреть влияние идей ассоцианизма. Цепочки ассоциаций выстраиваются в ряд эстетических восприятий, идей. Это является важным постулатом для английских эмпиристов, в частности, тут уместно привести цитату епископа Бёркли. Для того, «чтобы одна идея могла внушить уму другую, как было замечено, достаточно того, что они идут вместе, без какой – либо демонстрации необходимости их сосуществования или хотя бы знания того, что это такое, что заставляет их так сосуществовать» [11, с. 15].

Эдмунд Бёрк, рассуждая о природе прекрасного и возвышенного, также говорит о красоте как о «социальном чувстве». В исследованиях английских эстетиков этого времени, Шефтсбери, Бёрка, Свифта, Аддисона, читатель может встретить рассуждение в просветительском и антиэлитаристском духе. Важно отметить, что для Нового времени вопрос гражданских свобод является одним из фундаментальных. Набожность и благочестие осуществимы и возможны лишь в свободном обществе и по доброй воле. Так, Джон Локк в уже упомянутом трактате «Послание о веротерпимости» подчёркивает, что «Истинная же и спасительная религия состоит в глубокой внутренней вере души, без которой ничто не имеет силы в глазах Господа; природа человеческого разума такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его» [12, с. 91–134]. Вывод, который может последовать, – лишь искусство вообще и музыка в частности, могут способствовать возвращению этого свободного акта религиозной воли, богопослушания. Сам Гендель упоминает о необыкновенном религиозном чувстве, охватившем его при написании знаменитого хора № 42. Это состояние он ассоциирует с духовным озарением Апостола Павла во 2-м Послании к Коринфянам – «Был ли я во своей плоти или вне её, мне не ведомо. То ведомо Богу» [13, с. 198].

Образ Мессии в интерпретации Генделя – кардинальным образом отличается от трактовки образа Христа у его ближайшего великого современника, И.С. Баха. Сокровенное общение со Христом внутри самой человеческой личности для Баха является неотъемлемой частью христианской жизни, самой её сутью. В музыкальных творениях Генделя Мессия предстает в ином, воинственном и величественном образе. Либретто для оратории было создано Чарльзом Дженнесом и частично, самим Генделем. Очевидно, что композитор ориентировался на определенный культурный контекст, в котором жил и творил. Английский исследователь Ричард Лаккет обращает внимание на универсальность музыки оратории, которая

может быть исполнена как «комментарий к Рождеству, страстям, Воскресению и вознесению [Иисуса Христа]» [14, с. 76–77]. Дженненс использовал различные тексты из Священного Писания – из Ветхого Завета (Библия короля Якова, выпущенная в 1611 году) и некоторые псалмы из «Книги общей молитвы», тексты из Нового Завета – Апокалипсис, первое послание апостола Павла к Коринфянам и псалом № 2, который был переведен великим английским поэтом Джоном Милтоном во время Английской революции. При исполнении в Лондоне в 1743 году, в театре Ковент-Гарден, оратория была подвергнута критике, высказывался аргумент, что боговдохновенные тексты не следует исполнять в театре. Далеко не все духовные произведения Генделя были встречены публикой благосклонно.

Гендель активно использует полифонию в вокальной музыке, в частности, в ранних сочинениях на итальянский текст. К примеру, он сочетает родственный тематизм и интонации в мелодической линии и *basso continuo*. Более того, общность тем можно наблюдать и между инструментальной и вокальной музыкой. Так, например, тематическим сходством обладают тема *Larghetto* из кантаты № 46 «Лукреция», которая совпадает с темой фуги из *Concerto grosso* ор. 6, № 6. Сближение тематической основы также может быть продиктовано необходимостью большего вовлечения и участия слушателей в восприятии музыки. Здесь стоит также отметить тенденцию, сохранившуюся и по сей день – прихожане храма часто участвуют в исполнении хоровых номеров уже упомянутой оратории «Мессия». Эмоциональное воздействие музыки безусловно играет важную роль в укреплении верующей общины и гражданского самосознания. Единство и согласованность внутри общества – предмет размышления в философии Нового времени, причем не только в социальном, но и в онтологическом аспекте. При этом, важно отметить то, что Гендель и в религиозных сюжетах следует духу Просвещения с его универсализмом. «Мессия» является не столько по-

вестованием о личности Христа, сколько осмыслением его общечеловеческой миссии и воздействия на историю и развитие всего человечества.

Музыкальное мышление Генделя полифонично, как и у абсолютного большинства его современников. Но полифония и музыкальная эстетика Генделя представляет собой синтез европейских культурных традиций, оно отлично от истоков полифонического творчества И.С. Баха, которое было основано в большей степени на национальных немецких песнопениях, укоренено в лютеранстве и вдохновлено немецким христианским мистицизмом. С точки зрения композиторской техники следует отметить, что Гендель зачастую действительно использует скорее мелодическое развитие голосов, дублировки, свободное контрапунктическое письмо в оркестровке – его полифония скорее драматургически насыщена, чем интеллектуально усложнена. Этот фактор также способствует лучшей «усвояемости» музыки Генделя на английской почве. Такой полифонический стиль отличается от интеллектуально усложненного многоголосия И.С. Баха. Можно сказать, что Бах более скрупулезен и дотошен в своем полифоническом письме, его темы более монолитны. Гендель во многом ориентируется на монументальность и эффектность театрального барокко, чем на строгую полифоническую интеллектуальную игру. Следует отметить, что практика исполнения пассионов в Англии фактически отсутствовала – в отличие от Германии. Английские пуритане вряд ли могли бы принять ораторию, где персонажи из Евангелия поют арии. Ч. Дженненс, составляя текстовый материал для евангельской части «Мессии» избегал прямых цитат, поскольку подобные вольности были недопустимы. Непосредственное эмоциональное воздействие является тем удивительным и, пожалуй, парадоксальным явлением, которое способствует успеху музыки Генделя и по сей день. Ведь, если обратиться к истории эстетической и философской мысли, то английские эмпиристы предполагали, что воспитательная функция

искусства должна апеллировать скорее к чувству, чем к рассудку. Так Д. Юм в своем известнейшем эссе «О норме вкуса» подчёркивает необходимость расширения кругозора именно за счёт впечатлений, несмотря на то, что в языке есть универсальные понятия. Важно воздействовать на воображение – поскольку так называемая «деятельная любовь», или милосердие (*charity*) – не может быть внушено словесно. Мы воспринимаем непосредственно и всем существом – «Прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их и дух каждого человека усматривает иную красоту» [15, с. 622–642]. Музыка Генделя здесь представляет собой разнообразие и вариативность форм – к примеру, его инструментальные *Concerti op.6* являются «парадным портретом» звучания и струнных, и духовых инструментов, их ансамблевого звучания.

Свободное гармоническое и тональное развитие тем отсылает к принципу примата движения над созерцанием в стиле барокко. Говоря об архитектуре этой эпохи, Г. Вельфлин отмечает: «В противоположность ренессансу, который любил созерцать в явлении то, что было в нем спокойного и непреходящего, барокко проявляет вкус к движению, направленному в определенную сторону» [16, с. 25]. Внесение диссонансов и преодоление статичности путем нарушения классических пропорций – все это ведет к устремленности ансамбля к некоей точке. Также как и стремление музыкальной композиции в это время представляет собой попытку централизации тональности.

Движение и вариативность есть одно из наиболее характерных черт полифонического стиля эпохи барокко. Известный пример полифонического искусства Генделя – fuga фа минор из «Мессии», которая обладает очень развернутой формой: её первая часть останавливается на доминанте, как бы ставя знак вопроса. Дальнейшее развитие, вторая часть fugи, устремляется к единой точке, кульминации, которая находится бли-

же к концу fugи. Композитор достигает рельефности звучания за счет противоположения в крайних голосах – что облегчает слушателю задачу восприятия многоголосия.

Инструментальная музыка в Англии начала XVIII в., несмотря на пуританское влияние, всё же развивается в поистине буржуазном духе. Инструментальная музыка становится всё более востребованной, существует определённое требование к демократизации музыкальных тем. Английское музицирование начало приобретать масштабность, появляются первые попытки публичного концертирования.

В Англии в инструментальном жанре Гендель создает цикл уже упомянутых *Concerti Grossi op.6*, 12 концертов, ориентирующихся на барочные концертные образцы итальянских мастеров. Массивная и тяжелая материя, к которой питает привязанность эстетика барокко, текущие линии, так наглядно продемонстрированные в архитектуре, можно воспринять и слухом, и даже глядя в партитуру. Вельфлин обращает внимание на следующую особенность архитектуры: «Отвращение к жестким обрывам прямых углов так велико, что барокко, избегая их, предпочитает завершить тектоническую плоскость крутым закруглением» [16, с. 94–114]. Стремление к округлости и плотности ткани мы слышим и в музыке.

Универсальность музыкального воплощения, разнообразие тематического материала, богатство оркестровки партитур Генделя также откликлось в английском мышлении и представлении о прекрасном. Его темы чрезвычайно приятны для слуха, при этом, богато украшены орнаментикой, динамичны в своём развитии – и это также повлияло на восприятие его творчества в английской культурной традиции. Александр Джерард (1728–1795), рассуждая об особенностях художественного вкуса, замечает, что излишняя правильность гнетет дух монотонностью. Необходимо сочетание единообразия, цельности и, при этом, некоторой причудливости. «Причудливость (*Intricacy*), которая часто уве-

личивает красоту, может рассматриваться как вид разнообразия; по крайней мере ее приятность объясняется той же самой причиной; и разнообразие наиболее естественно сочетается с единообразием, а причудливость – с цельностью» [6, с. 248]. При этом, не следует выходить за рамки соответствия, пригодности, то есть наслаждение прекрасным может быть искажено неверным употреблением какой-либо краски, черты или, например, одеждой не к месту.

Философское осмысление музыки барокко напрямую связано с изменившимся положением человека и в научной картине мира, и в сфере искусства. Хрупкость и уязвимость человеческого существа, нарастающие противоречия его существования становятся всё более очевидными. Здесь можно обратиться и к наиболее знаковым произведениям драматургов (Педро Кальдерон, Уильям Шекспир), и к философскому осмыслению (Б. Паскаль, В.Г. Лейбниц), и к скульптуре и живописи (Л. Бернини, Караваджо).

Почему человек как творение всеблагочестивого Господа – увязает во зле и пребывает во вражде с себе подобными – вопрос, неоднократно звучащий в основных философских концепциях Нового времени. В.Г. Лейбниц говорит о предустановленной гармонии, которую человек не может созерцать в целом и видит несовершенство в частях. Рассуждая об эстетическом и этическом, философ отмечает о необходимости установленных правил: «Судить об этом иначе значило бы то же, как если бы кто сказал, что правила соразмерности и гармонии произвольны в отношении к музыкантам, потому что они действуют в музыке уже тогда, когда решаются петь или играть на каком-либо инструменте. Но именно эти-то правила и составляют то, что признают существенным в хорошей музыке, потому что правила эти присущи и тому идеальному состоянию, когда никто и не думает о пении, ибо известно, что с ними непременно будут соотносываться, как только запойут. Таким же образом и добродетели соответствуют идеальному состоянию разум-

ных существ, прежде чем Бог определил их создать, и именно на этом основании мы утверждаем, что добродетели хороши по самой своей природе» [16, с. 256]. Взаимодействие разных голосов создаёт ту божественную гармонию, которая трактуется как всеобщее благо и закон, от которого не отступает и сам Творец. При этом, единство вовсе не исключает многообразия и красоты тембровых красок, которыми пользуются композиторы эпохи барокко, в частности, Г. Гендель.

Философская параллель, которую можно попытаться провести – связана с пониманием универсума Г.Ф. Лейбницем. Монада Лейбница есть нечто замкнутое и их способность взаимодействия фактически сведена к нулю – они отражают универсум, но каждая на свой лад. Их согласованность и гармония предустановлены Творцом, при этом в мире нет «двух существ, которые были бы совершенно одно как другое» [17, с. 414]. Подобно оркестровым тембрам, монады могут отражать состояние, но при этом, остаются индивидуально – окрашенными, обладающими «собственным голосом». Деятельность монады обусловлена сменой состояния – и фактически, состояние лада, слаженности, при всей полифоничности картины мира – возможны именно как музыкальное полифоническое движение. Возможность сосуществования монад согласуется неким условием барочного музицирования, о чём замечает Ж. Делёз. Монады есть источники звука и перцепции, то есть восприятия своих же восприятий [18, с. 62].

Стремление к согласованности есть барочное стремление выразить многообразие мира в единстве, не нарушая самого многообразия. Именно для этого столь актуален полифонический принцип развития, который получит своё второе рождение уже в 20м веке. Лейбниц замечает, что «сущность монад заключается именно в их внутренней деятельности» [17, с. 414]. Подготовка любого состояния есть непрерывный процесс развития и изменения в движении. Сложные хоровые фуги Генделя в этом плане могут продемонстрировать в звуковых образах

то постоянное секвентное развитие темы – мысли и утверждение её в кульминации. При этом, фуги есть всегда нечто целостное по восприятию, что, впрочем, также согласуется с принципом Лейбница о том, что «целое предшествует частям, как арифметическая единица предшествует долям» [19, с. 540].

Стремление ко всеобщей гармонии есть также важнейшее свойство музыки Г.Ф. Генделя. Кристаллизация разнообразных барочных форм и взаимодействия музыки и текста позволили композитору создать абсолютно универсальные музыкальные опусы, которые органично звучат и в англиканской культуре, и в европейской, являясь подлинным украшением барочного репертуара.

Литература

1. Арнонкур Н. Музыка языком звуков. Путь к новому пониманию музыки / Пер с немецкого, 2022. – С. 99. – URL: <https://archive.org/details/harnoncourt-nikolaus-2002-musik-als-klangrede/page/n195/mode/2up> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Шоу Б. О музыке / Бернард Шоу; [Сост. А. Парина]. – Москва: Аграф, 2000. – 302 с.
3. Макаров Е.П. Англиканская церковь во внутриполитическом развитии Англии второй половины XVIII в. // Вояджер: мир и человек. – 2018. – № 11.
4. Вебер Макс (1864–1920). Избранные произведения / Пер. с нем. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 804.
5. Павлова Т.А. Роль раннего пуританизма в политической и культурной жизни Англии / Т.А. Павлова // Культура эпохи Возрождения и Реформации. – Л., 1981.
6. Нарский И.С. Из истории английской эстетической мысли XVIII века: Поп, Аддисон, Джерард, Рид. – М., 1982.
7. Басин Е.Я. Искусство и коммуникация. – СПб.: Алетейя, 2015.
8. Барна И. Если бы Гендель вёл дневник / Пер. с венг. – Будапешт: Корвина, 1987.
9. Romain Rolland. Handel. 1916. P. 224. Published December 22, 2015 by Routledge Exported from Wikisource on December 21, 2023. – URL: https://en.wikisource.org/w/index.php?title=Page:Romain_Rolland_Handel.djvu/70&oldid=13080041 (дата обращения: 20.01.2024).
10. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / Пер. с англ. – М.: Искусство, 1979. – С. 237.
11. Essay Towards a New Theory of Vision George Berkeley 1709 Internet Archive All rights reserved. – URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_an-essay-towards-a-new-t_1709 (дата обращения: 10.01.2024).
12. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. Т. 3. – С. 668.
13. Роллан Ромен (1866–1944). Гендель, сборник: [Перевод]. – Москва: Музыка, 1984. – С. 256.
14. Luckett Richard (1992). Handel's Messiah: A Celebration. – London: Victor Gollancz, p. 264. – URL: https://archive.org/details/handelsmessiahce0000luck_10h9 (дата обращения: 12.01.2024).
15. Юм Д. Сочинения в 2-х томах. Т2. – М.: Мысль, 1996. – С. 735.
16. Вельфлин, Г. (1864–1945). Ренессанс и барокко. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. – 164 с. – URL <https://biblioteka-online.info/book/renessans-i-barokko-issledovanie-sushchnosti-i-stanovleniya-stilya-barokko-v-italii/reader/> (дата обращения: 15.01.2024).
17. Лейбниц Г.В. Монадология // Г.В. Лейбниц. Соч. В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 636.
18. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / посл. В.А. Подороги. Пер. Б.М. Скуратова – М.: Логос, 1997. – С. 264.
19. Философское наследие. – Москва: Мысль, 1963. Т. 4. – С. 554.

THE POLYPHONIC METHOD OF G. HANDEL IN THE ARTISTIC, AESTHETIC AND RELIGIOUS CONTEXTS OF THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

Skobeleva G.A.
Lomonosov Moscow State University

In the article, the music of George Frideric Handel is compared with the contemporary philosophical views of the British philosophers of the Modern era on the one hand and the aesthetics of Anglicanism on the other hand. The purpose of this study is to trace not the musicological, but the philosophical and aesthetic prerequisites for the success of Handel's legacy in the UK. And also, the article contains a brief digression into the history of the development of English musical culture before Handel's arrival in England.

Keywords: musical art; English Baroque; Handel; aesthetics.

References

1. Harnoncourt N. Music in the language of sounds. The path to a new understanding of music / Translated from German, 2022. – P. 99. – URL: <https://archive.org/details/harnoncourt-nikolaus-2002-musik-als-klangrede/page/n195/mode/2up> (access date: 12/11/2023).
2. Shaw B. About music / Bernard Shaw; [Comp. A. Parina]. – Moscow: Agraf, 2000. – 302 p.
3. Makarov E.P. The Anglican Church in the internal political development of England in the second half of the 18th century. // *Voyager: world and man.* – 2018. – No. 11.
4. Weber Max (1864–1920). Selected works / Trans. with him. – Moscow: Progress, 1990. – P. 804.
5. Pavlova T.A. The role of early Puritanism in the political and cultural life of England / T.A. Pavlova // *Culture of the Renaissance and Reformation.* – L., 1981.
6. Narsky I.S. From the history of English aesthetic thought of the 18th century: Pope, Addison, Gerard, Reed. – M., 1982.
7. Basin E. Ya. Art and communication. – St. Petersburg: Aletheya, 2015.
8. Barna I. If Handel kept a diary / Trans. from Hungarian – Budapest: Corvina, 1987.
9. Romain Rolland. Handel. 1916. P. 224. Published December 22, 2015 by Routledge Exported from Wikisource on December 21, 2023. – URL: https://en.wikisource.org/w/index.php?title=Page:Romain_Rolland_Handel.djvu/70&oldid=13080041 (date of access: 01/20/2024).
10. Burke E. Philosophical research on the origin of our ideas of the sublime and beautiful / Transl. from English – M.: Art, 1979. – P. 237.
11. Essay Towards a New Theory of Vision George Berkeley 1709 Internet Archive All rights reserved. – URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_an-essay-towards-a-new-t_1709 (access date: 01/10/2024).
12. Locke J. Works: In 3 volumes – M.: Mysl, 1988. T. 3. – P. 668.
13. Rolland Romain (1866–1944). Handel, collection: [Translation]. – Moscow: Music, 1984. – P. 256.
14. Luckett Richard (1992). Handel's Messiah: A Celebration. – London: Victor Gollancz, p. 264. – URL: https://archive.org/details/handelsmessiahce0000luck_l0h9 (access date: 01/12/2024).
15. Hume D. Works in 2 volumes. T2. – M.: Mysl, 1996. – P. 735.
16. Wölfflin, G. (1864–1945). Renaissance and Baroque. – St. Petersburg: ABC-classics, 2004. – 164 p. – URL <https://biblioteka-online.info/book/renessans-i-barokko-issledovanie-sushchnosti-i-stanovleniya-stilya-barokko-v-italii/reader/> (date of access: 01/15/2024).
17. Leibniz G.V. Monadology // G.V. Leibniz. Op. In 4 vols. M., 1982. T. 1. P. 636.
18. Deleuze J. Fold. Leibniz and the Baroque / subsequent. V.A. Roads. Per. B.M. Skuratova – M.: Logos, 1997. – P. 264.
19. Philosophical heritage. – Moscow: Mysl, 1963. T. 4. – P. 554.

Подходы к философской формулировке общезначимого социального идеала свободы и ответственности

Бусов Сергей Васильевич,

Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

В статье дается попытка соотнести категорию свободы и ответственности с понятиями идеала и ценности. Роль идеала, как ценностного ориентира и стандарта ценности во всем многообразии проявлений свободы в истории и культуре, становится все более определяющей. Каждая эпоха создавала свои идеалы и ценности. Роль идеала, как критерия ценности поступков людей относительно таких категорий, как свобода и ответственность, становится важной в процессе выбора субъектом той или иной возможности. Речь идет об идеальных поступках, об образцах свободного и ответственного поведения, или, напротив, о примерах безответственного поведения. Речь идет также об антиидеалах, антидеятельности и антиценностях применительно к категориям свободы и ответственности.

Ключевые слова: свобода, ответственность, идеология, идеал, норма, ценность, антиценность, утопия, социальный отбор.

Взгляд на общество, как на сложную открытую самоорганизующуюся систему, позволяет предполагать, что и все процессы, происходящие в нем, также представляют собой явления самоорганизации, которые управляются посредством механизма отбора. Поскольку речь идет об идеалах и ценностях, то не трудно представить, что они также отбираются и что в этот механизм встраивается чрезвычайно важный фактор – свобода выбора. Говоря об идеале, определяющем ценностную ориентацию человека, нельзя не сказать о том, что сущность и значение идеала, как культурного феномена, были всесторонне исследованы в ряде работ В.П. Бранского – лидера Санкт-Петербургской школы социальной синергетики. Простым, но убедительным примером может служить идеальная сфера, как множество точек, равноудаленных от одной точки. При взгляде на все шарообразные предметы человек невольно сравнивает их с идеальной сферой. В общественной и в особенности культурной жизни такие ориентиры также имеют место. Что же конкретно служит ориентиром для людей в обществе? Следует полагать, что таким ориентиром является идеальный человек или этический идеал, который несет в себе определенную историческую функцию, он необходим для разрешения определенных жизненных противоречий; в нем эти противоречия уже сняты, преодолены. Этический идеал несет в себе не только черты идеального человека, но и идеального общества. Реализация конкретного идеала приводит к смягчению или даже к устранению социальных противоречий, но в то же время вносит зерна новых противоречий, для устранения которых требуется новый идеал, новый проект переустройства мира.

Идеология, как учение об идеале, о путях его создания и способах его во-

площения в жизнь, имеет, как считают авторы коллективной монографии «Синергетическая философия истории», «три точки опоры – идеал, канон и ритуал» [12, с. 49]. Об идеале уже говорилось выше, что касается значения канона, то его можно свести к системе норм поведения, которые внешне нередко оформляются в виде ритуала или церемониала, представляя собой некий, порой весьма сложный, символический акт реализации идеала, его воплощения в жизнь. Такого рода практики имели и имеют место во все исторические периоды жизни любого общества, они проявляются во всех сферах нашей жизни, касаясь преимущественно значимых социальных проектов.

В религиозной идеологии отношение к идеалу приобретает сакральный характер. В частности, в трактатах Августина («О Граде Божиим») и Фомы Аквинского («Сумма теологии»), религиозный идеал представлен человеком – Иисусом Христом, воплотившим в себе особую миссию избавления человечества от «первородного греха», что означает дарование возможности спасения души и т.д. Нормой для верующих во Христа на пути служения этому идеалу становится принесение жертв либо в сугубо ритуализированном виде, либо в далеком от внешнего ритуала виде каждодневного труда без отдыха. Выполнение взятой на себя миссии служения идеалу становится для человека смыслом жизни.

Следует сделать акцент на то, что служение идеалу требует жертв со стороны его адептов. Немаловажное значение приобретает величина такой жертвы. Более того, этот вопрос тянет за собой проблему нормы жертвенности, проблему ее оптимизации, а также проблему соотношения сторон прагматического и утопического в самом идеале. Поскольку служение идеалу требует его реализации, а реализация, в свою очередь, требует жертвенности, то возникает вопрос: не связана ли проблема утопического в идеале со слишком большой жертвенностью? Вопрос не праздный, а даже весьма актуальный и связанный,

прежде всего, с соотношением свободы и ответственности.

Желание человека, а то и целого народа, реализовать идеал «светлого будущего» вполне законно и всецело отвечает потребностям человека и общества. Однако история показывает, сколь великие жертвы иногда приносятся на алтарь такого идеала, а в итоге люди оказываются у «разбитого корыта». Возникают вопросы, где и в чем народы проявляли чрезмерную смелость и жертвенность, а в чем вели себя безответственно, опираясь на утопический идеал. Известно, что ответственность противоположна произволу. Произвол не ориентируется на «познанную необходимость». По Гегелю, прогресс свободы сводится к познанию необходимости, когда творчество мирового духа предстает как *возвышение* упорядоченности мира, оставаясь вне процесса хаотизации, тогда как в действительности реальное поведение человека в реальной истории, наоборот, часто приводит к хаотизации. Желаемому контролю за ходом истории препятствует неопределенность будущего; управлять процессом самоорганизации прямым образом невозможно, хотя можно определить ее главный вектор и суметь направить развитие в соответствии с ним. Выбор глобального вектора исторического развития становится для социума главной задачей – особенно в современных условиях «конфликта цивилизаций» (С. Хантингтон), в условиях противоборства тенденций глобализма и изоляционизма, неолиберализма и неоконсерватизма и пр. Поступательное развитие социальной реальности чревато проявлением крайностей: то тоталитаризм, то анархия. Эти крайности преодолеваются в процессе самоорганизации социума, в процессе реализации принципа роста степени синтеза порядка и хаоса, обусловленного стремлением социума к максимальной устойчивости [12, с. 23]. Сквозь призму названного принципа сущность свободы предстает уже не столько как «снятое» противоречие между произволом и ответственностью, сколько как способ преобразования действительности, в ко-

тором снимается (преодолевается) противоречие между познанной необходимостью и познанной случайностью [2, с. 569]. Оба эти определения свободы ложатся в содержание свободы в качестве ее уровней. Познанная необходимость (или познанная причинность) предстает как фундамент свободы, поскольку без знания причины невозможен осознанный выбор. Свобода как познанная случайность проявляется тогда, когда происходит практическое формирование тезауруса возможностей, возникших при участии человека и, отчасти, контролируемых им. Так, всякий раз подвергая в процессе своей жизнедеятельности систему новому распаду, создавая новый хаос, наполняемый новыми возможностями, человек создает и новый уровень самоорганизации, где возникают такие возможности, уникальный набор которых, по нашему мнению, определяет глобальный вектор эволюции социума. Означенный тезаурус уникальных эволюционных возможностей может быть «схвачен» и «высвечен» лишь посредством особого селектора – общечеловеческого (абсолютного) идеала. Учение о таком идеале – одно из главных направлений исследования в рамках Санкт-Петербургской школы социальной синергетики [12, с. 24–31]. На заре антропогенеза переход от инстинкта к архетипу возвестил о появлении социальной нормы адаптации, причем, такая норма, связанная прежде всего с идеалом, резко возвысила человека над животным, для которого руководствоваться иллюзией значит погибнуть (см. А.Э. Назиров [9, с. 48]). Это резко увеличило тезаурус возможностей развития человечества. Тезаурус как результат бифуркационного процесса в целом не зависит от воли субъекта, тогда как селектор (принцип устойчивости, который выражен соответствующим социальным идеалом) во многом есть продукт нашего творчества, потому с помощью разных селекторов из одного и того же тезауруса можно выбрать разные варианты эволюции.

В.В. Путин в речи на «Валдайском форуме – 2023» обрисовал свой иде-

ал мирового сообщества, где нет унифицированного подхода к странам, где каждое государство и общество хотят самостоятельно выработать свой путь развития, в основе которого «культура и традиции, укрепленные в географии, в историческом опыте, как давнем, так и современном, и в ценностях народа» [10]. В зоне политико-идеологического внимания оказываются проблемы управления ходом истории, ее главного вектора, соотношения свободы и ответственности, проблема риска неудачного выбора, когда определяется мера вероятности неудачи при выборе историческим субъектом возможных вариантов социальной эволюции. «Нашупывание» главного вектора эволюции сопряжено с множеством «исторических ошибок». Процесс обучения на такого рода ошибках – важнейшая форма социального отбора, определяющего ход антропосоциогенеза.

Чтобы сформировался «работоспособный» и адекватный социальный идеал, нужен определенный и также дееспособный, адекватный критерий. Инструментом устойчивого воспроизводства любого социального идеала любого этноса, любой страны должен служить оптимальный размер жертв [2, с. 261], принесенных во имя его реализации. Авторы монографии «Проблема “смысла жизни”: общеполитическое и общенаучное значение» пишут в этой связи: «...Возникает новая проблема как совместить гуманизм в отношении к человеку (полный отказ от насилия и лжи) с жертвоприношением во имя человека» [5, с. 31]. Проблема, очевидно, решается на путях поиска *оптимального* размера жертвы. Здесь возникает две крайности. С одной стороны, стремление вообще обойтись без жертв, а с другой – не жалеть средств ради достижения цели (цель оправдывает любые средства). Последний вариант как раз и является одним из путей возникновения антиидеала, а, следовательно, и антиценности. Что касается определения «размера жертв», то ее количественная характеристика не является основной в понятии «чрезмерной жертвы», так как этому по-

нению ближе качественная характеристика, которая предполагает такие эпипететы, как жестокость, бесчеловечность, расизм, геноцид и т.д. В годы Великой Отечественной войны советский народ заплатил за победу великую цену, однако, в своем стремлении к победе он не прибегал к сверхжестким, античеловеческим средствам.

Обсуждение темы оптимальности жертвы можно и нужно вести в контексте морали, говоря о добродетелях и пороках, но не только, поскольку этот вопрос имеет и научное измерение. Существует закон оптимума, который заключается в том, что любое воздействие на предмет, в частности, на живую природу или на человека, имеет свои пределы, определяемые границами адаптационных возможностей объекта, нарушение которых может привести к его гибели. Расхожая фраза «искусство требует жертв», определенной стороной ложится в концепцию «оптимальной жертвы», требующейся для *нормального* функционирования идеала в культурной деятельности и, в частности, в искусстве. Оптимальность жертвы во имя служения идеалу коррелирует с метриопатией у перипатетиков, с аристотелевской идеей «золотой» середины в моральном поведении людей. «В одних случаях середине противоположен недостаток, а в других – излишек» [1, с. 307]. И далее: «...в любом деле трудно держаться середины» [1, с. 308]. Служение идеалу нередко сопряжено как с недостатком жертв, так и с их избытком. Расхождения нормы и идеала как раз связаны с отсутствием понятия оптимальной жертвы. В условиях такого дисбаланса социальная норма не позволяет людям сколько-нибудь успешно адаптироваться к условиям служения идеалу, а идеал, очевидно, будучи утопическим, игнорирует возможность своей реализации, т.е. превращается в антиидеал.

В углубление проблемы идеала и антиидеала, но уже в контексте художественного творчества, интересна позиция И.Г. Михайловой, исследовавшей специфику антидеятельности в сфере искусства, когда субъект самоопреде-

ления отказывается от «роли субъекта художественной культуры» [7]. И.Г. Михайлова определила два крайних вида деятельности в искусстве – художественный, ориентированный на эстетический идеал и антихудожественный, ориентированный на антиидеал [8, с. 144]. В первом случае субъект ориентирован на создание художественного образа, во втором случае субъект выходит за пределы объективных законов художественного творчества. Необходимо ли субъекту, называющему себя художником, изучать, знать и уметь пользоваться этими законами? Очевидно, необходимо. Создание и трансляция общезначимой обобщенной эмоциональной информации посредством художественных средств (образов, воплощенных в произведении), посредством особого языка искусства – вот сущность и специфика художественного творчества. Если человек не склонен нести на алтарь искусства требуемые жертвы, не овладел языком искусства, он не художник, но даже если он им владеет, но не создает посредством этого языка обобщенный общезначимый эмоциональный образ, он также перестает быть художником. Характеристики языка (особой системы знаков) и образа (эмоционального содержания знака) вбирает в себя эстетический идеал, представляя собой в определенном смысле синтез совершенной деятельности и совершенного произведения, а, следовательно, идеального художника. Такой художник должен «повелевать» реальным человеком, требовать от него жертв, и только тогда человек состоится как творец. В развитие этой мысли приведем высказывание В.П. Бранского: «Художник потому может найти уникальный образ в необозримом множестве, что он выбирает этот образ с помощью *того же* идеала, с помощью которого он в свое время выбрал объект эмоционального отношения. Именно идеал, по-видимому, играет роль таинственного селектора при отборе» [2, с. 233]. Однако может сложиться впечатление, что художник несвободен, подчиняясь идеалу (идеальному художнику, музе, демону), как селектору для

выбора. Но это не так. Зная или интуитивно постигая законы творчества, подчиняясь идеалу, который, собственно, сам художник и создал, сделав его своим, человек становится по-настоящему свободным творцом произведения искусства. Модель поведения художника, описанная нами выше, приложима и к обществу, стремящемуся реализовать идеал «светлого будущего».

Возвращаясь к проблеме утопического и прагматического в социальном идеале, следует заметить, что высказывания на эту тему изобилуют многообразием оценок. Во-первых, идеал в целом недостижим по определению (вспомним идеальную сферу), во-вторых, коль скоро в идеальном проекте выстраивается некое «дерево целей», то для достижения целей такие ресурсы и средства могут быть добыты, но это может потребовать чрезмерных усилий и жертв, в-третьих, можно в конце концов положиться на «волю божью», на «авось» или на то, что все само собой случится и не прилагать вообще никаких усилий. Во втором и третьем случае явно просматривается утопический характер идеала, лишённого определенных и явных признаков прагматического. Утопическим К. Мангейм называет мышление, неспособное объективно оценить ситуацию и поставить точный диагноз обществу. Мы будем считать утопичной, пишет он, лишь ту «трансцендентную по отношению к действительности» ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей [6, с. 164]. Утопия в процессе своей проекции образует некий «утопический круг». «Утопический круг, — отмечают авторы статьи «Глобальное будущее человечества...», — имеет нечто общее с понятием герменевтического круга: например, для понимания частей художественного произведения требуется понимание целого, а для понимания целого требуется понимание частей» [4, с. 151]. Идеальный социальный строй реализуем только среди идеальных людей, идеализация которых соответствует требованиям утопии, а идеальные люди

могут сформироваться только в условиях идеального социального режима [4, с. 152]. Идеал должен быть, благодаря истине, «зрячим», а истина, благодаря идеалу, наделяется энергией поиска и созидания. Оптимизированный отбор идеала возможен лишь на путях духовного подвижничества, где появляется образ идеального человека, в котором воплощается *оптимальная* поведенческая норма. Если тоталитарный идеал человека, пишут В.П. Бранский и С.Д. Пожарский, связан с принципом тотальной ответственности (культ порядка), а анархистский — с принципом тотальной вседозволенности (культ свободы), то *оптималистский* идеал связан с принципом гармонии свободы и ответственности. ...Это значит, что положительная духовность в реальной жизни заключается, в конечном счете, в служении оптималистскому идеалу человека. Такое служение должно проявляться в борьбе за *гармоническое* сочетание свободы (прав) и ответственности (принятых на себя обязательств) [3, с. 93].

Очевидно, что жертвы сводятся к факту принятия человеком обязанностей. Причем эти обязанности могут трактоваться предельно широко. Права, как обычно, призваны обеспечивать их носителей разного рода ценностей, например, свободой, но также и защитой этих ценностей, а обязанности — это уже речь о жертвенности и о путях обеспечения прав. Разрыв прав и обязанностей говорит о том, что происходит разрыв по людям, по носителям прав и обязанностей: у одних много прав, а стало быть, ценностей, а у других — много обязанностей, но мало прав. Преодоление такого разрыва есть признак общечеловеческого в частночеловеческом intersubъективном идеале. Отвечая на вопрос «как совместить гуманизм в отношении к человеку (полный отказ от насилия и лжи) с жертвоприношением во имя человека» или «другими словами, как совместить героизм с гуманизмом», В.П. Бранский и его соавторы пишут: «СФИ (синергетическая философия истории. — С.Б.) дает научный ответ на этот вопрос: полный отказ от жертво-

приношений так же несостоятелен, как и отстаивание права на любые жертвоприношения, если они делаются во имя частночеловеческого социального идеала; необходимы, а не только допустимы, только такие жертвоприношения, которые не нарушают общечеловеческих (абсолютных) моральных норм, содержащихся в любых частночеловеческих идеалах» [5, с. 31]. Утопическая часть социального идеала включает сегмент возможностей, для реализации которых требует больших, а нередко чрезмерных, усилий, а именно, выполнения обязанностей, приписанных к конкретным правам. Права не могут существовать, не будучи обеспеченными выполнением соответствующих им обязанностей. Так, деньги – это знаки, обозначающие права на приобретение определенного количества ресурса. Девальвированные деньги – это не обеспеченные ресурсами права. Любой социальный идеал включает в себя соотношение прав и обязанностей, а более широко – свободу и ответственность. Социальный идеал рассматривается, как правило, через призму категории справедливости. Так, *найденный истинный баланс прав и обязанностей* означает, что выполнение субъектом обязанностей, привязанных к определенному праву, «тянет» за собой получение им соответствующего права *автоматически*, так сказать, «божьей милостью», а не «милостью» того или иного начальника. Процесс реализации такого идеала должен быть *нормализован*; требуется оптимизация жертв. Только в этом случае возникнет оптимальная норма адаптации, норма социализации. «СФИ опирается на концепцию героического гуманизма, противостоящую как абстрактному гуманизму детского сада или дома престарелых, так и экстремистскому гуманизму многих религиозных сект и политических группировок» [5, с. 31]. Если идеал абстрактного гуманизма сторонится любых форм человеческого жертвоприношения, то идеал экстремистского толка, напротив, лишь на таких жертвах строится: «не раздобыть надежной славы, покада

кровь не пролилась» (Б. Окуджава), причем, нередко очень *большая* кровь.

Характер соотношения предмета с должным делает его ценностью. Потому роль идеала, как критерия ценности вещи (поступка, знания и пр.), а тем более относительно таких категорий, как свобода и ответственность, становится чрезвычайно важной в процессе выбора субъектом той или иной возможности своего развития. Речь идет об идеальных поступках, об образцах свободного и ответственного поведения, или наоборот, о примерах безответственного поведения. Речь идет также не только об идеалах и ценностях, но и об антиидеалах, антидейтельности и антиценностях применительно к категориям свободы и ответственности. Возникают законные вопросы: какова идеальная свобода, идеальная ответственность и каковы идеально свободный человек и идеально ответственный человек? Впрочем, также можно говорить и об идеально безответственном человеке или идеально несвободном, что на первый взгляд звучит несколько абсурдно. Оптимизированный идеал свободы должен сочетать оптимизированный идеал человека, субъекта выбора, и оптимизированный идеал общества, в котором он живет, т.е. оптимальный вариант единства утопического и прагматического как в отношении идеала человека, так и в отношении идеала общества.

Свобода не может быть ориентирована только на новое (творчество), в большей части она ориентирована на воспроизводство старого, на сохранение устойчивости социальной системы в процессе ее эволюции. Так, для политика, берущего на себя право решать судьбы людей, призывая делать реформы, возникает ситуация «шага в неизвестное». Политик свободен делать выбор, однако, он ответственен за последствия своих реформ. Ссылаясь на «закон Седова», можно сказать, что выбор возможности и попытка ее реализации в реформировании социальной среды должны соответствовать пропорции 80% «сохранение старого» к 20% «возникновения нового» [11]. Но самое сложное в данной про-

порции то, что между условно «старым» и условно «новым» нет линейной зависимости. Это отнюдь не означает, что, если нового будет 30%, старого останется 80%. С точки зрения математики такого быть не может, пропорция, конечно, примет вид 30% к 70%. Речь о том, что такое соотношение может существовать лишь как планируемое, должное, выраженное, например, в показателях прошлого года, года нынешнего и года грядущего. Показатели планируемого валового национального продукта грядущего года можно выразить в виде процентного отношения к прошлому году, где показатели уже «устарели». Что будет в новом году – это до определенной степени неизвестно. Нелинейность проявится в процессе выполнения годового плана. Зафиксировать же в текущем моменте, что является «старым», а что «новым» почти невозможно. А это значит также, что культурная ценность не подлежит «математической» оценке. Если наука способна абстрагироваться от смысла измеряемых ею вещей, то идеал на это не рассчитан. Математической оценке не подлежат такие сложные категории как свобода и ответственность.

В качестве резюме вынесем на рассмотрение ряд тезисов, требующих дальнейшей всестороннего осмысления.

Во-первых, следует обозначить субъективный аспект процесса выбора варианта дальнейшей эволюции социума, который связан с общечеловеческим (абсолютным) идеалом. Здесь основная задача – в выработке параметров оптимальной жертвы, требуемой для его реализации.

Во-вторых, выделим объективный аспект такого выбора, и он связан с глобальным вектором развития человечества. Здесь, очевидно, присутствует зависимость выбора от удачи, от везения.

В-третьих, необходимым условием адекватности такого выбора, его «правильности» или «удачности», служит синтез свободы и ответственности на всех уровнях социума.

Управлять историей, действительно, вряд ли возможно, но можно направлять ее ход посредством научно и философ-

ски обоснованного проекта, включающего формулировку общезначимого социального идеала.

Литература

1. Аристотель. Большая этика / Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4. – 830 с.
2. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.
3. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. – СПб.: Политехника, 2004. – 400 с.
4. Бранский В.П., Пожарский С.Д., Михайлова И.Г., Бусов С.В., Зобова М.Р. Глобальное будущее человечества, трансгуманизм и синергетическая философия истории // Философия науки и философия техники: история и современность. Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбЭТУ «ЛЭТИ», 2015. – 224 с.
5. Бранский В.П., Михайлова И.Г., Зобова М.Р. Проблема «мысли жизни»: общеполитическое и общенаучное значение. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 83 с.
6. Манхейм К. Идеология и утопия / Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
7. Михайлова И.Г. Самоорганизация идеалов в динамике воспроизводства культурных ценностей / Синергетическая теория ценностей / коллективная монография под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского. – СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2012. – 168 с.
8. Михайлова И.Г. Субъект самовыражения в динамике взаимопереходов границ художественного пространства // Мир психологии. 2010. № 4. С. 129–130.
9. Назиров А.Э. Работы разных лет / Сборник статей. – М.: Издательство «Энциклопедист-Максимум», 2019. – 224 с. – С. 48.

10. Путин В.В. Полный текст выступления на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023. – URL: <https://sk-news.ru/news/authority/76387/?ysclid=lsbvka0oas482879464> (время обращения: 02.03.2024).
11. Седов Е.А. Одна формула и весь мир. Книга об энтропии. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
12. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань: «Копи-Принт», 2009. – 314 с.

APPROACHES TO THE PHILOSOPHICAL FORMULATION OF A GENERALLY VALID SOCIAL IDEAL OF FREEDOM AND RESPONSIBILITY

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич

The article attempts to correlate the categories of freedom and responsibility with the concepts of ideal and value. The role of the ideal as a value guideline and standard of value in all the variety of manifestations of freedom in history and culture is becoming more and more decisive. Each epoch created its own ideals and values. The role of the ideal, as a criterion for the value of people's actions in relation to categories such as freedom and responsibility, becomes important in the process of choosing a particular opportunity by the subject. We are talking about ideal actions, examples of free and responsible behavior, or, conversely, examples of irresponsible behavior. We are also talking about anti-ideals, anti-activity and anti-values in relation to the categories of freedom and responsibility.

Keywords: freedom, responsibility, ideology, ideal, norm, value, anti-value, utopia, social selection.

References

1. Aristotle. Big ethics / Op. in 4 volumes. – М.: Thought, 1983. Vol.4. – 830 p.
2. Bransky V.P. Art and philosophy: The role of philosophy in the formation and percep-

- tion of an artistic work on the example of the history of painting. – Kaliningrad: Yantarny skaz, 1999. – 704 p.
3. Bransky V.P., Pozharsky S.D. Globalization and synergetic historicism. The synergetic theory of globalization. – St. Petersburg: Politechnika, 2004. – 400 p.
4. Bransky V.P., Pozharsky S.D., Mikailova I.G., Busov S.V., Zbova M.R. The global future of mankind, transhumanism and synergetic philosophy of history // Philosophy of Science and Philosophy of technology: history and modernity. Collection of scientific articles. – St. Petersburg: Publishing house of SPbETU "LETI", 2015. – 224 p.
5. Bransky V.P., Mikailova I.G., Zbova M.R. The problem of the "meaning of life": general philosophical and general scientific significance. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2017. – 83 p.
6. Manheim K. Ideology and utopia / Diagnosis of our time / trans. from it. and English; ed. and comp. J.M. Berger et al. – М.: Lawyer, 1994. – 704 p.
7. Mikailova I.G. Self-organization of ideals in the dynamics of reproduction of cultural values / Synergetic theory of values / collective monograph edited by V.P. Bransky, S.D. Pozharsky. – St. Petersburg: Publishing house "LEMA", 2012. – 168 p.
8. Mikaylova I.G. The subject of self-expression in the dynamics of mutual transitions of the boundaries of artistic space // The world of psychology. 2010. No. 4. pp. 129–130.
9. Nazirov A.E. Works of different years / Collection of articles. – Moscow: Publishing house "Encyclopedist-Maximum", 2019. – 224 p. – p. 48.
10. Putin V.V. Full text of the speech at the meeting of the Valdai discussion club on October 5, 2023. – URL: <https://sk-news.ru/news/authority/76387/?ysclid=lsbvka0oas482879464> (time of reference: 03/02/2024).
11. Sedov E.A. One formula and the whole world. The book about entropy. – Moscow: Znanie, 1982. – 176 p.
12. Synergetic philosophy of history / edited by V.P. Bransky and S.D. Pozharsky. – Ryazan: Copy-Print, 2009. – 314 p.

Социально-философское исследование проявления идеологии антигуманизма с позиции теории психоанализа

Захаров Александр Дмитриевич,

аспирант Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: zaharoff1997@gmail.com

В статье рассматриваются сущность и основные проявления идеологии антигуманизма в качестве социально-философского явления. Основными особенностями данной концепции являются предоставление альтернативной системы ценностей и критика гуманистического подхода. Суть течения также заключается в отрицании или ограничении принципов антропоцентризма. Большинство учений внутри антигуманизма ограничивают всестороннее личностное развитие и отрицают существование прогресса социальной жизни. Произведено исследование данной идеологии на основе анализа материалов знаменитых мыслителей, связанных с психоаналитической теорией. Рассмотрена проблема влияния тенденций антигуманизма на социокультурное пространство.

Целью исследования является сравнительное описание основных теоретических подходов, базирующихся на основе идеи об антигуманизме в качестве социально-философского явления с точки зрения психоаналитической теории. Материалы и методы исследования базируются на анализе научно-теоретических положений, использовании общих и частных методов познания, синтезе мнений и сравнительном анализе.

В результате исследования произведен обзор литературных сведений по теории антигуманизма, связанных с психоанализом. Было выявлено, что все имеющиеся подходы объединены идеями опровержения и критики исключительности человеческого существования. Представлены теоретические и методологические мотивы и противопоставление «антигуманизма» в отношении классического гуманизма к тенденциям развития современного общества.

Ключевые слова: антигуманизм, гуманизм, социум, существование, бытие, индивид, психоанализ.

Введение

Обширное число теорий, отрицающих идеи классического гуманистического наследия, требующих осмысления антигуманистических учений и самого понятия «антигуманизм». При исследовании данного определения возникает типология содержательных характеристик, показывающих востребованность постгуманистических учений и теории новой антропологии.

В определении антигуманизма выражается наличие жестких рамок в культивировании значимости человеческой жизни, поэтому оно означает препятствие или запрет социальных преобразований в отношении расширения прав и свобод человека. Подобное течение выступает с критикой прогрессивного развития социума, считая, что гуманизм, как проект, изначально обречен на неосуществимость на практике. Такое мировоззрение обусловлено 2-мя факторами.

1. Транслированием идей ничтожности и порочности человека, несостоятельности его родовой природы.
2. Неполнотой реализации гуманистического опыта в современном социуме.

Противостояние двух парадигм – гуманизма и антигуманизма – является взаимообусловленной и фундаментальной культурной оппозицией [3, с. 234]. Целью исследования является сравнительное описание основных теоретических подходов, базирующихся на основе идеи об антигуманизме в качестве социально-философского явления с точки зрения психоаналитической теории.

М. Хайдеггер как образец гуманного антигуманизма

М. Хайдеггер творил в первой половине XX века, во времена становления и оформления психоанализа как дисциплины. В своей философской биографии он оставил след в виде «Письма о гума-

низме», да и в целом феноменология Хайдеггера не прошла незамеченной в психоаналитической теории. В названном письме автор дистанцируется от своих прошлых взглядов, касающихся времени и бытия. Ранний Хайдеггер, к слову, тоже интересовался словосочетанием «воля к власти», улавливая онтологическую суть отношений к подчинению Природы, созданию мира и к транслированию человеческой власти на внешнее пространство. Склонность читателей рассуждать о предыдущих работах Хайдеггера как об антропологическом проекте побудили его переосмыслить собственные суждения и наглядно пояснить, почему он пишет о своей приверженности антигуманистическому течению мысли. Антигуманизм у Хайдеггера не сосредоточен вокруг человека в качестве субъекта и стремится к иному мировоззрению, к бытийному. Если философская концепция Сартра фокусируется на отсутствии Бога, социума или природного начала, которые дают ориентацию индивиду в мире, то Хайдеггер наоборот нацелен на понимание бытия, не фокусируясь на иных его компонентах, в том числе связанных с традиционным гуманизмом. В своем письме автор упоминает о генезисе идеи гуманизма, которая берет свое начало с Древнего Рима. Он призывает более облегченно относиться к человеческому происхождению, его статусу и антропоцентричности существующих цивилизаций. С тех времен антропоцентризм являлся культурной доминантой, которая была реактуализирована в эпоху Ренессанса, когда об индивиду упоминалось в качестве выделения равенства и индивидуализации. Также как подобное мышление переняла и эпоха Просвещения, когда в руки человека вложили всю власть над миром через язык рациональности [5, 8].

Антигуманистическая позиция М. Хайдеггера представляет интерес с практической точки зрения, поскольку философ не выходит за пределы онтологического проекта метафизики, пусть и нивелирует человечность как ее измерение. Человек так и остался предельной причиной написания его про-

изведений, хотя бы в формате проекта. Поэтому на данном этапе обновления или переворота идей гуманизма так и не случилось.

Учение М. Фуко

М. Фуко в своей теории упоминает о том, что концепт человеческой сути был более полно отражен мыслителями эпохи Просвещения. При этом он отмечает, что гибель подобной теории следует датировать появлением Ницше и его «сверхчеловека». Определение качеств «сверхчеловека» логично отрицает имеющиеся ранее положения гуманизма и оставляет только признание проекта индивида в качестве носителя воли к власти. Поэтому подобные сдвиги иерархии гуманизма легко связываются с антигуманистической и постгуманистической концепцией крушения превосходства истин «Я» под истинами властных структур. Наступает конец преמודернисткой и модернисткой теории, Фуко показывает ситуативность и относительность истины, ее событийный характер и новые пределы истории [5, 7]. Он искал и предоставил свои ответы на вопрос, в чем состоит суть развития человечества после смерти индивида, ведь все равно прежний мир и порядок вещей будет сохранен, занимаясь развитием терминологического аппарата для описания актуальной действительности, принятой далее в рамках психоанализа, в первую очередь, структурного.

Структуралистский антигуманизм

Ж. Лакана

Подход Ж. Лакана имеет уникальный характер в связи с отвержением стабильности природы человека, а также ее автономности. При этом автор подчеркивал важность отдельного субъекта как продукта социальных отношений и символического порядка. Субъективная деятельность складывается из отношений к «Другому» и противодействия ему в рамках согласования с реальностью и очевидностью собственных желаний и потребностей. Все это происходит в условиях присутствия ограничений и довлеющей обязательности символического порядка. Лакан отмечает необ-

ходимость закладывания «Реального» опыта каждого индивида сквозь символическое, ориентацию на регистр «Реального». При этом существует угроза чувству идентичности, веры в самознание и его валидность. Автор подмечает важность понимания нестабильности природы человека, выстраиваемой в процессе включения человека в социально обусловленную символическую структуру. Подобная теория, включающая элементы случайности и нестабильности личного и социального опыта выделяет необходимость понимания разнообразия и сложности характера человеческого опыта в целом. В соответствии с этим в социуме должны создаваться этические и политические границы, которые будут признавать, актуализировать и дестигматизировать разнообразие личностного познания, пусть и основанного на общедоступных символических структурах [6].

Из вышенаписанного следует, что антигуманизм по Лакану базируется на неавтономности и несвободе индивида, зависимого от социальных и культурных процессов. Автор выделяет, что человек подвластен нестабильности по своей природе, что подрывает возможность его идентичности и видоизменяет, деформирует желания и потребности.

Теоретический антигуманизм Л. Альтюссера

Л. Альтюссер создал скандально известную формулу «теоретического антигуманизма» на основе осмысления идей практического гуманизма. Он отмечал, что в эмпирической деятельности каждый член социума должен уважительно относиться друг другу, но при этом необходимо помнить, что социальная роль людей связана с их восприятием в качестве одних из элементов системы с собственными правилами и устоями. Альтюссер настаивал на необходимости отвержения филантропии на примере марксистской идеологии позднего времени, призывая перейти к новому порядку вещей. И это являлось вполне возможным в контексте сопоставления понятия

«индивид» лишь с «научным открытием», сделанным К. Марксом в середине 19 века, а также ростом роли идеологии в политической и социокультурной жизни людей-современников Альтюссера. Поэтому автор убеждает все философское сообщество в необходимости отвержения идеи «человека» как точки отсчета и базиса всей буржуазной концептологии. Л. Альтюссер пишет о том, что научное познание – процесс без присутствия конкретного субъекта, без учета телеологичности его существования, и оттого не теряющий исторического или любого иного смысла. Именно такую форму познания должен принять течение гуманизма в постструктурализме и в чем будет состоять суть реконструкции идей метафизического антигуманизма [9].

На взгляд автора статьи, отвержение теоретических притязаний гуманизма и признание его идеологических функций на всем протяжении создания теории Альтюссера позволяет ему следовать идеям теоретического антигуманизма в интерпретации К. Маркса. Основной посыл его воззрений состоит в осмыслении теории исторического материализма, который позволил бы установить разрыв между абстрактной философией человека и социальной целостностью, которая определяется взаимосвязанными политическими, экономическими, идеологическими событиями.

Антигуманизм Ж.-Л. Нанси как устаревание гуманистического подхода

По мнению Нанси многие вещи, такие как «смысл», «бытие», «свобода», «философия», «социум», в настоящей действительности теряют собственную очевидность и определенность вследствие многозначности и оторванности от реальных проблем и вызовов современности. Всеобъемлющее понятие «гуманизм» утрачивает свою актуальность, а «сущность индивида» постоянно видоизменяется [4, с. 151; 5].

Все вопросы, рассмотренные в положениях классической рациональности по поводу назначения человеческой культуры, устарели, так что способы раз-

мышления на данную тему постоянно трансформируются. Автор поддерживает идею «смерти человека» по Фуко, объявляя о том, что быть человеком значит не располагать никакой сущностью. Нет определенной стратегии, по которой индивиды должны выстраивать свою жизнь, свое право и этические принципы. При этом слово «человек» Нанси включает в кавычки, отсылая к дискурсу чуждостей. Понимание слова «Мы» он соотносит с возможностями существования мира, с определенной свободой [4, с. 152; 5].

Признание человеческой сути есть понимание необходимости следования внутренней природе, а отказ от этого открывает возможности самодетерминации личности. Нанси противопоставляет собственные мысли идеологии Сартра, утверждая, что тот лишь играет со словами «сущность» и «существование», меняя их, тавтологических, местами. Бытие заключается в простом абсолютном соприсутствии, где не нужно быть «первым» или «вторым» [4, с. 154–155; 5].

Антигуманистические высказывания Ж.-Л. Нанси касались также определения наиболее значимых характеристик сообщества. Он считал, что эти характеристики определяются в нынешнее время отменной, бездействием, приостановкой. Онтология событий делает их неизбежно множественными. Философ описывает свой отказ принятия сообщества в качестве скопления людей, которые связаны внешними связями. Он вводит понятия «единичность» или «сингулярность» [4, 10].

Антигуманизм по Нанси еще раз указывает на идеи новой субъективности, поднимает вопрос об ошибочности изученных ранее особенностей сущности человека и их дальнейшей неприменимости. Автор видит суть в деконструкции иллюзии общности, где кроме «Я» концепции существует еще процессы, не касающиеся конкретного человеческого воплощения, при этом человек также освобождается от традиционных неразрешимых моральных и философских дилемм вроде декартовского деления на тело и душу или сартровской диалектики существования и сущности.

Антигуманистическое «невозможное» Ж. Деррида

Деррида противопоставляет свои суждения мыслям Хайдеггера, считая их «последним сомнамбулическим прыжком высшего индивида» (в ницшеанском контексте). Именно Деррида описывал имеющиеся учения антигуманистического характера в качестве критики антропологических устоев ренессансного гуманизма, которые не умели ставить вопрос о человеке как об отрицаемом в общественных процессах. Все суждения о конце исторического пути и философии, которые претендуют на революционность, имеют наивный характер, по мнению Деррида. Но при этом стоит отметить, что говоря ранее о разуме и человеке, Деррида утверждал о том, что основной категорией философии является «невозможное» в качестве усиления субъективности, а вовсе не картезианский дуализм. Невозможными для кого-то может являться, например, понимание любви, дружбы, веры в лучшее, но оно становится возможным в той мере, в которой люди вводят эти понятия в практику, актуализируют их [2].

Антигуманизм Деррида заключается в освещении парадоксальности понимания субъекта, в суждениях, основанных на попытках освобождения философии из тупика кризиса метафизики. Автор заменяет онтологичность бытия социальностью, которая расширяется до включения не-человеческих самостей в том числе.

«Машина желаний» Ж. Делеза и Ф. Гваттари

Основная антигуманистическая концепция Делеза и Гваттари состоит в полном отрицании субъекта и возможности субъективности в современном мире. С точки зрения авторов, взгляд на природу и социум в контексте системы индивидов (что названо гуманистическим субъективизмом) связан с капиталистической ориентацией мышления. Они предлагают собственное видение картины мира в качестве постгуманистического и постмодернистского пространства перепле-

таемых энергетических потоков. В них присутствует информация о том, что любой поступок имеет зависимость от взаимодействия между частицами. И любое действие, от биения сердца и дыхания до полета космических тел, можно свести к взаимодействию этих потоков. Антигуманистическая направленность идеи здесь заключается в том, что начало и сплетение потока частиц сосредотачивается на «желающих машинах», которые создают и потребляют движущие силы в процессе лицеобразования, или фациальности. К таким желающим машинам авторы относят и органы чувств, и течения океанов, проявление сексуальной энергии и прочее. Такая разбросанность новой субъективности заложена в методологию шизоанализа, децентрализующую и уничтожающую индивида за ненужностью. Под этим всем сосредоточено «нечто», которое было названо «телом без органов», новая онтологическая единица. Сторонники подобной мысли представляют «тело без органов» в виде нулевой точки неопознаваемого характера, причем определенность не только не подразумевается, но и считается проявлением садистского отношения к самоактуализации машин желания. Поэтому разработанная авторами методика шизоанализа подразумевает, что такое «тело без органов» не обладает желаниями в ранее понимаемом активно-побудительном смысле этого слова, оно ничего не может хотеть и никуда не направляется, и общество состоит из таких разрозненных самоопределяющихся машин [1].

Таким образом, Ж. Делёз и Ф. Гваттари выражают то, что происходит по сей день в рамках разработки постгуманистической концепции: становление новой формы социальности, отличной от всех классических и неклассических, где имеют значение уже совсем другие феномены: диалектика органического (животное, растительное) и неорганического (вещество, машины, вещи).

Заключение

В рамках статьи были рассмотрены идеи ученых-философов, которые касались

антигуманизма и господства этой идеологии в реалиях функционирования общества. Авторы, представленные в исследовании, конечно, все еще мыслят бытие и его социальную ипостась в виде исключительно человеческого, пусть и в другом, новом смысле, когда традиционно человеческое, то есть причастное к человеку как виду, ими отрицается или трансформируется. Поэтому представленные в статье мыслители все еще остаются в рамках антропоцентризма, развивая новое к нему отношение, новые его измерения. При этом Ж. Делёз и П. Гваттари, хоть и кажутся радикальными в своих суждениях, представляют собственный ответ требованиям новой онтологии, частично порывая и споря с традиционно психоаналитическими концепциями и воззрениями.

Можно заметить, что подлинный антигуманизм имеет признаки элитарности и избирательности, ценностной ангажированности, которые с принципиальной мировоззренческой предвзятостью были выражены авторами-антигуманистами. Борьба теорий гуманизма и антигуманизма представляет собой полное противостояние альтернативных концепций, но конечное решение на любом из исторических этапов бытия так и не получается принять на общефилософском и общесоциальном уровнях. Поэтому появляется множество новых течений, изучение которых имеет особую практическую значимость как для философии, так и для науки, для продолжения исторического процесса.

Литература

1. Делёз Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
2. Деррида Ж. О даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3. С. 144–171.
3. Деррида Ж. Аудиозапись выступления в Торонто в ноябре 2002 года. – URL: <https://rideo.tv/video/22407/>
3. Миллер В.И. Гуманизм и негуманизм как культурфилософские ориентиры современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.

2023. Том 12. № 1А. С. 233–237. DOI: 10.34670/AR.2023.99.51.021
4. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 148–164.
 5. Ростова Н.Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? / Н.Н. Ростова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 55–62. – DOI 10.17223/15617793/463/7. – EDN ESKCSV.
 6. Соколов А.А. Психоанализ Лакана и его роль в формировании современной культурной парадигмы / А.А. Соколов // Философские науки. 2020. № 2. 61–72 с.
 7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сад, 1994. – 408 с.
 8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
 9. Althusser, L. Positions / L. Althusser. – Paris, 1976. 4. Althusser, L. For Marx / L. Althusser. – London, 1969.
 10. Nancy J.-L. La communauté désœuvrée. – P.: Christian Bourgois Éditeur, 1986.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL STUDY OF THE MANIFESTATION OF THE IDEOLOGY OF ANTI-HUMANISM FROM THE PERSPECTIVE OF THE THEORY OF PSYCHOANALYSIS

Zakharov A.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the essence and main manifestations of the anti-humanism ideology as a socio-philosophical phenomenon. The main features of this concept are the suggestion of an alternative value system and the criticism of a humanistic approach. The essence of this point of view is the denial or limitation of the anthropocentrism principles. Most anti-humanism theories limit comprehensive personal development and deny the existence of progress in social life. The study of this ideology is based on

the analysis of the materials of famous thinkers related to the psychoanalysis. The problem of the influence of anti-humanism tendencies on the socio-cultural space is considered.

The purpose of the study is a comparative description of the main approaches to the manifestation of antihumanism as a socio-philosophical phenomenon from the point of view of psychoanalytic theory. Materials and methods of research are based on the analysis of scientific and theoretical positions, the use of general and particular methods of cognition, the synthesis of opinions and comparative analysis.

As a result of the research, a review of the psychoanalysis related literature on the theory of antihumanism was carried out. It was revealed that all available approaches are united by ideas of refutation and criticism of the exclusivity of human existence. The theoretical and methodological motives and the opposition of “anti-humanism” in relation to classical humanism to the trends in the development of society are presented.

Keywords: antihumanism, humanism, society, existence, being, an individual, psychoanalysis.

References

1. Deleuze J., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia. – Ekaterinburg: U-Factoria, 2007.
2. Derrida J. About the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion // Logos. 2011. No. 3. P. 144–171. 13. Derrida J. Audio recording of a speech in Toronto in November 2002. – URL: <https://rideo.tv/video/22407/>
3. Miller V.I. Humanism and non-humanism as cultural and philosophical landmarks of our time // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Volume 12. No. 1A. pp. 233–237. DOI: 10.34670/AR.2023.99.51.021
4. Nancy J.-L. Today // Ad Marginem'93. Yearbook of the Laboratory of Postclassical Research of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – М.: Ad Marginem, 1994. – pp. 148–164.
5. Rostova N.N. Anti-humanism: overcoming humanism or its new version? / N.N. Rostova // Bulletin of Tomsk State University. – 2021. – No. 463. – P. 55–62. – DOI 10.17223/15617793/463/7. – EDN ESKCSV.
6. Sokolov A.A. Psychoanalysis of Lacan and his role in the formation of the modern cul-

- tural paradigm / A.A. Sokolov // Philosophical Sciences. 2020. No. 2. 61–72 pp.
7. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. Per. from fr. V.P. Vizgin and N.S. Autonomous. – St. Petersburg A-cad, 1994. – 408 p.
 8. Heidegger M. Letter on Humanism // Time and Being: Articles and Speeches. – M.: Republic, 1993. – pp. 192–220.
 9. Althusser, L. Positions / L. Althusser. – Paris, 1976. 4. Althusser, L. For Marx / L. Althusser. – London, 1969.
 10. Nancy J.-L. La communauté désœuvrée. – P.: Christian Bourgois Éditeur, 1986.

Концептуальное структурирование идей социально-философского знания о феномене традиции строительства храмов на территории Руси-России

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант Национального исследовательского
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарёва
E-mail: alexey.kidyamkin@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы социальных ценностей в традициях отечественного храмоздательства как система взаимосвязи религиозных традиций и ценностей российского социума, проанализированных отечественными философами. Со времен Древней Руси русскими мыслителями выделяется целый ряд особенностей отечественного понимания гармонии в архитектуре, определяющих российское духовно-культурное наследие от истоков до наших дней.

Проводится анализ концептуального структурирования идей социально-философского знания о феномене традиции храмоздательства на Руси и в России. Многие концепты отечественных мыслителей в указанном дискурсе объясняются тем, что исследования вопросов ценностного обоснования вопросов культового зодчества остаются малоизученными.

В результате исследования отмечается важнейший фактор социальной преемственности в традициях храмоздательства от прошлого к современности в развитии культовой архитектуры Руси-России. Наследие культового зодчества показывает, что от эпохи к эпохе должен сохраняться каркас структуры ценностей, позволяющее транслировать социальные ценности прошлого в новые формы, соответствующие культурно-историческим реалиям Новейшего времени.

Ключевые слова: этика, архитектура, духовная культура, нравственность, российское общество, религиозное наследие, традиция.

Введение

Русская социальная традиция претендует на то, чтобы быть картиной тех духовно-нравственных ценностей, которые следует объединить понятием преемственности. Мнение о том, что единицы теоретического знания являются средством построения философского знания о социальной традиции региона, предполагает уточнение с точки зрения принципа историзма, который в широком смысле определяет рассмотрение социальных явлений в их развитии и в связи с конкретными обстоятельствами изучаемого прошлого. Может показаться, что для русской философской традиции конца XIX–начала XX века был типичен историзм в узком смысле, т.е. взгляд на историю как, прежде всего, историю «духа». Ценность трудов В.С. Соловьева связана с тем, что он рассматривает систему ценностей как целостную систему, в рамках идеи о всеединстве ценностей. Значимость трудов Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, П.А. Флоренского в том, что они рассматривают такие консолидирующие социальные ценности, как соборность, всеединство, духовность в их абсолютном значении для человечества.

Сегодня в исследовательской литературе присутствуют важные маркеры для подлбных исследований труды и аналитически данные современных ученых: С.Ф. Анисимова, Р.И. Александровой, А.И. Сухарева, М.А. Маслина, Е.В. Мочалова, В.В. Сербиненко, Л.Е. Шапошникова и других исследователей по этико-философской проблематике и эстетической традиции. Теоретические аспекты ценностей культуры российского общества изучали следующие ученые: В.С. Барулин, Ю.Б. Борев, М.Н. Громов, В.П. Зинченко, Л.Н. Столович, В работе применён вариант анализа в основу которого положено соотноше-

ние разных факторов в социальных отношениях, процессах и явлениях современного общества.

Существуют различные источники методологических основ философского осмысления социально-эстетического содержания социальной традиции как феномена общества. Многие русские мыслители, начиная с Илариона Киевского, обращали внимание на пути взаимопроникновения общеправославной культовой тенденции и русской духовности. По справедливому замечанию Р.И. Александровой, в древнерусской культуре и в современности: «... возведение собора становилось общим делом, единением всех людей ради важнейших смысложизненных ценностей народа» [1, с. 104]. С помощью великих святых образов духовные ценности православия приобретали визуально воспринимаемую форму и глубокий сакральный символический смысл. В архитектуре этот стиль выразился в православном зодчестве, а именно, в строительстве соборов, храмовых комплексов, усадеб. В общественной мысли важное место занимали деяния и сказания святых отцов, мыслителей.

Русские монастыри, соборы и церкви – это уникальные сокровищницы мировой духовной культуры. Особенно важную роль в истории России сыграли: архитектурные шедевры Новгорода Великого, Пскова, Суздаля, Москвы, Валаамский монастырь, Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, Троице-Сергиева лавра, храм Христа Спасителя в Москве. И в XXI веке в эти центры едут люди для приобретения к духовным ценностям правды, справедливости, духовной полноты социальной жизни. В результате взаимодействия и взаимопроникновения народной и церковной сфер духовного бытия социума образуется определенное знание о человеке, каким он является и каким должен являться. С помощью властных институтов, это знание внедряется во всех сферы социального развития. Православная иконопись и песнетворчество гораздо строже и аскетичнее западного типа.

Религиозное мировосприятие на Руси и России занимало важную роль в гносеологии, этике и философии, объединяя их в единой системе его миропонимания [3, с. 12]. Идеи прекрасного, милосердия и человечности как высшей ценности всегда была неотъемлемой частью российской общественной мысли. Утвердившись с принятием христианства, она проявилась в нравственных поучениях мыслителей Средневековой Руси, в светских направлениях гуманистической традиции русского классицизма XVIII – первой половины XIX вв., в христианских, метафизических и идеалистических учениях о социальной реальности в жизни россиян второй половины XIX – начала XX вв. [6].

История уже показала примеры трагичности использования одних только гениальных знаний техники в тенденциях сциентизма без понимания глубоких нравственных, духовных основ культуры, важнейшей ценностью которой был есть и будет человек. Человечеству необходимо встать на путь эволюционного развития – путь устойчивого развития человеческой цивилизации. Вполне четко и конкретно эта позиция была выражена в исследовании русской философии Е.В. Мочаловым, что в философии гуманизма была создана: «... основная парадигма христианского сознания выразилась с наибольшей полнотой» [7, с. 16]. Именно тогда и в этом случае мы сможем глубже понять наше духовное наследие и перспективы его трансформаций.

Духовные ценности народов России накоплены в культурном наследии и выражаются в достижениях общественной жизни. Развитие ценностей культуры происходит при взаимосвязи традиций и инноваций при осуществлении ряда механизмов. *К духовным ценностям, присущим культурному наследию, сохранению традиций и необходимым для новых достижений, относятся:* доброта, истина, красота, любовь к родине, дружба, благородство, гуманность к человеку, обществу и природе, ответственность и другие *в контексте духовности и культуры данного народа.* Они выражаются

в определенных формах в произведениях культурного наследия, их наличие позволяет человеку увидеть смысл происходящих явлений в обществе и природе и соответственно скоординировать свою деятельность по достижению поставленных целей и приумножению культурного наследия [4].

Для России в настоящее время большое значение имеет возрождение духовности, религиозных традиций, большая роль Русской православной церкви, вера в Бога, знание и уважение истории государства. Сегодня, с позиции формирующегося нового мироощущения, становится возможным научно обосновать значение красоты в духовном совершенствовании человека.

Анализ народных традиций показывает, что понятие представления о духовном идеале связано со стремлением человека к определению смысла бытия, к гармонии внутреннего и внешнего мира, к собственному совершенствованию по направлениям Истины, Добра и Красоты. Во все времена отличительной особенностью российской цивилизации была духовность, заложенная в основе общественной организации и определяющая ключевое значение в развитии нашего общества. Духовность выражалась в культуре, прежде всего в религии, верованиях. Ключевой вехой в истории Руси, становлении государственности и формировании прочных основ общества стало принятие христианства князем Владимиром в 988 году. Духовная культура вместе с духовными ценностями являются корнями, которые питают древо истории и русского человека, как носителя ценностей, и являются необходимым условием существования российской цивилизации. В эпоху до революции 1917 года в российском обществе система духовных ценностей имела свои особенности. Такие ценности, как добро, красота, справедливость, трудолюбие, человечность имели выражение в определенных формах в каждой сфере и в каждом уровне российского общества. Рассмотрим ценности духовной сферы в этом периоде. Духовная сфера выражается в культуре, в т.ч. в литера-

туре, искусстве, архитектуре, музыке, гуманитарных науках. На формирование ценностей духовной сферы России в XIX века повлияли некоторые исторические особенности эпохи и события, происходящие в стране. Трагедия состояла в том, что поступательный ход общественного развития вступал в противоречие с косными, традиционными формами государственного управления [2, с. 110].

Для культуры России было характерно преобладание духовных начал с опорой на раскрытие душевности и человеколюбия посредством искусства, также через культуру воплощались отношения населения к происходящим событиям и идеалы мировосприятия населения. Духовно-нравственный идеал – это представление о человеке, который достоин подражания за его личные качества, особенности поведения, отношение к учебе и деятельности, отношения с другими людьми и т.д. [10].

Для России характерно некоторое своеобразие классицизма, выраженное во влиянии православной культуры, прежде всего, в архитектурном оформлении соборов, в воспевании Отечества в произведениях литературы, искусства, в т.ч. в одах, а также в искусстве, пышном оформлении парадных портретов светских персон. Классицизм в изобразительном искусстве развивался постепенно, в нем долгое время чувствовалось влияние стиля парсуны, которая приобретала все более выраженные черты классицизма. По мнению Л.Н. Столовича, «воспитательным идеалом следует определять только тот, который выдержал испытания истории, наиболее соответствует психологии народа и его назначению, вошел в психику масс, отраженный в народном творчестве и в произведениях лучших художников и писателей, которые стали духовными проводниками своего народа» [8, с. 112].

Русский классицизм – стиль в искусстве, возникший в России в процессе европеизации при Екатерине II, распространенный во второй половине XVIII – первой половине XIX века. В нем вместе с общими для Европы признаками и цен-

ностями присутствовали православные ценности и особенности исконно русской культуры, а также известно использование этого стиля в оформлении мусульманских мечетей России. К важнейшим памятникам архитектуры классицизма относятся: дворцово-парковый ансамбль Царицыно (1776–1786), Дом П.Е. Пашкова (1784–1786, Москва) – архитектор В.И. Баженов, Здание Сената в Московском кремле (1783), Петровский путевой дворец (1775–1782) – архитектор М.Ф. Казаков.

Для архитектуры России этого периода характерно сочетание народных традиций, в особенности, деревянного зодчества, с лучшими достижениями западноевропейского барокко. Наиболее ярко черты русского барокко проявились в т.н. нарышкинском или московском стиле. Свое название получил благодаря заказчикам строительства Нарышкиным, родственникам матери Петра I. Московское барокко отличают обилие пышных декоративных украшений, кокошники, изящные наличники окон и дверей, всевозможные пилястры белого цвета, выделяющиеся на красном фоне кирпичных стен, изразцы с изображениями васильков, павлиньих перьев. К великим архитектурным сооружениям барокко относятся: Храм Покрова в Филях (1690–1694, Москва), церковь Троицы в Никитниках (1631–1634, Москва), Зимний дворец (архитектор В.В. Растрелли, 1754–1762, Санкт-Петербург), Собор Смольного монастыря (архитектор В.В. Растрелли 1748–1760, Санкт-Петербург), Андреевская церковь (архитектор В.В. Растрелли, 1749–1759, Киев) и др.

XIX веке помимо достижений классицизма в архитектуре стал преобладать стиль эклектики, на основе русско-византийского стиля. *Эклектика* – художественное направление в архитектуре, ориентирующееся на использовании в одном сооружении любых форм прошлого в любых сочетаниях, обычно имеет место в период смены больших художественных систем. Самыми известными являются: Храм Христа Спасителя (под руководством К.А. Тона, 1812 год,

восстановлен в 2000 году), Большой Кремлевский дворец (под руководством К.А. Тона, 1838–1849), Оружейная палата, Исторический музей (В. Шервуд и А. Семенов, 1872).

В XX веке в отечественной культуре появились такие направления, как символизм, модерн, конструктивизм, авангард, импрессионизм и ряд др. С одной стороны, искусство XX века – это отказ от старых художественных традиций, попытка творчески переосмыслить классическое наследие прошлого. С другой – это смелые новации, эксперименты, не ограниченные рамками и условиями.

В архитектуре и искусстве XX века возникли и последовательно развились такие стили, как модерн, конструктивизм и деконструктивизм. Модерн вдохнул в культуру динамику, связанную с устремленностью в новую эпоху и являлся наглядным отражением преобразованием ценностной картины мира. Исключительное значение придавалось выразительности текучих ритмов, цвету и фактуре строительных материалов. Главным отличием модерна стало искусство импровизацией линии. В стиле модерн были оформлены Казанский вокзал в Москве, особняк С.П. Рябушинского (архитектор А.В. Щусев), оформлен Московский художественный театр, здание Ярославского вокзала (архитектор Ф. Шехтель).

Конструктивизм отражал новое преобразование пространства на основе упорядочивания геометрических форм, избылиующих прямыми и ломаными линиями. Примерами достижений этого стиля в архитектуре является проект советского павильона на Международной выставке декоративных искусств в Париже – 1925 год, дом Мельникова в Кривоарбатском переулке – 1927–1929 годы (архитектор К.С. Мельников), Памятник III интернационалу – 1919 год (В.Е. Татлин). В конструктивизме через геометрические конструкции и выражение вырабатывается образ ценностей индустриальной эпохи, связанный с промышленными преобразованиями и пред-

ставленный открытиями, достижениями ученых и трудящихся [5].

В человеческой личности пересекаются и отражаются все сферы и уровни организации российского общества и прежде всего духовность. Человек в итоге является важнейшей ценностью российского общества, активной движущей силой его развития. Уровень духовных ценностей внутреннего мира личности в культуре XIX века был выражен в деятельности выдающихся представителей культуры и общественных деятелей страны, а также в виде образа человека той эпохи, раскрытом в искусстве. Для обеспечения комфортных условий очень важно создание красоты в окружающем интерьере и ландшафте. Красота может проявиться в творчестве людей, архитектуре, дизайне. В современной России и во всем мире архитектура является востребованным и перспективным направлением развития общества.

Для создания социально-нравственной смысловой платформы для деятельности необходимо наличие и воплощение в обществе доброты и добрых стремлений. Она является важнейшей вечной ценностью, неразрывно связанной с человечностью, душевностью и является неотъемлемой частью мировоззрения современного человека. В стремлении принести пользу обществу и окружающим людям должна быть основа общественной деятельности. Для благополучия общества необходима деятельность, основанная на добре, человечности и общечеловеческих ценностях.

Каждый народ имеет уникальную культуру, особенности традиций, достижений, ценностей. Духовные ценности представляют собой смысловые ориентиры развития общества, выраженные в конкретных формах социального взаимодействия, в отношении к значимости результатов и целей деятельности. Так, например, современная морд-ва, так же, как и предки в прошлом, большое значение придает хорошему доброму нраву, уму, наличию знаний, осторожности. Не случайно многие современные исследователи отмечают,

что опыт Поволжья уникален в их специфических, социально-экономических традициях, проявляющихся в контексте межкультурного и межконфессионального диалога [5, с. 293]. В этих условиях российская унификация культур повлияла на все аспекты социального бытия живущего здесь населения: фольклора, быта и обычаев, материального производства, религии и т.д.

Система ценностей народов России взаимообусловлена ценностями синтеза традиций и новаций, выраженных в культурном наследии России [9]. Для Российской цивилизации ключевую роль играют ценности духовной сферы (культуры), представленные основанием ценности моральной сферы. Духовные доминанты социокультурного бытия россиян обеспечивают взаимосвязь наследия и современности в социуме. Они выражаются в определенных формах социальной созидательной деятельности и в произведениях культурного наследия, их наличие позволяет человеку увидеть смысл происходящих явлений от прошлого к настоящему. Культура народов России, функционирование и развитие всех сфер общественной жизни всегда оказывались связанными с системой ценностей, присущей общероссийским традициям и социально-нравственным установкам.

Ценности межкультурного взаимодействия в социальной действительности нашли выражение в деятельности творческих коллективов выдающихся деятелей культуры. Например, можно выделить творчество художников, таких как И.К. Айвазовский, И.Н. Крамской, И.И. Шишкин, В.И. Суриков, в своем творчестве воспевающих красоту природы и отражающих ее духовный смысл, воплощая через нее духовные чаяния и ценности российского общества. Можно выделить также деятельность творческого содружества композиторов, среди которых выделяются: М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, М.А. Балакирев и др. В своих произведениях они воспевали духовную силу народов России. Каждый шедевр отражал определённый спектр душевных порывов, чувств, рас-

крывающих определённые стороны души широких слоев российского общества.

Уровень религиозных ценностей россиян, как и для всех сфер социума, носит универсальный характер. Такие ценности, как Бог, идея, прогресс, закладывают идеиную основу, необходимую для стабильного развития производства. Религия объединяет рабочих верой в светлое будущее и помощь божью в их нелегком труде, ценность идеи заключается в конструировании своих дальнейших решений, действий согласно этим идеям, прогресс необходим как суммарная картина успеха и достижений, что позволяет обеспечить благополучие населения. В XXI веке важно возрождение духовных ценностей культуры, которые в разные периоды истории погибали и возрождались. Храм Христа Спасителя был взорван в 1930 годах XX века, но возродился в конце этого же века и в том же месте. Это чудо, происходящее в мире духовных ценностей.

Таким образом, Россия занимает активное место на мировой арене по системному решению важнейших задач, стоящих перед человечеством. Ценности, связанные с государством, находя выражение в ценностях человеческой цивилизации, приобретают в них формы выражения, свойственные глобальному уровню и являющиеся в связи с этим ценностями человеческой цивилизации. Это проявляется в реализации ценностей российского общества с помощью международного сотрудничества и участия России в решении глобальных проблем. Россия организует работу по реализации идей гармоничного развития общества в ноосфере на государственном уровне и на уровне международного сотрудничества. Российское общество опирается на научные концепции устойчивого развития духовной цивилизации. Важно совмещение этих теорий с аксиологическими концепциями. Их успешная реализация осуществляется с помощью рассмотренных механизмов. Российская культура является примером мирного взаимодействия и развития культур разных народов.

Таким образом, в качестве составной части системы ценностей, рассмотрен уровень ценностей человеческой цивилизации, включенный в систему ценностей российского общества, рассмотрена взаимосвязь традиций и инноваций в нем. Выявлены основные научные направления, оказывающие решающее влияние на устойчивое развитие цивилизации. Для эффективной реализации ценностей данного уровня необходимо принятие совместных решений на международном уровне при использовании выделенных механизмов.

Литература

1. Александрова Р.И. Нравственная философия М.М. Бахтина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – 326с.
2. Бахлов И.В. От империи к федерации: историко-политический анализ трансформации имперских систем в федеративные/ И.В. Бахлов; науч. ред. проф. В.А Юрченкова. – Саранск: Изд-во Мордов ун-та, 2004. – 635 с.
3. Бычков В.В. Византийская эстетика / В.В. Бычков. – М.: Искусство, 1977. – 199 с.
4. Гусейнов А.А. История этических учений / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2003. – 911 с.
5. Елдин М.А. Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средне-волжье / М.А. Елдин // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России: мат-лы X Сафаргалиевских науч. чтений / МГУ им. Н.П. Огарева; [отв. ред. Н.М. Арсентьев]. – Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2006. – С. 293.
6. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: Хрестоматия в 5 тт. / Ред. коллегия: М.Ф. Овсянников и др. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. – Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. – 683 с.
7. Мочалов Е.В. Антропология всеединства в русской философии / Е.В. Мочалов. – Санкт-Петербург: Изд-во

- Санкт Петербургского университета, 2006. – 244с.
8. Столович Л.Н. *Философия красоты / Л.Н. Столович.* – М.: Наука, 1980. – 267 с.
 9. *Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: А.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов.* – М.: Сов. энци., 1983. – 840 с.
 10. Ярошевский М.Г. *История психологиот античности до середины XX в. / М.Г. Ярошевский.* – М.: Директмедиа Пабблишинг, 2008. – 538 с.

CONCEPTUAL STRUCTURING OF IDEAS OF SOCIO-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE ABOUT THE PHENOMENON OF THE TRADITION OF BUILDING TEMPLES ON THE TERRITORY OF RUS'-RUSSIA

Kidyamkin A.A.

National Research Mordovian State University N.P. Ogareva

The article examines the problems of social values in the traditions of domestic temple building as a system of interconnection between religious traditions and the values of Russian society, analyzed by domestic philosophers. Since the times of Ancient Rus', Russian thinkers have identified a number of features of the domestic understanding of harmony in architecture, which determine the Russian spiritual and cultural heritage from its origins to the present day.

An analysis is carried out of the conceptual structuring of the ideas of social and philosophical knowledge about the phenomenon of the tradition of temple building in Rus' and in Russia. Many concepts of domestic thinkers in this discourse are explained by the fact that research into the issues of value justification for issues of religious architecture remains poorly studied.

As a result of the study, the most important factor of social continuity in the traditions of temple building from the past to the present in the development of religious architecture of Rus'-Russia is noted. The legacy of religious architecture shows that from era to era the framework of the value structure must be preserved, allowing the social values of the past to be translated into

new forms that correspond to the cultural and historical realities of modern times.

Keywords: ethics, architecture, spiritual culture, morality, Russian society, religious heritage, tradition.

References

1. Alexandrova R.I. *Moral philosophy M.M. Bakhtin.* – Saransk: Mordov Publishing House. University, 1996. – 326 p.
2. Bakhlov I.V. *From empire to federation: historical and political analysis of the transformation of imperial systems into federal ones / I.V. Bakhlov; scientific ed. prof. V.A. Yurchenkova.* – Saransk: Mordovian University Publishing House, 2004. – 635 p.
3. Bychkov V.V. *Byzantine aesthetics / V.V. Bychkov.* – М.: Art, 1977. – 199 p.
4. Guseinov A.A. *History of ethical teachings / A.A. Guseinov.* – М.: Gardariki, 2003. – 911 p.
5. Eldin M.A. *Philosophical problems of interaction between the spiritual traditions of Russian peoples in the Middle Volga region / M.A. Eldin // Historical and cultural aspects of the development of multi-ethnic regions of Russia: materials of the X Safargaliev scientific studies. readings / Moscow State University. N.P. Ogareva; [rep. ed. N.M. Arsentiev].* – Saransk: Type. "Red. Oct.", 2006. – P. 293.
6. *History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: Reader in 5 volumes. / Ed. board: M.F. Ovsyannikov and others – М.: Publishing House of the USSR Academy of Arts, 1962. – T. 1. Antiquity. Middle Ages. Revival. – 683 p.*
7. Mochalov E.V. *Anthropology of all-unity in Russian philosophy / E.V. Mochalov.* – St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2006. – 244 p.
8. Stolovich L.N. *Philosophy of beauty / L.N. Stolovich.* – М.: Nauka, 1980. – 267 p.
9. *Philosophical Encyclopedic Dictionary / Ch. ed.: A.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov.* – М.: Sov. enc., 1983. – 840 p.
10. Yaroshevsky M.G. *History of psychology from antiquity to the middle of the twentieth century. / M.G. Yaroshevsky.* – М.: Direct-media Publishing, 2008. – 538 p.

Формирование модели вхождения иностранных курсантов в среду военных вузов России на основании теорий транскультурализма и сегментной ассимиляции

Ковалев Виталий Алексеевич,

соискатель кафедры философии ФГБОУ ВО
«Забайкальский государственный университет»
E-mail: nastyasha16@mail.ru

Статья посвящена обоснованию авторской модели вхождения иностранных курсантов в среду военных вузов России в условиях глобализации. Актуальность представленной проблематики связана с радикальным противостоянием имеющихся теоретических моделей адаптации в практике военных вузов. Одна из них отражает ту тенденцию к адаптации, условия которой задаются радикальными требованиями воинской дисциплины, представлениями о воинском братстве, задачей воспитания патриотов своих государств, другая призывает к защите и сохранению личностного начала курсантов разных национальностей. Автор предлагает решение этих противоречий, которые могут привести к противостоянию «своих» и «чужих», в контексте синтеза положений теории транскультурализма и «сегментарной ассимиляции», которые ранее не применялись к объяснению проблем адаптации иностранных курсантов в вузах России. В статье представлена модель социокультурной адаптации иностранных курсантов в принимающем пространстве военного вуза, как непрерывного взаимодействия разных индивидов, групп этнических и религиозных культур, а также российской воинской и глобальной культур. Выводом статьи является утверждение о том, что социокультурная адаптация иностранных курсантов к принимающей среде военных вузов является одним из этапов транскультурной адаптации, представляющей непрерывный процесс, в течение которого происходит активное и осознанное приспособление человека к изменяющимся условиям жизни в эпоху глобализации, трансформирующей его ценности, цели и социальные роли, но не обрывающей его взаимодействие с сообществами вне принимающей среды.

Ключевые слова: иностранные курсанты, военные вузы, транскультурализм, сегментная ассимиляция, социокультурная адаптация.

Актуальность рассмотрения вопросов, связанных с необходимостью переосмысления теории, объясняющей особенности вхождения иностранных абитуриентов в среду военных вузов России, состоит в активизации процессов выхода отечественного военного образования на мировой рынок образовательных услуг. При этом, растущий интерес к данной проблематике обусловлен ростом количества прибывших из-за рубежа курсантов и необходимостью поиска путей разрешения, связанных с их появлением противоречий, куда входят трудности взаимодействия с социальным окружением, с которыми они сталкиваются во время прохождения обучения. На сегодняшний день проблему представляет противостояние используемой отечественными психологами, такими как В.Н. Гурьянчик и Т.В. Макеева [1], теории, отражающей стремление к организации системы подготовки и воспитания военных профессионалов, объединенных воинской дисциплиной, ценностями патриотизма и стремления к защите своей страны вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, и теории западных авторов, таких как Х. Рунблом, отражающей стремление к сохранению личностного начала мигрантов, как представительных своих национальных и религиозных культур. Данная теория, как показывает контекст произведений В. Кимлики [2], видит в образовательной политике, нацеленной на единение коллектива курсантов угрозу самобытности и многообразия, указывая на тенденцию к ассимиляции, связанной с перспективой личностного растворения. Интерес, на наш взгляд вызывает попытка, проведения анализа данной проблематики с учетом анализируемых такими авторами, как Ф. Ортиз, Дж. Берри, Д. Райнхард,

В. Силиус, Р. Альба, Брайхенбах, Р. Д. Маннинг, А. Портес и др. положений транскультурализма и «сегментной ассимиляции», которые полемизируя, как со сторонниками стремления к единению, так и обособлению, акцентируют внимание на возможности достижения позитивного результата вхождения мигрантов в иную культуру при избегании указанных крайностей.

Объектом исследования является социокультурная адаптация, как процесс вхождения иностранных курсантов в военные вузы России. Предметом является модель социокультурной адаптации иностранных курсантов в принимающем пространстве военного вуза в контексте синтеза положений теорий транскультурализма и «сегментной ассимиляции». Цель исследования состоит в обосновании убеждения о том, что социокультурная адаптация иностранных курсантов в военных вузах России, является неотъемлемым этапом непрерывной транскультурной адаптации их личности в эпоху глобализации с учетом взаимодействия этнических, религиозных культур, а также российской воинской и глобальной культуры. Методами являются концептуализация теорий транскультурализма и сегментной ассимиляции, а также моделирование процесса социокультурной адаптации мигрантов в принимающей среде военного вуза.

Результаты

Под социокультурной адаптацией иностранных курсантов военных вузов необходимо понимать процесс, в рамках которого проходит осознанное и активное приспособление этих обучающихся к новой для них среде обучения и проживания, в результате чего они принимают ценности, нормы, требования и социальные роли военизированного сообщества. Адаптация иностранных курсантов в новую социальную среду военного вуза России представляет процесс вторичной профессиональной социализации взрослых, одновременно с которой курсанты проходят через процессы усвоения новых правил социального общения, не совпадающих с уже устояв-

шимся у них ранее набором основных ценностей, норм и обычаев присылающего общества. Поэтому при описании вхождения иностранцев в принимающую среду вуза использование термина «социализация» необходимо дополнять таким термином, как «инкультурация», который охватывает процессы усвоения и воспроизводства когнитивных аспектов культуры, то есть ценностей российской воинской культуры. Существенным моментом инкультурации является то, что иностранный курсант, адаптируясь к реалиям принимающей среды, не разрывает связь с отправляющим сообществом и глобальной культурой, и оказывает свое влияние на новое культурное окружение. Поэтому социальная адаптация иностранных курсантов в рамках военного вуза ведет не к полной ассимиляции, а к процессам процессами сегментного слияния и частичного взаимного изменения. В целом, социокультурная адаптация курсантов военного вуза представляет стадию процесса транскультурной адаптации, которая продолжается на протяжении всей жизни современного человека, вынужденного благодаря распространению глобализации непрерывно приспосабливаться к меняющимся условиям, участвуя в освоении новых ценностей, норм, требований и социальных ролей, не отрываясь от тесного взаимодействия с отправляющим обществом и другими группами.

Обсуждение результатов

Вхождение иностранных студентов в структуру военного вуза в контексте теории «сегментной ассимиляции» и транскультурализма Ф. Ортиза и Р. Альбы [3], можно описать как сложный и разнонаправленный процесс взаимодействия разных групп индивидов, в течение которого происходит их взаимная адаптация, сопровождающаяся изменениями культурных парадигм этих групп. Важно обратить внимание на то, что основное внимание в данные теории уделяют обоснованию организации паритетного взаимодействия между культурами, прежде всего, обращая внимание на сферу коммуникаций, приобретающих в усло-

виях глобализации транскультурный характер.

Социокультурная адаптация иностранных курсантов в контексте теории «сегментной ассимиляции»

Необходимость целенаправленной организации особой принимающей атмосферы в военном вузе во многом объясняется требованиями теории «сегментной ассимиляции», идеи которой отражены в трудах таких авторов, как Р. Бабёк, К. Фелисиано, Р. Румбо, Т. Беснард, М. Дж. Летарт, Д. Массей, Дж. Дюран, К. Прен и др., которые требуют, чтобы анализ усвоения элементов взаимодействующих культур происходил на основе индивидуальной оценки их значимости для каждой личности. Согласно данной теории, процесс адаптации иностранных студентов определяется не только требованиями вуза, но и набором значимых для них ценностей. В частности, в контексте идей Р. Бабёка [4, с. 140] необходимо учитывать специфику индивидуальных особенностей иностранцев, которые в условиях военного вуза болезненно реагируют на изменившиеся условия и продолжают поддерживать связь с управляющей культурой, как источником социализации. Методология К. Фелисиано и Р. Румбо [5, с. 85] приводит к идее о том, что важно начинать исследование аккультурации этих студентов с анализа их первичной социокультурной идентичности, особенности которой являются фактором интеграции в новое общество. Существенным моментом, который характеризует значимость периода первичной социализации, как свидетельствует Г. Борджас, является то, что становление личности проходит в процессе совместного созидания ценностей, носящих социальный характер, что представляется им как вхождение в социум [6, с. 50].

Таким образом, в контексте идей «сегментной ассимиляции» необходимо учитывать, что уже на стадии первичной социализации личность будущего курсанта не только формируется, но, будучи одним из его элементов, участвует в формировании общества, воспроизводя ценности, опыт, особенности со-

циального поведения его членов. Данный опыт во многом оказывает влияние на успех интеграции курсанта в рамках военного вуза, представляя мотивацию для изменений во время военной службы и одновременно сохранения их идентичности, пишет К.С. Каллина [7, с. 439]. В этом же убеждают выводы Й. Брайденбаха и Б. Роллоу, согласно которым принимающее пространство военных вузов является сферой вторичных ассимиляционных процессов для иностранных курсантов, которые сами определили для себя сегмент, где они могут внести максимально полезный вклад для развития своей страны [8]. Поэтому необходимо признать, что принимающая культура не только влияет на них, а также подвергается их влиянию, что стимулирует активизацию культурного обмена и способствует формированию синтетических структур.

Социокультурная адаптация иностранных курсантов в контексте идей транскультурализма

Идеи приверженцев теории сегментной ассимиляции имеют много общего с положениями Ф. Ортиза, Д. Райхарда, Дж. Свайна, которые разрабатывают концепцию транскультурного взаимодействия, где особое внимание уделяется коммуникациям разнообразных культур. Согласно теории «транскультурализма» структура военного вуза, описывается, как сложно организованное пространство коммуникаций между разными группами, сохраняющими свою самостоятельность в личностных смыслах, жизненной динамике и культурных связях и представляющими, как доказывает Дж. Свайн, отдельные полюса культурного влияния [9, с. 117]. Базируется представляемая модель на коммуникативной конструкции полилога, где, как указывает Э.Б. Яковлева, доминирование одной из сторон сменяется на стремление к взаимодействию многих участников. Полилог формирует «структуру общих различий», где идут процессы инкультурации, определяемой как проходящее в результате взаимного влияния изменение социокультурных особенностей личности или груп-

пы [10]. Таким образом, транскультурное понимание инкультурации заключается в признании, что этот процесс сопровождается жизнедеятельность человека эпохи глобализации, для которого контакты с разными культурами становятся неотъемлемой характеристикой бытия, выражающейся в трансформации его культуры и культуры взаимодействующих с ним групп. В частности, такое понимание инкультурации характерно для Дж. Портера и А. Фитца, по мнению которых, инкультурация сопровождается не только изменениями в идентичности индивида, но и влияет на трансформацию ценностных ориентаций и установок группового сознания в иной культуре [11, с. 831].

Значимым отличием транскультурного понимания от представляемых до сих пор теоретических положений инкультурации, как убеждают А. Портер и Р.Д. Маннинг [12, с. 568], является убеждение о взаимном влиянии, которое оказывается на всех участников полилога, который даже в рамках военного вуза ведет не к полной ассимиляции, а завершается процессами частичного слияния, включая восприятие профессиональных, учебных навыков, языка и культуры. Здесь важным является указание на то, что, как показывает Н. Глик Шиллер, Л. Басч и К. Бланк [13], с одной стороны инкультурация нацеливается на формирование единства сообщества военнослужащих, для чего новичкам необходимо интегрироваться в структуру военного вуза и вступить в коммуникативное взаимодействие с группами курсантов, преподавателей и руководства. С другой же стороны такой процесс включает обмен разнообразными культурными ценностями, куда входят не только военные и профессиональные знания и навыки, но и нормы воинской дисциплины, а также традиции и стандарты поведения отправляющего и принимающего общества. Таким образом, теория транскультурации, положения которой представлены в статье А. Газара [14, с. 132], предполагает, что иностранцы не просто ассимилируются в принимающей культуре, но также вносят свой

вклад в формирование новой культурной динамики. В контексте проблематики военных вузов это означает, что они могут привносить свои традиции, обычаи и ценности, оказывающие влияние на общую культуру учебного заведения. Важно, что обмен культурными ценностями, как убеждает Ф.Л. Вилберсчайд [15, с. 1], может стимулировать процесс инкультурации, как для иностранных курсантов, так и для представителей принимающей культуры, что является основанием для появления новых синтетических культурных форм, в которых объединяются элементы различных по происхождению культур.

В целом можно сделать вывод о том, что теории транскультурализма и «сегментной ассимиляции» содержат ряд положений, которые позволяют в контексте их синтеза провести моделирование процесса адаптации иностранных студентов в принимающей среде военных вузов России в условиях глобализации. Указанный процесс должен основываться на учете особенностей представителей разных культур, полюсов глобальной культуры, региональных, этнических и религиозных культур, и связанных с ними процессов транскультурной коммуникации и сегментной ассимиляции, приводящих к оформлению новых направлений культурной динамики в высших военных учебных заведениях.

Моделирование социокультурной адаптации иностранных курсантов в военных вузах России в контексте синтеза положений теории транскультурализма и «сегментной ассимиляции»

Модель социокультурной адаптации иностранцев в военных вузах России в современных условиях может быть представлена как структура транскультурного взаимодействия, в процессе которого целенаправленное влияние на развитие личности курсантов со стороны военных учебных учреждений сталкивается с личностными интенциями обучающихся, а также стран исхода, и транскультурных субъектов, с которыми обучающиеся поддерживают непрекращающиеся

связи. В частности, военные учебные заведения предъявляют к обучающимся требования, связанные с необходимостью выполнения целей и задач обучения, а также поддержания воинской дисциплины. С другой стороны, как пишет С. Журкова, иностранцы благодаря современным средствам цифровой коммуникации остаются под влиянием отправляющей и глобальной культуры, где они были сформированы как личности в период первичной социализации [16, с. 102].

Процессы социокультурной адаптации иностранных курсантов в новую социальную и культурную среду, в соответствии с мнением С. Журковой и С. Гуо, являются процессом вторичной социализации взрослых, которые в течение жизни не прекращают приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней среды [17, с. 791]. Учитывая, что вторичная социализация иностранных курсантов в военных вузах носит профессиональный характер, для них важно усвоить все особенности военной службы и войти в структуру военной организации. Поэтому, в контексте мнения указанных авторов, можно заключить, что она включает в себя аккультурацию в военно-учебной среде, овладение военно-техническими знаниями и навыками, военной дисциплиной и иерархией. В то же время проблему представляет то, что в данном случае профессиональная адаптация сопровождается интенсивными процессами инкультурации, проходящими в связи с тем, что военное образование курсанты получают в новой для них иноэтничной и даже полиэтничной среде военных вузов. Здесь курсанты проходят через процессы усвоения новых правил социального общежития, которые, как правило, не совпадают с уже устоявшимися у них ранее набором ценностей, норм и обычаев присылающего общества.

В период вхождения в новую социальную и культурную среду зарубежные граждане, часто уже имеющие познания в сфере военного дела, сталкиваются с новыми правилами, нормами, порядками, которые не соответствуют их родной этнической культуре. При этом,

концептуализация идей Дж. Арранжа и К. Джейкоба [18, с. 11] в отношении иностранных курсантов, показывает, что в ходе вторичной профессиональной социализации им предстоит изучение не только новых профессиональных навыков, корпоративной культуры и привычек, но и овладение иными способами социального взаимодействия. Однако, для этого процесса важно, чтобы они не только чувствовали себя частью воинского коллектива, уважали его традиции и ценности военных, но и относились с уважением к представителям других этнических групп, участвуя с ними в транскультурном диалоге. Эту идею подтверждает К. Магро, согласно положениям которой, вторичная социализация взрослых включает освоение социальных навыков, общение с местными жителями и участие в различных общественных сферах жизни [19, с. 19].

Поэтому при описании вхождения личности в случаях вторичной социализации описания, используемые в теории «сегментной ассимиляции» дополняются использованием терминологии «инкультурации», характерной для транскультурализма, что позволяет охватить описания процессов усвоения и воспроизводства когнитивных аспектов культуры, то есть ценности, верований, познаний нового сообщества. Со значением данного термина представители транскультурализма, в частности С. Анг [20, с. 177], как правило, связывают определение сущности процесса непрерывного взаимодействия индивида и культуры, в результате которого существующие в культуре ценности, нормы и регулятивы усваиваются человеком на протяжении его жизни. При этом, предметное поле данного исследования требует уточнения, так как здесь, имеется в виду аспект инкультурации, отражаемый в теории «сегментной ассимиляции», то есть имеются в виду взрослые индивиды, погружающиеся в инокультурное окружение в процессе освоения ими новых для себя профессиональных навыков и атрибутов военнослужащих российской армии. Согласно мнению В.В. Родионова [21, с. 175], именно здесь происходит

взаимодействие двух и даже более культур, что, с нашей точки зрения, является основанием говорить о многополярном становлении личности иностранного курсанта, который в условиях полиэтнического сообщества военных вузов России участвует в процессах транскультурной инкультурации, включающей освоение различных культурных ценностей, традиций и обычаев. Транскультурные ценности, как пишет Дж. Тартаглия [22, с. 1], связываются с процессом индивидуального освоения части общественного опыта, которая формируется в результате отношений, пронизывающих культурное пространство принимающей среды в эпоху глобализации и цифровизации. Данное обстоятельство, которое существенно меняет структуру процесса инкультурации в эпоху глобализации, когда личность иностранного курсанта не отрывается ни от посылающей культуры, ни от глобализирующейся культуры и связанных с ней субъектов. Указывая на это, при планировании современных стратегий адаптации А.Я. Флиер [23, с. 35] призывает учитывать такую характеристику современной личности, как обладание культурными компетенциями, самоосознание и умение найти баланс между этнической, культурной, религиозной и профессиональной идентичностями.

Выводы

Социокультурная адаптация курсантов военного вуза представляет стадию транскультурной адаптации, в рамках которой идут процессы активного и осознанного приспособления к принимающей среде взрослой личности, которая за счет механизмов инкультурации осваивает ценности, нормы, требования и социальные роли в различных сферах жизнедеятельности, не отрываясь от взаимодействия с отправляющим обществом и другими группами. С одной стороны данный процесс, включает вторичную социализацию взрослых, которые в течение жизни не прекращают изменяться под влиянием изменяющихся условий внешней среды. При этом, вторичная социализация иностран-

ных курсантов в военных вузах носит по большей части профессиональный характер, так как для мигрантов, проходящих обучение в военных вузах, важно быстро усвоить все особенности военной службы и войти в структуру военной организации. Поэтому она включает в себя аккультурацию в военно-учебной среде, овладение военно-техническими знаниями и навыками, военной дисциплиной и иерархией. С другой стороны, инкультурация не сводится к простому приспособлению, представляя не полную, а сегментную ассимиляцию с «чужой» культурой, что означает, что на фоне профессиональной ассимиляции и формирования воинской структуры, отличающейся единством, в социокультурной сфере курсанты осуществляют сознательный и индивидуальный процесс вхождения в новую для себя «большую культуру» принимающего общества, и в зависимости от своего выбора и личной необходимости усваивают иные социальные нормы, ценности, образцы поведения. Однако важно учитывать и то, что транскультурная адаптация иностранных курсантов представляет процесс взаимодействия разных групп индивидов, в течение которого в полилог вступают глобальная культура, этнические и религиозные, а также российская воинская культура. В рамках данной культурной реальности на всех участников оказывается взаимное влияние, которое даже в рамках военного вуза ведет не к полной ассимиляции, а завершается процессами сегментного слияния и взаимного изменения. Данная проблематика требует проведения дальнейших исследований и в ближайшем будущем автор, представит нацеленную на реализацию программ вторичной социализации и инкультурации, стратегии аккультурации иностранных курсантов, в результате которой они, интегрируясь в среду военных вузов России, смогут чувствовать себя принятыми и уважаемыми, а их этническая принадлежность и культура не станут препятствием для успешного обучения и службы в Вооруженных Силах России.

Литература

1. Гурьянчик, Макеева 2018 – Гурьянчик, В. Н., Макеева, Т.В. Социокультурная адаптация иностранных курсантов военных вузов // Социс. Социологические исследования. 2018. № 11. С. 124–133.
2. Kymlicka 2011 – Kymlicka, W., Donaldson, S. Zoopolis: a political theory of animal rights. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. VII. – 329 с.
3. Alba 2020 – Alba, R. The Great Demographic Illusion. Majority, Minority, and the Expanding American Mainstream. – N.Y.: Princeton University Press, 2020. – 336 p.
4. Bauböck 2018 – Bauböck, R. Europe's commitments and failures in the refugee crisis // European Political Science. 2018. V. 17. Pp. 140–150.
5. Feliciano, Rumbaut 2019 – Feliciano, C., Rumbaut, R.G. The evolution of ethnic identity from adolescence to middle adulthood: The case of the immigrant second generation // Emerging Adulthood, 2019. 7 (2). Pp. 85–96.
6. Borjas 2019 – Borjas, G. Immigration and Economic Growth George // NBER Working Paper, 2019. No. 25836. No. J6. O4. Pp. 1–52.
7. Callina 2019 – Callina, K. S. et al. Character in context: Character structure among United States Military academy cadets // Journal of Moral Education, 2019. Vol. 48. Iss. 4. P. 439–464.
8. Breidenbach, Rollow 2019 – Breidenbach, J., Rollow, B. New Work needs Inner Work. – Munich: Vahlen Verlag, 2019. – 138 p.
9. Swain 2016 – Swain, J. The effect of Phase One training on young recruits' personal and professional development in the British army // Journal of Youth Studies, 2016. Vol. 19. no.:1. Pp. 117–132.
10. Яковлева 2006 – Яковлева, Э.Б. Многосторонние формы общения: полилог как объект лингвистического анализа. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 72 с.
11. Fitz, Porter 2003 – Fitz, P., Porter J. Socialization, Enculturation and the Development of Personal Identity // Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life. Routledge. 2003, Pp. 831–860.
12. Portes, Manning 2019 – Portes, A., Manning R.D. The immigrant enclave: Theory and empirical examples // Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective, 2019. V 2. Pp. 568–579.
13. Glick Schiller, Basch, Blanc, 2020 – Glick Schiller, N., Basch, L., Blanc, C.S. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-Sates // Routledge, 2020. 356p.
14. Gazar 2020 – Gazar, S. Haiku as a Transcultural Genre: Trajectories of Crisscrossing Japanese-American Borders // Cairo Studies in English, 2020. Vol. 2. Pp. 132–153.
15. Wilberschied 2015 – Wilberschied, F. Lee Intercultural Communicative Competence: Literature Review Education // Cultural Encounters, Conflicts, and Resolutions, 2015. Vol. 2. Iss. 1. Art. 4. Pp. 1–16.
16. Jurkova 2021 – Jurkova, S. Transcultural Competence Model: An Inclusive Path for Communication and Interaction // Journal of Transcultural Communication, 2021. 1(1) 102–119.
17. Jurkova, Guo 2021 – Jurkova, S., Guo, S. Conceptualising a holistic model of transcultural lifelong learning // International Review of Education, 2021. 67. C. 791–810.
18. Arranz, Jacob 2019 – Arranz, J. P., Jacob, K. L. A Transcultural Approach to EIL Teaching and its Impact on Learners' National Identities // Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies, 2019. V. 41. Pp. 11–33.
19. Magro 2019 – Magro, K.M. Journeys of Transcultural Literacies: Working Toward Transformative Learning in Adult Education // Adult literacy education: The International Journal of Literacy, Language and Numeracy, 2019. 01.10. Pp. 19–32.
20. Ang 2017 – Ang, S. Intercultural Dialogue through Design (iDiDe): A Model of Intercultural Collaboration and

Student Engagement // Collaboration and Student Engagement in Design Education. – Hershey: Global, 2017. Pp. 177–202.

21. Родионов 2015 – Родионов, В.В. Специфика инкультурации средствами искусства // Социально-гуманитарные знания, 2015. С. 175–185.
22. Tartaglia 2016 – Tartaglia, J. Transculturalism and the Meaning of Life Philosophy // Humanities, 2016. 5(2):25. Pp. 1–13.
23. Флиер 2019 – Флиер, А.Я. Культурный аспект человеческой деятельности // Вестник культуры и искусств, 2019. № 1 (57). С. 35–41.

FORMATION OF A MODEL FOR THE ENTRY OF FOREIGN CADETS INTO THE ENVIRONMENT OF RUSSIAN MILITARY UNIVERSITIES BASED ON THE THEORIES OF TRANSCULTURALISM AND SEGMENTAL ASSIMILATION

Kovalev V.A.

Transbaikal State University

The article is devoted to the substantiation of the author's model of foreign cadets' entry into the environment of Russian military universities in the conditions of globalization. The relevance of the presented problematics is connected with the radical opposition of the available theoretical models of adaptation in the practice of military universities. One of them reflects the tendency to adaptation, the conditions of which are set by radical requirements of military discipline, ideas about military brotherhood, and the task of educating patriots of their states, while the other one calls for the protection and preservation of the individuality of cadets of different nationalities. The authors propose a solution to these contradictions, which can lead to the confrontation between "their own" and "strangers", in the context of synthesizing the provisions of the theory of transculturalism and "segmental assimilation", which have not been previously applied to explain the problems of adaptation of foreign cadets in Russian universities. The article presents a model of sociocultural adaptation of foreign cadets in the host space of a military university as a continuous interaction of different individuals, groups of ethnic and religious cultures, as well as Russian military and global cultures. The difference of the presented understanding

is the belief in the mutual influence exerted on each other by the participants of the transcultural polylogue, which leads within the framework of a military university not to full assimilation, but to segmental fusion and mutual changes. The conclusion of the article is the assertion that sociocultural adaptation of foreign cadets to the host environment of military universities is one of the stages of transcultural adaptation, which is a continuous process during which a person actively and consciously adapts to the changing conditions of life in the era of globalization, which transforms his/her values, goals and social roles, but does not cut off his/her interaction with communities outside the host environment. The practical significance of the article lies in the substantiation of acculturation strategies, as a result of which migrants, integrating into the society of cadets, can feel accepted and respected, and their ethnicity and culture do not become an obstacle to training and service in the Russian Armed Forces.

Keywords: foreign cadets, military universities, transculturalism, segmental assimilation, sociocultural adaptation.

References

1. Guryanchik, Makeeva 2018 – Guryanchik, V. N., Makeeva, T.V. Sociocultural adaptation of foreign cadets of military universities // Socis. Sociological research. 2018. No. 11. pp. 124–133.
2. Kymlicka 2011 – Kymlicka, W., Donaldson, S. Zoopolis: a political theory of animal rights. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. VII. – 329 p.
3. Alba 2020 – Alba, R. The Great Demographic Illusion. Majority, Minority, and the Expanding American Mainstream. – N.Y.: Princeton University Press, 2020. – 336 p.
4. Bauböck 2018 – Bauböck, R. Europe's commitments and failures in the refugee crisis // European Political Science. 2018. V. 17. Pp. 140–150.
5. Feliciano, Rumbaut 2019 – Feliciano, C., Rumbaut, R.G. The evolution of ethnic identity from adolescence to middle adulthood: The case of the immigrant second generation // Emerging Adulthood, 2019. 7 (2). pp. 85–96.
6. Borjas 2019 – Borjas, G. Immigration and Economic Growth in George // NBER Working Paper, 2019. No. 25836. No. J6. O4. pp. 1–52.
7. Callina 2019 – Callina, K. S. et al. Character in context: Character structure among Unit-

- ed States Military academy cadets // *Journal of Moral Education*, 2019. Vol. 48. Iss. 4. P. 439–464.
8. Breidenbach, Rollow 2019 – Breidenbach, J., Rollow, B. *New Work needs Inner Work*. – Munich: Vahlen Verlag, 2019. – 138 p.
 9. Swain 2016 – Swain, J. The effect of Phase One training on young recruits' personal and professional development in the British army // *Journal of Youth Studies*, 2016. Vol. 19. no.:1. pp. 117–132.
 10. Yakovleva 2006 – Yakovleva, E.B. Multilateral forms of communication: polylogue as an object of linguistic analysis. Analytical review. – M.: INION RAS, 2006. – 72 p.
 11. Fitz, Porter 2003 – Fitz, P., Porter J. Socialization, Enculturation and the Development of Personal Identity // *Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life*. Routledge. 2003, pp. 831–860.
 12. Portes, Manning 2019 – Portes, A., Manning R.D. The immigrant enclave: Theory and empirical examples // *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, 2019. V 2. Pp. 568–579.
 13. Glick Schiller, Basch, Blanc, 2020 – Glick Schiller, N., Basch, L., Blanc, C.S. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-Sates* // Routledge, 2020. 356p.
 14. Gazar 2020 – Gazar, S. Haiku as a Transcultural Genre: Trajectories of Crisscrossing Japanese-American Borders // *Cairo Studies in English*, 2020. Vol. 2.Pp. 132–153.
 15. Wilberschied 2015 – Wilberschied, F. Lee Intercultural Communicative Competence: Literature Review Education // *Cultural Encounters, Conflicts, and Resolutions*, 2015. Vol. 2. Iss. 1. Art. 4.Pp. 1–16.
 16. Jurkova 2021 – Jurkova, S. Transcultural Competence Model: An Inclusive Path for Communication and Interaction // *Journal of Transcultural Communication*, 2021. 1(1) 102–119.
 17. Jurkova, Guo 2021 – Jurkova, S., Guo, S. Conceptualizing a holistic model of transcultural lifelong learning // *International Review of Education*, 2021. 67. pp. 791–810.
 18. Arranz, Jacob 2019 – Arranz, J. P., Jacob, K. L. A Transcultural Approach to EIL Teaching and its Impact on Learners' National Identities // *Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 2019. V. 41. Pp. 11–33.
 19. Magro 2019 – Magro, K.M. Journeys of Transcultural Literacies: Working Toward Transformative Learning in Adult Education // *Adult literature education: The International Journal of Literacy, Language and Numeracy*, 2019. 01.10. pp. 19–32.
 20. Ang 2017 – Ang, S. Intercultural Dialogue through Design (iDiDe): A Model of Intercultural Collaboration and Student Engagement // *Collaboration and Student Engagement in Design Education*. – Hershey: Global, 2017. Pp. 177–202.
 21. Rodionov 2015 – Rodionov, V.V. Specificity of inculturation by means of art // *Social and humanitarian knowledge*, 2015. pp. 175–185.
 22. Tartaglia 2016 – Tartaglia, J. Transculturalism and the Meaning of Life Philosophy // *Humanities*, 2016. 5(2):25. pp. 1–13.
 23. Flier 2019 – Flier, A. Ya. Cultural aspect of human activity // *Bulletin of Culture and Arts*, 2019. No. 1 (57). pp. 35–41.

Социально-философские основания трансформации пространства города

Орлова Ольга Николаевна,

заместитель директора ресурсного центра устойчивого развития, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
E-mail: esg@ssau.ru

Статья посвящена актерам, действующим в городском пространстве и изменяющим его. Целью данной работы является попытка осмысления социально-философских оснований изменения пространства города. К задачам исследования относятся: выделение модусов горожанина, участвующих в трансформационных процессах городской среды; определение особенностей и пределов влияния каждой группы акторов на пространство города. В статье представлена классификация городских акторов, определяющих трансформационный потенциал городского пространства: активный горожанин, фланёр, посторонний, также на основании положений акторно-сетевой теории в разрабатываемую типологию была включена городская среда. Для определения специфики влияния на пространство города представителей каждой из обозначенных групп были проанализированы подходы к взаимодействию с городскими границами. Определено, что активный горожанин целенаправленно изменяет городские границы, фланёр благодаря отстраненности формирует пространство так называемой городской сцены, посторонний актуализирует пространство самой границы, а структура городской среды обуславливает пограничный характер организации пространства города.

Ключевые слова: модус горожанина, актер, пространство города, активный горожанин, фланер, посторонний, другой, городская среда, граница.

Введение

С устоявшимся тезисом, что человек является главным актором городских трансформаций, сложно поспорить [7]. Город как социально трансформируемый феномен, изучается в ракурсах различных научных дисциплин: философских, социологических, политологических, культурологических, экономических и др. Это свидетельствует о высокой значимости социального аспекта для понимания принципов городских трансформаций. В связи с этим важно определить модусы горожанина, отражающие трансформирующую роль человека в городе, а также выявить иных агентов, определяющих городской трансформационный потенциал.

Литературный обзор

Социальное действие, в том числе как фактор, определяющий динамику городского пространства, стало предметом исследований в работах П. Адо, П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Витгенштейна, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, К. Гирша, И. Гофмана, Т. Парсонса, М. Фуко, А. Шюца и др. В российском социологическом знании эта проблематика раскрывается в трудах В.В. Волкова, В.И. Добренькова, Т.И. Заславской, Н.А. Ивановой, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой, А.И. Кравченко, Н.М. Романовой, О.В. Хахордина, С.С. Шугальского и др. Городские практики активно разрабатываются методами философского и научного осмысления многими исследователями. Им посвящены работы М. де Серто, Е.Г. Трубиной, Т.В. Бернюкевич, Э.Ю. Минаевой, Е.В. Барчуговой, С.В. Бершадской, О.Ю. Мининой, А.А. Лисенковой, Л.Г. Гороховской и др.

Материалы и методы

Основой исследования социального действия в городе является феноменологический и дескриптивный методы. Многокомпонентность такого феномена, как город, обуславливает необходимость при-

менения в данном исследовании междисциплинарного подхода. В построении социально-философской модели опорой составили теоретико-методологические взгляды французского исследователя Мишеля де Серто.

Различение дефиниций «субъект» и «актор»

Осмысляя трансформационные процессы в городе, важно обозначить группы участников, имеющих непосредственное отношение к городским изменениям. Хотя «субъект» и «актор» могут часто использоваться как синонимы, их различие все же имеет важное методологическое значение. Концепция субъекта является ключевым термином в классической философии, отмеченной работами Р. Декарта и И. Канта. В рамках этой философской традиции субъект рассматривается как «носитель деятельности и познания, источник активности, направленный на объект» [19, с. 661]. В данном случае субъект-объектная связка является определяющей и отражает позитивистскую модель познания.

Если «субъект» – наиболее употребимый термин для философских работ, то «актор» в большей мере распространен в социальной, политической теории [2, 20], а также является термином, характерным для постмодернистской исследовательской парадигмы. Классические субъект-объектные отношения противостоят схеме взаимодействия актора с актором. Здесь отсутствует однозначная, чёткая дихотомия между действующим и подвергающимся воздействию. Иными словами, на первый план выходят мотивы, способ мышления действующего лица, встречающегося с таким же, как и он, актором. Действующим агентом (актором) может являться как индивидуальное лицо, так и социальная группа, институт и т.д.

Кроме того, стоит отметить, что актер отличается способностью оказывать воздействие на социальные реалии «в противоположность социальному субъекту, находящемуся под влиянием социальной структуры, которая управляет его поведением» [13]. Согласно со-

временным представлениям, актора характеризует способность «влиять на политический процесс, автономность воли при принятии решений и влияние на систему» [20, с. 129]. Учитывая специфику городского пространства, являющегося частью пространства социального, в рамках данной работы для описания действующего лица в городе будет использован термин «актор».

Активный горожанин

Наиболее очевидный модус городского актора – *активный горожанин*. Под этим термином подразумевается горожанин, глубоко вовлеченный в проблемы территории, знающий её особенности и активно меняющий городское пространство. Стоит отметить, что словосочетание «активный горожанин» объединяет собой не только активистов, но и представителей городской власти. Несмотря на то, что в исследовании приводится большое число примеров низовых инициатив, следует учитывать, что городские властные структуры также активно участвуют в преобразовании городского пространства и могут быть причислены к группе активных горожан.

Выделение в модусе активного горожанина дополнительных подгрупп агентов осуществляется на основе теории М. де Серто о стратегии сильных и тактике слабых [18]. Исследователь отмечает, что инструмент «слабых», тех, кто противопоставлен власти – это тактика. Они, обладая арсеналом тактических инструментов, меняют или стараются изменить городское пространство снизу. Сильные же, в первую очередь речь идёт о представителях власти города, трансформируют город посредством финансовых и административных ресурсов, обладая привилегией действовать на стратегическом уровне. Потому активного горожанина следует воспринимать как составной модус, в котором объединены представители как минимум двух социальных групп.

Феномен активного горожанина в российской урбанистической традиции подробно рассмотрен в трудах В.Л. Глазычева [6]. Также деятельность пози-

цию человека в городском пространстве актуализировал советский архитектор Л.Б. Коган. Размышляя о городах, он утверждал о существовании специфической городской культуры, присущей не каждому жителю города. Его лозунг «требуется горожане!» заявляет о необходимости становления особого городского менталитета и рассуждает о таком понятии, как «воспитание городом» [11, с. 169]. Речь идет не об обычном усвоении правил «городского поведения», а о «профессиональном горожанине», который будет определять развитие территории: «Как показывает опыт развития новых индустриальных центров, несмотря на существование определенного производственного импульса для ускоренного форсирования городской среды, ... ей требуется время для культурного созревания, кристаллизации собственного городско-слоя» [11, с. 188]. То есть горожанин в данном случае определяется не только и не столько фактом принадлежности к городской среде, но спецификой своего поведения, своего мировосприятия.

У активных горожан, в особенности это относится к активистам, сильна локальная идентичность, привязанность к месту. Для них ценность представляет не город вообще, как некое абстрактное понятие, а город как конкретное место, где они проживают или с которым себя соотносят. И потому схожие для многих городских территорий проблемы становятся особенными в призме взглядов активного горожанина на свое место жительства. Тем самым в каждом конкретном случае ощущение, понимание города и городских проблем формируется заново применительно к конкретной локации. С этим можно связать сложность дефиниции «городское», понимания города в обобщенном виде, поскольку это всегда локальная история, перебираемая заново.

Фланер

Особый модус действующего горожанина представлен фигурой фланера. Немецкий философ и теоретик культуры Вальтер Беньямин в своих работах один

из первых актуализировал фигуру фланера [3, 4]. Это человек, празднично прохаживающийся по городу, дистанцированно, но в то же время с интересом наблюдающий за происходящим в городской среде. Фланер в исследованиях В. Беньямина будто бы отстранен от городской жизни, не принимает в ней активного участия, смотрит на нее как на разворачивающуюся драму [3, 4].

Из позиции фланера В. Беньямин изучал Париж XIX века и рассматривал его как репрезентацию исторической эпохи. Для описания столичного города ученый выхватывал отдельные городские элементы, например, парижские пассажи или же упоминания о городе знаменитых поэтов (Шарль Бодлер) и на их основе давал характеристику времени. В создании пассажей В. Беньямин увидел стремление парижан к роскоши, а также активное использование новых материалов в строительстве, таких как, например, железобетон.

Метод отстраненного наблюдения позволяет понять специфику городского пространства, обращаясь только лишь к единичным объектам, характеризующим место, время, культурные особенности. Например, пассажи Парижа, описанные исследователем – это и роскошь городов XIX века, и новые технологии в строительстве, и панорамность мировосприятия горожанина, и стремление города включить село в свои границы [4].

Посторонний

Рассмотрение вопроса о городских акторах требует обращения к такому феномену, как Посторонний и разграничения его с Другим, с кем неизбежно человек встречается в городском пространстве. Рынок, во многом определяющий специфику функционирования городского пространства, определяет необходимость существования Другого и встречи с ним. В основе рыночных отношений лежит объединение непохожих, разных индивидов, что приводит к обезличиванию социальных взаимосвязей. Отечественный исследователь Б.В. Марков писал: «... любовь и ненависть были достаточно резко разведены: любили свое и боялись

чужого. Рыночные отношения поставили людей в новые условия: враг оказался среди «своих» [16, с. 164].

Современное городское пространство помимо того, что продуцирует постоянные контакты горожанина с неизвестными людьми, определяет большое количество пространственных, социальных, политических изменений. Иными словами, горожанин сталкивается не только с другим человеком в городе, но и с другим предметным, социальным, политическим контекстом. Концентрация разнообразия и изменчивость городской среды определяют необходимость принимать тот факт, что в городе может появиться нечто неожиданное, новое, непонятное. Другой – это неотъемлемый элемент городского пространства, обуславливающий специфику и особенности социального взаимодействия в городе.

Другим может оказаться практически любой горожанин. И потому его сложно отнести к той или иной группе акторов городских практик. Вместе с тем общее представление о Другом в городе дает возможность подойти к рассмотрению фигуры Постороннего, который в данной работе рассматривается как модус Другого. Посторонний позволяет определить некоторые стороны и процессы жизни города, становление и изменение его пространства и границы, которые остаются скрытыми для взгляда «изнутри», характерного для активного горожанина или фланера.

В толковых словарях «посторонний» имеет различные толкования [17]. Среди множества значений присутствует слово «чужой». Чужой находится на другой территории, он может обладать иным миропониманием, поведением: не такой, как здесь, отличный, непривычный, непохожий и т.д. Идентификация Чужого происходит в тот момент, когда он вступает на неродную для него территорию и, главное, начинает проявлять свои собственные черты. То есть Чужого начинают идентифицировать за счет противопоставления. Поэтому он присутствует в нашей жизни как система координат или ориентир. В этом смысле он играет положительную идентификацион-

ную роль. Чужой сохраняет эту функцию даже в том случае, когда реализуется в образе врага. Чужой наделяется вполне определенными характеристиками, которые позволяют его идентифицировать, чего нельзя сказать о Постороннем.

Определение Постороннего осуществляется через отрицание. Британский социолог З. Бауман фиксировал Постороннего следующим образом: «Есть друзья и враги. И есть посторонние» [1, с. 143], то есть он ни друг и ни враг, и не чужой. Среди других горожан ученый выделил Постороннего как представителя отдельной социальной группы. Тем самым Посторонний разывает лаконичность и ясность схемы «пространство свое» – «пространство чужое» и актуализирует присутствие еще одного поля – это пространство самой границы.

Анализируя современный город и Постороннего в нем, Д. Кларк утверждает следующее: «Аллотропная категория постороннего неизбежно бросает вызов параметрам упорядочивающего принципа современности, который может быть, соответственно, охарактеризован как “вязкий” или “скользящий”: размазывающийся по обеим полюсам оппозиции, находящийся по обе стороны рубежа, нарушающий границу, и в то же время полностью не присутствующий и не отсутствующий ни на одной из двух сторон» [10]. В рассуждениях Д.Б. Кларка Посторонний является свидетельством распада корреляции между физическим и социальным пространством. Если раньше физическая близость была идентична социальной, то в современном городском пространстве, такого соответствия нет. Посторонний выступает разрушителем социальной структуры.

Городская среда

Ещё один актор городских практик – сама *городская среда*. Она также может рассматриваться как непосредственный участник трансформации городского пространства. Такого рода взаимодействия подробно описывает акторно-сетевая теория. Ее представители Джон Ло, Бруно Латур и др. рассматривают ма-

териальный мир, представителей животного и растительного мира как активных участников социальных отношений [14, 15]. Латур называет их «не-люди». Если П. Бурдьё рассматривает физические объекты как вещи, которые наделяются смыслами, являющиеся выражением отношения к разным видам капитала и занимающих пассивную позицию, то Б. Латур наделяет их активной воздействующей позицией. «Они должны быть актёрами, а не просто жалкими носителями символической проекции» [14, с. 23]. Сила их действия определяется не природными, а социальными началами. Пространство города в акторно-сетевой теории находится в постоянном становлении, оно неоднородно, включает в себя человека как социального актёра и предметы материального мира, в которых разворачиваются социальные отношения. Появляются и меняются объекты, которые сами становятся участниками социальных отношений.

Идея соединения разнородных элементов находит свое развитие в концепции социальной сборки Дж. Ло [15]. С его точки зрения городское пространство и есть место сборки, где собираются сложные социальные отношения, артефакты, агенты и т.д. Город составляют противоположные, противоречивые явления. В своей связанности они образуют городскую ткань, определяют разнообразие городской среды. Таким образом, город – изначально потенциальное место для борьбы, для конфликтов или, по крайней мере, для встречи с другим. Напряжение, хранящееся в этих противоречиях, дает энергию городу, возможность его развития. Разнообразие и противоречия города создают его единство. По мнению Дж. Ло, этот парадокс как раз может быть объяснен с точки зрения сборки.

Обсуждение

Разделяя модусы горожанина по различным группам, следует отметить, что всех их объединяет взаимодействие с границей, проявляющееся в разнообразных формах. Так в основе городского активизма лежит возможность изменения

границ, очерчивающих в первую очередь общественные места. Действия активного горожанина актуализируют значимость общественных пространств города – мест реализации городских практик. Функция этих локаций не ограничивается лишь развлекательно-рекреационной составляющей, а определяет становление специфической городской среды. Среди рассуждений автора о морфологии и эволюции европейских площадей четко прослеживается понимание ценности таких пространств, обеспечивающих целостность, функциональность городской среды. То есть активный горожанин мыслит категориями двора, микрорайона, улицы, то есть территорий, определяющих коллективное благо. Активный горожанин действует в местах, где сталкиваются интересы и запросы разных социальных групп, где обнаруживаются прочерченные внутри городского пространства социальные и территориальные границы. Потому зачастую такая деятельность может получить негативную оценку в стиле «ему больше всех надо».

Активный горожанин может присваивать общественное пространство, заявлять право на то, чтобы им пользоваться. Но здесь необходимо разделить деятельность, связанную с присвоением общественной территории вместе с другими участниками и деятельность по переводу её в частную собственность. Говоря об активном горожанине, мы подразумеваем актёра, который при изменении городских границ не стремится сделать общедоступное место частным, зарытым для других горожан, а трансформирует его таким образом, чтобы оно не потеряло своей публичности.

Описание фланера как человека, который прохаживается по городу без какой-либо цели, имеет важное значение в понимании взаимодействия городской среды и горожанина. Если человек идет по городу с намерением попасть из одной точки в другую, то его путь и город в целом воспринимаются как транзитные и потому малозначимые. В случае прогулки фланера целью является само городское пространство, а не конкретное место назначения. В этом случае оно

перестает быть фоном или средством получения неких благ, а само становится благом.

Идеи фланерства, характеризующие горожанина как внимательного зрителя, переключаются с пониманием пространства города как сцены. Это позиция отстраненного, но заинтересованного зрителя, исследователя городской жизни: «...руководящий принцип фланера может быть сформулирован очень просто: “смотри, но не прикасайся”» [10]. Не принимая активного участия в городской жизни, человек пристально за ней наблюдает.

С одной стороны, эта деятельность отдаляет его от городской жизни, а с другой, наблюдение представляет собой одну из активных форм существования в урбанизированной среде. Дж. Джекобс писала о том, что людям крайне интересно наблюдать за происходящим на улицах: «Мало кому нравится сидеть на крыльце или у окна и глядеть на пустую улицу, и почти никто этим не занимается. Но оживленная уличная жизнь – увлекательное зрелище для многих и многих» [8, с. 45]. Ради праздного наблюдателя может изменяться городская инфраструктура. Яркий пример – кафе, в которых в тёплое время года организуются летние веранды, позволяющие посетителям наблюдать за прохожими. Ещё один пример – прозрачные окна общепита. Они выполняют не только маркетинговую функцию, приглашая зайти в заведение, но и дают человеку возможность следить за происходящим по обе стороны от стекла. Прозрачное стекло – это метафора городской границы, разделяющей фланера и участников городского спектакля. Граница существует, но она абсолютно прозрачна, то есть проницаема для просмотра с обеих сторон. Она не скрывает ни смотрящего, ни тех, на кого смотрят.

Сам акт отстраненного наблюдения трансформирует городское пространство. Это действие не только создает границы между наблюдающим и действующим, но также актуализирует рефлексивную позицию по отношению к городу и к происходящим в нем процес-

сам. В момент смотрения формируется взгляд исследователя, который затем может стать основанием для изменений в городской среде или же новым ракурсом оценки городского пространства. Примерами современного фланера могут быть блогеры, фотографы, которые в тексте или фотографии пытаются запечатлеть особенности городской среды, за которой ни наблюдают, в том числе через стекло фото- или видеокамеры.

В фигуре Постороннего получила свое развитие «потусторонняя» позиция по отношению к городскому пространству. Посторонний – это тот, кто находится «по ту сторону» относительно территории, определенного мировоззрения, позиции и т.п. Если следовать логике Г. Зиммеля, который утверждал, что у человека существует изначальная потребность во враждебности [9], то в городском пространстве Посторонний, находясь ни там, ни здесь, позволяет нивелировать конфликты в концентрированной, насыщенной городской среде.

Несмотря на то, что в приведенных определениях фигура Постороннего видится ускользающей, трудноуловимой, Постороннего можно узнать в обычном туристе, который порой ощущает себя чуждым, неприкаянным в новом месте, не знающим, каким образом нужно себя вести, и какие формы взаимодействия здесь приемлемы. Если Чужого мы опознаем в тот момент, когда он начинает проявлять себя, свои уникальные черты, то Постороннему трудно это сделать, так как он не знает достоверно, каким образом являть себя миру, каковы «правила игры». Нет того общего коммуникационного поля, от которого можно оттолкнуться.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Посторонний наряду с другими акторами играет важную роль в трансформации городского пространства, в первую очередь, за счет того, что обозначает пространство самой границы, делает границы проницаемыми, изменяемыми, а значит, несмотря на кажущуюся непричастность к городским изменениям, Посторонний является их непосредственным участником.

Оценивая продуктивные возможности акторно-сетевой теории, В. Вахштайн разрабатывает видение города как технического объекта. Он пишет: «Как изобретение лифта или интернета меняет городское пространство? Какие «социотехнические ансамбли» формируют ядро устойчивых отношений города? Начав с предельно прикладных вопросов, исследователи, вооруженные оптикой акторно-сетевой теории Б. Латтура и социальной топологии Дж. Ло, перешли к фундаментальным темам – к переопределению самой идеи “социальной ткани” города, переосмыслению городского пространства как топологически множественного и прочему» [5]. Город есть один из самых ярких и «громко» говорящих не-человеков. Постоянное взаимовлияние городского пространства и его жителя демонстрирует принципы акторно-сетевой теории. Таким образом, подход к социально-философскому осмыслению городского пространства включает в себя антропологическую компоненту, а также неодушевленные физические объекты (не-человеки), с которыми горожанин взаимодействует. Не-человеки позволяют объяснить изменчивость городского пространства, определяя возможность его трансформации.

Наиболее показательным примером того, как городская среда может запустить трансформацию социальных процессов в городе, является благоустройство. Результатом материальных преобразований среды становится изменение социальной структуры, характеризующей благоустроенную территорию: расширяется количество социальных сценариев места, территория становится более безопасной, появляются представители разных социальных групп, при определенных условиях место становится точкой экономической активности. Природные изменения также могут провоцировать трансформации в городском пространстве. Так, например, участвовавшие наводнения в прибрежных городах заставляют менять планировочную структуру территорий.

Перечень примеров, демонстрирующих активную трансформационную

позицию предметно-природного мира, можно продолжать достаточно долго. Важным является тот факт, что эта среда не может быть статичной и изменяется не только благодаря воздействию человека, а она имеет собственную логику развития и трансформации, которая в конечном итоге определяет трансформации, происходящие в городе.

Мишель де Серто пишет о городе-субъекте, что тот утверждается тройной операцией, включающей: производство собственного пространства; замещение неуловимых и упорных видов сопротивления традиции не-временем, или синхронической системой; создание универсального и анонимного субъекта. «Именно так функционирует город-понятие, место преобразований и присвоений, объект вторжений, но в то же время субъект, который постоянно обогащается новыми атрибутами: он одновременно и театральная машинерия, и главная герой современности» [18, с. 190].

Выводы

Все рассмотренные модусы актора городских изменений демонстрируют возможность трансформации городского пространства, связанную с границами. Активный горожанин и не-человеки указывают на бесконечный творческий потенциал границы и возможность её смещения с одной позиции на другую. Феномен Постороннего постулирует, что непривычное, необычное в городском пространстве, а также изменчивость, проницаемость границ. И даже фланер, который, казалось бы, лишь всматривается в городской спектакль и находится на определенном отдалении от горожан, формирует диспозицию в городском пространстве в виде наблюдающего и действующего. Таким образом, активность актора, связанная с трансформацией городской среды, в первую очередь определяется и отвечает свойствами границы.

Литература

1. Bauman Z. *Modernity and Ambivalence* // *Theory, Culture & Society*. 1990. V: 7 issue: 2–3. P. 143–169.

2. Etzioni A. The active society. – New York: Free Press, 1968. – 698 p.
3. Беньямин В. Московский дневник. – М.: Ad Marginem, 2013. – 264 с.
4. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. – М., 2000. – С. 153–167.
5. Вахштайн В.С. Социология города // Постнаука. 2016. – URL: <https://postnauka.ru/faq/59648>.
6. Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: настольная книга. – М.: Ладыя, 1995. – 240 с.
7. Григорян, Ю. От демиурга к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? – М.: Strelka Press, 2017. – С. 70–77.
8. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
9. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
10. Кларк Д.Б. Потребление и город. Современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. С. 35–64. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.
11. Коган Л.Б. Быть горожанами. – М.: Мысль, 1990. – 207 с.
12. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 10–25.
13. Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. – М.: Издательство МГИМО, 2011. – 408 с. – URL: <https://voluntary.ru/termin/aktory.html>.
14. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
15. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Из-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
16. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб: Алетейя, 1999. – 304 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. – 1375 с.
18. Серто М. де. Изобретение повседневности. Искусство делать. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
19. Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.
20. Холдоров О.Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления 2016. № 4 (55). С. 128–133.

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE TRANSFORMATION OF CITY SPACE

Orlova O.N.

Samara National Research University named after Academician S.P. Queen

The article is devoted to actors acting in urban space and changing it. The aim of this paper is an attempt to comprehend the socio-philosophical foundations of urban space change. The objectives of the study include: identifying the modus operandi of the city dweller, participating in the transformation processes of the urban environment; determining the features and limits of the influence of each group of actors on the city space. The article presents a classification of urban actors that determine the transformational potential of urban space: active citizen, flaneur, stranger, and the urban environment was also included in the developed typology on the basis of the actor-network theory. To determine the specifics of the influence on the city space of representatives of each of the designated groups, the approaches to interaction with urban boundaries were analyzed. It was determined that an active citizen purposefully changes the urban boundaries, a flaneur forms the space of the so-called urban scene due to his/her detachment, an outsider actualizes the space of the boundary itself, and the structure of the urban environment determines

the boundary character of the organization of the city space.

Keywords: modus of the citizen, actor, city space, active citizen, flaneur, stranger, urban environment, boundary.

References

1. Bauman Z. *Modernity and Ambivalence // Theory, Culture & Society*. 1990. V: 7 issue: 2–3. P. 143–169.
2. Etzioni A. *The active society*. – New York: Free Press, 1968. – 698 p.
3. Benjamin V. *Moscow diary*. – M.: Ad Marginem, 2013. – 264 p.
4. Benjamin V. *Paris, the capital of the XIX century // Benjamin V. Insights*. – M., 2000. – pp. 153–167.
5. Vakhstein V.S. *Sociology of the city // Postnauka*. 2016. – URL: <https://postnauka.ru/faq/59648>
6. Glazychev V.L. *Urban environment. Technology of development: a desktop book*. – M.: Ladya, 1995. – 240 p.
7. Grigoryan, Yu. *From demiurge to partner. How the architects saw the townspeople // Gorozhanin. What do we know about a resident of a big city?* – M.: Strelka Press, 2017. – pp. 70–77.
8. Jacobs J. *Death and life of big American cities*. – M.: New Publishing House, 2011. – 460 p.
9. Simmel G. *Man as an enemy // Sociological Journal*. 1994. No. 2. pp. 114–119.
10. Clark D.B. *Consumption and the city. Modernity and postmodernity // Logos*. 2002. No. 3–4. pp. 35–64. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.
11. Kogan L.B. *To be citizens*. – M.: Mysl, 1990. – 207 p.
12. Kolesnikov A.S. *The formation of the problem of the subject: from Descartes to modern philosophy // Forms of subjectivity in the philosophical culture of the XX century*. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. – pp. 10–25.
13. Kravchenko S.A. *Dictionary of the latest sociological vocabulary: theories, concepts, personalities (with English equivalents) / S.A. Kravchenko*. – M.: MGIMO Publishing House, 2011. – 408 p. – URL: <https://voluntary.ru/termin/aktory.html>
14. Latour B. *The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 384 p.
15. Lo J. *After the method: disorder and social science*. – M.: From the Gaidar Institute, 2015. – 352 p.
16. Markov B.V. *Temple and market. A person in the cultural space*. – St. Petersburg: Al-eteya, 1999. – 304 p.
17. Ozhegov S.I. *Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions*. – Moscow: Mir i Obrazovanie: ONYX, 2012. – 1375 p.
18. Serto M. de. *The invention of everyday life. The art of making*. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. – 330 p.
19. *Philosophical encyclopedic dictionary*. – M.: “Soviet Encyclopedia”, 1983. – 840 p.
20. Holdorov O.N. *Correlation of the categories “actor” and “subject”, “participant”, “agent” in political theory // Bulletin of the Volga Region Institute of Management* 2016. No. 4 (55). pp. 128–133.

Концептуальная модель безопасной среды в информационном пространстве: социально-философский анализ

Самохина Наталья Николаевна,

к.ф.н., доцент, кафедра массовых коммуникаций и туризма, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»
E-mail: natalia58@yandex.ru

В статье представлена общая концепция и методология развития информационной безопасности, которая может быть использована для обоснования моделей получения количественных показателей информационной безопасности, а также проведен социально-философский анализ проблемы безопасности в информационной среде. Обосновывается необходимость непрерывного развития информационной безопасности в свете постоянно меняющихся угроз и технологий, что связано с увеличением темпа технологического прогресса и создает новые вызовы в сфере обеспечения безопасности информационных систем.

Одним из важных аспектов, которые представлены в статье, является социально-философский анализ проблем безопасности в информационном пространстве, который позволяет рассмотреть проблему безопасности не только с технической стороны, но и учесть социальные и человеческие факторы, неразрывно связанные с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: информационные ресурсы, информационная безопасность, проблема безопасности личности, информационное пространство, информационная культура.

Усиление роли социально-информационного пространства обусловлено массовым переходом к информатизации общественной жизни, представляющим собой один из главных текущих процессов, оказывающих фундаментальное влияние на функционирование социальных организаций.

С появлением и распространением информационно-коммуникационных технологий, информация преобразуется из обыденного актива в глобальный, становясь основополагающим механизмом для международных социальных нововведений и изменений в сфере управления [2, с. 138].

Бурное обогащение общественной жизни информацией и широкое распространение инновационных технологий, оказывающих глубокое воздействие на социальные процессы, выдвигают перед нами задачу эффективного владения информационными активами. Следствием этих процессов, наряду с позитивными аспектами, стало появление вызовов, связанных с поддержанием информационной безопасности, противостоянием деструктивным влияниям на информационное пространство и необходимостью активной стратегии в сфере информационных воздействий. Ускорение развития информационного общества привело к усилению внимания к вопросам информационной безопасности.

Информационные технологии, действующие в рамках информационного пространства, оказывают существенное влияние и модифицируют традиционные мировоззренческие установки, укоренившиеся в данном обществе, проникая в сферы образования, семьи, профессиональной деятельности и социальной жизни [2, с. 141].

Увеличение внимания к вопросам информационной безопасности становится все более значимым с усилением

информационных угроз в информационном пространстве. Важно не забывать о том, что на сегодняшний день в мире существуют различные методы и средства негативного информационного воздействия на общественные отношения между людьми, а также на отдельно взятого человека.

В социальном контексте негативная информационная среда является большой опасностью. Негативное влияние этой среды распространяется, в частности, на не достигших совершеннолетнего возраста лиц, у которых происходит трансформация базовых ценностей. На сегодняшний день защита информации является центральным элементом обеспечения комплексной безопасности на уровне государства, корпораций, отдельных отраслей и индивидуальных пользователей, при этом стоит подчеркнуть, что трактовка термина «информационная безопасность» варьируется в зависимости от научного подхода.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации под данным понятием понимается защищенность интересов страны в информационном аспекте, которая основывается на гармонизации интересов личности, общества и государственных структур.

В.И. Ярочкин видит «информационную безопасность» как динамический процесс, направленный на охрану конфиденциальности данных, безопасность организаций, государственных учреждений, общественного информационного пространства и личного пространства от угроз, разрушительных действий и прочих нежелательных влияний в сфере информации.

Термин «информационная безопасность» может быть определен как защита ключевых областей жизни от вредоносных информационных воздействий. Обсуждая вопросы безопасности в широком смысле, необходимо подчеркнуть, что безопасность – это такое состояние для индивида, государства или общества, при котором отсутствуют любые риски или угрозы, влияющие на жизнеспособность социальных единиц или их

восприятие текущих обстоятельств [4, с. 74].

Это определение соединено с концепцией безопасности, сущность которой описывается разнообразными объективными и субъективными аспектами. Зачастую ощущение безопасности обладает большим значением, чем фактическое состояние дел, даже если последнее действительно безопасно, но воспринимается иначе из-за отсутствия соответствующей оценки со стороны социальных участников.

Впервые тема безопасности в контексте информационного пространства была затронута в научно-аналитических работах американским исследователем Джозефом Наем, известным своей концепцией «мягкой силы» государств, в его исследовании «Будущее силы в XXI веке». Джозеф Най рассматривает формирование новой концепции в международных отношениях – концепции киберсилы, которая предполагает возможность воздействовать на социальную, экономическую и политическую среду международного сообщества через интернет-пространство.

В нынешнее время, когда вызовы, связанные с масштабной информатизацией, выходят на передний план в международной агентде, а анализ террористических аспектов информационного пространства становится предметом множества исследований, наблюдается возрастающий интерес к вопросам безопасности в этой сфере со стороны общественности, политических кругов и экспертного сообщества.

Защита данных и обеспечение информационного суверенитета представляют собой глобальную задачу в контексте информационного пространства. В различных странах принимаются меры по обеспечению информационной безопасности, привлечению к ответственности за ее нарушения или угрозы, осуществляемые в рамках, установленных международным правом, международными соглашениями и национальным законодательством [4, с. 77].

Безопасность в информационном пространстве регулируется определен-

ными нормами международного права, зафиксированными в документах ООН и ЮНЕСКО, в документах европейских международных организаций, а также в нормативных актах отдельных государств. Вопросы, связанные с безопасностью в информационном пространстве, становятся все более актуальными по мере развития всевозможных средств передачи информации, а также её распространения. Но, несмотря на это, правовое регулирование отношений в информационном пространстве не может базироваться на императивном методе, поскольку оно должно осуществляться на диспозитивной основе ввиду того, что право на информацию – это конституционное право человека, и только в случаях, которые предусмотрены законодательством, оно может быть ограничено. Меры, принимаемые в отношении безопасности в информационном пространстве, должны ориентироваться, главным образом, на угрозы по отношению к интересам человека, общества и государства.

В бурно развивающемся цифровом веке, при ускоренной интеграции общества в глобальное информационное пространство, возникает такое явление, как кибертерроризм. Эта проблема носит глобальный характер. В этой связи, немаловажно отметить, что на сегодняшний день безопасность в информационном пространстве является чрезвычайно важным фактором, от которого зависит обеспечение суверенитета и национальной безопасности. В информационном пространстве постоянно увеличивается количество угроз, а негативные последствия различных кибератак разрастаются до глобальных масштабов.

Для разработки эффективной модели информационной безопасности необходимо учитывать определенные характеристики, присущие информационному пространству, что позволит идентифицировать стратегии для ее реализации.

1. Информационное пространство служит фундаментом для концепций информационной войны, информационного оружия и информационной безопасности, подразумевая технологии защи-

ты общества от информационных атак и военных действий в информационной сфере.

2. Постоянное развитие и изменение информационного пространства делают невозможным достижение постоянного информационного доминирования, акцентируя внимание на необходимости извлекать максимальную пользу из временного информационного преимущества.

3. Структурированность информационного пространства, его неоднородность и наличие механизмов привлечения внимания и барьеров, отвлекающих внимание, подчеркивают его сложность и многоаспектность.

4. Универсальность информационного пространства, опирающегося на любую сферу человеческой деятельности, создает беспрецедентные возможности для влияния на различные области с помощью информационных каналов.

5. Национально-специфические особенности информационного пространства в плане создания, обработки и распространения информации подчеркивают важность учета культурных и социально-политических контекстов в стратегии информационной безопасности [3, с. 125].

В современном обществе понятие безопасности охватывает целый ряд ценностей, включая защиту национальных интересов, обеспечение стабильности в семейной жизни, поддержание мира на глобальном уровне, соблюдение общественного порядка, проявление вежливости и уважения к старшему поколению, заботу о здоровье населения, стремление к социальной справедливости, уважение к культурным традициям и стремление к общему благосостоянию [3, с. 157].

Следует подчеркнуть, что информационное пространство оказывает заметное влияние на социальные связи и аспекты безопасности, что связано с формированием культурно-этических приоритетов, ментальных установок, национальных ценностей и, в частности, с развитием ценностей в области безопасности. Основополагающей задачей

безопасности в информационном пространстве является сбалансированная защита конфиденциальности, целостности и доступности данных. Это может быть достигнуто при помощи многоэтапного процесса управления рисками. Этот процесс может способствовать идентификации основных средств и нематериальных активов, источников угроз, уязвимости, потенциальной степени воздействия и возможности управления рисками.

С целью стандартизации этой деятельности, научное сообщество, а также профессиональное сообщество пребывают в постоянном сотрудничестве, которое направлено на выработку базовой методологии, политики и промышленных стандартов в области технических мер, принимаемых по отношению к защите информации.

Развитие описанной выше стандартизации в значительной степени проходит под влиянием большого спектра законодательных актов, нормативных актов, регулирующих способы доступа, хранения, обработки и передачи информации. Стоит, однако, учитывать, что внедрение каких-либо стандартов и методологий в организации может иметь только поверхностный эффект в случае, если культура постоянного совершенствования должным образом не привита [1, с. 66].

Необходимо учесть факт, что с развитием информационно-коммуникационных процессов и технологий общественный спрос на доступ к информации все больше удовлетворяется через Интернет. Это пространство, в отличие от традиционных медиа, характеризуется отсутствием строгих норм и правил в отношении распространения информации. Интернет-среда предоставляет информацию, нейтральную с точки зрения ее достоверности и качества.

В наше время вопросы безопасности индивидуума в информационной среде являются предельно актуальными. Персональная безопасность и безопасность персональных данных – это важнейшие базовые потребности современного человека. Отсутствие безопасности, ко-

торая является настоящей ценностью человека, приводит, как правило, к нарушению нормальной жизнедеятельности человека, а также к всевозможным проблемам психологического характера.

Изучение безопасности личности в информационной среде становится востребованной задачей в области психологии индивидуума, причем акценты в понимании концепции безопасности смещаются от общегосударственных аспектов к вопросам защиты конкретного человека. Создание условий для безопасного развития личности и формирования индивидуальности является критически важным как для личностного роста, так и для развития уникальности каждого человека.

Исследования, проводимые современными учеными в этой сфере, в основном фокусируются на общей безопасности человека и, в частности, на его защите в информационной среде. Важно подчеркнуть, что тематика безопасности индивидуума представляет собой сравнительно новую и мало изученную область современной научной мысли, охватывающую пересечение таких дисциплин, как педагогика, психология, этика, культурология и научное объяснение [1, с. 67].

Можно выделить три основополагающих элемента, определяющих безопасность индивида в информационном окружении.

1. Чистота и непрерывность личных информационных потоков, а также готовность человека адаптироваться к изменениям, поддерживая и сопутствуя этим трансформациям.

2. Принятие решений, способствующих личностному росту и социальному развитию, а также полному раскрытию уникальности каждого человека.

3. Абсолютное доверие к окружающей реальности и информационному пространству, в котором человек должен уметь навигировать, избегая ошибок и оставаясь верным своему выбору. Сомнения, колебания и неуверенность подрывают доверие как к себе, так и к своей деятельности в общем.

Учитывая потенциальные угрозы для человека в информационной среде, стоит отметить, что опасности могут исходить как от прямого (так и косвенного) взаимодействия с другими людьми, так и от общения с различными символическими системами и техническими устройствами. Исследователи обычно классифицируют источники информационно-психологической угрозы на внутренние и внешние.

Изучая специализированные научные работы, можно выделить основные внешние источники в информационном пространстве, представляющие потенциальную угрозу.

1. Объем распространяемой информации, ее комплексность и объем, точность и доступность, а также своевременность доставки до адресатов.

2. Соответствие эргономических параметров информации и ее потоков сенсорным способностям, характеристикам внимания, памяти, мышления, личностным предпочтениям, поведенческим образцам, социально-психологическим настройкам общества (совпадение кодыровки сообщений с паттернами восприятия, наличие или отсутствие временного дефицита и перегрузки рабочей памяти человека, структурирование информационных потоков в соответствии с алгоритмами действий и т.д.).

3. Присутствие в информационных потоках определенных элементов, намеренно влияющих на психофизиологическое состояние больших групп населения или ключевых лиц, принимающих решения на уровне общества.

4. Существование в информационной среде (или так называемое «добавление» к информационным потокам) модифицированных физических носителей информации, оказывающих прямое воздействие на физиологические системы через световые, звуковые, электромагнитные воздействия [6, с. 62].

В сфере защиты индивидуальности подразумевается создание условий, способствующих сохранению вероятности успешного достижения основополагающих жизненных стремлений, где игнорирование собственных долгосрочных ам-

биций в пользу мимолетных желаний, порождаемых цифровым пространством, лишает шанса утверждать о защищенности.

Обыденные элементы жизни влияют на уязвимые стороны личности, вызывая глубокие и организованные трансформации, до настоящего времени охарактеризованные только в общих очертаниях, при этом изменения в защищенности одного человека имеют значительное воздействие на уровень безопасности общества как целого.

Цифровое пространство взаимодействует с человеком, предлагая ему выбор контента, создавая иллюзию свободы, в тоже время усиливая влияние на его сознание и представляя иллюзорно расширенные возможности, ограниченные характеристиками самой виртуальной среды. Особенностью нынешнего информационного пространства является его охват не только традиционных средств массовой информации, чьи функции и значимость непрерывно трансформируются в рамках различных культурно-исторических эпох. Угрозы в данном пространстве проистекают как из объективных, так и из субъективных источников. К объективным причинам можно отнести последствия природных бедствий, экологических или техногенных аварий. Субъективные факторы включают в себя как умышленные, так и неумышленные действия участников информационного взаимодействия, способные привести к критическим ситуациям, а также ошибки и просчеты в процессе проектирования, создания и использования информационно-коммуникационных систем, вызванные либо нехваткой профессиональной подготовки разработчиков, либо отсутствием достаточного финансирования у заказчиков таких систем [7, с. 65].

Необходимо отметить, что ключевой характеристикой стратегических рисков в информационном пространстве является преобладание субъективных причин возникновения кризисных ситуаций над объективными. В контексте анализа современной информационной среды на передний план выходит вопрос о цен-

ностном и культурном содержании этого пространства, о механизмах передачи ценностей информационного общества молодому поколению, о стратегиях противодействия угрозам, которые в настоящее время в основном проявляются через интернет и телевизионные каналы. Некоторые из этих каналов, по нашему мнению, из-за этических соображений вовсе не должны занимать место в системе телевидения и распределении эфирного времени [6].

В информационном обществе культура является определяющим фактором качества информационного процесса, способствующего воссозданию и обновлению человеческой жизни. Информационная культура отражает степень развития общества, его творческие и познавательные способности, проявляемые в методах освоения мира и организации жизнедеятельности людей и общественных структур.

Основными атрибутами информационной культуры общества становятся умение людей эффективно управлять социальной информацией через информационные технологии, а также наличие принципов и практических инструментов, обеспечивающих взаимодействие участников в различных видах деятельности через процессы производства, распределения и потребления информации [5, с. 156].

Информационная культура охватывает развитие информационных способностей, потребностей и интересов людей, включая их знания и умения в области работы с информацией с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и оборудования на всех этапах информационной деятельности, то есть отражает способность человека адаптироваться и функционировать в рамках современного информационного окружения.

Осознание актуальности проблемы информационной культуры как в общественном, так и в индивидуальном аспектах становится важнейшим в условиях быстрого развития информационных процессов и динамики, поскольку от навыков взаимодействия с информацией

во многом зависит качество жизни общества и его членов.

Особое внимание следует уделить развитию информационной культуры среди молодежи, подразумевая ее подготовку к активной жизни в информационном обществе, воспитание навыков самостоятельного поиска информации, ее анализа, толкования и использования в социально значимых целях с гуманистической направленностью.

Социологическое осмысление концепции «информационная безопасность» предполагает определение условий ее развития, изучение факторов, влияющих на обеспечение безопасности, анализ рисков и угроз из эволюционирующего информационного пространства, а также разработку концептуальных подходов для эффективной работы с этой категорией [5, с. 211].

Интегрированный подход к вопросу поддержания информационной безопасности предполагает создание и внедрение политики безопасности для определенной компьютерной системы. Такая политика охватывает все аспекты обработки информации, устанавливает правила поведения системы в разнообразных условиях, а также предписывает эффективное использование средств защиты.

Основным фактором в обеспечении информационной безопасности является применение мер законодательного характера, направленных на формирование в организации отрицательного отношения к действиям, нарушающим правила информационной безопасности. На уровне административно-организационных мер руководство должно гарантировать разработку и реализацию эффективной безопасной политики и набора организационных действий.

Необходимо разработать систему информационной безопасности, объединяющую всеобъемлющий набор действий и технических решений для защиты информационного пространства от любых нарушений его работы. Это включает предотвращение влияния на информационные каналы и ресурсы, блокировку

неавторизованного доступа к данным путем выявления и нейтрализации попыток использования информационных ресурсов, нарушающих их целостность, предотвращение уничтожения защитных механизмов с возможностью доказательства незаконности действий пользователей и обслуживающего персонала, а также борьбу с внедрением вредоносного программного обеспечения, такого как «вирусы» и «троянские программы», в программное обеспечение и аппаратные средства.

Основными в достижении эффективного уровня информационной безопасности являются программно-технические мероприятия. Среди них особое внимание следует уделить таким аспектам, как технические сбои оборудования, ошибки в программном обеспечении и так называемый «человеческий фактор», который включает в себя потенциальные ошибки со стороны пользователей и администрации [5, с. 243]. В современных информационных системах обязательно должны быть внедрены необходимые механизмы обеспечения безопасности, к которым относятся: идентификация и аутентификация пользователей, ведение журналов действий и аудит, механизмы экранирования, системы управления доступом, использование криптографических методов, а также обеспечение непрерывности доступа к данным и услугам.

Такой интегрированный подход к укреплению информационной безопасности в интернете предполагает грамотное сочетание мер законодательного регулирования, административно-управленческих решений и программно-технических средств защиты, а также строгое соблюдение промышленных, национальных и международных стандартов в этой области.

Решение проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности в глобальной сети, включает в себя реализацию мероприятий на пяти основных уровнях: законодательный уровень охватывает применение законов, нормативных документов, стандартов и прочих регулирующих актов; морально-

этический уровень связан с соблюдением общепринятых норм поведения, нарушение которых может негативно отразиться на репутации как отдельных лиц, так и организаций в целом; административный уровень предполагает реализацию управленческих мер, направленных на повышение безопасности, иницируемых руководством организаций; физический уровень включает в себя создание материальных барьеров, таких как механические, электрические и электронно-механические средства, препятствующие доступу несанкционированных лиц; аппаратно-программный уровень включает использование специализированного оборудования и программного обеспечения для защиты информации; комбинирование мер этих уровней позволяет создать многоуровневую и эффективную систему защиты информации в интернете [3, с. 334].

Интеграция всех мероприятий, направленных на преодоление угроз безопасности с задачей минимизации потенциального урона, складывается в оборонительную структуру. Эксперты, связанные с этой структурой, должны владеть знаниями о ее механизмах работы и быть способными адекватно отвечать на возникающие препятствия, при этом защита должна охватывать весь комплекс обработки данных.

Особое внимание следует уделить определенным направлениям в создании всемирной информационной безопасности таким как обеспечение безопасности глобального информационного пространства от разнообразных опасностей и угроз и равных прав на использование мирового информационного пространства для всех наций и стран международного сообщества; гарантирование безопасного развития этого информационного пространства для людей, обществ, государств, международного сообщества и биосферы; благотворное воздействие на формирование глобальной информационной безопасности, способствующее переходу к устойчивому развитию общества.

Безопасность индивида тесно переплетается с «инструментами» совре-

менного образа жизни, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на человека, с одной стороны, и сопротивлением индивидом нежелательным и разрушительным эффектам, с другой стороны. Следует подчеркнуть стремление государства к «обеспечению защиты критически важных интересов индивида, общества и государства от внутренних и внешних опасностей, связанных с использованием информационных технологий». Основой для высокой результативности действий по поддержанию информационной безопасности служит информированность населения о способах защиты собственной информационной безопасности [3, с. 379].

Изучение исторического развития социально-политических связей, как внутри России, так и за ее пределами, подчеркивает важность законодательного определения пределов свободы в действиях внутри информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет и средства массовой коммуникации. В свою очередь, свобода средств массовой информации создает необходимые условия для развития гражданского общества в современном государстве. Неограниченные информационные ресурсы иногда злоупотребляют предоставленными им возможностями, что делает крайне важным правовое регулирование в области свободы массовой информации, что, в свою очередь, способствует защите прав на свободу информации от неоправданных ограничений и защищает общество от ее непропорционального использования [8].

Проникновение информационных технологий в каждый сектор повседневной жизни современного общества, как никогда ранее обостряет проблему обеспечения информационной безопасности личности, что, в свою очередь, актуализирует проблематику обеспечения информационной безопасности личности.

Литература

1. Баева И.А. Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный пси-

хологический журнал. 2018. № 1(1). С. 66–68.

2. Бухарин С. Н., Малков С.Ю. Основы теории информационного поля // Инноватика и экспертиза. 2020. Вып. 1 (12). С. 131–147.
3. Моисеев Н. Информационное общество: возможность и реальность // Информационное общество. – М.: АСТ, 2019. – 428 с.
4. Непомнящий А.В. Информационная безопасность и гуманизация технического образования // Изв. вузов. Электромеханика. 2019. № 1. С. 70–78.
5. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. – М.: Academia, 2018. – 688 с.
6. Противодействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет: междисциплинарный анализ: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Лицука. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – С. 37–47.
7. Самыгин С.И. Глобальные вызовы современности и безопасность цивилизации третьего тысячелетия / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2021. № 6. Том 2. С. 60–66.
8. Социальные процессы в молодежной среде: проблемы и особенности: учебно-методическое пособие / С.Г. Гугова, А.А. Лицук, Н.Н. Самохина, З.А. Целищева; общ. ред. С.Г. Гуговой. – Нижневартовск: изд-во НВГУ, 2021. – 191 с.

CONCEPTUAL MODEL OF A SECURE ENVIRONMENT IN INFORMATION IN SPACE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Samokhina N.N.

Nizhnevartovsk State University

The article presents a general concept and methodology for the development of information security, which can be used to substantiate models for obtaining quantitative indicators of information security, as well as a socio-philosophical analysis of the problem of securi-

ty in the information environment. The need for continuous development of information security is substantiated in the light of constantly changing threats and technologies, which is associated with an increase in the pace of technological progress and creates new challenges in the field of ensuring the security of information systems. One of the important aspects presented in the article is a socio-philosophical analysis of security problems in the information space, which allows us to consider the security problem not only from the technical side, but also to take into account social and human factors that are inextricably linked with the use of information technology.

Keywords: information resources, information security, the problem of personal security, information space, information culture.

References

1. Baeva I.A. Psychology of safety as a direction of psychological science and practice // National psychological journal. 2018. No. 1(1). pp. 66–68.
2. Bukharin S. N., Malkov S. Yu. Fundamentals of the theory of the information field // Innovation and expertise. 2020. Issue. 1 (12). pp. 131–147.
3. Moiseev N. Information society: possibility and reality // Information society. – M.: AST Publishing House LLC, 2019. – 428 p.
4. Nepomnyashchiy A.V. Information security and humanization of technical education // Izv. universities Electromechanics. 2019. No. 1. P. 70–78.
5. Pavlova E.D. Consciousness in the information space. – M.: Academia, 2018. – 688 p.
6. Countering the ideas of extremism and terrorism on the Internet: interdisciplinary analysis: Collective monograph / Ed. ed. A.A. Litsuka. – Nizhnevartovsk: Publishing House Nizhnevart. state Univ., 2017. – pp. 37–47.
7. Samygin S.I. Global challenges of our time and the safety of civilization of the third millennium / S.I. Samygin, A.V. Vereshchagina // European Social Science Journal (European Journal of Social Sciences). 2021. No. 6. Volume 2. P. 60–66.
8. Social processes in the youth environment: problems and features: educational manual / S.G. Gutova, A.A. Litsuk, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva; total ed. S.G. Gutova. – Nizhnevartovsk: NVGU publishing house, 2021. – 191 p.

Социально-философский анализ феномена фриланса: правовые аспекты ведения деятельности

Сироткин Антон Владимирович,

аспирант кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова
E-mail: aspirantsirotkin@gmail.com

В статье рассматривается феномен фриланса в фокусе правовых аспектов ведения деятельности. Выявляются положительные и отрицательные стороны разных способов юридического оформления взаимодействия заказчика и исполнителя-фрилансера и выводятся ценностные ориентиры, формирующиеся в новых трудовых отношениях. Приводятся примеры государственного регулирования вопроса легализации фриланса, укрепления статуса данной социальной группы, правовой защищённости. Показаны возможные проблемы в правовом поле, с которыми могут сталкиваться представители фриланса, а также основные способы их избежать или, по крайней мере, уменьшить риск и ущерб для своего бизнеса. Рассматривается понятие «самозанятость» в тематике статьи, а именно вариант стратегического изменения траектории развития личной занятости для фрилансера, получения официального статуса. В конечном итоге рассматривается некоторый сдвиг социальной группы фрилансеров от края бездны под названием прекариат.

Ключевые слова: фриланс, самозанятость, ценности, правовой, юридический, государство, цифровое общество, доверие, прекариат.

Актуальность темы исследования диктуется современными процессами, происходящими в социальных и экономических сферах постиндустриального общества. В этих условиях появились и формируются, обрстая всё новыми социокультурными атрибутами, ранее не существовавшие и видоизменяющиеся формы трудовой занятости. Толчок к развитию таких форм дают перво-степенные ценности человека, наряду с базовыми потребностями, которые он стремится удовлетворить путём выстраивания личной стратегии ведения деятельности. Ценностные ориентиры, претерпевающие метаморфозы под влиянием социо-экономических факторов, таких как пандемия, экономический кризис, санкционные меры, миграционные процессы, перенацеливаются на свободу и независимость [7]. Базовые же потребительские интересы по-прежнему складываются преимущественно в области материальных ценностей, требуя от человека постоянства дохода, гарантий оплачиваемого труда, стабильности и перспектив. Где-то на границе между ценностями и потребностями балансируют, формируя свою индивидуальную программу развития, фрилансеры – представители «вольных копьеносцев» (от англ. free lancer), структурная единица современного информационного и цифрового общества, о вопрос по статусу которой на ниве социально-гуманитарных наук учёными сломано немало копий. Тождественно ли понятие «фриланс» понятию «самозанятый» или «предприниматель», или является частью той или иной группы? Оставим рассуждения о социокультурной диспозиции в современном социуме фриланса на дальнейшие исследования. Сосредоточимся на одном сугубо конкретном аспекте рассматриваемого вида деятельности, не вдаваясь в попытки дефиниций фриланса как социально-философского термина [2]. Перед нами

стоит задача подсветить проблемы правового характера, поджидающие индивидов, выбирающих фриланс в качестве вектора личного развития и ведения трудовой деятельности, и определить, как способен человек справляться с такими трудностями, может ли он рассчитывать на юридическую помощь и поддержку государства.

Фриланс даёт следующие преимущества: свободный график, отсутствие отчётности, свобода выбора работодателей, партнёров, поставщиков, подрядчиков, коллег. Независимость в плане выбора места работы как в глобальных масштабах – работать можно из любой точки мира или в любом городе, так и в масштабах города – дома, в коворкинге, на территории работодателя по свободному графику или на объекте. Фрилансер в идеале не принуждён работать на того, кто ему не нравится – он может выбирать любого партнёра, и это преимущество значительно уменьшает негативное воздействие от неприятного сотрудничества. Если фрилансеру необходимо сделать часть своего проекта чужими руками, например, написать код или нарисовать дизайн, он может выбрать другого фрилансера в качестве исполнителя работы, или заказать эту часть в компании-подрядчике, опять же исходя из своих сугубо индивидуальных критериев [8]. Никто не скажет ему, что «мы работаем с компанией Н, потому что это наш давний партнёр...», никто не будет требовать заключать нежелательный контракт с сомнительной фирмой, только потому, что этот выбор диктуют сверху генеральные менеджеры. Фрилансер свободен выбирать сам, в соответствии со своими финансовыми возможностями, условиями и в зависимости от ответного настроения – хотят ли работать с ним. Фрилансер территориально не привязан к тому месту, из которого он работает. Это особенно важно в финансовом плане, поскольку в крупных городах оплата выше. Если фрилансеру важно работать из дома, он свободен в выборе проектов на полном дистанте. В этом важнейшее преимущество фрилансера, которое во многом предподре-

деляет решение заниматься этим видом деятельности [1].

Эта свобода выбора, ожидаемо, порождает ответственность, и фрилансер сам в ответе за последствия своего выбора [6]. Если партнёр или поставщик, на которого пал выбор, оказался недобросовестным, некого будет в этом винить, кроме себя самого. Потерянные средства никто не возместит, незавершённый фрагмент проекта никто доделывать не будет. Возможна и противоположная ситуация: заказчик, для которого работал фрилансер, откажется от его услуг, или не захочет платить часть или даже полную сумму вознаграждения. Этот разрыв отношений может вызвать травматический опыт, повлечь психологические проблемы, такие, как стресс, тревога, или экзистенциальные – потеря ценностного ориентира, утрата веры в себя, в своё предназначение, становления, как профессионала, и доверия к людям [11].

Компании нередко обращаются к услугам фрилансеров, заключая с ними договор, по которому работодатель сам вычитает все необходимые налоги и взносы и уплатит в бюджет (существует и другой вид договора с фрилансером, когда последний выплачивает налог на профессиональный доход – рассмотрим далее). В этом случае фрилансер освобождён от необходимости рассчитывать и начислять какие-либо сборы. Но что, если договора нет, работодатель никаких налогов не платил, а сам фрилансер даже не задумался об обязанности их платить? Такими действиями человек придаёт своей деятельности негативный оттенок, устремляя её в теневую часть занятости. Неуплата налогов – это правонарушение, которое влечёт за собой куда большие риски, чем потеря времени и, возможно, денег на изучение юридической базы и приведение собственных дел в соответствие законодательным нормам [4, 9].

Мы рассмотрели преимущества и недостатки фриланса весьма поверхностно, поскольку преследовали цель лишь обозначить суть рассматриваемой в статье проблематики. Фриланс приня-

то считать неким освобождением и уходом от подконтрольного труда в сторону более независимого способа зарабатывать, но существует и обратная сторона – правовая незащищённость, повышенные финансовые риски, затруднения с поиском работодателей и проектов, экзистенциальные и психологические проблемы [8]. Целью данного исследования являются именно аспекты юридического характера.

Итак, каковы возможные формы организации отношений между заказчиком и исполнителем, если последний является при этом фрилансером? Здесь, по сути, перед человеком стоит небольшой выбор: сотрудничать напрямую по договору как физическое лицо, самозанятый либо индивидуальный предприниматель, возможно также оформление безопасной сделки на фриланс-платформе, агрегаторе или бирже. Все другие виды деятельности нелегалны и толкают фрилансера в «серую зону» экономики. Это крайне нежелательно, ибо сказывается не только на профессиональном имидже и способствует маргинализации фрилансера, но и влечёт за собой административную и уголовную ответственность [4, 5].

При сотрудничестве между компанией и фрилансером напрямую без договора риски для обеих сторон имеют максимальную величину. Взаимоотношения сторон строятся исключительно на доверии, которое, в свою очередь, может быть основано на предыдущем успешном опыте сотрудничества, определённой репутации, либо же, как говорится «на честном слове», если происходит в самом начале сотрудничества, или когда фрилансер ещё не обладает никакой репутацией, а лишь только начинает её зарабатывать в глазах потенциальных клиентов за счёт успешных проектов с текущими партнёрами. В этих условиях некачественное выполнение работы одной из сторон практически никак не регулируется. Фрилансер может выполнить работу неправильно, и компания будет не в состоянии найти того, кто исправит всё в срок. Или компания может столкнуться с мошенником, кото-

рый, взяв аванс, исчезнет. Отсутствие договора затрудняет возможности урегулировать любой конфликт в правовом поле и оставляет лишь надежду на взаимопонимание и порядочность. Однако мы можем предположить, что, работая без договора и выполняя все задачи в срок и с хорошими отзывами, а также грамотно регулируя все налоговые обязательства, фрилансер заработает себе поистине превосходную репутацию, доказав своей деятельностью не только свою квалификацию как профессионала, но и свою надёжность как делового партнёра [2, 4].

Если стороны заключили договор, в нём могут быть прописаны различные условия – от конкретно и скрупулёзно описанного технического задания, в котором перечислены все подробности и условия заказа или этапов проекта, до уплаты налогов. Такой контракт вносит больше ясности и определённости в отношения сторон, однако, он больше выгоден работодателю, нежели работнику. Последнему договор лишь связывает руки в техническом плане, выстраивая точный образ результата, от которого нежелательно отклоняться без согласования с заказчиком. При этом ни оплачиваемого больничного, ни накопления трудового стажа для пенсии – этого не предусматривается. Фрилансер социально незащищён, разве что есть чёткие гарантии получения оплаты. Тем не менее, компания-наниматель всё равно рискует получить в результате работы фрилансера некачественный или не отвечающий требованиям продукт, при формальном соблюдении условий договора. Для того чтобы доказать нарушение условий, может потребоваться досудебная экспертиза, стоимость которой может превышать целесообразность её проведения. Иными словами, компании логичнее потратить эти средства на исправление или переделку готового заказа, чем на судебные тяжбы [10].

Кроме этих вариантов есть также различные площадки для фрилансеров, на которых может быть заключена так называемая «безопасная сделка». При заключении такой сделки, платформа

гарантирует оплату, возврат средств при некачественном выполнении, разделение между заказчиком и фрилансером расходов на экспертизу в случае разногласий и так далее [4].

Чтобы в ещё большей степени легализовать свой бизнес, фрилансеру предоставлена возможность оформить себя в качестве индивидуального предпринимателя, самостоятельно вести собственный бухгалтерский учёт, соблюдать все взносы и отчисления, заполнять отчётность и так далее. При этом у него появляется обязанность не только оформлять налоги и взносы, но и также платить штрафы при нарушении сроков сдачи отчётности, что подчас отпугивает индивида и заставляет искать более выгодные для себя способы оформления деятельности. Если фрилансер-предприниматель проявляет пассивность в данном вопросе и игнорирует любые обязательства, ему также грозит юридическая ответственность [4, 5].

В решении этой проблемы необходимо отметить вклад государства, как носителя не только законодательной власти, но и авторитета. Власти в РФ длительное время наблюдали за ходом ситуации, отмечая, что часть фрилансеров работают на себя, при этом не отчисляя в бюджет никаких средств. В попытке найти оптимальное решение вопроса в 2019 году был запущен проект налога на профессиональный доход, составляющий от 4 до 6%. У фрилансеров появилась возможность оформить самозанятость и легально сотрудничать с любыми партнёрами – физическими и юридическими лицами. При этом отчётность минимальна (выдача чека в цифровом виде), а сам процесс учёта и уплаты налогов максимально упрощён – для этого разработаны специальные программы и приложения, например, у Федеральной Налоговой Службы. Отметим, что именно простота и доступность оформления «самозанятости» и получения статуса налогоплательщика буквально в собственном смартфоне, дали толчок для легализации фрилансерами своих доходов, и в этом просматривается их принадлежность именно цифровому

обществу. Поскольку сетевые приложения, сервисы, площадки и сообщества и являются в настоящее время основными составляющими цифрового пространства, то функционирующие в них, либо благодаря им, социальные единицы и составляют современное цифровое общество [3, 9].

Все перечисленные способы делового взаимодействия направлены на то, чтобы привнести больше доверия во взаимоотношения между партнёрами. Рассматривая эти зависимости между уровнем доверия и степенью формализации юридических рамок, мы можем говорить о выходе доверия на передний план в системе ценностей, что в свою очередь укрепляет позиции доверия как важной современной ценности в аксиологии цифрового общества [11].

С другой стороны, мы видим стремление государства отрегулировать прекарность фриланса, тем самым ограничить образование незащищённых слоёв общества, внести больше порядка в систему трудовых отношений, что безусловно важно в условиях стремительно развивающихся нестандартных форм занятости и тенденций в социологии и социальной динамике цифрового общества в целом.

Литература

1. Алиев И.М. Трансформация форм занятости в условиях цифровизации экономики // Известия СПбГЭУ. 2023. № 5 (143).
2. Бондарева, И.Ю. Возможности и ограничения практик социологического анализа самозанятости / И.Ю. Бондарева // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», Москва, 18–19 апреля 2018 года / Отв. ред. А.В. Кулешова. – Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. – С. 277–281. – EDN XPRIMH.
3. Добринская Дарья Егоровна. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. № 2.

4. Жилкин Максим Геннадьевич Предпринимательская деятельность самозанятых граждан: Вопросы ответственности // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 11 (230).
5. Левшукова О.А., Мачуха А.А., Косян М.С. Процесс развития налогообложения для самозанятых в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2022. № 3 (50).
6. Мамедова, Н.М. Идентичность личности в модусе свободы и ответственности / Н.М. Мамедова // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2022. № 3(43). С. 6–16. DOI 10.25688/2078–9238.2022.43.3.1. – EDN YONZZL.
7. Сироткин, А.В. Аксиологические аспекты свободы выбора фрилансеров / А.В. Сироткин // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции, Москва, 10 октября 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. – С. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.
8. Сироткин, А.В. Фриланс в фокусе философской рефлексии / А.В. Сироткин, Н.М. Мамедова // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: Коллективная монография по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием / Ответственный научный редактор Э.В. Баркова. – Москва: Русайнс, 2023. – С. 186–189. – EDN AFHXBI.
9. Самсонов, Е.А. Оценка самозанятых и результаты эксперимента введения налога на профессиональный доход в Российской Федерации / Е.А. Самсонов // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 6. С. 133–138. DOI 10.34755/IROK.2020.10.56.090. – EDN WUXIEF.
10. Чуланова Оксана Леонидовна, Чуланов Дмитрий Викторович, Татаринская Екатерина Васильевна Job sharing, Как технология-тренд найма временного персонала в условиях

гиг-экономики // Вестник евразийской науки. 2022. № 5.

11. Янпольская Яна Геннадиевна, Великанов Павел Иванович, Логинов Александр Вячеславович Доверие как ценность: обсуждение проблемы // Ценности и смыслы. 2023. № 5 (87).

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF FREELANCING: LEGAL ASPECTS OF DOING BUSINESS

Sirotkin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article focuses on the legal aspects of freelancing as a business. The positive and negative sides of different ways of legal registration of interaction between the customer and the freelancer contractor are revealed, deducing the value orientations formed in new labor relations. Examples of legalizing freelancing state regulation, strengthening the status of this social group, and legal protection are given. The possible problems in the legal field that freelancers may face are shown, and the main ways to avoid them or at least reduce the risk and damage to their business. The concept of “self-employment” is considered in the specifics of the topic of the article, namely, a freelancer’s personal trajectory of employment strategic change alternative, obtaining official status. Ultimately, some shift of the social group of freelancers from the edge of the abyss called the precariat is being considered.

Keywords: freelance, self-employment, values, legal, juridical, state, digital society, trust, precariat.

References

1. Aliyev I.M. Transformation of employment forms in the economy digitalization conditions // Izvestiya SPbGUEU. 2023. № 5 (143).
2. Bondareva, I.Y. Possibilities and limitations of the self-employment sociological analysis practice / I.Y. Bondareva // Proceedings of the VIII International sociological Grushin conference “Sociologist 2.0: transformation of the profession”, Moscow, April 18–19, 2018 / Ed. by A.V. Kuleshov. – Moscow: All-Russian Center for the Study of Public Opinion, 2018. – pp. 277–281. – EDN XPRIMH.

3. Dobrinskaya Daria Egorovna What is a digital society? // *Sociology of Science and Technology*. 2021. № 2.
4. Zhilkin Maxim Gennadievich Entrepreneurial activity of self-employed citizens: Issues of responsibility // *Property relations in the Russian Federation*. 2020. № 11 (230).
5. Levshukova O.A., Machukha A.A., Kosyan M.S. The process of development of taxation for the self-employed in the Russian Federation // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022. № 3 (50).
6. Mamedova, N.M. Identity of a person in the freedom and responsibility mode / N.M. Mamedova // *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*. 2022. № 3(43). Pp. 6–16. – DOI 10.25688/2078–9238.2022.43.3.1. – EDN YONZZL.
7. Sirotkin, A.V. Axiological aspects of the freedom of choice of freelancers / A.V. Sirotkin // *Challenges of modernity and strategies for the development of society in a new reality: a collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 10, 2023. – Moscow: Alef, 2023. – pp. 300–305. – DOI 10.34755/IROK.2023.25.70.084. – EDN SMRSSX.*
8. Sirotkin, A.V. Freelance in the philosophical reflection focus / A.V. Sirotkin, N.M. Mamedova // *Human Ecology in modern transformations of historical time: A collective monograph based on the results of the III All-Russian Scientific Conference with international participation / Responsible scientific editor E.V. Barkova. – Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2023. – pp. 186–189. – EDN AFHXBI.*
9. Samsonov, E.A. The self-employed's assessment and the introducing of a tax on professional income in the Russian Federation experiment results / E.A. Samsonov // *Issues of sustainable development of society*. 2020. No. 6. pp. 133–138. DOI 10.34755/IROK.2020.10.56.090. – EDN WUXIEF.
10. Chulanova Oksana Leonidovna, Chulanov Dmitry Viktorovich, Tatarinskaya Ekaterina Vasilyevna Job sharing As a technology-the trend of hiring temporary staff in a gig economy // *Bulletin of Eurasian Science*. 2022. No. 5.
11. Yanpolskaya Yana Gennadievna, Velikanov Pavel Ivanovich, Loginov Alexander Vyacheslavovich Trust as value: discussion of the problem // *Values and meanings*. 2023. № 5 (87).

Девиантное поведение молодежи, как показатель актуальных проблем современного общества (на примере выпускников школ)

Троицкая Тамара Серафимовна,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики, Мелитопольский государственный университет
E-mail: trromano@yandex.ru

Несьнова Юлия Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: nt-neca@mail.ru

Солодовник Елена Викторовна,

к.ф.-м.н, магистр психологии, доцент, доцент кафедры промышленного и гражданского строительства, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: esolodovnik@yandex.ru;

Неймышев Алексей Викторович,

к.п.н., доцент, декан, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: spaski@yandex.ru

Пухир Валентина Михайловна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры философии, ФБГНУ «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.)»
E-mail: va-lenta@bk.ru

Статья посвящена теоретическому анализу девиантного поведения в молодежной среде на этапе окончания обучения в общеобразовательном учреждении. Раскрыты возрастно-психологические особенности выпускников общеобразовательных учреждений, перед которыми стоят сложные задачи личностного, профессионального и жизненного самоопределения. Социализация выпускников школ проходит на фоне проявления кризиса первичного профессионального выбора, что делает данный этап возрастного развития уязвимым к неблагоприятным факторам социальной среды. Негативное влияние на формирование личности современной молодежи оказывают девальвация традиционных ценностей, противоречивость ценностно-нормативной среды общественной жизни. Раскрыты

сущность и виды девиантного поведения, мотивационно-потребностный и личностный профили девиантной личности. Показано, что в сетевом обществе важную роль играет влияние сети интернет на сознание молодежи. Сетевое общество вызвало распространение новых видов девиаций: интернет-зависимости, компьютерной игровой зависимости, киберсуицида. В современных условиях межнациональных противоречий распространение получил молодежный экстремизм как вид девиантного поведения современной молодежи. Распространение новых видов девиаций в молодежной среде требует внедрения новых форм и методов профилактики девиантного поведения молодежи на этапе окончания общеобразовательной школы.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение, выпускники школ, кризис профессионального выбора, интернет-зависимость, киберсуицид, молодежный экстремизм.

Социально-экономические, политические, межнациональные противоречия современного общества оказывают влияние на развитие различных видов девиаций в молодежной среде. Молодежь как социальная группа по причине сложности задач возрастного развития, сопровождающегося кризисными явлениями, отличается сензитивностью к негативным влияниям социальной среды. Возрастно-психологические особенности молодежи характеризуются кардинальными преобразованиями в сфере сознания, деятельности и системы взаимоотношений. На этапе окончания обучения в общеобразовательном учреждении остро стоят проблемы профессионального и жизненного самоопределения. С другой стороны, социальная ситуация развития современной молодежи связана с влиянием различных десоциализирующих факторов современного российского общества. Противоречия и кризисы возрастного развития, негативные личностные качества и влияния негативных факторов социальной среды зачастую ведут к рискам возникновения различных форм девиантного поведения в молодежной среде, что является актуальной проблемой современного общества. Целью исследования является теоретический анализ различных видов девиантного поведения, влияния социально-психологических факторов и личностных детерминант на их формирование в молодежной среде на этапе окончания обучения в общеобразовательном учреждении.

Молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, которая «в силу возрастных особенностей, отличается небольшим социальным опытом, несформированностью ценностных ориентаций, пограничным положением между группой взрослых и группой детей, а также крайним максимализмом и радикализмом в суждениях» [2, с. 4]. Перед выпускниками общеобразовательных учреждений стоят сложные задачи личностного, профессионального и жизненного самоопределения, решение которых зачастую сопровождается кризисами, что делает данный этап воз-

растного развития уязвимым к неблагоприятным факторам социальной среды. Выпускники школ находятся на этапе возрастного кризиса юности и ранней взрослости, то есть на этапе юношеского кризиса самоопределения, когда «за порогом школьной жизни наряду с возрастной линией развития усиливается индивидуальная линия жизни, собственный жизненный и профессиональный путь, который может по-разному соотноситься с онтогенетическим развитием» [3, с. 10–11]. Протекание возрастного кризиса у выпускников школ, как правило, сопровождается следующими неблагоприятными психологическими условиями с точки зрения риска формирования различных девиаций:

- «в эмоционально-волевой сфере – психологический дискомфорт, повышение тревожности, снижение способности к волевым действиям, перераспределение значимости некоторых жизненных стимулов;
- в когнитивной сфере – снижение познавательных способностей (памяти, внимания, мышления, изменения в восприятии себя и своей жизни);
- в сфере направленности – изменяются ценности, интересы, идеалы, убеждения, отношения к будущему, смысл и целостность жизни;
- в самосознании и Я-концепции личности – усиление Я-концепции, либо ее перестройка и разрушение прежней Я-концепции, которая препятствует способности действовать;
- в подструктуре опыта могут изменяться старые привычки, навыки, на смену которым приходят новые, нередко формирующиеся в самом процессе кризиса» [3, с. 11].

Возрастной кризис на этапе окончания общеобразовательного учреждения может усиливаться кризисом профессионального самоопределения, который связан с трудностями реализации профессиональных планов и намерений, с выбором профессии без учета собственных способностей и интересов, опирающийся на внешнюю мотивацию и ситуативные факторы. Решение одной из основных возрастных задач вы-

бора профессионального будущего у выпускников школ проходит на фоне проявления кризиса первичного профессионального выбора, специфика которого проявляется «в слабой сформированности профессиональных планов; в недостаточной информированности о мире профессий, а следовательно, в слабой осознанности и реалистичности выбора профессионального пути; в доминировании внешних мотиваторов выбора профессии и путей ее получения, которые не отражают интереса к существу выбираемой деятельности; в диффузном характере статуса профессиональной идентичности; в снижении удовлетворенности основных жизненных потребностей» [3, с. 133], что также выступает психологическим условием развития различных видов девиаций.

Анализ проблем девиантного поведения молодежи в современном обществе необходимо проводить с учетом десоциализирующих факторов социальной среды. В настоящее время социализация молодежи протекает иных социальных условиях, чем в периоды социальной стабильности. Современная молодежь социализируется в условиях политической дезориентации и деморализации населения, социальной нестабильности, негативного влияния СМИ и социальных сетей интернет, виртуализации жизнедеятельности и общения, что сопровождается социальной отчужденностью, кризисом нравственности и правового сознания, падением ценности человеческой жизни и утраты ее смысла. Социальное и личностное развитие молодежи в силу этого может искажаться по причине несоответствия стремления к самостоятельности и отсутствия условий для реализации социально одобряемых форм жизнедеятельности. По этой причине меняется понимание социально-психологических факторов, влияющих на формирование поведения молодежи. В условиях нестабильного общества на формирование личности молодежи оказывает влияние «размывание ценностных основ и традиционных форм общественной морали, ослабление и разрушение механизмов культур-

ной преемственности, угроза сохранения самобытности отечественной культуры» [13], которые в целом детерминируют формирование различного рода девиаций в молодежной среде.

Для понимания особенностей девиантного поведения молодежи на этапе окончания обучения в общеобразовательной школе необходимо изучить сущность девиантного поведения как научной категории. В самом общем виде девиантное поведение личности определяется как поведение, которое противоречит принятым в обществе нормам и проявляется в форме социально-психологической дезадаптации [5]. Девиантное поведение является междисциплинарной категорией и анализируется во многих областях научного знания: в социологии, в педагогике, в психологии, в криминалистике. С позиции социально-психологического подхода изучаются десоциализирующие факторы социальной среды, мотивационно-потребностная и ценностно-смысловая сферы девиантной личности, которые имеют свою специфику на разных этапах ее онтогенеза, в том числе и на этапе молодости.

С позиции социологического знания понятие девиантное поведение определяется в аспекте его соответствия социальным нормам. Девиантное поведение, согласно Я.И. Гилинскому, трактуется как «поступки, действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям, а также социальные явления, выражающиеся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих тем же критериям» [4, с. 15]. Аналогичное определение находим у Е.В. Змановской, согласно которой девиантное поведение определяется как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [5, с. 245].

С точки зрения социально-психологического подхода в основе девиантно-

го поведения человека «лежат его биопсихологические характеристики, процесс и результаты его социального воспитания, усвоения им негативного социального опыта поведения» [8, с. 122]. Внимания заслуживает изучение девиантной направленности и личностных детерминант девиантного поведения человека, а именно особенностей его ценностно-смысловой, мотивационно-потребностной сфер, эмоционально-волевых и личностных качеств. Важнейшим фактором, детерминирующим развитие девиантного поведения в молодежной среде, является семья. Как отмечает О.В. Филатова, «в результате отсутствия должного семейного воспитания и дефицита условий развития личности формируется деформированная личность ребенка, возникает ситуация девиантного паттерна, личность компенсирует свою социальную и психологическую ущербность в различных формах девиантного поведения» [12, с. 41].

Девиантное поведение характеризуется широким разнообразием видов, каждый из которых имеет свою этиологию, специфику влияния внешних и внутренних социально-психологических факторы и проявлений. К видам девиантного поведения относятся агрессивное и суицидальное поведение, делинквентное поведение, зависимое поведение. В научной литературе широко представлены различные виды девиаций в молодежной среде. В современных условиях межнациональных противоречий и напряженности распространение получил молодежный экстремизм как вид девиантного поведения. Информатизация и цифровизация общественной жизни, усиление влияния сети Интернет на сознание молодежи вызвали распространение интернет-зависимости, выступающей в качестве нового вида аддикций, киберсуицида как нового вида суицидального поведения в молодежной среде. Для понимания девиантного поведения молодежи как показателя актуальных проблем современного общества необходимо раскрыть специфику различных видов девиаций, которые, с одной стороны, являются результа-

том десоциализирующего влияния социума, с другой стороны – нарушениями личностного развития и социально-психологической адаптации.

Одним из видов девиантного поведения является агрессивное поведение, имеющее разные проявления и разную степень выраженности вплоть до делинквентных форм поведения, которые противоречат правовым нормам общества и в крайних своих проявлениях представляют уголовно наказуемое деяние. В настоящее время распространение получила такая форма агрессии среди подростков и юношей, как школьный буллинг, мотивацией к которому могут выступать зависть, месть, чувство неприязни, борьба за власть, подчинение лидеру, вплоть до удовлетворения садистических потребностей отдельных личностей. Формы школьного буллинга могут быть различными: систематические насмешки, в основе которых может лежать что угодно – от национальности до внешних данных, вымогательство, физические и психические унижения, различного вида издевательства, бойкот и игнорирование, порча личных вещей [7].

Другим видом девиантного поведения молодежи является аутоагрессивное поведение, в частности суицидальное поведение. Современная молодежь относится к сетевому поколению общества сети Интернет. Негативное влияние сети интернет выступает в качестве фактора, продуцирующего суицидальное поведение в детско-подростковой среде и среди молодежи. В современном обществе появилось понятие киберсуицид, которое обозначает групповое или индивидуальное лишение себя жизни через использование сети интернет. Существующие в Интернете просуицидальные сайты, в которых люди, совершившие суицид, позиционируются как герои, являются каналом, пропагандирующим суицидальное поведение и повышающим риск возникновения подражательных суицидов среди подростков и молодежи. Суицидальное поведение как вид девиантного поведения является «многофакторным и многокомпонентным фено-

меном, в структуре которого выделяют внешние (суицидальные попытки и завершённое самоубийство) и внутренние формы суицидального поведения (фантазии о смерти, представления), суицидальные замыслы (обдумывание времени, действий и способов суицида), суицидальные намерения (замысел, желание уйти из жизни)» [11, с. 9–10].

Внимание ученых привлекают проблемы зависимого (аддиктивного) поведения в молодежной среде. В связи с многообразием видов зависимого поведения в современной науке выделяется ряд направлений изучения отдельных видов аддикций и закономерностей их формирования: алкогольно-зависимого и наркозависимого поведения, пищевой и игровой зависимости, в том числе на этапе молодости. Предметом исследования выступают факторы социальной среды и семейного воспитания, медико-физиологические и индивидуально-личностные особенности, оказывающие влияние на формирование различных видов аддикций. Аддиктивное поведение рассматривается как одна из форм девиантного поведения молодежи «с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности, что направлено на развитие и поддержание интенсивных эмоций» [10, с. 8–9]. Зависимое поведение как вариант девиантного поведения формируется при следующих условиях: «непреодолимой подчиненности чужим интересам; чрезмерной фиксации внимания на определенных видах деятельности или предметах; снижении способности выбирать и контролировать свое поведение; увеличении толерантности; утрате альтернативных интересов; пренебрежении осложнениями и вредными последствиями; появлении абстинентного синдрома» [9, с. 27]. Таким образом, для всех видов зависимости характерны поведенческие и личностные изменения, к которым относятся влечение к определенному объекту или совершению опре-

деленных действий, сужение круга интересов, утрата контроля над поведением. Внимания заслуживают исследования мотивационно-потребностной сферы и временной перспективы среди молодежи, склонной у зависимому поведению. Л.Б. Шнейдер ссылается на исследование Н.Н. Толстых, С.А. Кулакова, в которых изучалась мотивация аддиктивных форм поведения юношей на этапе окончания общеобразовательной школы. У юношей с аддиктивными формами поведения временная перспектива резко сужена, распределение мотивационных объектов происходит преимущественно в ближайшем будущем (сегодня, в течение недели, месяца) и в актуальном периоде, не превышающем одного – двух месяцев. Мотивы, связанные с отдаленным будущим представлены значительно меньше. Временной профиль оценки ближайшего будущего у алкогольно зависимых и благополучных юношей существенно не отличается. Благополучные выпускники школ отмечают фактор ценности времени, у алкогользависимых – гедонистическое отношение к нему, настоящее более ограничено, менее разнообразное, более прерывистое, прошлое и будущее слабо связаны между собой [14].

Влияние сетей интернет и компьютерных игр обусловило развитие в подростковой и молодежной среде интернет-зависимости как нового вида зависимого поведения, характерного для сетевого общества. Среди молодежи большую популярность имеют компьютерные игры, сервисы, связанные с общением в сети, такие как социальные сети, мессенджеры, форумы, имиджборды. Контпродуктивное использование Интернет-ресурсов ведет к интернет зависимости как к одному из видов девиантного поведения. Интернет-зависимая личность характеризуется специфическим профилем, затрудняющим адаптацию в обществе. Так, А.А. Антоненко пишет, что «подростки, склонные к интернет-зависимому поведению, предпочитающие компьютерные игры, в большей степени потворствуют своим желаниям, игнорируют обязанно-

сти, противопоставляют себя обществу, более неорганизованны, чем подростки, склонные к интернет-зависимому поведению, предпочитающие сервисы онлайн-общения» [1, с. 62].

Таким образом, девиации у выпускников школ, связанные с созависимым поведением, сопровождаются различными нарушениями мотивационно-потребностной сферы личности, затрудняющими профессионально-личностное самоопределение, построение профессиональных и жизненных планов во временной перспективе на этапе окончания общеобразовательного.

Актуальной проблемой современного общества становится распространение экстремизма в молодежной среде. Экстремизм как вид девиантного поведения обуславливает формирование экстремистской направленности личности. Так, по мнению О.А. Корниловой, экстремистская направленность отражает принятие личностью экстремистской идеологии, в соответствии с которой наблюдается перестройка всей мотивационно-поведенческой сферы [6]. Экстремистские идеи заполняют вакуум личностных поисков, самоопределения, попытки духовного обретения себя. Экстремистские идеи просты, подкреплены лозунгом, имеют конкретную цель, эмоционально усилены соответствующей запросам молодежи пропагандистской литературой, что свидетельствует о социальной опасности экстремизма в молодежной среде не только как социального явления, но и как феномена социального риска.

Таким образом, на этапе окончания обучения в общеобразовательном учреждении перед выпускниками школ стоят сложные задачи личностного, профессионального и жизненного самоопределения. Возрастно-психологическое развитие выпускников школ проходит на фоне проявления кризиса первичного профессионального выбора, что обуславливает уязвимость к неблагоприятным факторам социальной среды. Девиантное поведение характеризуется большим разнообразием видов, спецификой влияния десоциализирующих факторов

социальной среды. Сетевое общество вызвало распространение новых видов девиаций: интернет-зависимости, компьютерной игровой зависимости, киберсуицида. В условиях межнациональных противоречий распространение получил молодежный экстремизм. Распространение новых видов девиаций в молодежной среде требует внедрения новых форм и методов по профилактике девиантного поведения молодежи на этапе окончания общеобразовательной школы.

Литература

1. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.04. – М., 2014. – 105 с.
2. Вицентий И.В. Ценности и установки толерантности в политической субкультуре студенчества: на материалах Мурманской области: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.05. – СПб., 2016. – 22 с.
3. Головей Л.А., Манукян В.Р., Рыкман Л.В. и др. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование). – СПб.: Нестор-История, 2015. – 336 с.
4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я.И. Гилянского. – М.: Дашков и К, 2010. – 286 с.
5. Змановская Е.В. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие / Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников. – СПб: Питер, 2018. – 352 с.
6. Корнилова О.А. Сравнительное исследование особенностей экстремистских настроений и поведенческих практик в молодежной среде // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – Т. 13 (44). – № 6. – С. 1397–1401.
7. Мальцева О.А. Профилактика агрессивного и жестокого поведения в межличностных взаимоотноше-

- ниях несовершеннолетних. – Тюмень: ТОГИРРО, 2009. – 73 с.
8. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2016. – 817 с.
 9. Сидоров П.И. Синергетическая концепция зависимого поведения // Экология человека. – 2005. – № 10. – С. 27–32.
 10. Старцева Н.Г. Социально-психологическая профилактика и реабилитация гендерной аддиктивности в подростково-молодежной среде: автореф. дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Кострома, 2007. – 25 с.
 11. Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков. / К.В. Сыроквашина, Е.Г. Дозорцева // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – № 3. – С. 8–24.
 12. Филатова О.В. Особенности деятельности социального педагога в процессе работы с неблагополучными семьями: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.05. – СПб., 2017. – 187 с.
 13. Шихомирова Б.А. Духовный мир современной молодежи и ее ценностные ориентации [Электронный ресурс] / Б.А. Шихомирова, З.С. Батырова // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2014 года. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/626/2051>
 14. Шнейдер Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2023. – 219 с.

DEVIANТ BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE AS AN INDICATOR OF CURRENT PROBLEMS OF MODERN SOCIETY (USING THE EXAMPLE OF SCHOOL GRADUATES)

Troitskaya T.S., Nesinova Y.V., Solodovnik Y.V., Neymyshev A.V., Pukhir V.M.

Melitopol State University, Russian State Vocational Pedagogical University, Pacific State University, Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art.)

The article is devoted to a theoretical analysis of deviant behavior among young people at the stage of graduation from a general education institution. The age-psychological characteristics of graduates of general education institutions, who are faced with complex tasks of personal, professional and life self-determination, are revealed. The socialization of school graduates takes place against the backdrop of a crisis of primary professional choice, which makes this stage of age development vulnerable to unfavorable factors in the social environment. The devaluation of traditional values and the inconsistency of the value-normative environment of public life have a negative impact on the formation of the personality of modern youth. The essence and types of deviant behavior, motivational-need and personality profiles of a deviant personality are revealed. It is shown that in the network society the influence of the Internet on the consciousness of young people plays an important role. The network society has caused the spread of new types of deviations: Internet addiction, computer gaming addiction, cybersuicide. In modern conditions of interethnic contradictions, youth extremism has become widespread as a type of deviant behavior of modern youth. The spread of new types of deviations among young people requires the introduction of new forms and methods of preventing deviant behavior of young people at the stage of graduating from secondary school.

Keywords: youth, deviant behavior, school graduates, crisis of professional choice, Internet addiction, cybersuicide, youth extremism.

References

1. Antonenko A.A. Internet addiction of adolescents to computer games and online communication: clinical and psychological characteristics and prevention: dis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.04. – М., 2014. – 105 p.
2. Vicienty I.V. Values and attitudes of tolerance in the political subculture of students: based on materials from the Murmansk region: abstract of thesis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.05. – St. Petersburg, 2016. – 22 p.
3. Golovey L.A., Manukyan V.R., Rykman L.V. and others. Professional development of the

- individual: the beginning of the path (empirical research). – St. Petersburg: Nestor-History, 2015. – 336 p.
4. Deviance and social control in Russia (XIX–XX centuries): trends and sociological understanding / Ed. ME AND. Gilinsky. – M.: Dashkov and K, 2010. – 286 p.
 5. Zmanovskaya E.V. Deviant behavior of individuals and groups: textbook / E.V. Zmanovskaya, V. Yu. Rybnikov. – St. Petersburg: Peter, 2018. – 352 p.
 6. Kornilova O.A. Comparative study of the characteristics of extremist sentiments and behavioral practices among youth // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2011. – T. 13 (44). – No. 6. – P. 1397–1401.
 7. Maltseva O.A. Prevention of aggressive and cruel behavior in interpersonal relationships of minors. – Tyumen: TOGIRRO, 2009. – 73 p.
 8. Mardakhaev L.V. Social pedagogy: textbook for bachelors. – M.: Yurayt, 2016. – 817 p.
 9. Sidorov P.I. Synergetic concept of dependent behavior // Human Ecology. – 2005. – No. 10. – P. 27–32.
 10. Startseva N.G. Socio-psychological prevention and rehabilitation of gender addiction in adolescents and youth: abstract. dis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.05. – Kostroma, 2007. – 25 p.
 11. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psychological risk factors for suicidal behavior in adolescents. / K.V. Syrokvashina, E.G. Dozortseva // Consultative psychology and psychotherapy. – 2016. – No. 3. – P. 8–24.
 12. Filatova O.V. Features of the activities of a social teacher in the process of working with dysfunctional families: dis. ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.05. – St. Petersburg, 2017. – 187 p.
 13. Shikhomirova B.A. The spiritual world of modern youth and its value orientations [Electronic resource] / B.A. Shikhomirova, Z.S. Batyrov // VI International Student Electronic Scientific Conference “Student Scientific Forum” February 15 – March 31, 2014. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/626/2051>
 14. Schneider L.B. Psychology of deviant and addictive behavior in children and adolescents: a textbook for secondary vocational education. – M.: Yurayt, 2023. – 219 p.

Цифровые технологии как важнейший агент в процессе социализации молодёжи

Валитова Ника Эдуардовна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры «Социальные и политические коммуникации» Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета
E-mail: nikaga@yandex.ru

В данной статье проведен анализ процесса цифровой социализации молодежи, представлен ряд определений понятия «цифровая социализация», рассмотрены плюсы и минусы данного явления, роль образования и цифровой грамотности в нем, а также перспективы развития данной области. В работе рассмотрены ряд ключевых факторов, влияющих на поведение молодежи и восприятие ими мира в онлайн-среде. Также в статье представлены результаты, проведенного в 2023 году Казанским федеральным университетом репрезентативного всероссийского исследования «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодёжи».

Ключевые слова: цифровая социализация, молодежь, социальные сети, цифровая грамотность.

Введение

Цифровая революция, начавшаяся в конце 20-го века, привнесла в нашу жизнь радикальные изменения. Современные цифровые технологии повсеместно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека и действительно сегодня достаточно сложно представить нашу жизнь без различных гаджетов, а именно компьютеров, планшетов, смартфонов, цифровых инструментов в образовании, в различных профессиональных сферах деятельности и даже цифровых бытовых приборов.

Сегодня молодежь проводит значительную часть своего времени в цифровой среде. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры, видеоплатформы стали важной частью их повседневной жизни. Молодежь использует эти инструменты не только для общения, но и для самовыражения, развлечений, образования и даже поиска работы.

Обсуждения

Соответственно, подобные веяния в значительной степени ведут к изменению институтов, каналов и агентов социализации личности и, по мнению ряда исследователей, замещением традиционных, фундаментальных методов социализации на цифровую социализацию, «киберсоциализацию» или «инетрнет-социализацию» [1,2]. По мнению Ливингстона и Хелспера цифровая социализация это использование новых медиатехнологий для социальной интеграции в интернет-сообщество, для создания и поддержания отношений с другими людьми, а также для обучения у других и о них самих». Важно отметить, что в 21 веке с развитием современных технологий ученые говорят о стирании границ между реальным, цифровым и виртуальным мирами. Современная среда социализации и инкультуризации новых поколений (digitalnatives – Z, Альфа и др.) – фиджитал – среда, которая объединяет

«цифру», онлайн- и офлайн-реальности [3].

Так, цифровая социализация молодежи – это процесс формирования у молодых людей социального статуса и опыта, приобретаемый в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн / онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности [4].

Цифровая социализация молодежи выполняет множество важных функций, влияющих на их поведение и восприятие мира в онлайн-среде. Рассмотрим несколько ключевых функций цифровой социализации.

1. Общение и социальное взаимодействие. Цифровая социализация предоставляет молодежи возможность общаться, взаимодействовать и устанавливать связи с друзьями и людьми со всего мира через социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы. Молодежь активно взаимодействует в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Telegramm», «Одноклассники» и других, где они делятся своими мыслями, фотографиями и видеороликами, а также участвуют в обсуждениях и различного рода групповых мероприятиях. Этот феномен стал важным средством для формирования и поддержания социальных связей для молодых людей в современном мире.

Кроме того, молодежь или согласно термину «цифровые аборигены», предложенному Марком Пренски (статья «Digital Natives, Digital Immigrants, 2001») реализуют модель нового цифрового поведения, живущего в условиях мгновенного доступа к бесконечным источникам информации и множественности цифровых точек соприкосновения (сразу несколько «точек входа» – гаджетов и аккаунтов, так, в 2022 году на одного представителя поколений Y и Z приходится 8,4 учетные записи в социальных сетях, что на 75% больше, чем в 2014 году – данные GWI) [5, 9].

2. Выражение и самовыражение. Онлайн-среда, по сути дела, дает молодежи новую площадку для выражения своих мыслей, идей и творческих

устремлений через создание контента, например, фотографий, видео, блогов, что способствует развитию их уникальной и самобытной онлайн-идентичности. Кроме того, самовыражение в цифровом пространстве является достаточно сложным и динамичным процессом, так Эрвинг Гофман в своей работе «The presentation of self in everyday life» рассматривает процесс того, как человек демонстрирует и управляет впечатлением о себе. Согласно автору личность практические не меняется, но ее социальная сущность, политика идентичности вариации самоподдачи подвергаются значительным изменениям.

Еще одной интересной характеристикой при самопрезентации и самовыражении в онлайн-пространстве как нам кажется, является «проектность» – создание цифровой идентичности и в дальнейшем создание личного бренда, где могут быть применены некоторые из маркетинговых принципов, а именно создание спроса для повышения узнаваемости бренда.

3. Обучение и развитие. Сегодня система образования активно внедряет цифровое пространство и инструменты для осуществления образовательного процесса. Современные образовательные программы стремятся интегрировать цифровую грамотность в учебные планы. Они включают в себя не только использование компьютеров и интернета как инструментов обучения, но и развитие умения критического отношения к информации, и развитие навыков современной коммуникации в современном цифровом мире.

Так, например, с 2016 года реализуется проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ», который нацелен на цифровую трансформацию, повышение качества и доступности образования с помощью современных технологий. В 2018 году НИУ ВШЭ разработали сервис психометрической аналитики, анализирующий по «цифровым следам» слушателей качество содержания и оценочных средств онлайн-курсов. В целом согласно проекту к 2025 году на онлайн-обучение должно перейти по-

рядка 11 млн российских граждан, число цифровых образовательных курсов достигнет четырех тысяч [6].

4. Развитие цифровой грамотности и навыков: Молодежь приобретает и улучшает различные цифровые навыки, такие как обработка информации, критическое мышление, управление персональными данными, что является важным аспектом их адаптации к цифровому миру. Цифровая грамотность играет важную роль в социальной адаптации молодежи, формируя их способности к социальной навигации, культурному взаимодействию и участию в общественной жизни. Она также способствует формированию здорового медиа-поведения и цифровой этики. Кроме технических навыков, цифровая грамотность также включает в себя развитие компетенций для этичного, уважительного и ответственного поведения в сети. Это включает в себя осознанное использование информации, уважение частной жизни других, защиту от кибербуллинга, а также умение оценивать достоверность и качество информации в сети.

5. Поддержка и взаимопомощь: Онлайн-сообщества и социальные сети предоставляют молодежи возможность находить поддержку, получать советы и оказывать необходимую взаимопомощь в различных сферах жизни, включая здоровье, образование и трудоустройство. Молодежь может находить единомышленников, обмениваться опытом и получать поддержку от людей практически со всего света. Это может быть особенно важно для тех, кто испытывает трудности в реальной жизни и ищет поддержки и понимания.

6. Вовлечение в общественные и политические процессы: Цифровая социализация позволяет использовать интернет – платформы, мобильные приложения для обмена информацией, выражения своих мнений и участия в обсуждении важных общественно значимых вопросов. Все это открывает новые возможности для участия молодежи общественной и политической жизни страны, формировании актуальной повестки

и способствует формированию ее активной гражданской позиции.

Перечисленные аспекты подчеркивают важнейшую роль «цифры» в жизни молодежи и ее влияние на различные аспекты их развития и самовыражения в онлайн-пространстве.

Результаты

Подчеркивая важность цифровой социализации молодого поколения, мы решили обратиться к исследованию, проведенному коллегами из Казанского федерального университета. Так, в апреле 2023 года было проведено репрезентативное всероссийское исследование «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодежи» с квотной выборкой по федеральным округам, полу, месту проживания (25% из села) $n = 2206$. Весьма познавательными, на наш взгляд, можно назвать следующего результаты:

- 97% студентов оценивают свой цифровой уровень как средний высокий;
- чаще всего интернет используется молодежью для общения (76%), для самообразования, расширения кругозора, чтения новостей (63%) и образования (61%);
- для 91% молодежи источниками информации о значимых событиях общества и страны являются социальные сети;
- чаще всего в интернете молодежь ищет информацию об отдыхе и развлечениях (53%), массовой культуре (кино, сериалы, музыка, литература) – 52%, и о хобби и увлечениях (47%);
- наиболее используемые цифровые сервисы – это маркетплейсы (88,5%), сервисы видеоконференций (76,6%), облачные сервисы хранения файлов (74,9%) и доставка продуктов и еды (73,3%) [7].

Таким образом, на основе значительного количества источников и опираясь на выше упомянутое исследование, мы не можем не согласиться с мнением Г.У. Солдатовой о том, что информационно – коммуникационные технологии – важнейший агент социализации, кото-

рый начинает в этом плане конкурировать с семьей, школой, университетом и др. [8].

Безусловно цифровая социализация является неотъемлемой частью жизни современной молодежи и оказывает значительное влияние на их поведение, общение, мировоззрение и социальные взаимодействия. Важно понимать, что данные процессы имеют как положительные, так и отрицательные аспекты.

С одной стороны, цифровая социализация представляет дополнительные возможности для самовыражения, поиска и получения информации, образования.

С другой стороны, современные технологии могут привести:

- к онлайн-дезинформации: нередко цифровые платформы являются источником недостоверной информации, «фейковых» новостей, манипуляций, что может в значительной мере искажать мышление и приводить к неправильным выводам;
- отвлечение и разрозненность: постоянное использование цифровых инструментов может привести к потере концентрации внимания и «разбитости» мыслей;
- снижению социальной активности: излишнее время, проведенное в цифровой среде, может привести к невозможности построения адекватного «живого» общения, зависимости от гаджетов, онлайн-буллингу и другим проблемам.

В свете растущей роли цифровой социализации для молодежи, необходимо развивать меры поддержки психологического здоровья в цифровом мире. Например, платформы с возможностью конфиденциальной онлайн-консультации и доступ к информации о психологическом здоровье могут дать молодежи возможность получения поддержки в цифровом пространстве.

Цифровая грамотность и этическое поведение в цифровой среде являются основополагающими факторами для создания безопасной и продуктивной цифровой социализации. Эти навыки важны для обеспечения активного участия

молодежи в онлайн-сообществе и для формирования здоровых цифровых привычек.

Несмотря на имеющиеся сегодня вызовы, связанные с цифровой социализацией, мы убеждены, что, разумно использованные цифровые технологии способны создать плодотворные пространства для обучения, роста и участия молодежи в жизни общества.

Заключение

В целом, цифровая социализация представляет собой сложное и многогранное явление, которое требует всестороннего внимания. Осознанное понимание тенденций его развития, проблем и перспектив цифровой социализации способствует формированию стратегий и действий, направленных на обеспечение здорового и продуктивного онлайн-взаимодействия молодежи.

Считаем, что цифровая социализация должна быть признана важной частью государственной политики (наравне с образовательной политикой), а основным условием успешного протекания этого процесса должно стать согласование интересов заинтересованных сторон. Представительство задействованных в цифровой социализации агентов должно быть критически расширено (интернет, наука, бизнес, государство, образование, семья). При этом каждый агент должен четко понимать свой функционал и обязанности [10, 11].

Создание здоровой цифровой культуры, поддерживающей психологическое благополучие, требует совместных усилий образовательных учреждений, родителей, цифровой индустрии и общества в целом.

Литература

1. Плешаков В.А. Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersotsializatsiya-sotsialnoe-razvitie-i-sotsialnoe>

- vospitanie-sovremennogo-cheloveka (дата обращения: 26.03.2024).
2. Лучинкина А.И. Анализ девиантного направления интернет-социализации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-deviantnogo-napravleniya-internet-sotsializatsii> (дата обращения: 26.03.2024).
 3. Быховская И.М., Горяинова О.И. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик // Культурология: имя собственное (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера). – М., 2021. – С. 172–189.
 4. Айсина Р.М., Нестерова А.А., Солдатов Г.У. «Цифровая социализация личности в образовательной среде» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoysrede#:~:text=Солдатов%20%5B19%5D%20используют%20термин%20«%2Сличности»%20%5B19%2C%20с.>
 5. Кафедра общей и этнической социологии. «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи: текущие результаты исследований» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/sociologicheskaya-masterskaya/cifrovaya-socializaciya-i-cifrovaya-kompetentnost.html>.
 6. Морозова Е.В., Плотицкина Н.В., Попова К.И. Государство как агент цифровой социализации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-agent-tsifrovoy-sotsializatsii> (дата обращения: 20.03.2024).
 7. Кафедра общей и этнической социологии. «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи: текущие результаты исследований» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/sociologicheskaya-masterskaya/cifrovaya-socializaciya-i-cifrovaya-kompetentnost.html>
 8. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80.
 9. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. № 9 (5–6); P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
 10. Головчин М.А. (2022). Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13.
 11. Валитова Н.Э., Кильсенбаева Д.Г. Цифровизация образования молодежи: особенности, риски, возможности в онлайн-обучении. Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2023. № 2. С. 17–20.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS THE MOST IMPORTANT AGENT IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF YOUTH

Valitova N.E.

Ufa State Petroleum Technical University

This article analyzes the process of digital socialization of youth, presents a number of definitions of the concept of “digital socialization”, considers the pros and cons of this phenomenon, the role of education and digital literacy in it, as well as the prospects for the development of this area. The paper considers a number of key factors influencing the behavior of young people and their perception of the world in an online environment. The article also presents the results of a representative All-Russian study “Digital Socialization and digital competence of Russian Youth” conducted by Kazan Federal University in 2023.

Keywords: digital socialization, youth, social networks, digital literacy.

References

1. Pleshakov V.A. Cybersocialization: social development and social education of modern man // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2010. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersotsializatsiya-sotsialnoe-razvitie-i-sotsialnoe-vozpitanie-sovremennogo-cheloveka> (date of access: 03.26.2024).
2. Luchinkina A.I. Analysis of the deviant direction of Internet socialization // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2015. No. 4 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-deviantnogo-napravleniya-internet-sotsializatsii> (date of access: 03/26/2024).
3. Bykhovskaya I.M., Goryainova O.I. Socialization and inculturation of the individual: comparative analysis of socially significant practices // Culturology: proper name (to the 70th anniversary of Andrei Yakovlevich Flier). – M., 2021. – P. 172–189.
4. Aisina R.M., Nesterova A.A., Soldatov G.U. “Digital socialization of personality in the educational environment” // [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoysrede#:~:text=Soldatova%20%5B19%5D%20use%20term%20%20Personalities%20%5B19%2C%20s>.
5. Department of General and Ethnic Sociology. “Digital socialization and digital competence of youth: current research results” // [Electronic resource]. – URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/sociologicheskaya-masterskaya/cifrovaya-socializaciya-i-cifrovaya-kompetentnost.html>.
6. Morozova E.V., Plotichkina N.V., Popova K.I. The state as an agent of digital socialization // Bulletin of Perm University. Series: Political science. 2019. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-kak-agent-tsifrovoy-sotsializatsii> (date of access: 03.20.2024).
7. Department of General and Ethnic Sociology. “Digital socialization and digital competence of youth: current research results” // [Electronic resource]. – URL: <https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/sociologicheskaya-masterskaya/cifrovaya-socializaciya-i-cifrovaya-kompetentnost.html>.
8. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. Vol.9. No. 3. pp. 71–80.
9. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. No. 9 (5–6); P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
10. Golovchin M.A. (2022). Manifestations of digital socialization among youth: based on data from a pilot survey of high school students // Economic and social changes: facts, trends, forecast. T. 15. No. 5. pp. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13.
11. Valitova N.E., Kilsenbaeva D.G. Digitalization of youth education: features, risks, opportunities in online learning. Economic and humanitarian studies of regions. 2023. No. 2. pp. 17–20.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kitaev N.N., Ardashov R.G. "Thieves in the Law": issues of sociology and law. Part 1 5

ECONOMIC SOCIOLOGY

Kravchenko A.I. Socio-economic organization of the economy V.A. Kosinsky..... 16

EMPIRICAL STUDIES

Zhuravleva I.A. "Talking about important things" as a tool for developing patriotism in educational institutions..... 35

Maslodudova N.V. Young people's understanding of "friendship" in social networks..... 44

Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of citizenship, patriotism and moral values..... 52

Hohlova O.M., Dmitrieva L.Y. Social consent as a condition for the development of modern Russia..... 60

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Bannikova D.L. Self-employed workers as a special social group in modern Russian society 69

Perepelkin L.A. The sphere of digital production as a space of self-defense of modern capitalism 77

Sushko V.A. Mechanisms of state regulation of social inequality and poverty 85

Trinadtsatko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments..... 101

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Belozеров A.V., Spassky E.N. The influence of social advertising on the values of Russian society..... 112

Potemkin V.K., Velmisova D.V., Potemkin M.S. Formation of human potential in the context of social bifurcations..... 120

Kifichak T.Y. The current state of the social and organizational mechanism for the formation of social health of military personnel: main directions and ways of optimization 128

Kosterin A.A., Baranovsky M.V. Social forecasting as an element of military-institutional management 136

Samolyanov O.A. Development of a model of leadership maturity levels in the context of a meaning-centric approach to management . 141

Sarbaa L.N. Aspects of the reputational capital of an educational organization of secondary vocational education..... 148

SOCIOLOGY OF CULTURE

Vashkevich N.N. Problem aspects of interaction and mutual exchange between participants of the pedagogical process 155

Miao Jing. Construction of the modern sociocultural space of China 161

Tikhonova S.V. Features of the formation of the worldview of Russian youth of the 21st century..... 170

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Gabdullin I.R., Shcheglova M.I. Rethinking the concepts of "prejudice" and "superstition" in the medieval historical and philosophical context..... 176

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Rakhimova M.V. Fear as an existential stimulus for the development of everyday theatricality: a philosophical and anthropological analysis 184

Sharova M.A. The fate of Russian philosophy in the middle of the XIX century: an interrupted flight 193

PHILOSOPHY OF CULTURE

Skobeleva G.A. The polyphonic method of G. Handel in the artistic, aesthetic and religious contexts of the beginning of the XVIII century 201

Busov S.V. Approaches to the philosophical formulation of a generally valid social ideal of freedom and responsibility 211

SOCIAL PHILOSOPHY

Zakharov A.D. Social and philosophical study of the manifestation of the ideology of anti-humanism from the perspective of the theory of psychoanalysis 219

Kidyamkin A.A. Conceptual structuring of ideas of socio-philosophical knowledge about the phenomenon of the tradition of building temples on the territory of Rus'-Russia 226

Kovalev V.A. Formation of a model for the entry of foreign cadets into the environment of Russian military universities based on the theories of transculturalism and segmental assimilation 233

Orlova O.N. Socio-philosophical foundations for the transformation of city space 242

Samokhina N.N. Conceptual model of a secure environment in information in space: social and philosophical analysis 251

Sirotkin A.V. Social and philosophical analysis of the phenomenon of freelancing: legal aspects of doing business 260

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Troitskaya T.S., Nesinova Y.V., Solodovnik Y.V., Neymyshev A.V., Pukhir V.M. Deviant behavior of young people as an indicator of current problems of modern society (using the example of school graduates) 266

Valitova N.E. Digital technologies as the most important agent in the process of socialization of youth 274

